

УНИВЕРСИТЕТ
СТРУЖИЦА
ИЗДАВАЧ

М. САНМЕРС
ИСТОРИЈА
КОЛДОВСТВА

Август Монтегю Саммерс

История колдовства

Колдовство, черная магия, некромантия, ворожба – средневековые тайные знания интересуют современного читателя и заставляют задуматься: действительно ли церковь проклинала все происходящее или, напротив, пусть и отдаленно, была связана с ведовством и колдовством?

Содержание

Librs.net

ВСТУПЛЕНИЕ

ГЛАВА I. Ведьма – еретик и анархист

ГЛАВА II. Культ ведьм

ГЛАВА III. Демоны и фамилиары

ГЛАВА IV. Шабаш ведьм

ГЛАВА V. Ведьма в Священном Писании

**ГЛАВА VI. Состояние одержимости и современный
спиритизм**

ГЛАВА VII. Ведьма в драматической литературе

Послесловие

Librs.net

Монтегю Саммерс

История колдовства

*ИСТОРИЯ КОЛДОВСТВА, НАПИСАННАЯ
ПРЕПОДОБНЫМ МОНТЕГЮ САММЕРСОМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАТРИКУ, В ПАМЯТЬ О ЛОРЕТО И СВЯТОЙ
ОБИТЕЛИ БОГОРОДИЦЫ, О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОГОРО-
ДИЦЫ В КАМПОКАВАЛЛО, БОГОРОДИЦЕ ПОМПЕЙСКОЙ,
УТЕШИТЕЛЬНИЦЕ ТУРИНСКОЙ, УТЕШИТЕЛЬНИЦЕ СТРА-
СТЕЙ В СВ. КАТЕРИНЕ АИ ФУНАРИ В РИМЕ, ПРЕСВЯТОЙ ДЕ-
ВЕ ДЕЛЬ ПАРТО В САН-АГОСТИНО, МАДОННЕ ДЕЛЛА СТРА-
ДА В ДЖЕЗУ, НИКОПЕЙЕ ИЗ САН-МАРКО В ВЕНЕЦИИ, НО-
ТР-ДАМ-ДЕ-БОН-НУВЕЛЬ В РЕННЕ, НО-
ТР-ДАМ-ДЕ-ГРАНД-ПУИССАН В ЛАМБАЛЕ И
О ВСЕХ ИТАЛЬЯНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ МАДОННАХ, В МЕ-
СТАХ ПОКЛОНЕНИЯ КОТОРЫМ МЫ СМИРЕННО ВОЗНОСИ-
ЛИ МОЛИТВЫ*

ВСТУПЛЕНИЕ

Hier sieht man Sonnenkugeln, daß Sie gen in der Welt,
Da eines Träumers Kopf wohl tausend in sich hält.

История ведьмовства – старый как мир и столь же обширный предмет изысканий. Под ведьмовством в этой книге я подразумеваю колдовство, черную магию, некромантию, тайную ворожбу, сатанизм и любые пагубные оккультные искусства, которые ставят перед писателем весьма нелегкую проблему. Ему предстоит сделать выбор, и дилемма, стоящая перед ним, облегчается разве что пониманием того, какой бы путь он ни избрал, его работа будет подвержена уничижительной и подчас некомпетентной критике. Поскольку является очевидным, что объем подобного труда не может быть безграничным, писатель может предпринять попытку показать картину, открывающуюся с высоты птичьего полета, так сказать, от Китая до Перу, от слабоартикулированных ритмических заклинаний первобытных людей на заре человечества до последних спиритических фантазий на вчерашнем сеансе столоверчения. В таком случае следует ожидать появления книги неубедительной и легковесной; или же, напротив, он может сконцентрироваться на конкретных чертах из истории ведьмовства, посвятить им известное число страниц, обратить внимание читателя на некоторые малоизвестные факты, важность которых мало кто ныне понимает, и построить на них трудоемкое исследование, пусть это произойдет за счет неизбежных упущений, пробелов, отречения от любимых сюжетов, пренебрежения авторскими отступлениями и попытками установить истину в смежных вопросах, наконец, за счет тишины, когда дело дойдет до дискуссий и обсуждений подобной книги. Я решил все же остановиться на втором методе, понимая его недостатки, поскольку исследователь ведов-

ства не может рассчитывать, что ему удастся отразить сколько-нибудь значительную часть известных фактов в одной книге. На мой взгляд, лучше дать документированный отчет об определенных аспектах проблемы, нежели набросать конспект, в котором в одну кучу будут собраны несовместимые, по сути, вещи, поскольку и в таком случае не удалось бы избежать значительных лакун и пробелов, как бы тщательно ни старался автор ничего не упустить. Я отдаю себе отчет в том, что вряд ли в этой работе есть абзац, который не мог бы легко разрастись до размеров страницы, вряд ли имеется страница, которую нельзя было бы с большим успехом переделать в главу, и уж, конечно, здесь нет главы, которая, увеличившись до размеров книги, не была бы при этом в значительной степени улучшена.

Многие пробелы, как было уже сказано, являются неизбежным следствием принятого мною плана; впрочем, мне не известно другого, который позволил бы осветить столь универсальную проблему, как ведьмовство. Остается принести мои искренние извинения тем, кто, приобретая эту книгу, рассчитывал найти в ней подробности касательно финской магии и колдовских практик Лапландии, надеялся пополнить свои знания о распространении тохунгаизма среди маори, культах демонов и практиках заклинаний в индуизме, исландских берсерках, сибирских шаманов, слепом Пан Су и корейских мутангах, китайском Ву По, сербских оборотнях, гаитянском вуду, темных искусствах Скандинавии и стран ислама. Я заверяю читателей, что сожалею об отсутствии всего этого не меньше, чем любой из них, однако существуют ограничения практического характера, не позволяющие растягивать объем книги до бесконечности.

В дополнительном сопровождающем томе я намереваюсь осветить распространение ведьмовства в конкретных регионах, а точнее на Британских островах, во Франции, Германии, Италии, в Новой Англии и других странах. Многие знаменитые эпизоды, такие, как суды над ведьмами в Ланкашире, деятельность Мэтью Хопкинса, Жилия де Реца, Гофриди, Урбана Грандье, Коттон Мэтера и салемских колдуний будут там в должной мере обсуждены с известной степенью детализации.

Удивительно, но в последние годы среди английских писателей не нашлось никого, кто серьезно бы занялся историей ведьмовства в Европе. Этот предмет не получил достаточного внимания серьезных ученых-историков, которые странным образом не понимают всю важность этого трагического феномена и его политические и социальные последствия. Магия, происхождение магических культов и церемоний, ритуалы первобытных народов, традиционные суеверия и связанные с ними практики становились объектом многочисленных ученых исследований, в основном с антропологической и фольклористической точек зрения, но к темной стороне этого предмета, истории сатанизма, пожалуй, еще никто и не приступал.

Существует определенная причина для подобного невнимания и небрежения, заключающаяся в том, что грубый и вульгарный материализм, который выступает едва ли не основной чертой для большей части XVIII и XIX веков в Англии, интеллектуально отрекся от сверхъестественного и безуспешно попытался заменить религию флегматичной системой респектабельной морали. Поскольку ведьмовство не вписывалось в подобную систему, оно могло в лучшем случае представлять некий антикварный интерес, и даже в этом смысле эксгумация отвратительного и презренного суеверия ни у кого не вызывала энтузиазма. Казалось, наиболее подобающим забыть эту уродливую часть собственной истории. Подобное отношение к проблеме превалиро-

вало в течение полутора веков, если не более, и ведьмовство становилось объектом исследования лишь для узкомыслящих и неумелых авторов вроде Лики и Чарльза Маккея, отказывавшихся от обсуждения работ своих предшественников, которые, как они предполагали, все были ошибочны, сумасбродны, недалёковидны и способны лишь ввести в заблуждение. Колесо времени совершило свой ход, и подобные рационалистические предрассудки быстро отмирают. Необычайная популярность и глубокая убежденность приверженцев спиритизма уже сами по себе доказывают, что, и в этом смысле широкий интерес к мистицизму можно считать здоровой тенденцией, человеческое сообщество не желает больше питаться той шелухой, которую подсовывают ему материалисты. И это лишь один из многих симптомов, хотя, без сомнения, и самый важный, указывающий на происходящие в обществе изменения.

Практически невозможно верно оценить и понять подлинную историю людей, живших в елизаветинской или стюартовской Англии, во Франции времен Людовика XIII или его сына, в Италии периода Ренессанса и Контрреформации. Назовем пока лишь несколько конкретных стран и эпох, если мы не имеем определенного представления о той роли, которую ведьмовство играло в эти времена. Все классы, так или иначе, словом или делом должны были высказать свое отношение к ведьмовству, все – от Папы Римского до последнего крестьянина и от английской королевы до скромной деревенской девушки.

Поскольку актеры являются «конспектами и краткими хрониками эпохи», я завершил эту книгу заключительной главой, которая рассматривает ведьмовство, как представлялось оно на сцене, главным образом в английском театре. Подобное обозрение создается впервые, и поскольку ведьмовство, как мы увидим, являлось труднопреодолимым социальным злом и соотносилось со всеми стадиями развития человека, то очевидно, что вряд ли где-нибудь нам удастся найти более подходящие иллюстрации этого явления, нежели в драмах, так как драматург всегда пытается прощупать пульс своей публики. До развития романистики театр оставался единственным зеркалом нравов, распространенных в обществе и его истории.

Во Франции существует множество общих исследований ведовства, представляющих значительную ценность, среди которых имеет смысл выделить такие работы, как «*Traite sur la magic, la sortilege, les possessions, obsessions et malefices*» Антуана-Луи Доже, 1782; «*Histoire de la Magie en France depuis le commencement de la monarchie jusqu'à nos jours*» Жюля Гарине, 1818; знаменитую «*La Sorciere*» Мишле; «*La Magie et l'Astrologie*» (3-е изд.) Альфреда Мори, 1868; «*Histoire de Satan*» аббата Лекану; «*Les grande Jours de la Sorcellerie*» Жюля Босака, 1890; «*La Magie et la Sorcellerie en France*» (в 4-х томах), Теодора де Кузона, 1910 и ряд других.

Для Германии следует отметить «*Bibliotheca Magica*» Эберхарда Губера; «*Geschichte des Teufels*» Роскова, 1869; «*Geschichte des Hexenprozesse*» (neu bearbeitet von Dr. Heinrich Heppe) Солдана, 1880; «*Beitroege zur Geschichte des Hexenwesens in Franken*» Фридриха Ляйтшуха, 1883; «*Der Hexenwahn vor und nach der Glaubensspaltung in Deutschland*» Йохана Диффенбаха, 1886; «*Die Hexenprozesse im Breisgau*» Шрайбера; «*Die Hexenprozesse und ihre Gegner aus Tirol*» Людвиг Раппа; «*Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns*» Йозефа Хансена, 1901 и множество других отлично документированных исследований.

Можно рекомендовать ряд старых книг и для Англии, с определенными оговорками, конечно. «*Рассказы о волшебстве и магии*» (в 2-х томах) Томаса Райта, 1851 мо-

жет быть предложена как работа ученого антиквара, часто ссылающегося на источники, но в то же время довольно отрывочная и с трудом удовлетворяющая внимательно-го читателя. Мастерство стиля и глубину мышления демонстрирует Ф. Дж. Ли в книгах: *«Иной мир»* в 2-х томах, 1875; *«Новые проблески мира невидимого»*, 1878; *«Проблески в сумерках»*, 1885 и *«Взгляд и тени»*, 1894. Все книги заслуживают того, чтобы быть известными значительно большей аудитории, так как вознаграждают любого читателя, вдумчивого и неторопливого.

Довольно новой [1] работой является книга профессора Уоллеса Нотштейна *«История ведьмовства в Англии с 1558 до 1718 года»*, опубликованная в 1911 году. Это подробное исследование полуторавековой истории ведьм посвящено, как следует из названия, исключительно Англии. Издание снабжено обширными и полезными приложениями. За безукоризненное распределение фактов, почерпнутых из судебных протоколов по категориям, а труд был им проделан немалый, проф. Нотштейн заслуживает похвалы; однако интерпретация им фактов и его умозаключения сплошь и рядом не выдерживают критики. Хотя, казалось бы, неверие этого автора должно быть расшатано кумулятивной силой повторяющихся и подтверждающих друг друга свидетельств, тем не менее он отказывается признать даже самую возможность того, что люди, призывающие сверхъестественные силы, проводили тайные собрания ночью в уединенных и скрытых местах для достижения собственных целей. Если свидетельство, данное человеком, вообще чего-нибудь стоит, если мы не хотим стать большими скептиками, чем сам Пиррон, подобно знаменитому доктору Марфуриусу, который никогда не говорил «Je suis venu», но: «Il me semble que je suis venu», то придется признать, что в 1612 году Роджер Новелл действительно стал свидетелем шабаша ведьм и задержал с поличным Елизавету Демдаик с тремя другими каргами, препроводив их затем в ланкаширский замок; после чего Елизавета Девайс собрала всю банду Пендл у себя дома в башне Малкинг с тем, чтобы обсудить ситуацию и попытаться освободить заключенных. Как только они собрались таким образом, то все сели обедать, и, как принято в северных графствах, не было недостатка в говядине и беконе, был там и зажаренный баран. Во всем этом нет чего-либо особенного; текст, который мы обсуждаем, находится в известном изложении Томаса Потта *«Чудесное раскрытие ведьм в графстве Ланкастер»* (Лондон, 1618) и производит впечатление своей очевидной правдивостью: «Собравшиеся персоны имели в своем распоряжении говядину, бекон и зажаренного барана; и баран этот (как рассказал на следствии брат упомянутой подследственной) был из стад Кристофера Соьерса, что из Барли; и баран сей был доставлен ночью перед этим в дом матери подследственной указанным Джеймсом Девайсом, братом упомянутой подследственной, и в присутствии подследственной убит и съеден». Ничему из этого не верит проф. Нотштейн. Он пишет: «Совпадение показаний в истории с башней Малкинг убеждает не больше, чем множество других историй континентального происхождения о собраниях ведьм, все из которых были сочинены под давлением физическим или психическим и при наводящих вопросах. Нет причин верить тому, что за подобными рассказами действительно что-то скрывается». Перед лицом столь догматичных притязаний факт, запечатленный в источнике, теряет всякий смысл. Тем более что за континентальными историями о собраниях ведьм за редкими исключениями стоят вполне реальные факты. Надо признать, что подобный жалкий скептицизм, существенно искажающий выводы касательно процессов ведьм, становится серьезным недостатком работы проф. Нотштейна, о чем нельзя не пожа-

леть, учитывая его усердие.

Мисс М. А. Мюррей, однако, нигде не позволяет себе подобного пренебрежения историческими свидетельствами и некритического подведения итогов. Тщательное изучение авторов, занимавшихся проблемой ведьмовства, привело ее к выводу, что к целому ряду их утверждений стоит прислушаться. Острота восприятия и проникаемость позволили избежать таким авторам, как Григорий XV, Боден, Гуаццо, Де Ланкр, д'Эспань, Ла Рейн, Бойль, сэр Мэтью Хейл, Глэнвилл, того, чтобы быть обманутыми. Не были они и обманщиками. Таким образом, свидетельства этих писателей остаются в силе, но поскольку мисс Мюррей, видимо, не в состоянии принять вытекающих из этого последствий, она тут же выступает с заявлением, согласно которому «выводы авторов не поддерживаются собранными ими материалами». В своей книге *«Культ ведьм в Западной Европе»* (1921) она продолжает развивать весьма бесхитростную, но совершенно, как я покажу, неприспособленную к жизни теорию. Мало удивительного в том, что многие детали, старательно собранные на страницах книги мисс Мюррей, приводятся в согласование с теорией, изначально заготовленной (делается это, вероятно, неосознанно). Как бы сильно ни различались наши точки зрения с мисс Мюррей и как бы наши разногласия ни носили принципиального характера, я чувствую себя обязанным воздать должное ее непредвзятому и честному обращению к целому ряду проблем, которые очень часто замалчивались, что нередко способствовало созданию неверной и вводящей в заблуждение картины.

Вокруг ведьмовства существует весьма обширная литература, особенно учитывая, что, по сути дела, с этим явлением смыкаются и определенные спиритические практики, так что будет весьма нелегко упомянуть даже малую часть таких трудов, которые бросают свет на этот сложный и комплексный предмет. Среди тех книг, которые, на мой взгляд, наиболее полезны: *«Spiritualisme et spiritisme и Spirites et mediums»* Сюрбле; *«Der Kampf um die Seele»* Гутберле; *«Le spiritisme dans ses rapports avec la folie»* Марселя Виолле; *«Современный спиритизм и опасности спиритизма»* Дж. Годфри Руперта; *«Невидимый мир»* настоятеля Алексиса Леписье; *«Проповеди о современном спиритизме»* преподобного А. В. Миллера; *«Гипнотизм и спиритизм»* Лаппони; *«Спиритуализм» (История религий)* покойного архиепископа Хью Бенсона; *«Опасность спиритизма»* Эллиота О'Доннела; *«Спиритизм: факты и подделки»* отца Саймона Блэкмора, изданная в 1925 году.

Мое собственное мнение об этом движении сформировалось не только на основании чтения монографий, в которых все его аспекты исследуются с любых возможных точек зрения, но также благодаря переписке и дискуссиям с горячими поклонниками этого культа и не в последнюю очередь благодаря признаниям и предупреждениям, полученным от тех, кто отказался от следования подобным вредным практикам, причем откровения о сути спиритизма, будучи весьма показательными, часто делались в обстоятельствах, совершенно исключающих неискренность или ложность сведений моих корреспондентов.

История ведьмовства исключительно интересна для богословов, психологов, историков и нельзя ею пренебрегать. История эта, однако, мрачна и способна внушить подчас ужас, хотя многое было преднамеренно опущено даже в немногочисленных английских трудах на эту тему, претендующих на серьезность. Подобное отношение к источникам недостойно и ненаучно и, безусловно, достойно всяческого осуждения.

Например, труд проф. Нотштейна в значительной степени искажен им самим же из-за непонимания всего бесстыдства ведьмовских культов, таким образом, зло, заключенное в них, было им неоправданно смягчено. Действительно, он столь не критичен, местами, осмелюсь сказать, даже не научен, что в его книге можно встретить наивные замечания, подобные нижеследующим (стр. 300): «трудно даже представить себе зло, заключенное в обвинениях и признаниях, содержащихся в трактатах о ведьмах. Этот аспект проблемы мы не собираемся обсуждать в нашей книге». Странно слышать подобное. О сатанистах и шабашах не следует писать элегантными фразами. Как ни отвратительна болезнь, доктор обязан поставить диагноз и провести исследование больного. Политика страуса, разделяемая многими авторами, – моральная трусость. Никто из отцов Церкви и великих церковных писателей не был ханжой. Когда св. Епифаний должен был обсуждать взгляды гностиков, он детально описал все их мерзости и заметил, весьма по существу: «Почему должен я воздерживаться говорить о тех вещах, которые вы не боитесь делать? Говоря об этом, я надеюсь наполнить сердца ваши ужасом той порочности, в которую вы впали». И св. Климент Александрийский говорит: «Я не стыжусь именовать те части тела, в которых формируется и с помощью которых питается плод; и почему, в самом деле, должен я этого стыдиться, если Господь не постыдился их создать?»

Некоторые авторы изображали средневековую ведьму в розовом свете. В их трудах она предстает отчасти эксцентричной, но доброй старой леди, проницательной и мудрой, обладающей обширными знаниями о целебных травах и растениях, всегда готовой дать совет и оказать помощь своим соседям, которые поглупее ее; не отвергающей взамен за свои услуги скромного сельского подарка в виде копченого свиного бока, муки, дышленка или просто нескольких яиц. И вот случалось так, что по не вполне понятным причинам она часто становилась жертвой фанатичных судей и сумасшедших инквизиторов, самых невежественных из всех смертных, которые, поймав ее, бросали в реку, допрашивали, пытали и в конце концов сжигали на костре. Многие современные авторы, весьма критично настроенные, относят ведьму к области сказок; и по их мнению, ведьмы никогда не существовали, разве что в качестве доброй крестной Золушки или мадам Мерлуш из книги графини д'Ольне. Я даже слышал, как один ученый, специалист по елизаветинской эпохе, публично заявил на лекции, что люди того времени не верили в колдовство. Нельзя и представить себе, чтобы такие интеллектуалы, как Шекспир, Форд, Джонсон, Флетчер, могли бы верить в подобную пустую химеру, порожденную фантазией и массовой истерией. И вся аудитория очень радовалась этому заявлению, все были довольны, что великие имена прошлого теперь очищены от подозрения в том, что они разделяли подобное грубое суеверие. Какие-нибудь необразованные крестьяне может и были достаточно невежественными, чтобы верить в существование ведьм. Поэты использовали не без успеха мерзких старух в своих балладах и пьесах. Но чтобы наши великие елизаветинцы верили подобным фантазиям! Нет, для этого они были слишком просвещенными. Словом, колдовство является фактором жизни XVII столетия, которое все словно сговорились игнорировать, что не исторично и не научно.

На последующих страницах я стремился показать ведьму такой, какой она была в действительности: злобным созданием, социальной чумой и паразитом на теле общества, последователем отвратительных обрядов, отравительницей, шантажисткой и виновницей многих других преступлений, членом властной тайной организации, враж-

дебной церкви и государству, богохульницей, властвующей над крестьянами с помощью террора и суеверий, шарлатаном в медицине, сводней и знахаркой, делающей аборт, теневым советником распутных придворных дам и кавалеров. По сути дела, ведьмы существовали за счет наиболее грязных чувств и эмоций своей эпохи.

Эта книга является результатом более чем тридцатилетних занятий историей ведьмовства. В течение этого периода я провел систематическое и интенсивное изучение старых книг по демонологии и пришел к выводу, что они представляют из себя первоклассное свидетельство большой значимости и ценности и, будучи очень обширными и вместе с тем крайне редкими, они не использовались учеными в качестве источников. Также следует сказать, что читать их сложно из-за особенности построения фраз и лексикона авторов. Среди наиболее авторитетных я могу выделить несколько имен: Шпренгер, автор «Молота ведьм», Гваццо, Бартоломео Спина, Иоганнес Нидер, Грилландус, Джером Менго, Бинсфельд, Жерсон, Ульрих Молитор, Базен, Мурнер, Креспе, Ананья, Анри Боге, Боден, Мартин дель Рио, Пьер ле Лоер, Людвиг Элих, Годельман, Николя Реми, Салерини, Леон Артвер, Де Ланкр, Альфонсо де Кастро, Себастиан Микаэлис, Синистрари, Перро, Дом Кальмет, Сильвестр Мазолини. Если мы добавим к этим источникам судебные дела и законодательные акты, то получим большое количество материалов для нашего исследования. Все главы этой книги построены на источниках, и целью моей было истолковать исторические свидетельства наиболее правдиво и точно, судить обо всем без гнева и пристрастия, рассказывать о фактах и комментировать их с искренностью и прямоотой. В то же время я отдаю себе отчет в том, что многие великие ученые, мною уважаемые, имеют мнение, отличное от моего.

Написано в праздник св. Терезы, 1925 год.

ГЛАВА I.

Ведьма – еретик и анархист

«Sorcier est celui qui par moyens Diaboliques sciemment s'ef-force de paruenir a quel que chose» (Колдун – это тот, кто вошел в контакт с дьяволом ради достижения своих целей). Такими словами известный своей эрудицией юрист Жан Боден, один из самых проникательных и беспристрастных умов своего времени, начинает книгу «*De la Demonomanie des Sorciers*». [2] Мне представляется, что трудно найти более сжатое, более точное, исчерпывающее и ясное определение ведьмы. Колдовство, особенно в той степени, каким оно открывалось в своих многократных проявлениях во всех частях Южной и Западной Европы с середины XIII и до начала XVIII века, [3] в наше время редко подвергается беспристрастному анализу. Единственным и по-настоящему важным источником информации являются записи того времени; детализированные протоколы судебных расследований; огромная масса памфлетов, которые содержат показания ведьм и воспроизводят свидетельства, произнесенные в суде. Особое значение имеют многотомные труды инквизиторов и демонологов, праведных и достойных богословов, докторов *utriusque juris*, искушенных законоведов, ученых мужей, мудрых философов, имена которых почитаются во всех европейских университетах знатоками литературы, политики, науки и культуры. Воистину к этим монахам прислушивались короли и папы. Слово их могло разжечь пламя в Европе и поставить императора на колени у их ворот.

Правда, что ведовство стало темой многих книг, но в то же время исследователи большей частью подходили к этой ужасной главе в истории человечества с предубеждением. Их точки зрения, хотя и отличались радикально друг от друга, но тем не менее вели к искажению материала. Для того чтобы добраться до фактов, необходимо отбросить мишуру их алогичных заключений и нежелательных комментариев.

На первый взгляд интерес к колдовству может иметь чисто антикварный характер. К ведовству относятся как к побочной линии истории, некоему суевию, причем давно мертвому, не имеющему отношения к современным делам. Все это, считают псевдоученые, не более чем поле для собирателей фольклора. Часто мы встречаемся и с романтическим отношением к ведовству. «В канун дня св. Георгия, ночью, темной и бурной, бледная луна с трудом пробиралась через массивные облака. Ведьмы повсюду, они носятся на страшной высоте, направляясь на свой чудовищный шабаш, где будут пританцовывать под пронзительные звуки волынки. В иступленном бреду выкликают они слова, исполненные потаенного смысла: „Har! Har! Har! Altri! Altri!“ На далекую гору Брокен или в глухой Севенн спешат они на оргии, для свершения inferнальных таинств, на танец Ахерона, сладкую и жуткую фантазию тьмы „Vers les stupres impurs et les baisers immondes“». [4] Кажется, что ад изверг из своего чрева наисквернейшие отбросы на усыхающую землю; отвратительная ожившая тень восседает на сияющем тьмой троне; удушливый воздух пропитан сквернословием и богохульством; все быстрее кружится мерзкий смерч ведьм; все пронзительнее выкрики; но вот тусклый серый свет забрезжил на востоке; еще минута – и слышен первый крик деревенского шантеклера; быстро, как мысль, исчезает злоецащая фантасмагория, все

тихо и спокойно в свете восходящего солнца».

Но подобный антикварный или, скажем, романтический подход к проблеме ведьмовства с научной точки зрения, с которой мы хотим исследовать этот предмет, кажется малозначимым и неуместным, хотя он и смог бы доставить немало приятных часов многим читателям, – ведь в произведениях ряда авторов ведьмы подчас изображаются весьма высокохудожественно и драматично, и к тому же так, что читать о них можно с легким сердцем, зная, что подобных вещей не было и быть не могло. [5]

Историки-рационалисты и скептики, столкнувшись с феноменом ведовства, неизменно выбирали легкий путь, хотя и стремились разобраться с необычайно запутанным клубком проблем; они просто отвергали все свидетельства, которые не вписывались в их узкое представление об изучаемом предмете. Если даже при обвинении в любом другом преступлении подобные свидетельства были бы немедленно восприняты как решающие, то что из того? Что из того, что самые культурные европейские народы в течение веков имели совершенно определенные представления о ведьмах? Любая ссылка на авторитеты ничего здесь не даст, ведь скептик привык отвергать все авторитеты, кроме своего собственного. Этого просто не может быть, говорит он. Надо исходить из этой аксиомы, и посему все, что невозможно объяснить галлюцинациями, истерией, самовнушением или иными модными на тот день, но малозначимыми словами, просто немедленно отвергается, а к тем, кто писал на эту тему по-иному, следует относиться, как к детям неразумным, с легкой, подчас благожелательной иронией. И действительно, зачем изучать исторические источники? Это пустая трата времени, ведь заранее известно, что все заявления перед лицом суда совершенно безосновательны и просто смешны; так называемые факты, подтвержденные клятвами бесчисленных свидетелей, повторяющиеся многократно в течение столетий, в разных городах и странах, описания которых практически не меняются в деталях, целиком вымышлены. Как была достигнута подобная всеобщая фальсификация фактов, об этом скептики умалчивают, однако во имя истины и разума мы должны верить им, не задавая излишних вопросов.

Однако если все же в твердой памяти и в здравом уме мы приступим к анализу имеющихся о ведьмах источников, с тем чтобы выяснить обстоятельства ряда схожих процессов, и сравним те из них, что происходили в XV веке во Франции, с английскими процессами XVII века, не окажется ли, что среди носящих явно фантастический характер деталей вполне можно проследить некий устойчивый фундамент, не менявшийся в течение веков, фундамент, неизменно присутствующий во всех подобных судебных разбирательствах? С этим трудно спорить, и здесь мы подходим к самой сути многовековой истории ведовства и ведьмовских культов.

Пусть были чудовищные суеверия; ничем не сдерживаемое воображение; жульничество и ловкость рук; фантазии и подделки; Анри Боге был, вероятно, слегка доверчив, слишком часто объясняя некие тайные практики ссылками на сверхъестественное; брат Йетцер, бернский якобит, был или орудием в руках своего начальства, или просто хитрым обманщиком; Мэтью Хопкинс – очевидный мерзавец, опустошавший карманы эссекских простецов, демонстрируя им их собственные страхи; сын лорда Торфишена – пустой мальчишка, выходки которого, однако, убедили не только его отца и преподобного Джона Вилкинса, но и вызвали удивление и доверие во всем Колдере; Анна Робинсон, горничная миссис Голдинг, и две другие служанки из Балдерроха были манипуляторами высшего класса; и все эти примеры невежества, легко-

верия, злобы, хитрости и жульничества можно смело помножить на 20, а потом опять на 20, не боясь ошибиться. Однако, принимая во внимание все эти расчеты и возможные объяснения, следует признать, что существует масса твердо установленных фактов, которыми нельзя пренебречь, если только вы не зашоренный рационалист, и которые невозможно объяснить, если только не принимать во внимание возможность существования людей и организаций, добровольно, даже, можно сказать, с большим энтузиазмом, предающихся служению злу для получения эмоций и опыта, которыми Сатана награждает своих слуг.

Скептики категорически отказываются верить в ведовство, но критическое и беспристрастное исследование улик, приводимых во время процессов ведьм, свидетельствует о том, что недоверие наших современников вызвано, скорее, полным невниманием к фактам, так что имеет смысл кратко резюмировать и исправить некоторые наиболее часто встречающиеся неверные представления по нашему предмету. Многие указывают на полную абсурдность феномена ведьм и демонстрируют несоответствия в системе, которая могла бы объяснить их деятельность, но практически всему, что связано с ведьмами, можно легко найти объяснение. Первое, что приходит в голову при упоминании о ведьмах – это некий обобщенный образ старухи на метле, вылетающей из дома через каминную трубу. Своим происхождением этот образ обязан не только гравюрам и книжным иллюстрациям, но и великим художникам, таким, как Кевердо, автор «*Le Depart au Sabbat*», Давиду Тенирсу, создавшему «*Le Depart pour le Sabbat*», [6] наконец, полуночным фантазиям Гойи. Известный австралийский художник Норман Линд-си написал картину «*На шабаш*», где ведьмы были изображены проносящимися по воздуху на гротескных свиньях и жуткого вида козлах. Занимался разработкой этой темы и Шекспир, его «паренье сквозь туман и воздух грязный» определенно опирается на традиционное английское воображение.

Однако пора перейти из воздушных королевств живописи и поэзии на твердую почву реальности. Во всех материалах судебных процессов наберется не так много случаев, когда свидетель утверждал, что он видел ведьму, движущуюся по воздуху на метле или какой-нибудь палке; в общем-то, ясно, что он хотел таким образом усилить эффект от своего рассказа. Иногда сами ведьмы рассказывали об использовании этого необычного вида транспорта для того, чтобы воздействовать на своих слушателей. Боге передает, что Клодина Бобан, юная и очень тщеславная девушка, страдающая манией, которая заставляла ее изо всех сил стремиться к тому, чтобы занимать ведущее место на сцене и быть в центре внимания, призналась в том, что присутствовала на шабаше, как оно и было в действительности; но поскольку ей казалось, что прибыть туда пешком или верхом на лошади было бы не слишком оригинально, а ей хотелось, чтобы ее признание имело мелодраматический эффект, она сообщила, что «и она, и ее мать привыкли ездить верхом на метле и, покидая таким образом свой дом через трубу, они летали на шабаш». [7] Джулиан Кокс (1664) рассказывает, что как-то вечером, когда она находилась примерно в миле от своего дома, «она увидела, как к ней верхом на метлах направляются три особы, летевшие приблизительно в полутора ярдах над землей». [8] Ясно, что налицо явное преувеличение, люди, которых она видела, просто подпрыгивали в воздух, восседая на метлах. Видимо, они, проделывая магический ритуал, исполняли какую-то танцевальную фигуру. Рассказывают же об арабских старухах подобного рода, что «во времена Мункия ведьмы ездили обнаженными на палках в проходах между могилами кладбища Шайзар». [9] Нельзя отрицать

того, что ведьмы ездили верхом на палках и жердях и в ходе своего ритуала подпрыгивали и раскачивались на них; картина, безусловно, гротескная, но не содержащая в себе ничего невозможного. И эта странная церемония, свидетельства о которой, безотносительно к воздушным полетам, встречаются достаточно часто, была трансформирована в народном сознании в поверье, что колдуны могут путешествовать по воздуху; последние сами использовали это мнение в собственных интересах. К сказанному следует добавить, что, возможно, и в самом деле происходили случаи левитации. Не говоря уже о житиях святых, современные спиритические сеансы предоставляют нам материал об этом необычном феномене, существование которого, без сомнения, можно считать доказанным.

Что же касается мазей, которыми колдуны и ведьмы натирали свое тело, то нам известна даже формула ее приготовления. Проф. А. Дж. Кларк, исследовавший этот вопрос, [10] пришел к выводу, что сильное растирание подобными жидкими мазями может привести человека в состояние сильного возбуждения и даже исступления. Но задолго до этого демонологи осознали, что мази не обладают теми свойствами, на которые надеялись ведьмы. «Мази и лосьоны совсем бесполезны для ведьм, которые хотят использовать их для путешествий на шабаш», – таково продуманное мнение Боге, [11] который здесь, во всяком случае, сходится даже с наиболее скептическими рационалистами.

Известная колдунья Никнивен приговорена к смерти и сожжена

Превращение ведьм в животных и необыкновенные события, происходящие на оргиях, где их участники меняли свою форму самым необычным образом, стали впоследствии доказательством самоочевидной невозможности всех подобных событий в реальной жизни. Однако мне кажется, что здесь существует вполне убедительное и понятное объяснение. Впервые подобные метаморфозы были описаны и объяснены еще св. Теодором, седьмым архиепископом Кентерберийским (668 – 690) в его «*Liber Penitentialis*», [12] в 27-й главе, проходящей под рубрикой «*De Idolatria et Sacrilegio*», «*qui in Kalendas Ianuarii in ceruulo et in vitula uadit*», где указано: «Если кто-либо на январские календы переоденется оленем или быком; превратится в дикое животное, одевшись в кожи животных из стад, и оденет на себя голову зверя, то пусть за подоб-

ное превращение епитимья длится три года, ибо это от дьявола». Упоминаемые здесь ритуальные маски, шкуры животных и костюмы, по сути, не отличаются от тех, которые ведьмы надевали на свои шабашы. Существуют многочисленные доказательства того, что *дьявол шабаша* – это, как правило, реальный человек из плоти и крови, Великий Мастер той местности, где проводился шабаш. Его помощников ведьмы также называли *дьяволами*, что временами вело к путанице. В ряде процессов были выявлены даже имена конкретных *своим*. Так, в эпоху Елизаветы среди подозреваемых числятся «Старый Биртлз, великий дьявол, Роджер Биртлз с женой, Анна Биртлз» [13]. Негодяй Вильям, лорд Сулис из замка Эрмитаж, известный под прозвищем Красный Шлем, был дьяволом целой группы колдунов. Очень редко в качестве дьявола могла выступать женщина. В мае 1569 года регент Шотландии присутствовал в Сент-Эндрюс, «где известная колдунья, прозываемая Никнивен, была приговорена к смерти и сожжена». Никнивен именуется королевой эльфов и Госпожой шабаша; таков, видимо, был «официальный» титул этой колдуньи, настоящего имени которой мы никогда не узнаем. 8 ноября 1576 года Елизавета, она же Бесси Данлоп из Лина во владениях барона Дальри, графство Эршир, была обвинена в колдовстве и призналась в том, что некто, по имени Том Рид, потребовал, чтобы она отвергла христианскую веру и святое крещение и поклонилась ему. Вряд ли можно сомневаться в том, что он выступает в качестве дьявола для участников шабаша; на это указывают многочисленные показания. Похоже, что он играл свою роль с немалым искусством. Обвиняемая дала показания, что часто видела его у церкви в Дальри и встречала его на улицах Эдинбурга, где он прогуливался, высматривал товары, выставленные на продажу, не привлекая к себе особого внимания. На вопрос, почему она не подходила к нему, она ответила, что ей было запрещено первой к нему обращаться. Она была «осуждена и сожжена». [14] В случае с Элисон Пирсон расследование было начато 28 мая 1588 года. Дьяволом выступал ее родственник Вильям Симпсон, и «она была обвинена в использовании магии и колдовстве, при котором произносились заклинания для вызова духов дьявольских, являвшихся в обличии и форме мистера Вильяма Симпсона – ее кузена и двоюродного брата, мнившего себя великим ученым и доктором медицины». [15] *Convicta et combusta* [16] – вот краткая ремарка на полях судебного протокола по этому делу.

Одно из наиболее интересных дел с опознанием дьявола произошло в ходе судебных заседаний в 1590 – 1593 годах, на которых обвинялись доктор Фиан и его подручные. Хорошо известно, что все они тесно общались с Френсисом Стюартом, герцогом Босвелом, и ходили слухи, подчас подтверждаемые фактами, что его имя следует связывать с шабашами, произнесением заклинаний и оргиями ведьм; его также подозревали в черной магии; он, без сомнения, был постоянным клиентом колдунов и отравителей; к тому же стремился завладеть английским тронem, так что одной из основных целей ведьмовских шабашей было отнять жизнь у короля Якова. Босвел направлял в нужное ему русло весьма многочисленную организацию колдунов и ведьм. Они, вмешавшись в политику, попали в поле зрения правосудия и были перемолоты жерновами монаршей мести. У короля были все основания опасаться за свою жизнь и корону.

В XIX столетии Альберт Пайк из Чарлстона и его преемник Адриано Лемми на основании многочисленных свидетельств были опознаны, как Великие Мастера обществ, практикующих сатанизм, на шабашах они исполняли обязанности дьявола.

Господь, насколько мы можем судить о Его присутствии и действиях в природе, скрыт от нас завесой вторичных причин; так и когда Божья обезьяна дьявол работает с успехом и приобретает преданных сторонников и горячих поклонников, то ему нет нужды самому являться на шабаш, но тем не менее он, без сомнения, может это делать и совершал многократно. Об этом свидетельствуют Церковь и многочисленные материалы судебных процессов, которые не поддаются объяснению другим образом.

Барнс Бегг указывал, что ведьмы нередко «становятся жертвами беспринципных мошенников, изображающих Сатану», [17] что, однако, не оправдывает их преступлений, так как они составляют одно целое с виновными в поклонении дьяволу и колдовстве, ибо таково было желание их сердец.

Я же думаю, что человек, изображавший на их собрании Сатану, был не столько хитрым мошенником, сколько демонистом, безусловно, верящим в свои темные силы и полностью посвятившим свою жизнь служению злу.

Мы уже говорили, что ведьмы часто использовали шкуры животных и ритуальные маски. Существуют многочисленные свидетельства, что иерофант, проводивший шабаш, когда эта роль исполнялась человеком, имел на себе соответствующие, хотя и более сложные одеяния. Более того, для Британских островов, а ситуация в других странах была схожей, мы имеем даже подробное описание дьявола в том виде, как он являлся ведьмам. В ходе процесса над доктором Фианом Агнес Сэмпсон призналась: «Дьявол был одет в черную рубаху, на голове его черная шляпа... Лицо его ужасно, нос подобен орлиному клюву, огромные горящие глаза; его руки и ноги волосаты, на руках когти, ноги же у него, как у грифона». [18] В памфлете *«Новости из Шотландии, с изложением проклятой жизни и смерти доктора Фиана»* [19] имеется плохо выполненная гравюра в двух вариантах с изображением Дьявола, проповедующего с кафедры в Норс-Бервике перед целым собранием ведьм и, насколько позволяет судить скудное мастерство рисовальщика, при нескольких маловажных различиях (отсутствует черная рубашка и шляпа), демон на картинке полностью совпадает с описанием, данным Агнес Сэмпсон. Следует, конечно, иметь в виду, что во время шабаша она находилась в состоянии нездоровой экзальтации из-за нескольких чаш крепкого вина, и, кроме того, действо разыгрывалось в полночь, местом его была старая заброшенная церковь, единственным источником света служили несколько свечей, мерцающих мертвенно-бледным пламенем.

Дьявол, как он показан в *«Новостях из Шотландии»*, совершенно так же изображается на титульном листе издания маскарадной пьесы Миддлтона и Роули *«The World tost at Tennis»*. На гравюре изображен эпизод, относящийся к концу маскарада, где дьявол предстает перед нами в традиционном облики: мрачная фигура, покрытая черными волосами, с огромным носом в виде клюва, чудовищными когтями и раздвоенными копытами грифона, что полностью соответствует тому описанию, что дала Агнес Сэмпсон. Я не сомневаюсь, что рисунок для издания действительно был сделан в театре, поскольку, хотя это дорогое удовольствие и предназначалось для королевского двора или дома богатого вельможи, мы знаем, что пьеса *«The World tost at Tennis»* шла с известным успехом и в народном театре *«By the Prince his Seruants»*. Одеяние дьявола на шабаше представляло собой роскошный театральный костюм, из тех, которые могут быть в распоряжении богатого лондонского театра, хотя, видимо, подобные ассоциации не могли возникнуть у провинциалов или людей победнее.

Довольно часто скептики указывали на многочисленные случаи, отраженные в судебных протоколах, болезни или смерти жертв ведьмовского проклятия и недоверчиво вопрошали, возможно ли, чтобы какие-то заклинания имели подобные последствия. Честно заявляю, что с моей точки зрения подобные проклятия могут иметь последствия самые серьезные; анафема, в которую ведьмы вкладывали всю силу своей ненависти, может привести к несчастью и непоправимым бедам. Впрочем, поскольку не все серьезно отнесется к этим словам, ответу оппонентам иным образом. Все наблюдатели согласны в том, что если кто-либо причинял ущерб ведьме, то она не ограничивалась символическим заклинанием или протыканием булавок фигурки, слепленной из воска. Эти действия, реально исполняемые, дополнялись строго определенной дозой яда, которая и приносила желательный результат, то есть болезнь или смерть жертвы. Показания пострадавших от действий ведьм, то, как они постепенно чахли и нередко умирали, свидетельствуют, что яды и в самом деле постоянно использовались колдуньями. Профессор Кларк утверждает, что «сообщество ведьм имело обширные представления об искусстве отравления»[20] и особенно часто они использовали аконит, белладонну и болиголов.

Можно установить с документальной точностью немало таких фактов, причем опираться мы будем не на показания ведьм, которые нередко интерпретируют, как сделанные в припадке истерии или под влиянием галлюцинаций, а на вполне материальные свидетельства.

Для того чтобы продемонстрировать это, я сделал выборку фактов, относящихся ко времени от середины XIII до начала XVIII века. В этот период культ дьявола, подобно заразной болезни, распространился по всей Европе. Не следует, однако, думать, что только в Средние века колдуны и ведьмы подвергались преследованиям со стороны властей. На этих веках мы сконцентрируемся по той причине, что именно тогда ведовство достигло невиданного размаха и стало серьезно угрожать государствам и в какой-то мере спасению человечества. Уже римские императоры выпускали эдикты, в которых полностью запрещалась черная магия, конфискации подвергались ложные книги (*fatidici libri*), некроманты же подвергались смертной казни. В 721 г. от основания Рима в триумvirат Октавия, Антония и Лепида все астрологи и заклинатели подверглись изгнанию. [21] Меценат призывал Августа отправить волхвов на казнь, отмечая при этом, что люди, посвятившие свою жизнь магии, очевидно, презируют богов. [22] Однажды в Риме была найдена библиотека из двух тысяч томов, содержащих заклинания, на греческом и латыни; все они были всенародно преданы огню. [23] В правление Тиберия декретом сената все специалисты в оккультных искусствах подверглись изгнанию; Люций Питуан, печально известный маг, был сброшен с Тарпейской скалы, а другой волхв по имени Публий Марций был казнен *more prisco* за Эскивинскими вратами. [24]

При Клавдии сенат вновь утвердил акт об изгнании: «*De mathematicis Italia pellendis factum Senatus consultum atrox et irritum*», – рассказывает Тацит [25]. В несколько месяцев своего пребывания у власти император Вителлий расправлялся со всей возможной суровостью с предсказателями и пророками, многие из которых после обвинения были немедленно казнены, причем не соблюдались даже минимальные юридические формальности того времени [26]. Его наследник, Веспасиан также запрещал гадалкам с помощью магических кристаллов или волхвам пребывать в Италии, проводя в жизнь уже действующие на тот момент законы. [27] Этот список

можно продолжить. Из существования всех этих строгих предписаний вытекает, что хотя во времена Цезарей с уважением относились к различным предзнаменованиям, регулярно консультировались с оракулами, уважали авгуров, благоговели перед предсказателям в внутренностях животных, люди вполне осознавали всю пагубность влияния сил тьмы и опасность магии, и те, кто занимался ею, подлежали репрессиям со стороны закона.

М. де Каузон весьма критично отзывался о тех авторах, которые прослеживают историю ведьмовства не далее Средних веков: «C'est une mauvaise plaisanterie, – пишет он, – ou une contraverite flagrante, d'affirmer que la sorcellerie naquit au Moyen-Age, et d'attribuer son existence a l'influence ou aux croyances de l'Eglise» (Полной глупостью было бы считать, что ведовство возникло лишь в Средних веках, и связывать его появление с влиянием или верованиями католической церкви). [28]

Не менее ошибочным является заблуждение, разделяемое многими историками, которые недостаточно сведущи в дошедшей до нас документации, что всеевропейский крестовый поход против ведьм, суровые и повсеместные мероприятия по их розыску, за которыми следовал неизбежный смертный приговор и сожжение на костре, произошли после издания буллы «*Summis desiderantes affectibus*» 5 декабря 1484 года Папой Иннокентием VIII. Во всяком случае, предполагается, что Папа инициировал Компанию против ведьм этим документом и разжег тлеющие и дымящиеся огоньки неприязни в пламенеющий костер ненависти. В наиболее, не побоимся сказать, абсурдной форме это предположение высказывалось Маккеем: [29] «В это время во главе Церкви стоял понтифик, который очень тщательно подошел к проблеме ведовства и который, желая с корнем уничтожить это предполагаемое им преступление, сделал больше для его распространения, чем любой другой человек в истории. Джон Креститель Кибо был избран Папой в 1485 году [30] под именем Иннокентия VIII. Будучи серьезно озабочен большим числом ведьм, он выпустил против них манифест, имевший серьезные последствия. В своей знаменитой булле 1488 года он призывает все нации Европы спасти Церковь Христову на земле, «угрожаемую искусством Сатаны»; на мой взгляд, последнее определение – всего лишь отражение реально сложившейся ситуации. Леки считает, что булла Иннокентия «дала колоссальной силы толчок к будущим казням». [31] Доктор Дэвидсон в своем кратком, но клеветническом, по сути, жизнеописании этого Папы особое место отводит его «предубежденной ненависти к магам, волшебникам и ведьмам». [32] Бесполезно дальше цитировать эти поверхностные и лживые книги; укажем лишь, что булла Иннокентия VIII была не более чем одним из многих документов, направленных на борьбу с распространением этого чудовищного и, можно сказать, вселенского зла. [33]

Папа Иннокентий VIII

Первая папская булла, направленная против черной магии и тех, кто ею занимался, была выпущена Александром IV 13 декабря 1258 года, и адресовалась она инквизиторам-францисканцам. Здесь стоит сказать о том, что в те ранние времена подразумевалось под терминами «инквизитор» и «инквизиция», которые часто совершенно неверно понимаются в нашу эпоху. Легкость, с какой авторы, приписывающие начало движения ведьм Средним векам, приходят к своим неправильным умозаключениям, может быть объяснена тем, что колдовство в Средние века практически не пыталось

замаскировать себя и его разоблачители могли наблюдать за ним в полной мере и в наиболее отвратительных проявлениях, как оно действовало в реальности. В более поздние эпохи значительные силы прилагались к сокрытию им своей чудовищной сути.

Под термином инквизиция (*inquirere* – исследовать), как правило, подразумевает специально созданный церковный институт для борьбы и уничтожения ересей; инквизиторы же, соответственно, – чиновники этого органа, вернее сказать, судьи, назначенные с тем, чтобы расследовать обвинения в ереси и допрашивать людей, в ней обвиняемых. В первые двенадцать веков своего существования Церковь предпочитала воздействовать на еретиков методами аргументации и убеждения; упорствующие еретики лишались, разумеется, причастия, что во времена всеобщей веры ставило их в крайне затруднительное положение. св. Августин, [34] св. Иоанн Златоуст, [35] св. Исидор Севильский [36] в VII веке и многие другие доктора и отцы Церкви считали, что Церковь никогда не должна проливать кровь; с другой стороны, императоры, nasledовавшие Константину, справедливо полагали, что они обязаны заботиться о материальном благополучии Церкви на земле и что ереси неразрывно связаны с покушением на социальный порядок и носят всегда анархический и политический характер. Это признавал даже гонитель христиан император Диоклетиан, хотя еретики постоянно пытались скрыть и занижить значение этого факта. Так, в 287 году, менее чем через два года после вступления на престол, он отправил на костер лидеров движения манихеев; большинство их сторонников было обезглавлено, те, чья вина была сочтена меньшей, были навечно отправлены на принудительные работы в государственных

пахтах. В 296 году он вновь приказывает провести против них репрессии (*stirpitus amputari*) как против участников корыстной и мерзкой секты. Поэтому христианские цезари, убежденные в том, что защита православия является их священным долгом, издавали эдикты против еретиков, предателей веры и врагов общества. [37] Но Церковь протестовала против репрессий и, когда Присциллиан, епископ Авилы, признанный виновным в ереси и колдовстве, [38] был приговорен к смерти императором Максимом в Трире в 384 году, св. Мартин Турский обратился к императору с такими словами, что тот дал торжественное обещание оставить в живых впавшего в ересь епископа. Клятва императора была, однако, нарушена, и гнев св. Мартина был так силен, что в течение долгого времени он отказывался разделять причастие с теми, кто нес в какой-то степени ответственность за эту казнь, которую св. Амвросий заклеил как гнусное преступление. [39] Еще более суровую позицию занял папа Сириций, которому император Максим должен был принести покаяние. Епископ Феликс Трирский был даже отлучен от церкви за свое участие в этом процессе.

Время от времени еретики подвергались смертной казни в соответствии с нормами уголовного права, как это произошло в 556 году, когда в Равенне была казнена группа манихеев. Папа Пелагий I, занявший престол в Риме как раз в этом году, ограничился тем, что сослал Павлина Фоссомбронского в монастырь, когда этот беспокойный епископ открыто призвал к расколу и неподчинению. Св. Цезарий Арльский, умерший в 547 году, говоря [40] о наказании для тех, кто явно и открыто придерживается языческих заблуждений, рекомендует на первый раз ограничиться увещанием и порицанием, с тем чтобы помочь таковым людям освободиться от своих ошибок; если же они не откажутся от заблуждений, то следует назначить им телесное наказание; наконец, в особых случаях предусматривается целый дисциплинарный курс, куда, в частности, входит обрезание волос до степени, почитавшейся неприличной, и заключение под домашний арест. Таким образом, меры, принимавшиеся при рецидивах язычества, носили частный характер; нет никаких свидетельств, что в таких случаях обращались к церковным авторитетам или тем более проводили широкомасштабные карательные акции.

Во времена Карла Великого престарелый Элипанд, архиепископ Толедский, впал в адопционизм, ответвление несторианской ереси, содержащей существенные искажения церковных догматов, и перетянул на свою сторону умелого диалектика Феликса Урхельского. Франкский прелат Феликс был вызван в О-ле-Шапель. Его заблуждения были прокляты синодом, и Феликс отрекся от них, но опять впал в ересь и вернулся к своим старым ошибкам. Он вновь был проклят и вновь отказался от исповедуемой им ереси. Но изворотливость его, видимо, была беспредельной. Во всяком случае, Агобард Лионский нашел среди бумаг Феликса, разбираемых после его смерти, свиток, в котором указывалось, что, независимо от того, какие бумаги будут подписаны последним, он до конца будет придерживаться исповедуемой им ереси. Тем не менее за исключением краткосрочного ареста в Риме Феликс не подвергался никаким преследованиям, Элипанд же так и умер в своих заблуждениях от старости. Можно предположить, что укреплению православия в значительной степени послужили церковные авторы, боровшиеся с упомянутой ересью, среди которых Беат, аббат Либанский, Этерий, епископ Осмы, св. Бенедикт Аньянский и знаменитый Алкуин. [41]

Около сорока лет спустя, в середине IX века Готшалк, монах из Фульды, вызвал немалый скандал, упорно и бесстыдно утверждая при всяком удобном случае, что Хри-

стос пострадал не за все человечество. Здесь он предвосхитил некоторые воззрения, присущие ереси кальвинизма. Он был предан анафеме на синодах в Майнце в 848 году и Кьерси-сюр-Озе в 849, приговорен к наказанию плетьюми и тюремному заключению, наказанию, обычному для нарушителей монастырских правил. Данный случай был по всем канонам вопиющим, и поэтому Гинкмар, архиепископ Реймский, прелат, известный своей суровостью, настоял на заключении для преступника. Но ведь пагубные доктрины Готшалка привели к серьезным волнениям; и его возбуждающие речи вызвали беспорядки, нежелательные разговоры, смущение не только паствы, но и монастырской братии. Постановление же синода в Кьерси-сюр-Озе было таково: «*Frater Goteschale...quia et ecclesiastica et ciuilia negotia contra propositum et nomen monachi conturbare iura ecclesiastica praesumpsisti, durissimis uerberibus te cagistari et secundum eccle-siasticas regulas ergastulo retrudi, auctoritate episcopali decernimus*» (Брат Готшалк, поскольку ты осмелился, презрев твое предназначение монаха и клятвы и обеты, данные тобой при постриге, вовлечься в дела мирские и лукавые мудрствования, то епископской властью ты приговариваешься к суровому бичеванию и волей Церкви к тюремному заключению).

Из всех вышеперечисленных примеров видно, что на протяжении веков, наполненных насилием и грабежами, войнами и мятежами без конца и края именно Церковь, в то время как варварство и насилие были повседневным и повсеместным явлением, весьма осмотрительно и отнюдь не жестко обращалась с мятежниками и еретиками, которых могла при желании легко отправить на плаху; никто и не подумал бы протестовать против таких мер, за исключением понтификов, докторов и святых этой Церкви. Напротив, все слои общества, скорее, приветствовали бы подобные казни как в высшей степени справедливые. Привлечением же к суду за анархию и безверие занимались гражданские власти, которые, собственно, и отправляли еретиков на смерть.

После 1000 года, однако, яд манихейства обрел новую твердыню на Западе, где представители этого течения не появлялись с начала VI века. Между 1030 и 1040 годами обширное манихейское сообщество было раскрыто в замке Монтефорте, у Асти, в Пьемонте. Некоторые из членов группы были арестованы епископом Асти и представителями местного нобилитета. После их отказа отречься от манихейства они были сожжены гражданскими властями. Другие по приказу архиепископа Миланского Ариберто были доставлены в его город, где он надеялся обратить их в истинную веру. Но в ответ на его доверие манихеи попытались обрести в городе новых прозелитов своего движения; в конце концов лидер пополанов из знати Ланцано был вынужден вмешаться в происходящее и настоять, чтобы городские магистраты без промедления взяли дело в свои руки и предали еретиков смертной казни. В течение двух последующих столетий манихеи вели свою проповедь потаенно, распространяя зло, пока не заразили им к 1200 году всю Италию и Южную Европу, откуда эта чума перекинулась на Германию, где учение приобрело многих сторонников, весьма организованных. Ересь появилась и в Англии, уже в 1159 году здесь тайно осели тридцать манихеев. Их группа была раскрыта в 1166 году и передана представителям гражданского правосудия епископами из совета Оксфорда. В ярости король Генрих II постановил приговорить их всех к бичеванию, всем им выжгли на лбу клеймо и оставили на волю судьбы зимой, строго запретив оказывать какую-либо поддержку этим опасным преступникам. Все они скоро погибли от холода. В дальнейшем манихейство распалось на мно-

жество сект и систем, из которых наиболее известны катары, альдонисты и сперонисты, ломбардские конкорренсы, багноленсы, альбигойцы, павликиане, патарены, богамилы, вальденсы, тартарены, бегарды, Лионские бедняки.

Следует иметь в виду, что эти организации еретиков, обладающие весьма разветвленной системой, не только представляли собой группы людей, объединенных общими религиозными и интеллектуальными воззрениями и пагубно действовавшими на всех, кто подпадал под их влияние, но также открыто выступали против закона и порядка, были отъявленными анархистами, готовыми на все для достижения своих целей. Террор и убийства использовались ими наиболее часто. В 1199 году патарены, бывшие сторонниками Эрманно Пармского и Готтарда Массийского, двух зачинщиков мятежа, совершили убийство св. Петра Паренцо, правителя Орвьето. 6 апреля 1252 года, возвращаясь из Комо в Милан, в глухом лесу, св. Петр Веронский был сражен ударом топора, который нанес манихей Карино, нанятый для этого преступления. [42] Таким образом они пытались запугать целые районы и сплотить свои ряды совместно пролитой кровью. Система манихеев может быть расценена как попытка атаковать одновременно Церковь и государство, разрушить общество, обратить цивилизацию в хаос. Как только Папы осознали исходящую от еретиков опасность, они призвали епископов оказать им достойное сопротивление. На Турском соборе в 1163 году Александр III призвал епископов Гаскони принять активные меры для предотвращения мятежей, однако Латеранский собор 1179 года показал, что нарушителям общественного порядка удалось добиться такого успеха в Лангедоке, что пришлось обращаться уже к гражданским властям для восстановления порядка.

В 1184 году Папа Люций III издал в Вероне буллу «*Ad Abolendam*», в которой упоминаются по имени группы еретиков – катары, патарены, хумилиаты, Лионские бедняки, пасагены, иосифиане, альдонисты. Ситуация все более усложнялась. Начались розыскные мероприятия в отношении еретиков и соответствующие карательные акции против них, которые, как правило, не включали смертную казнь. Иннокентий III, не добавив ничего принципиально нового к уже проводившимся в жизнь документам, расширил и уточнил их значение. В своих Декреталиях он говорит об обвинениях еретиков, отлучении их от Церкви и расследовании (инквизиции) их деятельности. Без сомнения, все эти мероприятия можно считать оправданными, учитывая деятельность секретных обществ, стремящихся к разрушению существующего порядка и развернувших активную пропаганду во многих странах Европы. Члены этих обществ называли друг друга «брат» или «сестра», имели систему знаков и слов, с помощью которых они могли узнать друг друга, не выдав чужим свою тайну [43]. Иван Нарбоннский, который был обращен из этой ереси, в письме Гиральду, архиепископу Бордо, сообщает (об этом писал впоследствии Матвей Парижский), что в какой бы город он ни прибывал, везде по знакам он мог обнаружить своих сторонников. [44]

Итак, епископы, имеющие собственные диоцезы, не могли справиться собственными силами с задачей отслеживания еретиков, и Святейший престол послал своих легатов, наделенных специальными полномочиями, для расследования подобных дел. В 1177 году легат Александра III Петр, кардинал Сан-Хрисогонский, отправился по просьбе графа Раймунда V в Тулузскую епархию, для того, чтобы выявить появившихся там во множестве катаров. [45] В 1181 году Анри, аббат Клервосский, бывший в его свите, став кардиналом Альбано и будучи легатом того же Папы, привел к покаянию многих еретиков. Полномочия его были столь велики, что он смог сместить с

должности архиепископов Лиона и Нарбонна. В 1203 году Петр из Кастельно и Рауль действовали в Тулузе по поручению Иннокентия III, видимо, имея неограниченные полномочия. В следующем году к ним присоединился Арно Амори, аббат Сите, и вместе они образовали трибунал из трех человек для преследования еретиков в провинциях Э, Арль, Нарбонн и примыкающих епархиях. На момент смерти Иннокентия III (1216) существовала целая организация для расследования деятельности еретиков. Активно работали епископские трибуналы, часто возглавляемые ассессором (позже ассессор стал называться инквизитором), который наблюдал за ходом дела. Деятельность трибуналов контролировал папский легат, которому был подотчетен ассессор. Легатом, как правило, был прелат, имевший в своем ведении множество дел, требующих немедленного разрешения, например, Арно Амори отсутствовал в течение долгого времени в связи с участием в Генеральном соборе в Ключни. Все полномочия постепенно переходили к ассессору, который постепенно превратился в инквизитора, специального, но вместе с тем постоянно действующего судью, назначаемого Папой, с целью проведения его именем расследования преступлений, направленных против веры. Как раз в это время возникли два новых ордена, доминиканцев и францисканцев, члены которых прошли отличную богословскую подготовку и в силу уже самих клятв, данных ими при вступлении в орден, казались наиболее подходящими для успешной инквизиционной деятельности, будучи полностью свободными от мирских желаний. Было естественным назначить новых чиновников именно из их рядов, особенно из ордена доминиканцев, в котором наиболее активно разрабатывались теологические вопросы.

Вполне понятно, почему Святейший престол предпочел доверить столь важное дело как преследование еретиков специально созданному трибуналу, а не оставил его в руках местных епископов. Не говоря уже о том, что эта работа могла полностью поглотить все время епископов, прелаты в епархиях поставлялись, как правило, монархами, и по поводу преследования еретиков могло возникнуть множество всяких конфликтов и недоразумений, которые могли бы привести к осложнению как внутри, так и внешнеполитической ситуации. Совет, в который входили духовные деятели, ответственные лишь перед Папой, мог действовать намного свободней и справедливей, его члены не боялись монаршего гнева и не зависели от его милостей. Например, распутный Филипп I Французский за время своего долгого и несправедливого правления (1060 – 1108) навлек на себя своими действиями церковное порицание, изгнав епископа Бюво из его епархии и отменив ряд решений епископских судов. [46] В письме [47] Вильгельму, графу Пуатье Папа Григорий VII сообщает, что если король не перестанет преследовать епископов и подвергать сомнению их право производить суд, то он будет отлучен от церкви. В другом письме, адресуемом французским епископам, тот же папа, жалуясь на неуважение, демонстрируемое королем по отношению к церковным трибуналам, восклицает: «Ваш король, которого вернее было бы назвать жестоким тираном от Сатаны, – вот глава и причина всех этих зол. Ибо все свои дни он провел в обдумывании и совершении преступлений, всегда следовал путями зла». [48] Конечно, конфликты епископов, чьи епархии располагаются на территории королевства, с монархом и правителем этих земель, – ситуация вполне обычная. Создание независимых от епископов судов предотвратило часть этих конфликтов.

Слова «инквизитор» и «инквизиция» стали принимать привычный для нас смысл в первой половине XIII века. Так, в 1235 году Григорий IX пишет архиепископу Сана:

«Знай же, что мы обязали провинциала ордена проповедников в этом самом королевстве, чтобы он назначил известное количество братьев, наиболее пригодных для столь тяжелых трудов, дабы в качестве инквизиторов они приложили все необходимые усилия для борьбы со злочинцами в королевстве, и мы также обязуем тебя, дорогой брат, чтобы ты проявил должное усердие и ревность в учреждении инквизиции, назначая туда наиболее подходящих людей; итак, выступи на сие дело, препоясав чресла свои, и сражайся ради Господа нашего Христа». [49] В 1246 году Иннокентий IV направил руководству францисканцев послание, в котором разрешалось свободно покидать монастыри «тем братьям, что посылаются в мир проповедовать тайну Креста Господня, или тем, кто выискивает и борется с чумной заразой ереси». [50]

Все ереси и секретные общества еретиков, которые наводнили Европу в Средние века, были гностическими или, можно даже сказать, манихейскими по происхождению. Гностики появились практически одновременно с христианством и претендовали на то, чтобы образовать Школу Школ, объясняющую учение Христово, смешивая его с доктринами, выдуманнными язычниками, и претендуя таким образом на владение Высшим Тайным знанием. Первым его исповедником был, без сомнения, Симон-маг. «Две проблемы, заимствованные у древних философов, – говорит Мансель, – привносились гностиками на почву христианского исповедания: проблема абсолютного существования и проблема происхождения зла». [51] Гностики отрицали существование свободной воли и соответственно объясняли наличие зла не грехопадением человека, а результатом деятельности самого Создателя. Рассуждая на эту тему, большинство гностиков сходилось в том, что Демиург, создавший ведомый нам мир, есть Властелин царства тьмы, враг высшего и невыразимого Бога. Эту доктрину исповедовали гностические секты Персии, находившиеся под глубоким воздействием зороастризма, в котором подразумевается наличие двух независимо произошедших и ведущих борьбу сил добра и зла. Они близки друг к другу по силе и полноправны в своих владениях, вместе с тем между ними идет постоянная война. Этой доктрины особенно придерживались сирийские гностики, офиты, наассены, ператы, сетиане, у которых основным символом был Змей. Поскольку Демиург почитался олицетворенным злом, искушителем, то Змей выступал воплощением добра. В некоторых верованиях он идентифицировался с Логосом. Каиниты довели офитское учение до полного логического завершения. Поскольку Создатель, Бог Ветхого Завета – искушитель, то соответственно все, что он предписывает в Писании, является злом и наоборот, все, запрещаемое им, есть добро. Каин, Корей и прочие восставшие против Бога объявлялись героями, достойными подражания. Единственным праведным апостолом был Иуда Искариот. В Средние века этот культ был весьма распространен среди люцифериян; церемонии каинитов проходили во время ведьмовских шабашей. [52]

Все эти воззрения были обобщены в Евангелии перса Мани, который в возрасте 26 лет впервые провозгласил свое учение на улицах и базарах столицы Селевкии Ктесифона, в воскресенье, 20 марта 242 года, во время празднеств, посвященных восшествию на престол Шапура I. Нельзя сказать, что его учение сразу оказалось воспринятым, тем не менее во многих местах оно со временем укоренилось. В 276 – 277 годах он был заключен в тюрьму и затем распят внуком Шапура Бахрамом I, а ученики его подверглись безжалостным преследованиям. Где бы ни обнаруживали манихеев, их ждали быстрое и безжалостное правосудие и казнь; всенародная ненависть сопровождала их повсюду. Мусульмане не только не приняли их за верующих, но считали по-

следователями мошенника, несущими угрозу государству и обществу. Вряд ли случайно то, что манихеев ненавидели и верующие христиане и те, кто почитал Мохаммеда пророком Аллаха. Впоследствии, однако, манихейство распространилось по всем направлениям и стало пользоваться значительной популярностью, думаю, потому, что оно явилось синтезом всей гностической философии, ярко выраженной теорией двух универсальных принципов, добра и зла. Более того, исторический Иисус, «еврейский Мессия, евреями же и распятый», был «диаволом, справедливо наказанным за вмешательство в дела Эона Иисуса», не рожденного и не умершего. Со временем отличавшаяся сложностью космогония манихейства исчезла, но идея отречения от Христа осталась. Вполне логично, что некоторые стали поклоняться врагу Христову. В секте мессалиан или евхитов учили, что божественные почести следует воздавать Сатане, другим же способом почтить его является нанести ущерб Иисусу Христу. Тут мы уже сталкиваемся с неприкрытым сатанизмом. Карпократ пошел столь далеко, что значительно расширил учение каинитов. Он считал, что необходимо нарушить все без исключения запреты, содержащиеся в Ветхом Завете; именно этот способ подходит лучше всего для того, чтобы выказать презрение Демииургу, злому Творцу сей юдоли слез и Князю мира сего. Подобные воззрения вполне разделялись средневековыми ведьмами и в дальнейшем были развиты современными сатанистами. Хотя манихеи и претендовали на то, что ведут беспорочный образ жизни, очевидно, что их взглядам противоречили лишь зачатие и рождение, в действительности же они практиковали чудовищные по непристойности вещи. [53] Особенно это касается мессалиан, которые превозносили свой трактат «*Asceticus*», проклятый Третьим Вселенским собором в Эфесе (431) как «грязная еретическая книжонка этой ереси». Впоследствии специальными эдиктами в Армении были ограничены непотребства этой секты, имя которой стало синонимично распутству и похоти. В Средние века мессалиане существовали под именем богомилов.

Уже упоминалось, что Диоклетиан принял ряд законодательных актов против манихеев – факт весьма значительный, тем более что и Валентиниан I, и его сын Грациан, вполне терпимые к другим организациям, также приняли суровые законы против этой секты (372). Феодосий I своим статутом 381 года объявил о лишении манихеев гражданских прав и прав наследования имущества; в следующем году он ввел смертную казнь за принадлежность к манихейству. В 389 году он настаивал на строгом проведении предыдущих эдиктов в жизнь без каких-либо ограничений.

Валентиниан II проводил конфискации их имущества, аннулировал их завещания, ссылая их в отдаленные провинции. Гонорий в 399 году возобновил законы, принятые его предшественниками; в 405 году он подверг значительному штрафу всех губернаторов провинций и гражданских магистратов, проявивших небрежность в исполнении его приказов; в 407 году он объявил членов секты стоящими вне закона и государственными преступниками, не имеющими гражданских прав; наконец, в 408 году он переиздал все ранее принятые им законы слово в слово для того, чтобы помешать манихеям найти малейшую лазейку в правосудии. Феодосий II (423) вновь переиздал этот закон, а Валентиниан III принял новые законы в 425 и 445 годах. Анастасий подтвердил наказание смертной казнью для манихеев, и этот указ был расширен в применении императорами Юстином и Юстинианом на новообращенных из этой секты в том случае, если они не называли имен своих соратников по секте представителям властей. Таким образом, здесь мы имеем дело с редкой преемственностью законода-

тельной деятельности, направленной на полное уничтожение ереси.

Около 660 года возникло павликианство, манихейская секта, отвергавшая Ветхий Завет, причастие и священство. В 835 году стало очевидно, что руководство этой организации имеет политические цели и стремится к революции и анархии. В 970 году Иоанн Цимисхий уничтожил штаб-квартиру этой секты во Фракии. В 1115 году Алексей Комнин остался на зиму в Филиппополе с тем, чтобы обратить еретиков в истинную веру. Единственным результатом его действий стало, однако, то, что еретики бежали на Запад и быстро распространились во Франции и Италии.

Богомилы также принадлежали к манихейству. Они открыто почитали Сатану, отвергали церковные службы и крестные муки Господа, вместо Святого Крещения ввели собственную непотребную церемонию. У них была своя весьма странная версия Евангелия от Иоанна. Катарский центр ереси этих отщепенцев находился во Франции, в Тулузе. В Германии их центром был Кельн. В Италии они гнездились в Милане, Флоренции, Орвието и Витербо. Свои собрания они проводили, как правило, на открытом воздухе, в горах или в отдаленных долинах; ритуал держался ими в секрете, но известно, что по ночам они проводили свои Евхаристии, называемые также *Consolamentum*, когда все вставали в круг вокруг стола, покрытого белой скатертью, зажигались многочисленные факелы, служба заканчивалась чтением первых 17 стихов их видоизмененного Евангелия. Преломлялся хлеб, но сопровождающие слова не соответствовали традиционной христианской формуле; в некоторых случаях они вообще не произносились.

В XI веке по Европе начали распространяться тайные организации, приверженцы которых в совершенной секретности практиковали странные ритуалы, отражающие их верования, в центре их неизменно стояло поклонение принципу зла – Дьяволу. Но что представляет из себя этот сатанизм или, иначе говоря, ведьмовство? Когда эти ереси явным образом входили в конфликт с доктринами католической церкви, они постепенно теряли некоторые свои аспекты и экстравагантность, привнесенную с Востока. Тем не менее движущий мотив у ведьм и манихеев был один и тот же, и одно было наказание – смерть на костре. Тот факт, что эти еретики признавались чародеями, объясняет как нечто иное жесткость направленных против них статутов, да и многочисленность улик, указующих на греховную извращенность подозреваемых. В начале XI века понятия *манихей* и *колдун* стали синонимами.

Магические практики Средних веков, утверждает авторитет в данном вопросе Карл Хаас, были порождены ересями более ранних эпох, и христианские власти одинаково обращались как с ересями, так и с порожденным ими ведовством. Оба эти явления – результат сомнений, безверия, беспорядочного воображения, гордыни и самонадеянности, интеллектуального высокомерия; оба они – порождения болезненной фантазии, возникшие в потаенной тени греха и цветущие до тех пор, пока яркий свет разума не прольется на них и пока к ним не будет применена целительная сила. Авторы «*Молота ведьм*» недвусмысленно идентифицировали ведьмовство как ересь. Построив надежную тюрьму специально для магов и назвав ее *Drudenhaus*, князь-епископ Бамбергский, Иоганн Георг II Фукс фон Дорнхейм поместил над центральным входом фигуру Справедливости и приказал начертать там слова Вергилия: *Discite iustitiam moniti et non temnere Diuos* (Энеида, VI, 620):

*Смотри и учись делать добро
И не презирай благословенных богов.*

Справа и слева от входа были выполнены две надписи, одна на латинском, другая на немецком языках, со стихами из Библии (3 Цар., 9:8, 9): «И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо него, ужаснется и свистнет, и скажет: „за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом?“ И скажут: „за то, что они оставили Господа Бога своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, — за это навел на них Господь все сие бедствие“. Трудно более внятно объяснить, почему преследовались ведьмы, почему все христианские авторитеты сходились в том, что в основе своей ведовство является ересью и бороться с ним следует теми же средствами, и что одинаковым должно быть наказание.

Существует очень значимый факт, касающийся взаимосвязи между ересью и ведовством, значение которого явно недооценивается. Расцвет гонений пришелся в Англии на первую половину XVII века, то есть вскоре после эпохи краткого, но исторически важного религиозного возрождения, когда королева Мария I предприняла массовое восстановление в правах англичан. Ее труды были прерваны гордостью, вожделением и низостью сестры. В Шотландии, отравленной ядом Кальвина и Нокса, огонь и веревка не знали отдыха. Очевидно, что эти ереси повлекли за собой вспышку ведовства. В Ирландии, за редчайшими исключениями, практически не было преследования ведьм — можно здесь вспомнить разве что знаменитое дело дамы Алисы Кателер в 1324 году; в XVII веке было всего несколько судебных процессов, все из которых были инспирированы протестантами. Причины этого вполне ясны. Для появления ереси там не было никаких предпосылок, пока в эту страну не проникли чужеземцы. Ирландцы, безусловно, верили в ведьм, но когти дьявола были коротко острижены непоклонностью католической церкви.

В 1022 году некоторое количество манихеев было сожжено живьем по приказу Роберта I. Они были прокляты синодом в Орлеане и отказались покаяться в своих заблуждениях. [54] Современный тому времени документ свидетельствует о связи еретиков с ведьмами, поклоняющимися Дьяволу, предстоящему перед ними в облике животного. Подробно описываются и другие отвратительные ритуалы, так что можно сравнить их с теми, о которых пишут Шпренгер, Боден, Боге, де Ланкр, Гуаццо и другие. В источнике говорится буквально следующее: «Перед тем как перейти к другим деталям, я хотел бы написать для тех, кто этого еще не знает, как делается та еда, которую они называют Пищей Небес. В определенные ночи все они собираются в условленном доме, причем каждый приносит с собой зажженную лампу. Затем они начинают напевно произносить имена различных демонов, как будто совершают литанию, и продолжают делать так, пока внезапно не ощутят, что среди них появился Дьявол в форме какого-либо животного или иным образом. И как только они ощутят его в своей среде, то немедленно тушат все лампы и каждый пытается овладеть той женщиной, которая случится быть в тот момент ближе к нему. Когда же рождается у них ребенок, на восьмой день все они собираются вместе и разжигают посреди своего собрания большой огонь, и затем ребенок проносится в ходе церемонии через огонь подобно тому, как язычники в старину свершали свои жертвоприношения, и наконец ребенка сжигают в огне. Оставшееся же они тщательным образом сохраняют, подобно тому, как христиане сохраняют Святое причастие Тела Христова, и дают тем, кто стоит на

пороге смерти, как если бы это было последнее причастие. И дает Дьявол такую силу этим уголькам, что тот, кто единожды попробовал их, пусть и в малом количестве, уже вряд ли может быть возвращен в истинную веру. Но следует ограничиться уже сказанным, дабы убедить всех христиан воздерживаться впредь от подобных заблуждений. И да воспретит Господь тому, чтобы кто-либо движимый любопытством начал разделять их». [55]

В Форфаре, в 1661 году, Хелен Гутри и четыре другие ведьмы извлекли из земли тело некрещеного младенца, похороненного в церковном дворе у юго-восточных дверей церкви, «и отрезали от него несколько кусочков, взяли ступни, ручки, часть головы, часть ягодиц и сделали из них пирог, для того чтобы съесть его и, таким образом, сделать невозможной исповедь (как они предполагали) о своем ведовстве». [56]

Похищение тела некрещеного младенца, похороненного в церковном дворе

Очевидна близость воззрений 1022 и 1661 года, и объясняется это тем, что придерживавшиеся их входили в одну организацию. Да и имя *Vaudois* – вальденсы сохранилось как вуду – понятия, важнейшего для африканского фетишизма, или, если хотите, ведовства, перенесенного на американскую почву.

В 1028 году граф Альдуин сжег немалое количество манихеев в Ангулеме, и хроника передает, что: «*Interea iussu Alduini flammis exustae sunt mulieres maleficae extra urbem*» (В это время некие злые женщины, еретички, были сожжены за городом по приказу Альдуина). [57] Тамплиеры, чей орден был уничтожен, а члены его казнены по той причине, что придерживались магических практик, представляли сообщество гностиков-еретиков, активных агитаторов своих взглядов, тесно связанных с богоми-

лами и мандеями, а также безбожными иоаннитами. [58]

В своем последнем труде «Религия манихеев» [59] доктор Баскит, дающий в своей книге множество интереснейших деталей, стремится показать, что богомилы, катары, альбигойцы и другие сомнительные организации не более чем отдельные фрагменты всей суммы последователей учения, содержащегося в манихейских источниках. Те же не менее он указывает, что «было бы неправильным называть эти секты, даже альбигойцев, именем манихеев». Несмотря на справедливость этого замечания, действительным остается тот факт, что проклятые верования многочисленных гностических сект и организаций являются разработкой тем, содержащихся в первоначальном учении Мани. Зло учения манихеев продолжило свою жизнь в их ересях, которые являлись естественным продолжением его воззрений.

В начале нашего столетия были сделаны открытия важных источников, относящихся к манихейским воззрениям. Три или четыре научные экспедиции в китайский Туркестан вернулись с тысячами фрагментов, обнаруженных преимущественно в окрестностях города Турфан. Многие из этих текстов написаны специальной тайнописью манихеев, некоторые из них могут быть расшифрованы, хотя, к сожалению, в основном эти документы представляют из себя незначительные по объему тексты, обрывки книг и свитков, написанных на малоизвестных языках. Большая часть доктрины манихеев – это весьма странная и фантастично сформулированная теософия. Известно, что предпочиталось передавать важные основы этой доктрины в устной традиции. Один из наиболее значимых отрывков, «*Хуастуанифт*», или «Исповедание» был обнаружен практически полностью. Написан он на тюркском языке древнего Туркестана и полон самых удивительных противоречий и парадоксов, как следствие многочисленных двойных значений и тонкостей.

Вопрос заключается в том, должны ли мы относиться к манихейству, как к ереси, возникшей на христианской почве, или же воспринимать его как отдельную религию. Езних из Колба, армянский писатель V столетия, нападая на зороастризм, считает его разновидностью персидской религии. Православные документы, однако, начиная с Марка Диакона относятся к манихейству в основном как к христианской по происхождению ереси, и, видимо, подобный взгляд верен. Существует полемический фрагмент, пара плохо сохранившихся листов, в которых манихейский писатель призывает проклятия и бешено нападает на тех, кто почитает Сына Марии (Бар Марьям) Сыном Адонаи.

Может быть, здесь подходящее место для того, чтобы опровергнуть курьезное заблуждение, присутствовавшее в ряде книг об альбигойцах, эхо которого встречается и по сей день в литературе на эту тему, как, например, у миссис Гренсайд, которая пишет, что «альбигойцы – секта XIV столетия, которой пришлось в силу секретности своих доктрин перенести немало преследований от церкви». [60] Видимо, у многих осталось подобное ложное впечатление, и лет семьдесят назад альбигоец нередко выглядел твердым протестантом с мечом в одной руке и Библией в другой, защищающим домашний очаг от разбойников, возбужденных призывами католических священников. Ничего не может быть более далеким от правды. Альбигойцы были сатанистами, вставшими на путь зла, и, безусловно, они нашли бы себе скорую смерть от огня в пуританской Англии при Кромвеле или в кальвинистской Шотландии, если бы только протестанты прознали об их деятельности. Как хорошо сказал др. Арендсен: [61] «Альбигойство было не просто антихристианской и антицерковной ересью, это

был бунт против природы, тлетворное извращение человеческих инстинктов».

В конце XIX столетия Фабром де Эссартом была основана неогностическая церковь, но выдающийся понтифик Лев XIII немедленно проклял ее с соответствующей суровостью как рецидив известной ереси альбигойцев, к которой добавились новые ложные и нечестивые доктрины. И до сих пор, как говорят, у этой организации есть некоторое число обманутых приверженцев. Эти неогностики верят, что мир был создан Сатаной, могучим соперником всемогущего Бога. Они также учат опасной разновидности коммунизма, благовидно прикрываемой именами вроде «Братства людей» или «Братства наций».

В 1900 году после призыва Жоана Брико, [62] патриарха всемирного гностицизма в Лионе, где он проживал еще в 1913 году по адресу rue Bugeaud, 8, неогностики объединились с валентинианами, союз их был одобрен в 1903 году псевдособором в Тулузе. Но несколько лет спустя д-р Фужарон, принявший имя Софроний, вновь объединил все ветви этого движения за исключением валентиниан в организацию *Гностическая церковь Лиона*. Валентиниане же продолжали добиваться спасения своими методами; известно, что в 1906 году они отправили на адрес республиканского правительства Франции официальный запрос, в котором защищалось право на создание религиозных объединений. Воистину верно сказал в свое время Гюисманс, что сатанизм процветает в Лионе, где «ou toutes les heresies survivent» – «каждая ересь зеленеет и дает плоды». Эти гностические собрания состоят из «совершенных» мужского и женского пола. У современных валентиниан существует нечто вроде спиритуальной свадьбы, при которой мистическая возлюбленная нарекается Еленой. Настоящий основатель этой секты Валентин, как пишет св. Епифаний (*Haeresis XXXI*), родился в Египте и получил образование в Александрии. В силу своих ошибок он был отторгнут от Церкви и умер на Кипре около 160 – 161 гг. от Р.Х. Его ошибочная теория представляет достаточно странное смешение греческих и восточных воззрений с легким оттенком христианских идей. Христология Валентина представляется наиболее абсурдной. Похоже, он полагал, что существуют три искупителя, при этом считая, что Христос, сын Марии не был воплощен и не пострадал. Наиболее известные ученики Валентина Ираклеон, Птолемей, Марк и Бардесан значительно разнились в своих учениях как друг от друга, так и от своего учителя. Немалая часть писаний этих гностиков и множество выдержек из трудов самого Валентина дошло до нашего времени.

Некоторые писатели XIX века обратили внимание на то, что существует связь между определенными моментами церемоний шабаша и ритуалами языческих божеств – наблюдение, безусловно, верное. Мы уже видели, что ведовство, в той форме как оно существовало в Европе, начиная с XI века, являлось порождением гностической ереси; ересь же в силу своей природы не может не опираться в значительной степени на языческие идеи. В определенном смысле ведовство выступает наследником старой дохристианской магии, но очень скоро оно видоизменилось или же, точнее, с приходом христианства вынуждено было предстать в своем настоящем виде и продемонстрировать истинную суть, заключающуюся в поклонении принципу зла, врагу рода человеческого, Сатане.

Нельзя отрицать того, что существуют символы общие как для христианства, так и для древних религий. Было бы весьма удивительно, если бы Церковь, начиная обращение язычников в греко-римской среде обратилась бы для общения с народом к совершенно новому языку и последовательно отвергала бы все существующие обряды и

практики, которые ранее служили для выражения религиозного чувства.

В пределах региона, в котором господствовало единообразие обычаев, методы выражения важнейших для человека эмоций не могли сильно различаться, и было естественным, что новая религия вобрала в себя и абсорбировала все хоро-54

шее, что присутствовало ранее в ритуале, многие из элементов которого следовало лишь должным образом интерпретировать и исправить, для того чтобы христианские души обрели язык для общения с Истинным Богом. Некоторые элементы молитвы и обращения к Богу, использование благовоний и светильников, горевших день и ночь в святилище, приношение даров в знак благодарности за полученные блага, все эти распространенные с древних времен выражения благочестия и признательности по отношению к божественным силам известны издавна. Было бы странно, если их эквиваленты не встречались во всех религиях.

Цицерон передает, что в Агригенте существовала почитаемая статуя Геркулеса, рот и подбородок которой были едва различимы, так как многочисленные верующие прилагались к ним губами. [63] Бронзовое подножие статуи первого Папы Римского, св. Петра также было «зацеловано» поколениями приходивших к ней христиан. Но глупцом был бы тот, кто посчитал, что нынешние католики переняли подобные практики у сицилийских современников Верреса. В действительности аналогичные мысли просто пришли в голову людям разных эпох, но при сходных обстоятельствах, и нашли одинаковое выражение.

Так, греки считали некоторых из своих героев смертными сынами кого-либо из богов. Эти герои особо почитались в тех городах, где они родились и которым через их посредничество была дарована милость высших существ. После смерти они становились патронами и защитниками своего города. В каждой стране, городе, а подчас и деревне были местные божества, которым возносились молитвы и которым воздвигали памятники. Центром поклонения герою являлась, как правило, его гробница, которая нередко воздвигалась посреди агоры, средоточия общественной жизни. В ряде случаев над гробницей воздвигалось специальное здание, нечто вроде часовни, известной как *ηρωον*. В знаменитых храмах также нередко помещались многочисленные кенотавы прославленных героев, подобно тому как раки с мощами святых почитаются в христианских церквях. [64] Более того, в Греции нередко были случаи перенесения костей или пепла героев с одного места на другое. Так, в архонтство Апсефиона, в 469 г. до Р.Х. останки Тесея были перенесены из Скироса в Афины, причем в город их внесли посреди всеобщего ликования и после многочисленных жертвоприношений. [65] Фиванцы обнаружили в Трое кости Гектора, а также передали афинянам останки Эдипа, лебадейцам – мощи Архесилая, мегарцам – кости Эгилея. [66]

Аналогию между этими древними практиками и христианским почитанием святых можно развернуть еще шире. Подобно тому, как в наших церквях нередко выставляются на обозрение предметы, принадлежавшие святым и потому достойные почитания, так и в старых храмах показывали различные редкости, чья связь с богом или героем требовала к ним уважения. В Минихи Трегьер (*Minihi Tregueir*) мы можем поклониться фрагменту breviария св. Ива, в Сане почтить епитрахиль св. Фомы Кентерберийского, в Байо – ризу св. Регноберта, в Санта Мария Маджиоре – пояс и вуаль св. Схоластики; таким же образом в Древней Элладе были выставлены кифара Париса, лира Орфея, фрагменты кораблей Агамемнона и Энея. Нужны ли новые доказательства тому, что почитание святых мощей есть не более чем языческий пережиток?

Если смотреть на вещи поверхностно, то эта версия кажется весьма правдоподобной, но она немедля рассыплется в прах перед суждением профессионального историка. Культ святых и их реликвий не является производным от древнего поклонения героям, но глубоким почитанием мучеников, и это может быть неопровержимо доказано. Мы имеем дело с двумя параллельными процессами, у обоих из которых было сходное начало, с двумя культурами, развивавшимися по схожим законам, но не оказывавшим при этом друг на друга никакого взаимного влияния. Надо ли говорить, что незадачливый фольклорист, который бы не удержался от соблазна выдвинуть по этому поводу собственные теории, не обладая знаниями в области истории, потерпел бы здесь полный и незамедлительный крах. Также возвращаясь к ведовству, следует заметить, что в ритуалах шабаша просматриваются церемонии, определенно ведущие свое происхождение от языческих суеверий. Но они отнюдь не являются определяющими. Следует признать, что основной тезис антропологического исследования мисс Мюррей «*Культ ведьм в Западной Европе*», [67] работы тщательно документированной и написанной с немалым мастерством, совершенно неверен. Мисс Мюррей утверждает, что «за христианской религией прослеживается культ, практиковавшийся многими классами общества», который «может быть прослежен в дохристианские времена и является древней религией Западной Европы». Автор дает нам скрупулезное описание основных праздников этого выдуманного культа, его иерархии, организации и множество других деталей. Пиршества и танцы – непристойные кошмары шабаша – «показывают, какая это была веселая религия»! Трудно было прийти к более удивительному заключению. Но мисс Мюррей продолжает: «в силу последнего обстоятельства эта религия была совершенно непонятна мрачным инквизиторам и реформаторам, которые всячески подавляли ее».

Реформаторы, несмотря на всю свою непреклонную суровость, отлично понимали, с чем им приходится иметь дело; также и инквизиторы, сыновья св. Доминика, безграничного в милосердии, и св. Франциска, само имя которого дышит Христовой любовью к тварному миру, были людьми обширных знаний и глубокой любви к ближнему, первейший долг которых состоял в искоренении вредоносной заразы, угрожавшей проклятием всему обществу. Мисс Мюррей, видимо, и не подозревает, что ведовство представляло из себя злостную и нездоровую ересь, наследие манихейского яда. «Культ Дианы», как называет она эту «древнюю религию», и который, как она полагает, дожил до Средних веков и даже до более поздних времен и стал опасным соперником христианства, есть ничто иное, как черная ересь и поклонение Сатане, а отнюдь не некое первобытное верование, связанное с аграрными культурами и пресеченное вследствие неправильной его интерпретации. Правда заключается в том, что в Средние века у христианства действительно был соперник, вечный враг Церкви Воинствующей, против которого и по сей день ведет она нескончаемую борьбу, темный властелин того города, что стоит супротив золотого Града Господня, чудовищная тень отчаяния и разрушения.

Мисс Мюррей с неутомимым усердием собирала детали, с помощью которых пыталась доказать свои надуманные постулаты. Но если временами ей и удастся показать, что культ зла воспринял наиболее мерзкие суеверия язычества, в которых перемешались похоть и жестокость, что видно на примере неразвитых или склоняющихся к упадку народов, то и здесь мисс Мюррей не смогла проследить преемственность подобных практик. Чаще всего она – пусть и неосознанно – просто искажает факты в

угоду своим теориям. Например, мисс Мюррей говорит о ведьмах, «которые подобно мученикам раннего христианства рвались навстречу своей судьбе для того, чтобы погибнуть за свою веру и своего бога». [68] И далее, обсуждая «Жертву Господню», тему весьма интересную и, без сомнения, неподходящую для дискуссий исследователей фольклора, которые, разрабатывая ее, делают самые удивительные и неверные выводы на этой основе, исходя из очень скудного и противоречивого материала и большого количества самых экстравагантных теорий и басен, мисс Мюррей говорит нам, что сожжение ведьм палачами есть ничто иное, как «жертвоприношение воплощенного божества». [69]

Можно даже предположить, что приговоренные к смерти шли добровольно и весело на этот жесточайший вид казни, так как исследователем используется выражение «самопожертвование на смерть». На самом деле в материалах ведовских процессов мы постоянно находим свидетельства о том, что обвиняемые использовали, что вполне естественно, совершенно любые способы для того, чтобы избежать своей судьбы, – с помощью побега, как было это в случае с Жилем де Силле и Рожером де Бриквиллем, соратниками Жилия де Реца; с помощью долгой и затянутой защиты, как в случае с Агнессой Финни, казненной в Эдинбурге в 1644 году; с помощью угроз и шантажа влиятельных персон – таким образом старой Бетти Лэнг из Питтенвина удалось покинуть тюрьму невредимой в 1718 году; рассказами о своей мнимой беременности, как в случае с матушкой Самуэль, ведьмы из Вербуа, повешенной 7 апреля 1593 года; с помощью самоубийства, как сделал известный колдун Джон Рид, повесившийся в тюрьме Пэйсли в 1697 году.

Мисс Мюррей пишет по поводу своей теории «жертвоприношения воплощенного божества» так: «Эта теория, в частности, объясняет, почему тела ведьм и колдунов, мужчин или женщин, всегда сжигались и оставшиеся угли разбрасывались; вплоть до XVIII века считалось, что это единственно возможный способ избавиться от их тел; есть ряд других случаев, связанных с образом смерти жертв инквизиции, которые не могут быть объяснены по-другому». [70] Три источника цитируются в качестве доказательства этих трех заключений, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что ни один из них не подтверждает даже в малейшей степени ни одно из этих трех предположений. В первую очередь мы узнаем, что «в свете этой теории проясняется судьба Жанны д'Арк». Автор делает предположение, не делающее чести его интуиции ученого, что св. Жанна, оказывается, «исповедовала некую древнюю религию, а не христианство». Надо ли говорить, что не существует ни малейшего свидетельства, подтверждающего эту точку зрения.

Мисс Мюррей приводит дело Жилия де Реца для доказательства своих постулатов, но пример она выбрала явно неподходящий. Нам рассказывается, что «подобно Жанне он хотел пострадать за свою веру», под которой подразумевается выдуманный «культ Дианы». Но это предположение носит совершенно надуманный характер. Оно никак не подтверждается ни его поведением на суде, ни текстом самого дела, ни каким бы то ни было авторитетным источником. Жиль де Рец был повешен на виселице, расположенной над костром, но когда веревка прогорела, тело немедленно было подобрано с ярко горящей древесины и впоследствии похоронено в ближайшей кармелитской церкви. Можно здесь вспомнить также казнь Савонаролы и двух его товарищей-монахов 25 мая 1498 года. Они приняли смерть на виселице, их тела были преданы огню, угли были собраны и сброшены в Арно. Жиль де Рец был приговорен к

смерти тремя различными судами: святой инквизицией, президентами которой были Жан де Малеструа, епископ Нанта и Жан Блуан, вице-инквизитор, по обвинению в ереси и колдовстве; епископским судом по обвинению в святотатстве и нарушении прав церкви; гражданским судом, руководимым Иоанном V, герцогом Бретани по обвинению в серийных убийствах.

Третий случай, о котором говорит мисс Мюррей – дело майора Вейра, который «явился с повинной и был казнен за колдовство в Эдинбурге». Томас Вейр, твердолобый пуританин, лидер «строного нрава пресвитерианской секты» почитался святым во всем Эдинбурге. Тем не менее тайно он вел жизнь, наполненную мерзкими преступлениями, и был запятнан самыми отвратительными и извращенными деяниями. В 1670 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, его настигли поздние угрызения совести, сожаление и раскаяние в совершенном; он был на пороге безумия, и облегчить его страдания могла лишь полная и публичная исповедь во всех его преступлениях. В течение нескольких месяцев его бывшие сторонники во избежание скандала и позора сдерживали производство дела, но затем чиновник, «которого они полагали более прямым, нежели мудрым», открыл глаза на происходящее лорду-мэру этого города, и расследование было начато.

Изможденный старик, непрестанно восклицающий, что «страх Господень овладел его душой и заставил исповедаться в преступлениях и стать собственным обвинителем», был арестован вместе со своей сумасшедшей сестрой Дженет, вовлеченной в его мерзости. «И все время пребывания в тюрьме знал он, сколь тяжек гнев Господень, приведший его к столь великому отчаянию», и тем, кто навещал его, заявлял, что «известно мне, что на небесах скреплен уже печатью приговор мой о вечном проклятии... ибо ничего не осталось во мне, как ни вглядываюсь, кроме тьмы, черной мглы, серы и огня, из ада изшедшего». [71] Материалы дела представляют полный и вполне различимый психологический портрет этого грешника. Столь внезапный припадок отвращения к самому себе, ненависть к свершенному злу и невозможность искреннего раскаяния в грехах возможны в семидесятилетнем старце, тело которого истощено многолетними излишествами, а память ослабла из-за той сложной роли, которую приходилось ему лицемерно играть. Прилив столь сильных эмоций, как у этого человека, нередко уступает место ужасающим моральным страданиям, которым психиатр Маньян дал имя «мания тревоги», [72] разновидности психического заболевания, которое нередко приводит пациента к истерическим признаниям и безграничному отчаянию. «Я убежден, – пишет один автор о деле майора Вейра, – что заключенный был невменяем во время проведения процесса». [73] Его сестра неистово обвиняла своего брата в ведовстве, но примечательно, что в этом деле подобные обвинения даже не были приняты к рассмотрению. Я не хочу сказать, что Вейр не был заподозрен в колдовстве; по правде говоря, он получил широкую известность именно в этом качестве, и весьма странные истории рассказывались о его магическом жезле и прочих достойных осуждения вещах. На суде, однако, его обвиняли главным образом не в магии. Он был признан виновным в распутстве, прелюбодеянии, кровосмесительной связи и скотоложестве и по нескольким пунктам был приговорен к удушению между Эдинбургом и Лейтом в понедельник, 11 апреля 1670 года, тело же его было предано огню. Дженет Вейр была осуждена за инцест и ведовство и повешена 12 апреля на Сенном рынке в Эдинбурге. До конца эта несчастная лунатичка «полагала весьма большое доверие своей постоянной приверженности Писанию, кое она именovala де-

Становится ясным, что процессы, предложенные в книге мисс Мюррей, в данном контексте не подтверждают правоты ее теорий. Майор Вейр не был казнен «как колдун». Более того, он, как и Жиль де Рец, был удушен, и подобные примеры мало подходят для доказательства того, что «тела ведьм и колдунов всегда сжигались, а прах их развеивался по ветру», тем более что последний был с честью похоронен в церкви братства белых монахов. Другими словами, попытки увязать судьбу Жанны д'Арк, казни Жилия де Реца и майора Вейра с теориями фольклористов о «жертвоприношении воплощенного божества» не более, чем фантазии.

Суть рассматриваемого явления лежит где-то в другом месте. Смерть на костре было наказанием для еретиков. Как мы уже обращали внимание, Диоклетиан безжалостно сжигал манихеев: «Мы приказываем, чтобы учащие (этому заблуждению) подвергались наисуровейшему наказанию, а именно сжигались вкупе со своими скверными книгами и писаниями». [76] Закон вестготов обрекал язычников или еретиков, совершивших святотатство, на костер и приравнивал к ним всех манихеев: «Известно, что многие проконсулы бросали богохульников зверям на растерзание, а некоторых даже сжигали живьем». [77] «Вестготская правда», написанная при Рекцесвинте (652 – 672), обязует карать иудействующих смертью, «aut lapide puniatur, aut igne cremetur» (пусть они примут наказание камнями или будут сожжены). Но лишь в XI веке гражданская власть ввела впервые наказание на костре для еретиков, которые были, как необходимо помнить, сумасшедшими анархистами, слепо стремящимися разрушить любой социальный порядок, авторитет и благопристойность. «В Италии были обнаружены многочисленные приверженцы этого чумного поверья, и эти отступники были поражены мечом или сожжены на костре», – пишет Адемар Шаваннский, монах из Ангулема, в середине XI столетия. [78] В письме Вазона, епископа Льежского, содержатся намеки на то, что подобные наказания приходилось применять во Фландрии.

Удивительный пример того, как еретики-анархисты причинили немало неприятностей Европе, дает нам произошедший в начале XII столетия случай Танхелина [79] и его последователей. Этот фанатик, происходивший из Зеландии, путешествовал по Фландрии, проповедуя свои чудовищные доктрины везде, где только находились у него слушатели, но особое внимание уделяя при этом Антверпену. В 1108 и 1109 годах он побывал в Аррасе и Камбре, где убедил многих озлобленных и невежд, заключив их в тенета ереси. Повсюду насаждал он плевелы и вот, случайно ли, что тремя столетиями позже, около 1469 года, ужасная эпидемия колдовства накрыла целую провинцию Артуа, о которой анонимный автор, вероятно, инквизитор, писал в то время в своей работе, озаглавленной «*Erreurs des Gazariens ou de ceux que l'on prouve chevaucher sur un balai ou un baton*», что на ее землях полно еретиков, именуемых газаренами, которые, по сути, есть катары и вадуа (ломбардские бедняки), среди которых немало колдунов и волхвов. В 1112 году Танхелин, который сам посетил Рим, был по возвращении арестован и посажен в тюрьму в Кельне, откуда он, однако, смог бежать. Скоро он обрел себе спутников, таких, как беглого священника Евервахера и иудея Манассию, который ранее был кузнецом, и набрал весьма многочисленную банду, состоящую из трех тысяч головорезов, преступников, игроков в кости, грабителей, убийц, нищих и воров, где были представлены отбросы всех трущоб и публичных домов округи. С ее помощью он терроризировал всю округу, народ его боялся, епископы же и светские

князья, видимо, не могли с ним совладать.

Учение Танхелина было, как нетрудно предположить, весьма бессвязным и алогичным, представлявшим из себя порождение больного сознания, но тем не менее опасным и явно отступническим. Церковь, разумеется, подвергалась нападкам и проклиналась. Грубым языком, полным самых невозможных оскорблений, столь схожим с языком реформаторов XVI века, иерархия и весь заведенный в церкви порядок отвергались и презирались, священники должны были быть уничтожены, так как все священство – не более чем уловка и западня, литургия – насмешка, наконец, Святое причастие – пустая формальность, вовсе ненужная для спасения. [80] Церкви следовало считать за бордели и рынки позорных услуг. «И это отродье Сатаны и черный ангел скорби провозгласил, что церкви, сооруженные для молитв Господу Богу – дома терпимости, что во время проведения литургии в руках священников не было причастия; то же, что освящалось у алтаря, следует именовать грязью, а не гостией». [81]

Танхелин провозгласил себя Мессией, Богом, Сыном Бога, совершенным человеком, воплощением всех божественных достоинств в одном существе, на котором опочил Дух Божий. «Итак, этот несчастный переходил ото зла ко злу и в конце концов пришел к столь неслыханной извращенности, что посчитал самого себя Богом, полагая, что если Христос был Богом, поскольку на нем опочил Святой Дух, то также и он в степени не меньшей имеет право так называться, поскольку и он получил дары Святого Духа». [82] Здесь вполне очевидным становится гностический характер его учения. Он даже позволил построить своим поклонникам храм в свою честь, где ему проводились службы, делались жертвоприношения и пелись гимны. Действительно, его сторонники относились к несчастному лунатику с таким преувеличенным почтением, что даже грязную воду, в которой он купался, собирали в фиалы и торжественно распределяли между собой и потом выпивали, как если бы имели дело с чем-то священным.

Следует помнить о том, что программа Танхелина не являлась простым отрицанием догматов христианства, как можно сказать про писания большинства «новаторов» – реформистов. Его конечной целью было вызвать социальную революцию, перевернуть с ног на голову существующий порядок вещей и произвести коммунистический хаос, [83] при котором он смог бы стать властителем и диктатором. Но дорога к анархии шла через разрушение Церкви, главного представителя существующей власти и основного авторитета в этом мире, и против Церкви направлял этот сверхчеловек свои яростные филиппики. Продолжая свою работу, он стал поощрять, а затем и открыто призывать к открытому совершению тягчайших преступлений – прелюбодеяния, кровосмесительства, которые он объявил необходимыми для усовершенствования; чудовищные извращения происходили посреди бела дня, добродетель заняла место преступления; людей склоняли к пороку и насилию, пока они не погрузились в бездну бесчестия и полностью не деградировали.

Несчастный город Антверпен попал под влияние Танхелина. Там он правил как король, окруженный подобострастными слугами, которые могли обратить несчастных горожан в прах одним мановением руки и которые устраивали на каждой улице и перекрестке оргии, исполненные похоти и крови. Удивительны параллели, которые можно провести между деталями его нечестивой карьеры и нынешней ситуацией в России, порабощенной тиранией. Неудивительно, что в 1116 году некий священник, взбешенный насилиями и богохульствами этой адской компании, брызнул мозгами

еретика на палубу его королевской барки в полдень того дня, когда Танхелин горделиво плыл вниз по Шельде: «После жизни, наполненной бесчестием, кровопролитием и ересью, плывя по реке, он получил удар по голове от одного священника, упал и здесь же скончался». [84] Однако, к несчастью, опасные заблуждения Танхелина не окончили жизнь вместе со своим автором. Антверпен оставался погруженным в рассеяние и мятеж, и хотя предпринимались энергичные попытки восстановить порядок, вначале они казались совершенно безуспешными и безнадежными. Бурхард, епископ Камбре, немедленно послал двенадцать наиболее ученых и уважаемых каноников из своей братии под руководством Идольфа, священника, известного своей мудростью и опытом, попытаться вернуть город на путь истины своим примером и словом Божиим, но, казалось, все их усилия обречены на неудачу. Наконец, почти в отчаянии, добрый прелат попросил св. Норберта, [85] который за три года до этого организовал свой орден в Премонтре, взяться за эту неблагоприятную и почти безнадежную задачу. Без колебаний или малейшего промедления святой с радостью взялся за столь трудную миссию и, сопровождаемый единственно св. Эвермондой [86] и блаженным Валтманом, а также некоторыми другими наиболее горячими своими сторонниками, появился в Антверпене и начал немедленно свою работу в конце 1123 года. И тут же усилия его увенчались успехом; в очень короткий промежуток времени люди признались на исповеди в своих заблуждениях, отклонения от прямого пути были выпрямлены, проказой оскверненный город очистился от своих грехов, социальная безопасность и порядок были восстановлены и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, в старинных хрониках говорится о том, что весьма великое количество мужчин и женщин пришло в глубоком раскаянии с частицами Святого Причастия, которое принесли они св. Норберту. Ранее они были похищены из дарохранительниц и хранились сокрытыми в разных местах для использования в магических целях, заклинаний и надругательства при поклонении Дьяволу в шабашах. Столь стремительно ночь сменилась днем, что год за годом орден премонстрантов по субботам [87] после праздника Тела Христова торжественно возглашает память достопамятного триумфа святого отца Норберта.

В упомянутом происшествии с похищенной гостией ясно прослеживается связь между гностической ересью и сатанизмом. Именно на почве, подготовленной антиномизмом Танхелина, быстро возрастали семена колдовства. Власти осознали, что необходимо предпринимать жесткие меры, и в Бонне компания явных фанатиков, пытавшаяся проповедовать его идеи, была немедленно послана на костер.

Другие аргументы, выдвигаемые мисс Мюррей для поддержания ее версии о преемственности первобытных религий, вкратце таковы: «частое упоминание числа 13 при упоминании о ковенах (организациях ведьм. – *Прим. пер.*), ограниченное географическое пространство, для которого имеются сведения о наличии фамилиаров, отсутствие определенных форм животных как объекта трансформаций магов, лимитированное количество личных имен среди ведьм и сохранность имен некоторых из старых богов». [88] Даже если эти частные постулаты и были бы полностью доказаны и можно было признать их состоятельность, свидетельств о сохранении дохристианской религии в Европе было бы недостаточно. В лучшем случае нам пришлось бы убедиться в наличии некоторых странных коллективов, странным же образом выживших в неспособовавших этому времени условиях, о которых знает каждый студент, изучавший агиографию, историю, мифы и легенды, старые религии, географию, иконографию, топографию, этимологию, антропологию и прочие связанные со стариной

науки. Если мы приступим к изучению нашего предмета всесторонне, то скоро убедимся, что обстоятельства, о которых толкует мисс Мюррей, носят скорее локальный, чем общий характер, что нередко для них отсутствуют какие-либо надежные подтверждения и что свидетельства, на которые она опирается, противоречивы и скудны.

«Фиксированное количество» ведьм в Великобритании, – отмечает мисс Мюррей, – было, похоже, тринадцать на один ковен» [89]. Действительно, такое впечатление, что во многих случаях раскрытые на английских судах ковены состояли из тринадцати членов, хотя следует помнить, что во многих случаях подобные ячейки не были раскрыты и, соответственно, мы не можем судить о том, сколько человек в них входило. Однако мисс Мюррей совершенно не поясняет, какое отношение, собственно, число тринадцать имеет к дохристианским ритуалам и почему оно может являться здесь неким связующим звеном. С другой стороны, демонологи никогда не уставали повторять, что дьявол во всем является обезьяной Бога и что служители Сатаны с радостью пародируют все божественные установления и институты. Объяснение просто. Число тринадцать было принято ведьмами в их ковенах в насмешку над Господом и его апостолами.

«Ограниченность географического пространства, для которого имеются сведения о наличии фамилиаров» – далеко не очевидно, и было бы странным строить столь далеко идущие предположения на основании подобных сомнительных доказательств. «Отсутствие определенных форм животных как объекта трансформаций магов» – ничто иное, как отсутствие агнца и голубя, эти же формы, как хорошо известно, избегались магами, знавшими, что Христос есть Агнец Божий, *Agnus Dei*, голубь же – манифестация Святого Духа [90]. Известен случай, когда на расследовании дела Агнессы Вобстер в Абердине в 1597 году выяснилось, что Дьявол имел обыкновение появляться перед ведьмой «в облики ягненка, которого вы зовете богом, и блеял мне и говорил со мной таким образом» [91]. Но в этом редком исключении мы, вероятно, имеем дело с ягненком черного цвета и необычной формы, не с белым *Agnus Dei*. На картинах, рисуемых докторами Церкви, особенно св. Григорием Великим и св. Альфонсом де Лигьери, мы видим голубя, вдыхающим божественные глаголы в ухо святого мужа, пишущего небесное послание, самим Богом через Святого Духа ниспосылаемое. И соответственно на франко-немецкой миниатюре XI столетия «*Сад наслаждений*» видно черную странную птицу, вдыхающую в ухо волхва злые и тоскливые мысли. Этот мрачный и угрюмый дух, жестокий по виду, простирает свой тощий клюв к уху несчастного, который, сидя за столом, записывает на пергаменте зложелательные и гибельные заклинания, которые ему диктуют. Под видом птицы здесь изображен Дьявол [92].

Что касается аргумента о «лимитированном количестве личных имен среди ведьм», то все здесь сводится к тому известному факту, что в XVI и XVII веках использовалось (особенно в крестьянской среде) весьма немного имен, значительно меньше, чем в более поздние годы. Утверждение, что «имя Кристиан ясно указывает на присутствие иной религии» [93], совершенно абсурдно. Следует также отметить, что многие из имен, попавших в каталог мисс Мюррей, столь подробный, сколько же, увы, бесполезный, принадлежат хорошо известным христианским святым, чей культ был широко распространен по всей Европе: Агнесса, Алиса, Анна, Барбара, Христофор, Коллетт, Елизавета, Жиль, Изабелла, Джеймс, Иоанн, Екатерина, Лоренцо, Маргарита, Мария, Михаил, Патрик, Фома, Урсула. Этот список можно продолжать до беско-

Демон Азazel

Речь также шла о «сохранности имен некоторых из старых богов». Однако лишь в очень редких случаях имена этих богов имеют какое-то отношение к ведовству. В одном-двух старых заклинаниях, бессмысленных рифмованных песенках, время от времени встречается слово, значение которого давно забыто, или старый рефрен. Вот, к примеру, заклинание, используемое ведьмами Нижних Пиренеев, цитируемое де Ланкром (1609), где находится упоминание о старом божестве басков Яникоте: «In nomine patrica, Aragueaco Petrica, Gastellaco Ianicot, Equidae ipordian pot». Боден рассказывает о танце под такой распев: «Har, har, diable, diable, saute icy, saute la, ioue icy, ioue la», припевом же шло повторение «sabath, sabath». Мисс Мюррей сообщает, что версия этой песни, которая и по сей день распространена в Гернси, включает слова: «Har, har, Non, hon, danse ici» [94]. Хон был старым бретонским богом, и до сих пор существуют удаленные районы, где местные названия содержат намеки на то, что в древние времена ему здесь поклонялись. Важно, что в одном случае мы имеем дело с бретонским божеством, а в другом – с баскским. Страна Басков и Бретань находятся рядом друг с другом, и эти случаи тоже, возможно, взаимосвязаны. Подобные остатки древностей, безусловно, интересны, но носят уникальный характер, даже не единичный, пусть им можно найти параллели и в иных местах, и соответственно вряд ли можно на подобной базе основывать разработанную теорию существования отлично организованного религиозного культа. Ведь речь идет о весьма немногих и разбросанных по Европе диалектических названиях местечек да о малограмотных крестьянских виршах.

Приведем один отрывок для того, чтобы показать, как бессознательно мисс Мюррей подгоняет материал под свои теории. Она пишет: «На настоящий момент ничто не указывает на то, что ведьмовская месса (в которой использовались хлеб, вино и свечи черного цвета) каким-либо образом родилась из христианского ритуала или имеет какое-либо отношение к „культу Дианы“ (это имя, как мы писали, было дано мисс Мюррей гипотетической, но древней и всеобщей дохристианской религии); тем не менее, представляется вполне возможным, что ведьмовской ритуал возник раньше христианского и значительно на него повлиял» [95]. Последняя фраза включает в себе поистине удивительное суждение. Более вопиющей ошибки в суждениях мне вряд ли приходилось встречать. Столь очевидна абсурдность этого предположения, что вряд ли требуются какие-нибудь комментарии; остается лишь надеяться, что при подготовке к изданию этого объемистого и сложного по содержанию труда автор невзначай пропустил слова, которые следовало бы вычеркнуть, и мы имеем дело лишь с простительной ошибкой. Любая молитва и каждое действие церковной службы с тех пор, как первая служба была проведена в Страстной четверг, были тщательнейшим образом исследованы поколениями специалистов по литургии, библиотека трудов которых почти безгранична и включает в себя как тоненькие памфлеты, так и огромные тома. Мы можем проследить каждое из нововведений, когда была добавлена та или иная фраза, когда тот или иной освящающий знак был сделан впервые в сопровождении каких слов и какой молитвы. Служба же ведьм является злобной пародией на Святую мессу. Мисс Мюррей предполагает, что пародия появилась раньше пародируемого. Правда, некоторые неразборчивые писатели и раньше провозглашали, что магия может предшествовать религии, но компетентные авторы, представлявшие самые разные школы, отвергли это мнение как несостоятельное. Сэр Джеймс Фрэнсис, сэр Э. Л. Лайелл и г-н Ф. Б. Дживонс, например, распознали «фундаментальные различия и противостояние между магией и религией». [96]

Завершая критику теории о возможности преемственности в Средних веках некоей древней религии, которая существовала через сеть подпольных организаций и проявляла себя через процессы о колдовстве и магии, некоего соперника, которого боялась и ненавидела христианская церковь, мы приходим к выводу, что не прослеживается никакой связи между колдовством и надуманным «культом Дианы». Писать о том, что «в XV столетии открытая война была объявлена против последних остатков язычества в знаменитой булле Иннокентия VIII» [97], значит игнорировать историческую науку. Как уже подробно рассматривалось, булла «*Summis desiderantes affectibus*» 1484 года – лишь одно из весьма многочисленных папских постановлений, направленных против действительно ужасного зла, но зла еретического, а не языческого. Ересь, колдовство и анархия были тогда словами взаимозаменяемыми, и первая булла, направленная против сих черных искусств, была выпущена еще Александром IV в 1258 году, на 226 лет раньше.

То, что в разных местах сохранялись некоторые безобидные пережитки и празднества, пришедшие к нам из дохристианских времен, которые позволяла и сама церковь, более того, даже санкционировала их существование, направляя к подлинному источнику, такие, как танцы у майского шеста и костры в середине лета, зажигаемые в честь Иоанна Крестителя, факт достаточно известный, но не дающий возможности говорить о преемственности языческого культа.

С первых столетий эры христианства и в течение всех Средних веков, да и вплоть до наших дней, существовало и существует открытое исповедание культа зла со стороны придерживающихся ведьмовских культов, причем чем больше бесчинств совершается ими, тем больше радуют они своего повелителя и господина. Их собрания были мерзки и отвратительны, на шабашах творились все бесчинства, которые только можно представить. Одним из существенных аргументов против теории мисс Мюррей является то, что ни одна из дохристианских религий не проповедовала зла во имя зла. В этом отношении имеет смысл прочесть отличное описание Элевсинских мистерий греческого ученого отца Кирилла Мартиндейла [98] и удивиться, сколь далеки от злобы или иных низменных чувств были их участники, как страстно желали они красоты, чистоты и святости, которыми наполняла сердца их богиня Персефона, ритуал поклонения которой предусматривал пост, купание в морских водах, самодисциплину, самоотречение, умеренность, особенно проявлявшиеся в зале инициаций, где освященная Матерью-Землей Деметрой символическая драма о жизни, смерти и воскрешении представлялась иерофантом тем, кто боролся, победил и был признан достойным. Сколь прекрасна эта тень, хотя, увы! всегда не более чем тень вечной истины, коей предстояло еще спуститься на землю! Как отличаются эти мистерии от мерзких оргий ведьм, шабашей, черных месс, поклонения силам ада!

Таким образом, не против язычества Иннокентий VIII объявлял войну, но против ереси. Действительно, существовала тайная организация, ненавистная Церкви, но ведьмы и колдуны, которые в нее входили, вовсе не поддерживали вечнозеленое древо язычества, как предполагают некоторые авторы. Скорее, культ ведьм, о котором мы пишем, поддерживал традиции гностицизма, притом в наиболее мерзкой и деградировавшей форме.

Существует некоторый символизм, или, возможно, нечто иное, проникшее в местный говор Пиренеев. Колдуны были там известны под словом «*poudouer*», ведьмы же – как «*poudoueros*». Оба этих слова происходят от *putere*, что значит «иметь скверный запах». Демонологи сообщают, и это поверье было повсеместно распространено, что еретиков можно нередко различить по испускаемой ими вони. Агиографы сообщают, что св. Филипп Нери мог узнать еретика по его запаху, и часто ему приходилось отворачиваться от кого-либо из них при встрече на улице. То же самое сообщается о многих других святых, и традиция эта интересна, в частности, тем, что показывает глубинную связь между ересью и магией [99]. Отшельник св. Пахомий мог различать еретиков по их невыносимым флюидам; аббат Евгендий рассказывал о добродетелях и пороках тех, кого он встретил по благу или, напротив, скверному запаху, который исходил от этих людей. Св. Иларион, как сообщает св. Иероним, мог даже различать грехи человеческие по запаху плаща или иного одеяния, недавно носимого. Блаженная Доминика Райская, проходя мимо солдата на улице, узнала по его скверному запаху, что он отошел от веры, однако после долгих молитв и горячих увещаний ей удалось восстановить его в Церкви. Св. Бригитта Шведская однажды едва не задохнулась, когда к ней обратился один изрядный грешник. О том же рассказывала и Екатерина Сиенская; в то время как св. Людегарда, цистерцианская монахиня, встретив злобного нечестивца, почувствовала разлагающийся запах проказы и болезни.

Напротив, сами святые, как известно, источали приятнейшие для обоняния запахи, и выражение «аромат святости» – не просто слова. Как-то в 1566 году, входя в церковь Сомаччи, отдаленной деревушки между Миланом и Бергамо, св. Карл Борromeо

воскликнул: «Познал я по небесному аромату в этом святилище, что слуга Господень, один из великих, здесь похоронен!» Церковь же действительно заключала тело св. Иеронима Эмилиани, умершего в 1537 году. Св. Герман Иосиф мог быть выслежен по коридорам Стенфилда по редким и сладким ароматам, кои он непрерывно источал. То же можно сказать об удивительном мистике св. Иосифе Купертинском. Св. Фома Аквинский пах ладаном. Да и мне известен священник горячей веры, от которого временами исходит запах фимиама. Мария-Виттория из Генуи, Ида Лувенская, св. Коллетт, св. Хумилиана источали запахи прекраснейших цветов. Св. Франциск де Пол и Вентурини Бергамский источали божественные ароматы, причащая верующих Святыми Дарами. Миро св. Иоанна Крестового сильно пахло лилиями.

Мисс Мюррей проработала основной тезис своей работы с немалой тщательностью, но при обсуждении конкретных деталей, рассмотрении их с исторической точки зрения и при расстановке их в соответствии с их значимостью следует признать, что теория о преемственности древней религии совершенно беспочвенна. Подзаголовок же самой книги – *«Антропологическое исследование»*, и тут, думается, сразу следует сказать о ее основной ошибке. Антропология сама по себе не может дать объяснения феномену ведовства. Только подготовленный ученый-теолог может адекватно описать этот предмет. Было собрано немалое количество интересного материала, но ключ к загадке сил тьмы мисс Мюррей подобрать не смогла.

В то же время, как показывают наши исследования, искать надо было не так далеко. Приведем сжатую фразу мудрого и глубокого ученого Томаса Стэплтона: «*Crescit cum magia haeresis, cum haeresi magia*» (Взрастает с магией ересь, с ересью же магия) [100].

ГЛАВА II.

Култ ведьм

Для того чтобы полностью осознать тот заставляющий содрогнуться ужас и удручающее уныние, вызываемое любыми сделками между людьми и злыми духами (в этом состоит смысл ведовства), которые наполнили весь христианский мир; для того чтобы понять, почему одна за другой по этой теме публиковались книги, вышедшие из-под пера учнейших мужей Европы, почему святейшие понтифики и мудрейшие судьи, серьезные философы и недоверчивые ученые, короли и крестьяне, беззаботные рыцари и умудренные богословы все как один придерживались одного мнения по поводу преследования ведьм, почему в католической Испании и пуританской Шотландии, холодной Женеве и теплом Риме решительно и без колебаний народ пытался излечить эту чумную болезнь самым сильнодействующим средством, *огненным прижиганием*; для того чтобы, избежав превратного понимания истории, мы, подобно людям поверхностным, не подумали, что монахи и городские судьи, миряне и юристы были тиграми в облике человеческого, сумасшедшими фанатиками, – а нередко клеветники в таком виде их и представляют, – мне кажется уместным кратко суммировать доктрину Католической церкви о силах тьмы, сведения о деятельности которых в наше время, увы, часто забываются или предумышленно игнорируются.

И здесь, подобно множеству других случаев, мы находим не так много определенных догм; некоторые же вещи отрицать было бы безрассудно, в то время как о многом мы пока пребываем в неведении. О многих реалиях мира духовного трудно вынести вердикт.

В первую очередь следует сказать, что слово «дьявол» относится к падшим ангелам, которых мы также привыкли именовать демонами. Собственно, объяснение различию, существующему между этими двумя терминами, используемыми в нашей Церкви, было дано в декрете IV Латеранского собора: [101] «*Diabolus enim et alii daemones*» (дьявол и прочие демоны). Другими словами, дьявол – руководитель сообщества демонов. Это различие сохранилось в Вульгате, где латинское слово *diabolus* так же, как и греческое *δίαβολος*, как правило, относится к самому Сатане, в то время как в соответствии с греческой традицией подчиненные ему ангелы именуются *daemones* или *daemonia*. Однако в современном английском языке за исключением отдельных случаев, когда необходима особая точность, мы с одинаковым успехом используем слова «дьявол» и «демон». Для того чтобы подчеркнуть, что речь идет о Люцифере (Сатане), вожде демонов, мы используем перед словом «дьявол» артикль, пишем *The Devil*. Так и у апостола Матфея (25:41) сказано «диавол и ангелы его». Греческое слово *δίαβολος* означает «клеветник, обвинитель» и вполне относится к тому, о ком было сказано «клеветник (ο κατηγόρος) братьев наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь» (Апок. 12:10). Таким образом, это имя соотносится с иудейским именем Сатаны, которое означает «противник, обвинитель».

Дьявол нередко упоминается как в Ветхом, так и в Новом Завете, но о многом можно судить лишь с большим сомнением и для того, чтобы понять учение Святого Писания о легионах зла, следует объединить разрозненные сообщения и прочитать их в

свете патристической и богословской традиций. Авторитетное учение Церкви было обосновано в декретах IV Латеранского собора (cap. 1, *Firmiter credimus*), где после утверждения, что в начале Бог создал существа двух видов, духовных и телесных, другими словами – ангельских и плотских, т. е. людей, сделанных из праха земного и плоти, сообщается: «Итак, Дьявол и ангелы прочие были вначале созданы Богом по природе благими; но сами по воле своей стали на путь зла». [102] Итак, согласно догме, демоны, и Дьявол в том числе, – это спиритуальные или ангелические создания, сотворенные Богом, свободными от вины и ставшие злыми по своей воле. Добавляется также, что человек согрешил по наущению дьявола и что в мире грядущем нечестивцы и нераскаявшиеся будут страдать едино с ним. Таков догмат Церкви, так сказать, обнаженные кости нашей доктрины. Впоследствии много здесь было добавлено богословами, и особое значение имеют слова превосходнейшего доктора Франциско Суареса [103] в его трактате «*De Angelis*», VII. Более того, выводы его практически не могут быть оспорены без того, чтобы жесткая цензура не наложила мету «Сие есть ложно» на труд того, кто вознамерился бы с ним спорить [104].

Весьма значительным представляется тот факт, что в вопросе о падении ангелов, случившемся до сотворения этого мира, мы должны обратиться к последней книге Библии – Апокалипсису апостола Иоанна. И хотя картины прошлого соединены в ней с видениями о том, что ожидает мир в будущем, нам следует рассмотреть то, что запечатлел сей апостол на острове Патмос. «И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Апок. 12:7-9). К этому можно добавить слова апостола Иуды (1:6): «И ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдают в вечных узах, под мраком, на суд великого дня». К сделанным уже ссылкам необходимо добавить впечатляющий отрывок из святого пророка Исайи: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: „взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме Богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему“. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Исайя 14:12-15). Слова пророка, с одной стороны (и, видимо, в первую очередь), относятся к Меродах-баладану, царю Вавилонскому, но все ранние отцы Церкви и поздние комментаторы соглашались, что в более глубоком смысле этот пассаж говорит о падении восставших ангелов. Такая интерпретация подтверждается и словами самого Спасителя ученикам его: «Я видел Сатану, спавшего с неба как молния» – «*Uidebam Satanam sicut fulgur de coelo cadentem*» (Лк. 10:18).

Здесь может возникнуть вопрос, который активно обсуждался теологами: какова была природа греха восставших ангелов? Разрешение этой проблемы связано с определенными сложностями, поскольку никто из богословов не сомневается в совершенстве ангелической природы, огромных возможностях и обширном знании, которым они обладают. Грехи плоти и вовсе немыслимы для ангелов; также они, вероятно, изобавлены и от многих духовных и интеллектуальных прегрешений. Таким образом, великим преступлением Люцифера было желание обрести независимость от Бога и равенство с Богом.

Имеются весьма очевидные доказательства богословского плана, что Люцифер занимал важную позицию в небесной иерархии, и вполне ясно, что он сохранил некую власть над теми, кто последовал за ним в его падении: «Si autem, – сказал Господь, – et Satan as in seipsum diuisus est quomodo stabit regnum eius?» – «И если Сатана Сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?» Также и апостол Павел говорит о «Principem potestatis aeris huius, qui nunc operatur in filios diffidentiae» (князе, господствующем в воздухе, духе, действующем ныне в сынах противления) (Эфес. 2:2.) Кажется странным, что мятежные духи, восставшие против своего Создателя, стали подчиняться тому из своих собратьев, кто привел их к крушению, но само по себе это уже доказательство того, что Люцифер превосходит других демонов в интеллекте; познания же ангелов указали им, что больше зла и беспорядка они внесут в мир совместными действиями, пусть их организация будет сплочена узами ненависти, через анархию и разделение. Не вызывает сомнения, что среди них есть немало мелких и зловредных духов [105], по крайней мере, в сравнении с Люцифером, однако и они могут оказывать влияние и завлекать души глупых и невежественных людей. Мы вновь обречем твердую почву под ногами, если последуем за Суа-ресом, который счел Люцифера старшим из ангелов ада, хотя многие, и среди них великие архангелы Михаил, Гавриил, Рафаил, могут именоваться равными ему.

Существовали сомнения по поводу того, что старший из ангелов, будучи интеллектуально высшим по сравнению с другими, не мог не понимать полную невозможность достичь равенства с Богом. Так, св. Ансельм в труде «*De Casu Diaboli*» (IV), говорит: «Non enim ita obtusae mentis erat, ut nihil aliud simile Deo cogitari posse nesciret?» («Неужто не ведал дьявол того, что нельзя быть подобным Богу?») Св. Фома пишет по поводу проблемы, хотел ли дьявол стать подобным Богу, что «если под этим понимать равенство с Богом, то дьявол этого не возжелал, ибо знал, что сие невозможно». Но преподобный Дунс Скот, утонченнейший доктор, указывает нам, что должно делать различие между действенным волеизъявлением и внутренним возжеланием, и последним образом и ангел мог восхотеть невозможного. Также он указывает нам, что хотя и нельзя созданию возжелать своего разрушения, но оно все же может сделать это *consequentur*, то есть пожелать того, за чем неизбежно последует его гибель.

И хотя должно человеку осознавать, что не может быть он Богом, были однако же люди, которые требовали, чтобы их приветствовали с теми почестями, которые лишь Богу воздавать должно, и даже чтобы им поклонялись, как Богу. Таким был Ирод Агриппа I, который на празднике в Цезарее облачился в одеяние, целиком сделанное из серебра, и явился рано утром в театр, полный народу. Его одеяние стало сверкать под лучами восходящего солнца, и суеверная толпа, наученная подосланными им людьми, разразилась криками, что он-де бог, и стала молиться ему, как божеству, восклицая: «Будь милосерден к нам, ибо ранее поклонялись мы тебе лишь как человеку, теперь же поняли, что ты и бог» [106]. Калигула также приписывал себе божественное достоинство. «Templum etiam numini suo proprium, et sacerdotes et excogitatissimas hostias instituit» [107] – «Он также построил храм в честь своего божества и лично посвятил священников, чтобы они проводили ему как можно более роскошные службы». Более того, этот император распорядился, чтобы ему поставили статую в Иерусалимском храме и чтобы ему там приносились жертвы. Марциал, и это больше, чем литературный комплимент, называл Домициана «Dominus Deusque noster» [108] (Господин и Бог наш).

Гелиогабал связывал себя неким мистическим образом с божеством, которому поклонялись в Эдессе, и приказал, чтобы никаким богам, кроме него, не поклонялись в Риме, а затем и во всем мире: «Принял меры, чтобы в Риме не был почитаем ни один бог, кроме Гелиогабала... И не только хотел он прекращения всех римских культов, но желание его было таково, чтобы и во всем мире лишь один бог, Гелиогабал, почитался» [109]. Воздержимся от цитирования других примеров, коими изобилует римская история. [110] Пожалуй, наиболее известный случай подобного рода связан с именем персидского правителя Хосрова II, который в VII веке, ограбив Иерусалим, перенес Крест Господень в свою столицу. Опыяненный успехом, он торжественно объявил, что он – Всемогущий Бог. Он построил необычной формы дворец, или башню, потолки обширных зал которой были наполнены сияющими солнцами, лунами и звездами с тем, чтобы походить на небосвод. Там он восседал на величественном троне из золота, на голове его возвышалась тиара, риза была украшена столь богато, что материи и видно не было, скипетр и держава в его руках, с одной стороны крест, с другой – украшенный драгоценными камнями голубь. Хосров приказал своим подданным, чтобы они почитали его как Бога-Отца, воскуряли ему фимиам и молились ему через Сына. Это непристойное богохульство было сокрушено императором Ираклием, вернувшим весной 629 года Крест в Иерусалим. [111]

Монтан, фригийский еретик, живший во II столетии, который, как передает св. Иероним, был сначала жрецом Кибелы, претендовал на то, чтобы его считали Троицей. «Я Отец, Слово и Параклит [112], – говорит он, и опять: – Я Господь Бог Всемогущий, нисшедший на человека... не ангел, не посланник, но Я Сам, Бог-Отец, спустил с небес» [113]. Элипанд Толедский в VIII столетии говорил о Христе, как о «Бог среди богов», подразумевая, что имеется множество других. С этим можно сопоставить богов, которые и по сей день почитаются в Китае и Тибете. Некая женщина из Богемии по имени Вильгельмина, умершая в Милане в 1281 году, произвела немалые беспорядки, объявив себя третьим лицом Троицы. Ей поклонялись толпы фанатиков, вызвавшие немалые неурядицы и скандал. Хлысты в России были не только пророками, но также христианами и искупителями и молились друг другу. Около 1830 года в одном из американских штатов, граничащим с Кентукки, появился обманщик, называвший себя Христом. Он угрожал миру немедленным судом, и немалое количество истеричных слушателей было впечатлено его откровениями. Однажды, когда он, как водится, обращался к большому собранию, один из присутствующих, немец по национальности, попросил его повторить сказанное по-немецки, дабы пользу из этих речей извлекли и те, кому известен лишь этот язык. Оратор ответил, что оказался не в состоянии выучить этот язык; ответ этот выглядел столь смехотворным для претендующего на божественность, что многие из слушателей так и покатались со смеху, и вскоре несчастный шарлатан остался без последователей. Монсеньор Флаже, епископ Бардстоуна, рассказал об этом необычном обманщике в письме, датированном 4 мая 1833 года. [114] Он сообщает, что этот случай произошел тремя годами ранее. Около 1880 года в Патале, штат Пенджаб, фанатик грязной наружности по имени Хаким Сингх объявил себя Христом и в короткое время собрал около четырех тысяч приверженцев, но за несколько месяцев они рассеялись. [115] Многие секты в России организовывались такими лже-Христами. В 1840 году некто, объявив себя Спасителем, вытягивал деньги из крестьян Симбирска и Саратова; около 1880 года основатель одной секты, неграмотный фанатик Сава объявил, что он Бог-Отец, а один из его сподвиж-

ников, Самуил – Бог-Сын. Иван Григорьев, основатель секты русских мормонов, учил, что имеет божественную природу; другие неприятные персонажи русской истории – Филиппов, Лупкин, Израил из Селенгинска претендовали на то, чтобы именоваться Мессией и Богом.

Таким образом, можно счесть доказанным, что хотя трудно представить себе, что какой-либо разумный человек станет претендовать на божественность, на практике мы видим обратное. Грех Сатаны состоял в том, что он попытался узурпировать верховную власть Бога. Это также подтверждается известным фактом. Во время искушения Господа дьявол, показывая ему «omnia regna mundi, et gloriam eorum» «все царства мира и славу их», сказал «Наес omnia tibi dabo, si cadens adoraueris me» – «Все это дам тебе, если, пав, поклонись мне». Господь же его отверг: «Uade, Satana: Scriptum est enim: Dominum Deum tuum adorabis, et illi soli seruius» – «Отойди от меня, Сатана, ибо написано: Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи». Следует сказать, что и здесь Люцифер лгал. Не в его власти предлагать царства мира сего, но лишь грехи и безумства, разочарование и смерть может он дать. Здесь же дьявол требует, чтобы ему оказали почести, как Богу. И это требование отчетливо проходит через все ведьмовские процессы. Ведьмы верили, что их господин, Сатана, Люцифер, демон, принцип зла, является Богом, и соответственно поклонялись ему, обожали его, свидетельствовали ему почтение и благодарность, молились ему, приносили жертвы. Так, Ламберт Дане в «*Диалоге ведьм*» пишет, что «Дьявол приказывает им, чтобы признали они его своим богом, призывали его, молились ему и верили в него... И все они повторяют, что верят в него; признавая его своим богом». Каннаерт сообщает, что в обвинительном заключении против Елизаветы Фламинек из Алоста (1595), было сказано: «И не постеснялась ты склонить колени перед Вельзевулом, которому поклонялась». [116] Де Ланкр в своей книге «*Tableau de l'Inconstance des mauvais Anges*» (1613) сообщает нам, что когда ведьмы принимали в свой круг юную девушку, то становились на колени перед демоном и говорили: «Grand Seigneur, le quel j'adore» (Великий Господин, которому поклоняюсь). Новичок, присоединяясь к ведьмам, должен был произнести новое исповедание в таком виде: «Полностью предоставляю себя твоей власти и вкладываю себя в твои руки, и не будет у меня другого Бога, потому что ты мой Бог». [117] Слова Сильвана Невильона, допрошенного в Орлеане в 1614 году, еще более откровенны: «Мы говорим дьяволу, что признаем его нашим господином, нашим богом, нашим создателем» [118]. В Америке [119] в 1692 году Мэри Осгуд исповедовалась в том, что «дьявол рассказал ей, что был ее богом и что она должна служить и поклоняться ему».

Существует множество вариантов молитв, с которыми обращались к дьяволу его слуги. Анри Боре в труде «*Discours des Sorciers*» (Лион, 1608) сообщает, что в 1598 году Антида Колас призналась, что «Сатана склонял ее молиться ему утром и ночью перед тем, как приступить к какому-либо делу». [120] Елизавета Сойер, печально известная ведьма из Эдмонта (1621), была научена некоторым заклинаниям своим фамилиаром. В своей исповеди преподобному Генри Гудколу, посетившему ее в Нью-гейте, на его вопрос: «Не бывало ли так, что дьявол заставлял тебя во время молитвы и не запрещал ли он тебе молиться Иисусу Христу, но ему одному? И не склонял ли он тебя молиться лишь дьяволу, не учил ли он так тебя?» ведьма отвечает: «Он спрашивал меня, кому я молюсь, и я отвечала ему, что Иисусу Христу, и он тогда склонял меня не молиться больше Иисусу, но ему, Дьяволу, и научил меня Дьявол такой молит-

ве: «*Sanctibecetur nomen tuum, Amen*» [121]. Стерн сообщает в «*Confirmation and Discovery of Witchcraft*» (1648) о ведьмах из Суффолка: «Эллен, жена Николаса Гринлифа из Бартон в Суффолке, исповедовалась, что молитвы она произносила, но не Богу, а дьяволу».

Более того, в подражание Богу дьявол может творить чудеса, хотя они и таџмата, другими словами, вводящие в заблуждение чудеса, от которых нет пользы и которые не убеждают. Так, известно сделанное Йанном и Мамбрием, египетскими чародеями, которые в соперничестве с Моисеем превратили свои посохи в змеев. Подобные прецеденты могут быть обнаружены в многочисленных рассказах о восточных фокусниках. «Я убежден, – пишет благородный и высокопоставленный английский офицер, – что представления местных мудрецов проходят не без участия известных нам духов. Происходящий на глазах зрителя рост дерева манго из пустого сосуда, в который подкладывают немного земли, никем не был раскрыт. Можно приписать секрет этого явления деятельности тех же оккультных сил, которые позволили египетским магам древности имитировать те чудеса, которые с Божьего соизволения сотворил Моисей перед лицом фараона и всем его народом» [122]. В трюке с корзиной, который может быть проделан в любом месте и местности, на почве, покрытой слоем дерна, на замощенном дворе столовой, под большую плетеную корзину конической формы помещается мальчик, каждому дается возможность проверить корзину и место, где она ставится, затем факир многократно протыкает корзину длинным мечом со всех сторон. За каждым ударом меча следует громкий вскрик боли, на оружии можно различить следы свежей крови. Крики звучат все приглушенней и в конце концов умолкают полностью. Затем фокусник с криками и песнопениями танцует вокруг корзины, неожиданно ее поднимает, и зрители видят, что в корзине нет мальчика, исчезли прорехи, не видно пятен крови на стали. И через несколько секунд мальчик, здоровый и смеющийся, появляется откуда ни возьмись из совершенно неожиданного места. В связи с этим можно вспомнить слова Суареса: «(Дьявол) может обмануть и запутать чувства, так что кажется, что голова у кого-то отрублена и течет кровь, на самом же деле ничего подобного не происходит». [123]

Маги Монголии (Tartary) и Тибета, бокте, в определенные дни после продолжительных церемоний появляются в храмах, которые всегда в таких случаях переполнены народом, и пока их ученики издают громкие зазывания, неожиданно сбрасывают с себя свои одеяния и острым ножом взрезают себе живот сверху донизу. Из открытой глубокой раны течет кровь. Паства застывает на месте, затем падает на пол и простирается перед магами, бешено дергаясь на полу. Маг брызгает на людей кровью и где-то через пять минут прижимает руки к раскрытой ране на животе, после чего рана исчезает и не остается даже малейшего следа от разреза. Чувствует он себя достаточно слабо, но других сколько-нибудь заметных последствий этой операции не ощущает. Те, кто видели этот мерзкий спектакль, уверяют, что его невозможно объяснить галлюцинациями или ловкостью рук, и единственное возможное объяснение заставляет признать, что мы имеем дело с чарами, брошенными на толпу властью невоплощенной злой воли. [124]

Удивителен рост популярности спиритизма [125], который за время жизни одного поколения вышел за пределы обычного шарлатанства и потребовал к себе серьезного внимания и исследования со стороны экспертов, затронув внимание известных ученых и философов и предоставив нам немалое количество примеров самых экстраор-

динарных феноменов, как физических, так и психических, причем самые тщательные разыскания показали, что эти феномены совершенно необъяснимы в пределах известной нам научной парадигмы. Их классификация была проведена сэром Уильямом Круксом в его труде «*Researches in the Phenomena of Spiritualism*». Они включают: движение тяжелых тел, не вызванное контактами с другими телами или при контактах, которые не могут объяснить траекторию и дальность движения; изменение веса тел; поднятие в воздух столов и стульев без всяких контактов; левитацию людей; «аппорты», объекты вроде цветов, монет, кусков камня, переносятся в герметически закрытую комнату без всякой видимой возможности внести их туда физически; появление более-менее различных фантомных лиц и форм. Несмотря на продолжающиеся и поныне многочисленные и сложные жульничества, устраиваемые организаторами сеансов, сколь длительные, столь и унижительные скандалы, не только в случаях с дешевыми шарлатанами, но и с известными медиумами, такими, как Уильям Эггилтон, случались и случаются феномены, в пользу истинности которых свидетельствуют несомненные авторитеты. Следует ли объяснять подобные инциденты вмешательством душ мертвых или деятельностью созданий, никогда и не бывших воплощенными?

Даже горячие поклонники спиритизма, на все готовые, чтобы обрести контакт с умершими друзьями, должны были признать, что весьма нередки случаи вмешательства сознания нечеловеческого. Это заключение базируется на долгих и детальных наблюдениях, которые здесь мы лишь кратко суммируем. Практически невозможно точно установить идентичность того или иного духа, определить, тот ли он индивид, за которого выдает себя вышедшее на контакт существо. Информация, которая получена таким образом, совсем не та, которую можно было бы ожидать от ушедшего из жизни, ответы неизменно тривиальны и банальны до крайности. Свое нынешнее состояние духи описывают крайне противоречиво. Тон переданных посланий постепенно переходит из неопределенного в оскорбительный и подчас явно угрожающий. Все эти моменты ясно свидетельствуют о вмешательстве демонов и искушении. [126]

Второй пленарный собор в Балтиморе (1866), констатируя частые случаи обмана и мошенничества среди спиритов, признал вместе с тем, что за частью феноменов стоит вмешательство Сатаны и по-иному их объяснить сложно (Decreta, 33 – 41). Декрет Святейшей канцелярии от 30 марта 1898 года проклинает спиритические практики даже при условии, что общение искалось лишь с добрыми ангелами и не было вмешательства злых демонов.

Не только в чудесах, но также и в пророчествах Люцифер стремится превзойти Бога, трона которого он возжаждал. Об этом писал в книге «*De Maleficis*» (1589) Петр Бинсфельд: «Nunc videndum est an daemones praesentiam habeant futurorum et secretorum, ita ut ex eorum reuelatione possit homo prognosticare [127] et occulta cognoscere?... Prima conclusio: Futura, si in seipsis considerentur, anullo praeterquam a solo Deo cognosci possunt» (Далее мы исследуем вопрос о том, могут ли демоны иметь какое бы то ни было знание о грядущем или о вещах сокрытых, так что и человек из их рассказов сможет нечто предвидеть или открыть для себя неизвестное... Первое заключение: будущее может быть открыто разве что Господу Богу). Но следует помнить о том, что ангелы, пусть и павшие, обладают весьма развитым интеллектом, как пишет Симон Майоло в книге «*Dies caniculares*»: «Astucia, sapientia, acumine longe superant homines, et longius progrediuntur ratiocinando» (По проникаемости, мудро-

сти, понятливости они весьма превосходят людей, и в будущее с помощью логических заключений могут заглянуть намного дальше).

Потому демоны и могут порой сделать верное предсказание, хотя намного чаще они лгут или скрывают свой ответ за фразами бессмысленными и неясными, как это делали древние оракулы. Довольно показательным примером таких лжепророчеств может служить случай камизардов (вероятно, от *camise*, черной рубахи, служившей им униформой), секты злобных фанатиков, терроризировавших Дофинэ, Виврэ и особенно Севенн в начале XVIII века. Они обязаны своим происхождением главным образом альбигойскому духу, который никогда не удавалось искоренить в этом регионе и который был раздут до масштабов настоящего пламени анархическим учением и памфлетами французских кальвинистов, таких, как «*Accomplissement des propheties*» Жюре. Папа Климент XI называет камизардов «отвратным отродьем мерзких альбигойцев». Де Серр, рядовой кальвинист из Дюльфи в Дофинэ, неожиданно объявил, что ему было некое видение, и волна нездоровой истерии захлестнула всю провинцию.

В 1702 году безгрешный аббат Шали был предательски убит этими ничтожествами, которые вооружились и сформировали отряды, ведомые такими негодьями, как Сегюр, Ла-порт, Кастане, Равеналь и Кавалье. Людовик XIV послал войска на их усмирение, но католическое руководство на местах вначале не осознало серьезность ситуации, и отдельные стычки и партизанские действия продолжались еще несколько лет. Кавалье бежал в Англию [128], откуда он вернулся в 1709 году и попытался устроить восстание в Вивре. 8 марта 1715 года специальной прокламацией и медалями Людовик XIV утвердил полный разгром этих демонистов.

Часть этих пророков бежала в Англию, где они вызвали значительные волнения. Вольтер в «*Siecle de Louis*», XIV, XXXVI, сообщает, что один из главных бунтовщиков, печально известный Эли Марион, стал таким несносным из-за своих *avertissements prophetiques* и ложных чудес, что его пришлось изгнать из этой страны в силу угрозы общественному порядку, которую он создавал. [129]

Существование злого невоплощенного разума подтверждается церковными истинами, равно как и существование царства зла с одним правителем и, видимо, многочисленными слугами, разветвленной иерархией. Это царство ведет войну с силами добра, пытается поработить человека и сотворить зло. Если человек задался целью войти в контакт с миром теней, чего бы это ему ни стоило, то так он и сделает. Случаи такие редки, но, без сомнения, бывают. Подобные связи в совокупности со своими последствиями и всем, что их окружает, как раз и называются ведовством или колдовством. Эрудит Шпренгер в «*Молоте ведьм*» с чувством заявляет, что с его точки зрения отрицание возможности ведовства является ересью. «Ведь Сам Господь говорил о магах и волшебниках, какой же неверный может утверждать, что они не существуют?» – пишет Пьер де Ланкр в книге «*L'Incredulite et Mescreance du Sortilege*» (Paris, 1622) [130]. Знаменитый адвокат Блэкстоун в своих *Комментариях* (1765), IV, 4, заключает: «Отрицать возможность существования ведовства и колдовства, значит, немело противоречить откровению слова Божьего, выраженного в разных местах как Ветхого, так и Нового Завета; каждая нация подтверждает или известными примерами, или законодательными запретами по меньшей мере возможность сговора со злыми духами». Даже сверхосторожный, я чуть было не сказал, скептический, отец Тарстон признает: «Перед лицом Святого Писания и учения отцов церкви и богословов трудно отрицать теоретическую возможность заключения пакта с дьяволом и вмеша-

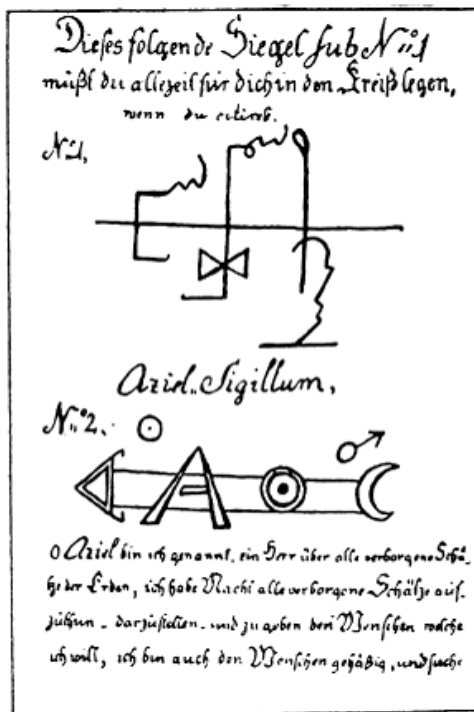
тельства дьявола в дела людские». Ошибки, хитрость, самообман, гипнотизм, большое воображение, без сомнения, сыграли немалую роль в создании легенд о таких контактах. Одно дело говорить об обладании какими-то магическими способностями, другое дело реально их иметь. Понятно, что если человек твердо верит во власть сил тьмы, если считает, что эти силы могут вмешиваться в дела и судьбы людей и постоянно это делают, то он может посвятить себя служению этим силам, может отказаться от своей воли, может призвать дьявола для выполнения своих желаний и целей и убедить себя, что он действительно вошел с ним в контакт и стал его рабом и слугой. [131] Больше того, как и можно было ожидать, протоколы переполнены записями о разнообразном шарлатанстве, хитростях и преступлениях, при совершении которых учитывалась суеверность населения. Умелая игра и фиглярство нередко вводили в заблуждение глупцов и людей недалеких. Большое тщеславие заставляло шарлатанов искать репутации ведьмы или колдуна-знахаря, а создание такой славы нередко влекло за собой и весьма приличный прибыток.

Но даже с учетом всех этих поправок, после того, как мы детально рассмотрим долгую и кровавую историю ведовства, убедимся в нередкости массового фанатизма и многочисленных жестокостях охоты на ведьм, после того, как мы рассмотрим все эти события в свете достижений науки, оценим их с психологической и физиологической точек зрения, и все случаи разберем в деталях; после того, как, расследуя заново преступления ведьм, мы убедимся, что в одних случаях под ведьмами подразумевались истерички, в других – больные каталепсией, эпилепсией и другими редкими нервными болезнями, даже сегодня не распознанными; после того, как станет очевидным, что процессы нередко вызывались личной враждой к осужденным, а порою выжившие из ума старушки становились жертвами разъяренной толпы и невежественного суеверия; что разочарованные шантажисты или воры могли стать инициаторами подобных процессов; что обвиняемые были иногда просто эксцентричными или не вполне нормальными людьми; что множество подозреваемых обвинялось на основании признаний ведьм, сделанных на дыбе или при пытке испанским сапогом; после того, как мы проанализируем все эти обстоятельства и вполне осознаем весь ужас творящегося порой судебного произвола – нам не останется ничего, кроме как признать, что большое количество важных процессов не может быть объяснено только упомянутыми выше моментами. Как написал один непредубежденный автор: «В большом количестве случаев судебное разбирательство здесь основывалось на реальном факте совершения преступления» [132]. И единственная возможность объяснить эти случаи заключается в признании реальности ведовства и контрактов с дьяволом. Следует хорошо помнить, что лучшие умы Европы, тонкие интеллектуалы, учейшие из ученых, люди благороднейшие, знавшие о таких делах, все твердо верили в ведовство. Среди них возвышаются такие авторитеты, как св. Августин, «перворазрядный гений философии и богословия, возвышающийся подобно пирамиде над античностью и последующими веками» [133]; блаженный Альберт Великий, универсальный доктор энциклопедических знаний; св. Фома Аквинский, ангелический доктор, один из лучших умов, когда-либо обитавших на земле, серафический св. Бонавентура, возлюбленный из мистиков; многие Папы, в том числе Александр IV, друг францисканцев, благоразумный, добрый, глубоко религиозный человек, «прилежный в молитве и твердый в воздержании» [134]; Иоанн XXII, «человек серьезный, с привычками аскетичными и простыми, как было признано» [135]; Бенедикт XII, набожный цистерциан-

ский монах, весьма сведущий в богословии; Иннокентий VIII, блестящий прелат, ученый и дипломат; Григорий XV, эксперт канонического и гражданского права, справедливейший и снисходительнейший из понтификов, человек весьма талантливый. Мы знаем имена таких ученых, как Жерсон, канцлер Нотр-Дама и ректор Парижского университета, «справедливо признаваемый обладателем одного из острейших интеллектов своей эпохи» [136]; Яков Шпренгер, который, несмотря на свои этимологические ошибки, многого достиг в области науки; Жан Боден, «один из основателей политической философии и политической истории» [137]; Эразм; епископ Джьюэлл из Солсбери, «один из способнейших и авторитетнейших толкователей учения реформированной Церкви Британии» [138]; галантный Райли; лорд Бэкон; сэр Эдвард Коук; кардинал Мазарини; прославленный Бойль; Кадворт, «возможно, самый выдающийся из ученых, воспевавших деятельность английской церкви»; Селден; Генри Мор; сэр Томас Браун; Джозеф Гленвилл, «лишь немногими из своих последователей превзойденный в гении»; Мерик Казабон, ученый кентерберийский пребендарий; сэр Мэтью Хэйл; сэр Джордж Макензи; Уильям Блэкстоун и многие другие, не столь известные священники, адвокаты и ученые. Трудно представить, что все они, пусть временами и ошибаясь в деталях, были полностью неправы в оценке ведовства. Ученый Синистрари в своем труде «*De Demonialitate*» [139], основываясь на авторитетном мнении Франческо-Марии Гуаццо из братства св. Амброзия (*Compendium Malefi-carum*, Кн.1.7) пишет: «Primo, ineunt pactum expressum cum Daemone aut alio Mago seu Malefico uicem Daemonis gerente, et testibus praesentibus de seruitio diabolico suscipiendo: Demon vero uice uersa honores, diuitias, et carnales delectationes illis pollicetur» (Сперва (новообращенный демонист. – Прим. пер.) заключает в присутствии свидетелей контракт с демоном, а возможно, магом или колдуном, действующими за него, в котором оговаривается, что он поступает на службу к дьяволу, а тот взамен обязуется предоставлять ему почести, богатства и телесные наслаждения).

Известно, что иногда этот договор носил устный характер, иногда речь идет о подписанном документе. В любом случае заключался он, как указывает Герр, на добровольной основе и носил характер инициации в мистерии зла некоего секретного сообщества, на ассамблее которого неопит скреплял себя страшной клятвой и богохульствами на путь служения Сатане. Существуют, однако, случаи, которые могут быть объяснены лишь материализацией темного разума, реально, таким образом, получавшего долговое обязательство от своих слуг. Случаи эти, безусловно, весьма редки; тем не менее порой судьям приходилось рассматривать и такие действия, а также документы, их подтверждающие. В 1453 году Гильом Эделин, приор Сен-Жермен-ан-Лэ, подписал контракт с Дьяволом, и этот контракт позже был найден на его теле. Пьер де Ланкр сообщает, что ведьма Стевенот де Одебер, сожженная в январе 1619 года, показывала ему «le pacte et conuention qu'elle auoit fait avec le Diable, escrite en sang de menstrues, et si horrible qu'on auoit horreur de la regarder» [140]. В библиотеке Упсалы сохранился контракт, подписанный Даниэлем Сальтениусом, впоследствии профессором иврита в Кенигсберге, в котором он продает себя Сатане.

Форма заклинания

Контракт с Сатаной, как говорят, всегда подписывался кровью самого отступника. «Подпись практически неизменно ставилась кровью самого автора... Так, в Аугсбурге Иосиф Эгмунд Шульц объявил, что 15 мая 1671 года около полуночи, где-то между 11 и 12 часами вечера, он бросил на землю в месте, где сходятся три дороги, иллюстрированный пергамент, написанный его собственной кровью и завернутый в красивый платок, и так заключил контракт с дьяволом... Видман также рассказывает, как несчастный безумец Фауст надрезал большой палец и каплями крови посвятил себя письменно служению телом и душой дьяволу, полностью отвергая в себе принадлежащее Господу». [141] С древних времен доходят до нас свидетельства, что у многих народов было принято использовать человеческую кровь для заключения нерушимых договоров. [142] Рохольц (I, 52) сообщает, что в привычке новичков немецких университетов (Burchen) «расписываться друг у друга в альбомах своей кровью». Говорят, что до сих пор существует пергамент, на котором расписался своей собственной кровью Максимилиан, великий человек, баварский электор, посвятивший себя, таким образом, служению Богородице. Кровь была самой священной и ненарушимой субстанцией, скреплявшей соглашения, как видно из обряда кровного братства, когда таким образом заключались альянсы и клялись во взаимной дружбе. В таких случаях пили кровь или вино, смешанное с кровью. Геродот (IV, 70) рассказывает, что скифы имели обыкновение заключать договоры, ссезивая вино в глиняный сосуд, в который перед этим представители сторон, предварительно порезав пальцы, пускали свою кровь и взаимно ее смешивали. После чего они и наиболее знатные из их окружения отпивали из этого сосуда. Помпоний Мела в «De Situ Orbis» (II, 1), пишет, что и

в его дни сохранился этот обычай: «Так что даже и свои союзы не могут они заключить без пролития крови: сторонники по соглашению наносят себе раны и, когда пойдет кровь, они смешивают два ее потока и потом пробуют на вкус. Они полагают, что это наиболее верный способ добиться вечной преданности и доверия друг к другу» [143]. Гиральд в «*Topographia Hibernorum*» (XXII, 743), пишет: «Когда ирены заключают договоры, то пьют кровь друг друга, которая добровольно пускается с этой целью». В июле 1891 года в Южной Италии была раскрыта и уничтожена банда разбойников, существовавшая уже три года. Передают, что частью ритуала этих бандитов из Бари, организация которых называлась «*Mala Vita*», было то, что «новички пили кровное братство с капитаном банды, высасывая и проглатывая кровь из царапины, которую он сам себе наносил в области сердца».

В некоторых гримуарах и книгах по магии, таких, как «*Книга черной магии и договоров*», «*Ключ царя Соломона*», «*Sanctum Regnum*», можно найти описания ритуалов и тексты заклинаний, и если они, к счастью для произносящих их, не работают, то лишь по той причине, что демонический разум находится под контролем сил Добра. Но, как справедливо отмечает Суарес, даже если не ответит демон, коего призывают, «то происходит это или по той причине, что Господь не позволяет этому случиться, или по другой причине, о которой нам ничего не известно» [144]. Вина же призывающего демона в его грехе от этого не смягчается. [145] В конце XVIII века некий Хуан Перес, доведенный до полного отчаяния, поклялся отдать свое тело и душу Сатане, если только тот отомстит тем, в ком он подозревал своих врагов. Он консультировался со многими колдунами и ведьмами, совершил немало теургических церемоний, но все это без какого-либо успеха. Ад был глух к его призывам. Тогда Перес открыто провозгласил свое неверие в сверхъестественное, в реальность демонов и посмеялся над Священным Писанием, как над сказкой для детей. В конце концов это поведение привело его к ответу перед трибуналом Святейшей канцелярии, которому на первом же допросе он поведал всю эту историю, добавляя, что понесет любое наказание, которое сочтут на него должным возложить.

От исполнения контракта с дьяволом, уже заключенного, можно, тем не менее, уклониться. Таково авторитетное мнение св. Альфонса, который пишет, что некромант или человек, имевший общение со злыми духами, но решивший отказаться от своей магии, должен: «1. Полностью отречься и отказаться от всяких контрактов или каких-либо сделок с демоническим разумом, в которые он входил. 2. Сжечь все книги, писания, амулеты, талисманы и другие инструменты, используемые в черном искусстве (т. е. кристаллы, планшеты, доски, языческие амулеты и тому подобное). 3. Сжечь письменный контракт с дьяволом, если подобный находится во владении бывшего некроманта; если же контракт находится у дьявола, то нет смысла требовать его возвращения, так как он полностью аннулирован покаянием. 4. Возместить все убытки и потери, нанесенные магией» [146]. Следует заметить, что эти правила были признаны весьма полезными и практичными в случаях с медиумами и другими людьми, которые отказались от спиритизма, его заблуждений и опасностей.

Из истории и даже агиографии нам известны примеры колдунов, которые были обращены. Один из наиболее известных – св. Теофил Кающийся; [147] еще более удивительным было обращение св. Киприана Антиохийского, который вместе со св. Юстиной принял мученичество во времена гонений Диоклетиана в Никомидии 26 сентября 304 года. [148] Блаженный Жиль Сантаремский, португальский доминика-

нец, еще в молодости стал превосходным философом и медиком. Однажды, путешествуя из Коимбры в Сорбонну, он оказался в компании с неким учтивым незнакомцем, который обещал научить его черным искусствам в Толедо. В качестве оплаты незнакомец потребовал, чтобы Жиль передал свою душу дьяволу и подписал с ним контракт кровью. Согласившись с условиями, он посвятил семь лет занятиям магией, а затем отправился в Париж, где легко получил звание доктора медицины. Жиль, однако, покался, сжег книги с заклинаниями и вернулся в Португалию, где вступил в орден доминиканцев. После долгой жизни, наполненной покаянием и молитвами, он умер в Сантареме 14 мая 1205 года, где до сих пор почитают его мощи. [149] Культ этого святого был официально одобрен Бенедиктом XIV 9 марта 1748 года. Память празднуется 14 мая.

Контракт с дьяволом заключался, как правило, на всю жизнь, но известны случаи, когда предусматривалось, что дьявол по истечении определенного периода убьет своего почитателя. Реджинальд Скотт отмечает: «Иногда они приносят оммаж с соответствующими клятвами и заключают контракт на определенное количество лет, иногда навечно» [150]. Магдалена де ла Круц, францисканская монахиня, рожденная в Агиларе в 1487 году, в 1504 году вступила в монастырь св. Изабеллы в Кордове. Она пользовалась отличной репутацией по причине святости своего поведения и избиралась аббатисой в 1533, 1536 и 1539 годах. Но не прошло и пяти лет, как она оказалась в заключении у инквизиции в связи с тем, что против нее было выдвинуто обвинение в ведовстве. Она призналась в том, что в 1499 году, когда ей было всего 12 лет, перед ней появился некий дух, назвавший себя гротескным именем Бальбар, вместе с компаньоном по имени Питон, и она заключила с ними контракт сроком на 41 год. В 1543 году она серьезно заболела и в связи с этим исповедовалась в своих сношениях с дьяволом и прочих достойных осуждения деяниях. В качестве кающейся до конца жизни она была заключена в некоем доме с весьма суровыми условиями содержания. Джоанна Виллифорд, ведьма из Фавершэма, признала, «что дьявол обещал ей служить 20 лет, и время это сейчас почти подошло к концу» [151]. В 1646 году Елизабет Вид, ведьма из Грейт Кэтворта в Хантингдоншире, призналась, что «тогда дьявол обещал ей, что будет делать все, какую бы мерзость она его ни попросила; и потребовал, чтобы она заключила с ним соглашение, по которому через год и еще двадцать лет он получит ее душу, что она и обещала». [152] В 1664 году волшебница из Сомерсета, Елизабет Стайл, признала, что дьявол «обещал ей деньги и что она будет вести светскую жизнь и получит все блага мира сего в течение двенадцати лет, если подпишет своей кровью его бумагу, в которой душу свою передаст ему». [153]

Сатана обещал дать своим поклонникам все, что только они пожелают, — знания, богатства, славу, удовольствия, месть врагам; но все, что он мог дать, так это разочарование, бедность, несчастья, ненависть, власть нанесения ущерба и уничтожения. Он постоянно держал перед их глазами ускользающие надежды и одурманивал их таким образом, что они верили ему и возлагали на него свои упования до тех пор, пока все не было потеряно. Иногда в случаях с теми, кто был молод, пакт заключался на непродолжительный срок, но он всегда возобновлялся. Так, в Лилле в 1661 году ученики Антуанетты Буриньон признались: «Дьявол дал им знак, и этот знак они возобновляют, как только у кого-либо из них появляется желание его покинуть. Дьявол тогда относится к ним более сурово и понуждает их давать новые обещания, делая им новые знаки для уверения подлинности клятвы, что эти люди останутся ему верными». [154]

Знак или клеймо дьявола, о котором здесь шла речь, или ведьминский знак, как его иногда называют, воспринимался, возможно, как самый верный признак при установлении факта ведовства. Это был подлинный знак и печать Сатаны, начертанная на плоти его слуги, и любой человек, у которого был такой знак, воспринимался как, безусловно, находящийся в союзе с дьяволом и посвятивший врагу рода человеческого все свои усилия; дальнейшие доказательства были в таком случае излишними. Говорится, что этот знак был совершенно нечувствительным к боли, и когда его кололи иглой, то, как бы глубоко это ни делалось, из этого места не текла кровь. Так, мистер Джон Белл, священник из Глэдсмюра, в своем трактате «*Расследование ведмовства, или ведьмовство, обвиненное и проклятое*», опубликованном в начале XVIII века, разъясняет: «Ведьминский знак иногда подобен вздувшемуся пятну, порой с прожилками или красному пятну, как от укуса насекомого; иногда кажется, что поверхность кожи втянута внутрь, или можно нащупать пустоту под кожей, причем пятна эти находятся в тайных местах тела, например, среди волос на голове или в бровях, на внутренней стороне губ, под мышками или в интимных частях тела».

Роберт Хинк, священнослужитель из Аберфойла, в книге «*Тайное содружество*» (1691) пишет: «Пятно, которое я видел, было подобно маленькой родинке, роговато на ощупь и цвета коричневого; и когда протыкали ведьминские знаки большой иглой (как на ягодицах, так и на носу, и на небе во рту), то пока игла не начинала гнуться, ведьмы, как мужчины, так и женщины, не чувствовали боли и не кровоточили, и не могли сказать, когда с ними это делают (глаза им при этом закрывались)». Иногда пятно имело вид жабы или летучей мыши; или, как говорит дель Рио, «форму следа зайца, лягушки, вид паука, деформированного щенка или мыши». [155] Этот авторитетный ученый сообщает нам также, на каких частях тела обычно располагаются такие знаки: «У мужчин нередко можно встретить этот знак на нижних веках, под губами, под мышками, на плечах, на ягодицах; у женщин же сверх того на грудях или в области половых органов». [156]

В своем глубоком трактате «*De Daemonialitate*» известный своей эрудицией францисканец Лодовико-Мария Синистрари пишет: «[Sagae seu Malefici] sigillantur a Daemone aliquo caractere, maxime ii de quorum constantia dubitat. Character vero non est semper eiusdem formae, aut figurae: aliquando enim est simile lepori, aliquando pedi bufonis, aliquando araneae, uel catello, uel gliri; imprimitur autem, on locis corporis magis occultis: uiris quidem aliquando sub palpebris, aliquando sub axillis, sub labiis, aut humeris, aut sede ima, aut alibi: mulieribus autem plerumque in mammis, seu locis muliebribus. Porro sigillum, quo talia signa imprimuntur, est unguis Diaboli» (И поставляет Дьявол [на ведьмах и колдунах] некоторые знаки, особенно на тех, в чьей верности он сомневается. И не должно быть скрыто, что не всегда эти знаки одной формы: иногда в виде зайца, иногда жабьей ноги, иногда паука, щенка, сони. И отпечатывает он сие клеймо на самых закрытых частях тела: у мужчин – под веками, под мышками, под губами, на плечах, ягодицах или еще где; у женщин обычно на грудях или в местах приватных. И ничем иным проставляет Дьявол сие клеймо, как своими когтями).

Этот знак делался самим дьяволом или его наместником на шабашах при инициации новой ведьмы. «Дьявол делает каждой новой ведьме знак, своими зубами или когтями», – говорит Реджинальд Скот в «*Discoverie of Witchcraft*» (1584).

Молодые ведьмы из Лилля в 1661 году признались, что «Дьявол клеймил им железным шилом некоторые части тела». [157] В Шотландии Джилли Дункан, служанка

помощника бейлифа из Транента, некоего Давида Ситона, вовлеченная в знаменитый процесс доктора Фиана, Агнессы Сэмпсон, Эувфимии МакКаллэн, Барбары Напье и их помощников, даже под пыткой отказалась сделать признания: «в то время как они, подозревая, что она имеет клеймо Дьявола (а оно есть у всех ведьм), тщательным образом ее осмотрели и нашли метку врага у нее на лице, на передней части ее гортани; и как нашли они ее, она призналась в том, что все, что она сделала, произведено было ею по злобному оболыщению и дьявольскому наущению и при помощи ведовства». [158] В 1630 году Кэтрин Освальд из Ниддри была обвинена в чародействе и «в присутствии двух свидетелей в плечо подсудимой (где у нее было клеймо дьявола) была целиком воткнута булавка, но кровь не потекла, и она не реагировала...» [159]

В 1643 году Джанет Баркер из Эдинбурга призналась, что у нее было общение с демоном и сообщила, что он поместил ее между плечами. Знак был найден, «и булавка была воткнута в него и оставалась там около часа, подсудимая же ее не чувствовала». [160]

10 марта 1611 года Луи Гоффриди, священника из Аккуля в марсельской епархии, находящегося в тюрьме по многочисленным обвинениям в чародействе, посетили два врача и два хирурга, которым было поручено обыскать его на предмет обнаружения дьявольского клейма. Их совместный отчет дошел до нас в следующем виде: «Мы, нижеподписавшиеся доктора и хирурги, в соответствии с указаниями, полученными нами от мессира Антуана де Торрона, сира де Торона, королевского советника в парламенте, посетили мессира Л. Гоффриди, на чьем теле мы обнаружили три маленького размера метки, по цвету мало отличные от обычного цвета кожи. Первая находилась на его правом бедре, где-то посередине. Когда мы проткнули ее иглой на глубину в два пальца, он не почувствовал боли; ни крови, ни другой жидкости из ранки не вытекло.

Вторая метка находилась в области поясницы, справа, в дюйме от позвоночника и где-то в четырех пальцах над бедренными мускулами. Туда мы вогнали иглу на глубину в три пальца, оставили там на некоторое время зафиксированной, как это было проделано и при исследовании первой метки, но, тем не менее, упомянутый Гоффриди не чувствовал боли, также из раны не вытекало крови или какой-либо иной жидкости.

Третья метка находилась в области сердца. Сначала игла вводилась без каких-либо жалоб со стороны Гоффриди, как это было в предыдущих случаях. Но когда это место подверглось протыканию с применением известной силы, он сказал, что чувствует боль, но из раны не вытекло никакой жидкости. Рано утром на следующий день мы вновь посетили его и обнаружили, что на частях тела, которые мы испытали, отсутствует покраснение или какие-либо иные следы. По нашему суждению подобные нечувствительные участки тела, из которых не выделяется жидкость при повреждении, не может быть объяснена какими-либо старыми кожными инфекциями, и, исходя из этого мнения, мы предоставляем наш отчет на десятый день марта 1611 года.

Фонтэн, Грасси, доктора; Мериндолль, Бонтамп, хирурги». [161]

26 апреля 1634 года во время знаменитого Луденского процесса обвиняемый Урбан Грандье был осмотрен с целью обнаружения ведьмовских знаков. Он был раздет, ему были завязаны глаза, и в присутствии официальных лиц Рене Маннори, один из ведущих медиков города, произвел осмотр. Были обнаружены два клейма, одно на лопатке, другое на бедре, оба они были нечувствительны к боли, даже когда их протыкали острой серебряной иглой.

Поскольку раскрытие клейма дьявола стало восприниматься как важнейшее указание, если не решающее доказательство виновности обвиняемого, так как оказывалось, что сам Сатана начертал свою печать на плоти подсудимого, то вполне понятно, что со временем распознавание и испытание подобных знаков переросло в профессию, в которой преуспело немалое количество одаренных людей, сделавшихся в этой области экспертами и признанными авторитетами.

В Шотландии, например, «прокальватели» образовывали даже отдельную гильдию. Они получали неплохие деньги за каждую раскрытую ведьму и, как можно было ожидать, нередко пожинали золотые плоды.

На процессе Джанет Пистон, в 1646 году, магистраты Далкита «призвали Джона Кинкэйда из Транента, общественного прокальвателя, для того, чтобы он продемонстрировал на ней свое искусство. Он нашел на ней две метки дьявола, поскольку она не чувствовала боли, когда он погружал булавку в одно из этих мест; также не было кровотечения, когда он ее вытаскивал. Когда ее спросили, куда, по ее мнению, только что втыкали булавку, она показала на участок тела, далеко отстоящий от того, куда ее действительно втыкали. Длина этих булавок была около трех дюймов». [162] Другого печально известного «протыкателя» звали Джон Бэйн, и по его ничем не подтвержденным свидетельствам на смерть было отправлено немалое количество незадачливых бедняг.

Около 1634 года Джон Бальфур из Корхауза привел всю сельскую округу в ужас своими изысканиями; а двадцать лет спустя Джон Дик едва не превзошел самого Кинкэйда. Регулярная основа, на которой трудились эти «общественные прокальватели», стала представлять известную угрозу общественному спокойствию и даже, прямо скажем, открыла двери разнообразным мошенникам.

Нижеследующий из ряда вон выходящий случай наглядно покажет, насколько опасной и подлой может стать подобная практика, когда ею занимается шарлатан. Кажется, если подобные исследования и следует вообще проводить, то вначале надо принять все возможные меры предосторожности. В любом случае заниматься этим должны профессиональные медики, которые сообщат результаты достойным и серьезным представителям Церкви. «И вот прибыл в Инвернесс некий мистер Патерсон, который объехал все королевство, проводя процессы ведьм, и которого обычно называли прокальвателем, так как ведьм он выявлял с помощью длинной медной булавки. Раздевая их догола, он утверждал, что зачарованный участок тела обнаружен и раскрыт. Обследовав все тело своими ладонями, он втыкал булавку и казалось, со стыдом и ужасом, бывшим очевидным, они не чувствовали этого; он же оставлял булавку в теле, вогнанную до головки, и просил их, чтобы они нашли и вынули ее. Конечно, так ему удалось раскрыть известное количество ведьм, но и немало честных мужчин и женщин было запятнано и погублено этим фокусом. В Элджине было двое убитых, в Форресе двое, Маргрет Дафф, явная ведьма, была сожжена в Инвернесе. Затем этот Патерсон прибыл в церковь Вордлоу и в самой церкви прокальвал 14 женщин и одного мужчину, которых привел туда Чизхольм из Коммера и еще четверых, приведенных Эндрю Фрззером из Ферринтоша. Сперва он остриг всем им волосы и собрал все отрезанные волосы воедино, сложил их в каменную нишу и приступил к прокальванию. [163] Некоторые из них умерли в тюрьме, так ни в чем и не признавшись. Этот мерзавец собрал немало денег и нанял двух слуг; в конце концов стало известно, что это женщина, переодетая в мужское платье. Подобная жестокость и суровость подкре-

плялись низким жульничеством». [164]

Без сомнения, в очень многих, даже в большинстве случаев, эти ведьминские знаки были природными деформациями кожи, уплотнениями ткани, родимыми пятнами. Мне самому был известен человек, у которого в результате дородовой травмы на предплечье появилось изображение крысы, состоящее из родинок, нечувствительных бородавок и пятен. Но это объяснение не подходит ко всем случаям, и даже скептическая мисс Мюррей, которая пишет: «Кажется, в ряде случаев имела место местная анестезия, так что, возможно, за многими из таких сообщений стоит нечто реальное», вынуждена честно добавить: «но на текущий момент я не могу предложить решения этой проблемы» [165]. Более того, как уже отмечалось, этот знак нередко проставлялся на теле новичка при инициации, часто мастером шабаша, председательствующим на сборище, иногда же, надо признать, силами нечеловеческими.

Таким образом, «маленький сосок», столь часто находимый на теле магов и ведьм, выделявший молоко, предназначенное для кормления фамилиара, не следует путать с нечувствительным клеймом дьявола. Этот феномен по причинам, пока не установленным, характерен лишь для Англии и Америки, зато здесь он действительно представляется весьма распространенным. Следует сказать, что в последнем акте пьесы Шедвелла *«Ланкаширские ведьмы»* (1681) проведением следственных мероприятий с ведьмами занимается одна женщина, которая в конечном итоге сообщает: «и у всех у них имеются весьма большие соски во всех частях тела, за исключением матушки Мадж, у которой они размера весьма небольшого». Шедвелл, объемистые выкладки которого содержат цитаты из пятидесяти авторов, пишет по этому поводу: «наличие сосков подтверждается нынче всеми охотниками за ведьмами». [166] В 1597 года на суде над старой Елизабет Райт из Степенхилла у Бартон-он-Трент «обнажили они старую женщину и нашли у нее на правом плече нечто похожее на вымя овцы с двумя сосками, похожими на две большие бородавки, один у подмышки, немного сзади, другой ближе к вершине плеча. И когда ее спросили, как давно у нее эти соски, она отвечала, что в таком виде и родилась». [167]

В случае с эдмонтонской ведьмой Елизабет Сойер, которая, несмотря на свое сопротивление, была обследована по указанию судей, Маргарет Вивер, вдова, известная честным образом жизни, и две другие порядочные женщины, в обязанности которых входило провести это расследование, нашли на ее теле «нечто подобное соску, величиной с мизинец и длиной в полпальца, помеченное на вершине чем-то вроде соска, причем казалось, что кто-то сосал его». [168]

Джон Палмер из Сент-Олбанс (1649) признался, что, «заключив договор с дьяволом, получил от него знак на теле, точнее, клеймо у себя на боку, которое давал сосать двум фамилиарам». [169] Кентская ведьма Мэри Рид из Ленхэма (1652) «имела видимый сосок под языком и многим его показывала». [170] В Сент-Олбанс около 1660 года жил некий чародей, который «имел нечто вроде груди у себя на боку» [171]. В том же году в Киддерминстере подпали под обвинение в колдовстве вдова, две ее дочери и один мужчина; «у мужчины нашли пять сосков, у матери три, у старшей дочери один». [172] В 1692 году Бриджит Бишоп, одна из салемских ведьм, предстала перед судом: «Жюри, составленное из женщин, обнаружило противоестественный сосок на ее теле: но при вторичном обследовании, в течение трех-четырех часов, ничего подобного обнаружить не удалось». [173]

Существуют схожие показания, относящиеся к протоколам по делам Розы Каллендер и Эми Дани, двух саффолкских ведьм, казненных в 1664 году; Елизабет Хорнер, девонской ведьмы (1696); вдовы Коман, эссекской ведьмы, которая умерла в своей постели (1699); наконец, во множестве других подобных документов, которые содержат более чем достаточный иллюстративный материал. Безусловно, многие из этих случаев следует объяснять полимастией (*mammæ erraticæ*) или полителией (наличием нескольких сосков). Подобные случаи были описаны в медицинской литературе. Приходится согласиться, что подобные анатомические девиации более обычны, чем предполагалось до недавнего времени. Часто они столь незначительны, что их легко проглядеть. Понятно, что в ряде описаний, относящихся к XVII веку, мы сталкиваемся с весьма значительными преувеличениями. И тем не менее следует признать, что, сделав все возможные допущения, у нас останется немало случаев, которые невозможно объяснить физическими отклонениями и анатомическими особенностями строения организма. Протоколы старых богословов и охотников на ведьм содержат гораздо больше правды, чем многие сегодня готовы признать.

ГЛАВА III.

Демоны и фамилиары

Один из наиболее авторитетных авторов былых времен, писавших о ведовстве, Франческо-Мария Гуаццо, член братства св. Амброзия в Немю [174] в своем энциклопедическом труде «*Compendium Maleficarum*», впервые опубликованном в Милане в 1608 году, распределил по одиннадцати пунктам моменты, являвшиеся, с его точки зрения, определяющими для тех, кто занимался ведовством:

Первое. Кандидат в сообщество ведьм должен заключить с дьяволом или каким-либо магом или волхвом, выступающим от его имени, специальный договор, в котором в присутствии свидетелей он обязуется вступить на путь зла. Дьявол же взамен этой клятвы дает ему богатства, роскошь и все, чего он только ни пожелает.

Второе. Он отрекается от католической веры, совершенно удаляется от послушания Господу, отвергает Христа и особенно покровительство и заступничество Богородицы, проклинает всех святых, презирует церковные таинства. В 1617 году в Гернси Изабелла Бекет отправилась в замок Роквэин, «место, где дьявол имел обыкновение проводить шабаши; и как только она там появилась, дьявол подошел к ней в облики собаки, у которой было два могучих рога, и одной из своих лап (которые ей казались, скорее, руками) взял ее за руку; и, назвав ее по имени, сообщил, что он рад, что она пришла; сразу после этого дьявол заставил ее стать на колени; потом сам он встал на передние ноги; затем он заставил ее отказаться от вечного такими словами: «*Я отвергаю Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого*»; затем он заставил ее прислуживать ему и поклоняться ему» [175]. Де Ланкр рассказывает, что Жанетта д'Абади, девушка 16 лет, призналась, что ее заставили «отвергнуть и отказаться от своего Создателя, Богородицы, святых, Крещения, отца, матери, родственников, неба, земли и всего, что только есть в этом мире» [176]. В очень полном признании, сделанном Луи Гоффриди 2 апреля 1611 года двум капуцинам, отцу Анже и отцу Антуану, он раскрывает формулу отречения от католической веры. Выглядит она так: «Я, Луи Гоффриди, отвергаю все блага как духовные, так и временные, которые могут быть дарованы мне Богом, Блаженной Девой Марией и Небесными Святыми, особенно моим покровителем св. Иоанном Крестителем, так же, как и св. Петром, св. Павлом, св. Франциском, и отдаю мое тело и душу Люциферу, перед которым я предстою так же, как и все блага, которыми когда-либо я буду пользоваться (за исключением той пользы, которую получают все прикасающиеся к Святым Дарам). Все вышесказанное подписываю и закрепляю печатью». [177] Мадлен де ла Палюд, одна из его жертв, использовала более длинное и детализированное отречение, в котором имели место следующие ужасные богохульства: «Всем сердцем своим непритворно и всей силой воли своей совершенно добровольно и полностью я отвергаю Бога-Отца, Сына и Святого Духа; Святейшую Матерь Господа; всех ангелов и особенно моего Ангела-Хранителя, Страсти Господа Нашего Иисуса Христа, его драгоценную кровь и блага, от нее происходящие, мой удел в раю, все благие побуждения, которые в будущем может даровать мне Господь, все молитвы, которые были сделаны или могут быть сделаны за меня». [178]

Третье. Он с презрением отбрасывает святейшие четки, дарованные Богородицей св. Доминику [179]; Перевязь св. Франциска; пояс св. Августина; кармелитский наплечник, возложенный на св. Симона; он бросает на землю и топчет в гневе ногами Крест, святые медальоны, *Agnus Dei* [180] в том случае, если он их носил на себе или у него есть какой-нибудь из этих предметов. Св. Франциск опоясывался грубой веревкой в память об узах, в коих пребывал Христос во время Страстной недели, посему белый пояс с тремя узлами по сю пору является частью наряда францисканцев. Сикст IV буллой «*Exsupernae dispositionis*» воздвиг архибратство Перевязи св. Франциска в базилике Сакро Конvento в Ассизи, обогатил его различными индульгенциями и привилегиями, которые неизменно подтверждались сменяющимися понтификами. Архибратства основывались не только во францисканских, но и во многих других церквях и группировались вокруг центра в Ассизи. Архибратство Богородицы Утешительницы или Черного Кожаного Ремня св. Моники, св. Августина и св. Николая Толентинского было образовано вследствие видения, которого сподобилась св. Моника, получившая от Богородицы черный кожаный ремень. Св. Августин, св. Амвросий и св. Симплициан носили такую перевязь, которая является характерной чертой одеяния августинских отшельников. После канонизации св. Николая Толентинского стало общепринятым мнение об особой святости этого предмета, и Евгений IV в 1439 году основал в его честь архибратство. Булла Григория XIII «*Ad ea*» (15 июля 1575 года) подтвердила это решение и приняла новые индульгенции и привилегии в пользу архибратства. Архибратство было воздвигнуто в августинских церквях, и часть монахов должна была получить от генерала ордена разрешение об отлучке для того, чтобы расширить его и на другие храмы.

Четвертое. Все ведьмы клялись дьяволу слушаться его и во всем подчиняться; они приносили ему присягу и при посредстве мерзких церемоний становились его вассалами, при этом они возлагали руки на большую черную книгу, которая им давалась. Они скрепляли себя богохульными клятвами с тем, чтобы никогда не вернуться на прямой путь веры, и обещали никогда не слушать наставлений священников, не делать добрых дел, но подчиняться лишь дьяволу и неуклонно посещать ночные сборища. Они клялись, как можно чаще прибывать на эти полуночные ассамблеи. [181] Сборища эти или кованы [182] (от *conuentus*) представляли собрания ведьм, состоящие из мужчин и женщин, как правило, руководимых специальным лицом, причем все они были для безопасности сборища из одного прихода. Те, кто принадлежал к определенному ковену (как свидетельствуют судебные протоколы), должны были посещать еженедельный Есбат. Арест одного из членов ковена позволял обычно выявить и других его представителей. Коттон Мэзер замечает: «У ведьм та же организация, что и у церковных конгрегаций».

Пятое. Ведьмы обещали прилагать все усилия и использовать все возможности и приманки с тем, чтобы вовлечь других мужчин и женщин в свои отвратительные занятия и службы Сатане.

Ведьмам отнюдь не чужд был миссионерский дух, что делало их вдвойне проклятыми в глазах клириков и вдвойне виновными с точки зрения закона. Так, в случае с Джанет Брейдхейд из Олдерна мы узнаем, что муж «совратил ее в это дело» [183]. Девушка по имени Беллот из академии мадам Буриньон призналась, что ее мать взяла ее с собой на шабаш, когда она была еще ребенком. Другая девушка утверждала, что все поклонники дьявола «вынуждены предлагать ему своих детей». Элизабет Фрэнсис

из Челмсфорда, ведьме, осужденной в 1566 году, было всего двенадцать лет, когда бабушка стала учить ее чародейству. [184] Известная карга из Пендла, Элизабет Демдайк, «взрастила своих детей, выучила своих внуков и весьма заботилась о том, чтобы они также стали ведьмами» [185]. В Салеме Джордж Бэрроуз, священник, был обвинен немалым количеством женщин в том, что он «человек, соблазнивший и вовлекший их в силки ведовства».

Шестое. Дьявол предусмотрел для ведьм нечто вроде святотатственного псевдокрещения, и после того, как очередная ведьма отвергнет своих крестных мать и отца, бывших при христианском Крещении и конфирмации, она получает новых попечителей в лице тех, чья задача отныне будет наставлять ее в колдовстве. Ведьмы отвергают свое прежнее имя и берут вместо него прозвище, как правило, гротескное и непристойное.

В 1609 году Жанетта д'Абади, ведьма с Нижних Пиренеев, призналась, что «нередко видела она детей, получающих крещение на шабаше, и, как она сказала, это были дети исключительно колдунов, но не других людей, главным же образом, ведьм, которые предпочитают крестить своих сыновей и дочерей на шабаше, а не в купели» [186]. 20 июня 1614 года в Орлеане Сильвен Невильон помимо других преступлений признался в том, что часто посещал ассамблеи ведьм и «что там они крестили детей помазанием елеем и при этом нашептывали какие-то фразы на латыни» [187]. Жентьен ле Клерк, который в это время также предстал перед судом, «сказал, что его мать, как ему рассказывали, представила его на шабаше, когда ему было всего три года, чудовищному козлу, которого они называли л'Аспик. Он сказал, что был крещен на шабаше в Каррир д'Оливэ с четырнадцатью или пятнадцатью другими детьми...» [188]

Помимо всего остального, в мае 1611 года Луи Гофриди сделал такие признания в Эксе: «Признаюсь, что на шабашах проводится крещение и что каждый маг, посвятивший себя служению дьяволу, связывает себя определенной клятвой относительно того, что все его дети будут крещены на шабаше, если это будет каким-либо образом возможно осуществить. Каждый ребенок, крещенный таким образом на шабаше, получает имя, совершенно отличающееся от его собственного. Признаю, что при этом крещении используются вода, сера и соль: сера же делает ребенка рабом дьявола, соль же утверждает его крещение на службу ему. Признаю также, что при таком крещении полагается говорить, что исполняется оно во имя Люцифера, Вельзевула и других демонов, при этом делается знак креста, но в обратном порядке, когда рука движется от ног к голове». [189]

Такому крещению подвергались и шведские ведьмы (1669): «они добавили, что и их он заставил креститься через тех своих служителей, которые там были, и принудил их подтвердить свое крещение чудовищными клятвами и проклятиями». [190]

Обычай давать новые имена на шабашах был, видимо, очень распространен. Так, в мае 1569 года в Сент-Эндрюс «известная волшебница, именуемая Никнивен, была приговорена к смерти и сожжена». Ее христианское имя не дается, ведьмовское же имя было, очевидно, дано ей демоном. В знаменитом деле Фиана было установлено, что во время встречи в кирхе Северного Бервика, когда Роберт Гирсон был назван по имени, это вызвало великий переполох среди ведьм и колдунов, которые «весьма вознегодовали на него, ибо было обещано, что будет прозываться он Роберт Сдерживатель, чтобы забыть свое первое имя». [191] Так, Евфимия МакКален из того же ковена

прозывалась Кэйн, а Барбара Напье – Нэйп. Изабел Гуди из Олдерна (1662) говорила, что многие известные ей ведьмы были крещены собственной кровью и получили такие имена, как Able-and-Stout (Умелая-и-Стойкая), Over-the-dike-with-it (Сквозь-все-препятствия), Raise-the-wind (Подними-ветер), Pickle-nearest-the-wind (Озорница-у-ветра), Batter-them-down-Maggie (Бей-их-Мэгги), Blow-Kate (Дуй-Кэт) и подобные им.

Седьмое. Ведьмы отрезают часть своего одеяния, и в качестве знака покорности передают его дьяволу, который забирает его и сохраняет.

Восьмое. Дьявол рисует на земле круг, в который становятся новички, колдуны и ведьмы, и здесь они подтверждают клятвами все сделанные ими обещания. Все тут имеет мистическое значение. «Приносят они эти клятвы демону, стоя в круте, нарисованном на земле, поскольку круг это символ Божественности, и земля – Престол Господень, и так видно, что желает он, дабы верили они, что он – господин Неба и земли». [192]

Девятое. Колдуны просят дьявола вычеркнуть их из книги Христовой и вписать их имена в его книгу. Вносится большая черная книга, та же, на которую возлагали они руки, когда приносили свои первые клятвы, и туда их вписывает дьявол своими когтями.

Эти книги или свитки содержались в великом секрете главой ковена или даже великим мастером района. Их следовало хранить, как самое драгоценное, подобно самой жизни, поскольку в них содержались полные материалы, изобличающие деятельность ковена. Там был список ведьм провинции или графства и, видимо, туда же вписывались магические формулы, заклинания, способы наложить чары и, вероятно, время от времени деяния разных ведьм. О подписании такой книги постоянно говорится в материалах процессов, проходивших в Новой Англии. Так, когда Деливеренс Хоббс решила облегчить душу, рассказав о своем колдовстве, она сказала: «Теперь я свидетельствую, что Бишоп (Бриджит Бишоп, обвиненная в том, что много лет занимается колдовством, и казненная) настаивала, чтобы я вновь подписала *книгу* и отказалась от всех своих признаний». Враги печально известного Мэтью Хопкинса извлекли немалую пользу из его рассказа о том, что он с помощью некоей магии получил одну из таких книг у дьявола, из которой он скопировал список ведьм, и именно это позволяло ему безошибочно следовать за ведьмами по их следу. Генерал-охотник за ведьмами с трудом мог защититься от обвинений и был поистине жалок, говоря о своей невиновности. Существует несколько расплывчатая история, недатированная, в которой рассказывается, что дьявольская книга была унесена м-ром Вильямсоном из Кардроны (Пиблз). Он похитил ее у ведьм, когда они танцевали в Минчмуре. Но за ним немедленно погнался весь ковен, и он был немало рад, что ему удалось уйти оттуда живым.

Иногда каталог ведьм мог содержаться в отдельном пергаменте, книга же использовалась лишь для того, чтобы записывать в нее различные заклинания и способы наложения чар. Здесь следует упомянуть Красную книгу Эппина, которая действительно существовала еще столетие назад. Рассказывали, что она была похищена у дьявола с помощью хитрости. Она представляла собой манускрипт, содержащий большое количество магических рун и инкантаций для излечения больного скота, возрастания поголовья животных, увеличения плодородия полей. Этот документ, представляющий, по-видимому, огромную ценность и немалый научный интерес, находился, когда в последний раз о нем просочились сведения, во владениях Стюартов из Инвернхэйла.

Странный том, как о нем рассказывают, делал своего владельца обладателем темных энергий, который заранее знал, какой вопрос ему зададут. И столь наполнена была эта книга оккультными силами, что читающий ее должен был надеть на голову железный обруч, иначе, листая ее страницы, он понес бы немалый ущерб.

Еще одна книга, о которой следует здесь сказать и которую часто путают [193] с другими, но совершенно отличающаяся от вышеупомянутых, это так называемый служебник дьявола. Вероятно, он дошел до нашего времени из глубины столетий от первых еретиков, передавших свои мерзкие традиции последователям, альбигойцам и вальденсам. Об этом пишет эрудированный де Ланкр, который в своем детальнейшем описании черной мессы, служившейся в Нижних Пиренеях (1609), сообщает: «Нечто вроде алтаря было воздвигнуто на столбах адского вида и затем, не прочитав ни *Confiteor*, ни *Alleluia*, переворачивая страницы книги, которую он держал, (служитель) начал бормотать какие-то фразы из литургии». [194] Сильвэн Невильон (Орлеан, 1614) сделал признание, что «шабаш проводился в доме... Он увидел там высокого черного человека, напротив того, который находился в углу у зажженного очага, и у этого человека была книга, чьи листы казались то черными, то алыми, и он что-то бормотал сквозь зубы, хотя, что именно, я не мог различить, а затем он поднял черную гостию и потрескавшийся оловянный сосуд, мерзкого вида и весьма грязный». [195] Жентьен ле Клерк, также обвиняемый, признал, что на этих адских собраниях «произносилась служба самим дьяволом. Он был облачен в ризу, на которой виднелся сломанный крест. Он повернулся спиной к алтарю, когда приготовился возгласить (лжеевхаристию), и поднял гостию и чашу, которые были черного цвета. Он прочел неразборчиво что-то из книги, переплет которой был мягким и волосатым, как шкура волка. Одни ее листы были белыми и красными, другие черными». [196] Мадлен Бавен, бывшая ключевой фигурой на процессе лувьерских монахинь (1647), сообщает: «Месса читалась из некоей богохульной книги, в которой содержался канон. При процессиях использовалась та же книга. И было там немалое количество самых страшных проклятий против Святой Троицы, Святых Таинств и церемоний Церкви. Написана же она была на языке мне совершенно не-известном» [197]. Вполне возможно, что эта богохульная книга – та самая, которую и по сей день используют сатанисты при совершении своих богомерзких обрядов.

Десятое. Ведьмы обещают дьяволу проводить ему службы и делать подношения в определенные сроки; каждые две недели, или хотя бы раз в месяц, совершить убийство ребенка или отравить кого-нибудь, каждую неделю отравлять жизнь человечеству своими злодеяниями и непотребствами, ураганами, бурями, пожарами, эпидемиями скота и тому подобным.

«*Liber Penitentialis*» св. Теодора, бывшего архиепископом Кентерберийским в 668 – 690 годах, самый ранний из церковных законников Англии, содержит пункты, проклинаящие тех, кто вызывает демонов и таким образом заставляет погоду меняться («*si quis emissor tempestatis fuerit*»). В «*Капитуляриях*» Карла Великого (умер в Аахене 28 января 814 года) наказание смертью предназначалось для тех, кто, призывая демонов, нарушал атмосферу, вызывал бури, уничтожал урожай, иссушал молоко коров и наводил на скотину болезни и прочие бедствия. Все лица, виновные в подобных преступлениях, должны были быть казнены немедленно после признания их вины в суде. Иннокентий VIII в своей знаменитой булле «*Summis desiderantes affectibus*», выпущенной в декабре 1484 года, детально обвиняет колдунов практически в том же,

что им инкриминировалось и в более ранние эпохи. Наиболее известный случай, когда ведьмы устроили шторм, сыграл важную роль в процессе доктора Фиана и его ковена в 1590 – 591 годах. Тогда ведьмы для того чтобы утопить короля Якова и королеву Анну во время их возвращения из Дании, «взяли кота и крестили его» и затем привязали расчлененный труп к животному, «и в следующую за этим ночь кот был перевезен всеми этими ведьмами в середину моря, плыли же они в их решетках и ситах... и, сделав это, они подняли на море такую бурю, что большей никто и не вспомнит» [198]. Наложение чар на скот известно с ранних времен и в Дорнохе, в Зюдерланде; уже в 1722 году некая старуха была сожжена за то, что наслала чары на свиней и овец своих соседей. Приговор был провозглашен помощником шерифа Дэвидом Россом из Малого Дина. Это была последняя казнь ведьм в Шотландии.

Что же касается жертвоприношения детей, то тут существует немалое количество разнообразных свидетельств. Реджинальд Скот [199] пишет в 1584 году: «Можно считать твердо установленным, что каждые две недели или хотя бы каждый месяц любая ведьма должна убить ребенка». Когда убивать ребенка было слишком опасно или невозможно, следовало применять яд. Так, в 1645 году Мэри Джонсон, ведьма из Вивенго, в Эссексе, была обвинена в убийстве двух детей, несомненно, в колдовских целях [200]. Неизвестно, сколько детей было зверски убито Жилем де Рэ во время его отвратительных оргий. Более двух сотен трупов было найдено в отхожих местах Тиффажа, Машекуля, Шамптока. В 1666 году Людовик XIV впервые узнал о мерзостях, наполнивших его столицу, о «des sacrileges, des profanations, des messes impies, des sacrifices de jeunes enfants». Ночь за ночью на улице Борегард в доме загадочной Катерины ла Вуазен аббат Гиборж убивал маленьких детей при проведении своих чудовищных ритуалов, удушая их или разрезая им гортань острым кинжалом и выпуская поток горячей крови в сосуд, восклицая при этом: «Astaroth, Astaroth, je vous conjure d'accepter le sacrifice que je vous presente! (Астарот! Астарот! Прими, умоляю тебя, приносимое мною подношение!)». Священник по имени Турнье также служил Сатане мессы, во время которых в жертву приносились дети; видимо, подобные практики были столь распространены, что ла Шофрен, подруга Гибура, даже поставляла ему детей по кроне [201] за голову.

Одиннадцатое. Дьявол поставит на теле ведьм некий знак... Когда все вышесказанное бывает проделано в соответствии с поучениями тех учителей, которые восприняли новичка в это сообщество, последний скрепляет себя страшной клятвой – никогда не поклоняться Святым Дарам; осыпать проклятиями всех святых и особенно отречься от Пречистой Девы Марии; попирать ногами и осквернять плевками все святые иконы и статуи, Крест и мощи святых; никогда не ходить причащаться и не использовать причастия, разве что с некой магической целью; не исповедоваться чистосердечно перед священником; всегда сохранять в тайне свой договор с силами ада. Дьявол со своей стороны обязуется предоставлять в любое время незамедлительную помощь; исполнять все желания колдуна или ведьмы в этом мире и делать их вечно счастливыми после смерти. Принеся это торжественное обещание, каждый новичок получал особого демона, называвшегося Magistellus (фамилиар). Фамилиар этот мог принимать обличие как мужчины, так и женщины; иногда он предстает как обычный человек, иногда – как сатир; если же он был дарован ведьме, то, как правило, принимал облик крупного козла.

Вполне очевидно, что речь здесь идет не о том, что фамилиары были животными, а о том, что они представляли собой демонов, которые, как считалось, могли принимать вид существ из плоти. В целом здесь мы имеем дело с одной из наиболее сложных проблем, связанных с магией и ведовством. Детали договоров таковы (ибо как святые становились по чистоте сродни ангелам, так и добровольные рабы Сатаны оскверняли себя всевозможными непотребствами), что многие авторы освещали этот предмет в излишне общих словах и таким образом, что навряд ли смогли удовлетворить вдумчивого и серьезного читателя. Хочу вначале сказать, что многие из рассматриваемых случаев можно объяснить истерией и галлюцинациями, кошмарами и расстроенным болезнью воображением. Однако сделав все эти допущения, согласившись с тем, что под инкубом или суккубом здесь следует нередко понимать человеческое существо, как правило, некоего представителя великого магистра области, все же мы сталкиваемся с достаточным количеством фактов, расследуя которые, человек непредубежденный должен признать, что многие признания подсудимых отражают реальность. Как сказал каноник Рибе в своем энциклопедическом труде «*La Mystique Divine*», работе, одобренной славным своей ученостью Папой Львом XIII, «после того как мы изучили записи и личные признания, вряд ли могут оставаться какие-либо сомнения, и своим прямым долгом я почитаю противостоять, пусть словом, тем многочисленным авторам, которые по предубежденности или опрометчивости считают, что все эти ужасы не более чем невежественные разговоры или же галлюцинации». [202] Бизар в своем авторитетном труде «*Rapports de l'homme avec le demon*» пишет об инкубах и суккубах: «Отношения (между людьми и демонами), имевшие место в реальности, можно проследить по протоколам официальных расследований, подтверждающих их подлинность. Процедура расследования проводилась учеными и просвещенными судьями, которые во все эпохи пытались выявить подлинные факты». [203]

Итак, мне кажется, что если, вообще, придавать какое-то значение свидетельствам очевидцев, если авторитет тончайших и внимательнейших умов всех эпох и стран стоит того, чтобы придавать ему значение, то приходится признать, что возможность (слава Богу, я не настаиваю на том, что это случалось часто) общения с демонами не следует отбрасывать. Конечно, трудно переубедить уже убедившего себя в том, что подобное невозможно, даже с помощью демонстрации, и тут остается лишь сослаться на авторитет св. Августина: «*Hanc assidue immunditiam et tentare et efficare, plures talesque asseuer-ant, ut hoc negare impudentiae uideatur*». [204] Здесь святой доктор общается: «Учитывая, что сообщения об этом весьма обычны и что столь многие люди неоспоримой честности и достойные доверия рассказывают об этом, исходя как из своего опыта, так и основываясь на чужих словах, можно утверждать, что сальваны и фавны, обыкновенно именуемые инкубами, нередко наносят ущерб женщинам, вызывая в них желание и ложась с ними; и что некоторые демоны, которых галлы именovali дузами, нередко поступали именно таким образом и искушали других, что подтверждается людьми уважаемыми и так определенно, что было бы дерзостью не внимать им».

Ученый Вильгельм Парижский, исповедник Филиппа Красивого, утверждает: «Существуют те, кого мы обыкновенно зовем инкубами или суккубами, и случается, что, воспламенясь похотью, они даже, как общепризнанно, могут дать жизнь ребенку, о чем свидетельствуют определенные, не подлежащие сомнению рассказы многих мужчин и женщин, которых демоны наполняли дурными мыслями и которым при-

шлось выдержать их похотливые нападки». [205]

Св. Фома [206] и св. Бонавентура [207] также весьма определенно высказываются по этому поводу.

Франциско Суарес, знаменитый богослов-иезуит, пишет более осторожно, но достаточно ясно: «Таково учение св. Фомы, за которым последовали и все прочие теологи... Причина же их мнения следующая: подобные действия, безусловно, превышают обыкновенные возможности демонов, хотя возжелать такое соответствовало бы их природе. С Божьего попущения и по грехам многих людей сие возможно. Видимо, нельзя отвергнуть это учение без многочисленных оговорок и исключений. Та к что правду сказал св. Августин, что поскольку учение об инкубах и суккубах основывается на мнении людей ученых и опытных, то было бы дерзостью его отвергать». [208] Саламанкцы, т. е. авторы курсов по схоластической философии и богословию, а также моральному богословию, опубликованных лекторами теологического колледжа ученых кармелитов в Саламанке, в своем обширном труде «*Theologia Moralis*» [209] постановляют: «Некоторые отрицают это, считая невозможным, чтобы демоны осуществили плотский акт с человеческим существом», – но добавляют при этом, – «тем не менее, следует исходить из прямо противоположного мнения». [210] Шарль-Рене Биллар, известный доминиканец, в своем «*Tractatus de Angelis*» заявляет: «Один и тот же злой дух может выступать как инкуб для женщины и как суккуб для мужчины» [211]. Один из наиболее ученых – если не самый ученый – римских понтификов Бенедикт XIV в своем удивляющем эрудицией труде «*De Servorum Dei Beatificatione*» рассматривает этот вопрос в деталях и делает массу ссылок, в кн. IV, часть I, с. 3 [212]. Комментируя отрывок «сыны Божии стали входить к дочерям человеческим» (Быт. 6:4), понтифик пишет: «Речь здесь идет о демонах, известных нам как инкубы и суккубы... Правда, что почти все авторы соглашались с этим, хотя некоторые отрицают, что от них может быть потомство... С другой стороны, некоторые писатели признают как то, что взаимоотношения такого рода возможны, так и то, что от них могут произойти дети; более того, они утверждают, что это имело место, хотя и происходило неким новым и загадочным образом, как правило, человеку неизвестным» [213].

Св. Альфонс Лигьери в труде «*Praxis confessoriorum*», VII, с. 111, пишет: «Некоторые отрицают существование злых духов, инкубов и суккубов; но большая часть авторитетных авторов признает их существование». [214]

В книге «*Theologia Moralis*» он говорит вполне конкретно, как грешат ведьмы с инкубами [215]. Того же мнения придерживались Мартино Боначина [216] и Винченцо Филлиуччи [217]. «Бузембаум совершенно верно подметил, что плотские грехи со злыми духами подпадают технически под понятие *bestialitas*». [218] К тому же мнению пришли Фома Тамбурины (1591 – 1675); Бенджамин Элбел (1690 – 1756) [219]; кардинал Каэтан (1469 – 1534), «лампада Церкви»; Хуан Азор (1535 – 1603), «по мудрости и глубине учености, по серьезности суждений заслуженно занимающий высокое место среди богословов» (Гури); многие другие авторитеты. [220] О том, что должен в таком случае при исповеди сказать кающийся, писал монсеньор Крэсон, ректор Главной семинарии Валенсии и генеральный викарий диоцеза, в своем трактате «*De Rebus Venereis ad usum Confessoriorum*» [221]. Жан-Батист Бувье (1783 – 1854) знаменитый епископ Ле Ман, в своем «*Dissertatio in Sextum Decalogi Praeceptum*» [222](с. 78) пишет: «Все богословы говорят о... злых духах, являющихся как в виде мужчины, женщины, так иногда и животного. Речь идет или о действительном и реальном их

присутствии, или об эффекте воображения. Богословы считают, что этот грех связан с особой виной, в которой следует специально исповедоваться для того, чтобы преодолеть вредное суеверие, суть которого состоит в договоре с дьяволом. В этом грехе соединены два различных зла – преступление против святой веры и против целомудрия». [223] Доминик Шрам [224] в книге «*Institutiones Theologiae Mysticae*» отмечает следующее: «Ставится вопрос, может ли демон... напасть на мужчину или женщину и сделать кого-либо одержимым, если тот старается всеми силами достичь духовного совершенства и предается высоким помыслам. Здесь мы должны различать между истинным и ложным. Вполне определено, что бы ни говорили усомнившиеся, что существуют демоны, инкубы и суккубы, и св. Августин утверждает (Град Божий, кн. XV, глава 23), что было бы опрометчивым утверждать противное... св. Фома и большинство других богословов поддерживают ту же точку зрения. Итак, мужчины и женщины, страдающие от этого бесстыдства, есть грешники, которые или сами пригласили демонов... или позволили демонам свободно искушать себя таким образом. Не приходится сомневаться, что подобные нечестивцы действительно могут быть атакованы демонами... и самому мне известны несколько человек, которые хотя и были весьма встревожены совершенными ими преступлениями и от всей души проклинали демонов и контакты с ними, тем не менее, вынуждены были терпеть помимо своей воли эти выходы Сатаны». [225]

Женщина, ставшая жертвой демонов

Мы покажем, что великие святые и ученые и все, кто писал о моральном богословии, признавали возможность сообщения с воплощенным злым сознанием. Демонологи также все как один соглашались с этим мнением. Герман Тираус [226] в книге «

De Spirituum apparitione» говорит: «Было бы весьма опрометчиво да и попросту глупо отрицать эти (вещи), поскольку, делая это, вы должны также отвергнуть и презреть сдержанные и выверенные суждения наиболее святых и авторитетных авторов; более того, для этого следует отказаться от данных человеку чувств и рассудка и в то же время показать свое непонимание мощи дьявола и той власти, которую могут иметь злые духи над человеком» [227]. Дель Рио в книге «*Disquisitiones Magicae*» еще более выразителен: «Столь многие глубокие авторы и священники поддерживали это мнение, что отличаться здесь чем-то от них было бы безрассудством и невежеством; помимо того, что отцы Церкви, богословы и все ученейшие философы соглашались по этому поводу, истина их суждений неизменно подтверждалась опытом всех эпох и народов». [228] Эрудит Шпренгер в «*Malleus Maleficarum*» говорит то же самое [229]. Иоганнес Нидер (1380 – 1438) в своем труде «*Formicarium*» (Муравейник), который можно считать трактатом, посвященным решению богословских, философских и социальных проблем тех дней, отмечает с присущей ему проницательностью: «Причина, по которой злые духи появляются как инкубы и суккубы, на мой взгляд, следующая... таким образом они наносят двойной урон человеку, как его телу, так и духу, для демонов же повредить человечеству, как известно, наивысшая радость». [230] Пол Гриллан в книге «*De Sortilegio*» (Лион, 1533) пишет:

«Демон принимает форму суккуба... Таково верное учение богословов». [231]

«Довольно часто случается, что, как нам известно из опытного наблюдения, женщины, несмотря на свое сопротивление, в конечном итоге становились жертвами демонов». Таковы слова знаменитого Альфонса де Кастро [232], чье авторитетное толкование Писания имело большое влияние на Тридентский собор и который был избран архиепископом Компостеллы, где и умер. Петр Бинсфельд в книге «*De confessione maleficarum*» подводит итоги: «Таковы несомненные и очевидные факты, не только доказанные насущным опытом, но также и мнением авторитетов всех эпох, что бы ни утверждали отдельные доктора и правоведы». [233]

Гаспар Скотт (1608 – 1666), физик, доктор и священник, «один из ученейших людей своего времени, чья скромная жизнь и глубокая религиозность сделали его объектом восхищения не только католиков, но и протестантов Аугсбурга», где прошли последние годы его жизни, пишет: «Столь многие авторитетные авторы поддерживали это мнение, что представляется невозможным его отвергнуть». [234] Боден, де Ланкр, Боге, Герр, Бизар [235], Гуно де Муассе [236] настаивали на истинности тех же печальных фактов. И над всеми этими справедливыми утверждениями гремит гром буллы Иннокентия VIII, провозглашающей весьма недвусмысленно: «Дошло до нас и глубоко опечалило известие, что многие люди обеих полов, совершенно презрев надежду о спасении своей души и, весьма удалясь от Святой католической веры, имеют связи со злыми духами, инкубами и суккубами». [237]

Итак, здесь были перечислены многие великие имена людей науки, людей ученых, людей авторитетных, тех, к кому и сейчас в мире относятся с уважением, более того, на кого взирают с любовью и признательностью. В то же время следует сказать, что для сегодняшнего человека весьма трудно, почти нереально поверить в возможность всех этих темных деяний демонов, в злобную похоть инкубов и суккубов. [238] Все это производит впечатление некоей фантазии, порожденной больным воображением средневекового человека, вполне возможно, поджариваемого на решетке над разожженным огнем, и затем записанной в давно забытые тома фанатиками, поверив-

пими в детские рассказы и более невежественными, чем дикари. «Даже если подобные ужасы и имели место в Темные века, – думают люди, – то теперь это явно невозможно». То т же, кто знает, как обстоят дела на самом деле, священник, сидящий в за-решеченной исповедальне, говорит про себя: «Господи, если бы так оно и было!» Но пусть скептики остаются в счастливом неведении в своей простоте и отстраненности от мира. Пусть они никогда не узнают о чудовищных вещах, притаившихся на границе нашей гибнущей цивилизации с вечностью.

Вполне уместно задать вопрос о том, как стало возможным, что демоны и наделенные злым сознанием сущности могут не только представлять в обликии человеческом, но и осуществлять сугубо телесный акт соития. Синистрари, следуя за мнением Гуаццо, утверждает, что или демоны способны оживить труп какого-либо человеческого существа, мужчины или женщины, или что они могут создать из различных материалов новое тело, наделенное способностью двигаться, и посредством его соединяются с человеком. «Ex mixtione aliarum materiarum effingit sibi corpus, quod mouet, et mediante quo homini unitur». [239] В первую очередь демоны, вероятно, пользуются тем преимуществом, которое дает им погруженность жертвы в медиумический транс или гипнотический сон. Вторая вероятность выглядит гораздо более правдоподобной. Не следует ли нам обратиться за разгадкой к феноменам, наблюдаемым в связи с проявлениями эктоплазмы? Следует заметить, что это объяснение основывается на изучении феномена, при котором во время сеанса материализуются предметы. Их можно потрогать и поддержать в руках, и затем они быстро дезинтегрируются. Мисс Скетчерд на симпозиуме «Выживание» [240] поделилась своими впечатлениями, которые в значительной степени доказывают возможность частичной рематериализации мертвых с привлечением материальной субстанции и эктоплазмических эманаций живых людей. И если лишенные тела души могут при определенных условиях, пусть и редко достижимых, быть материализованными, то почему нельзя допустить возможность того, что порождения зла, чьи попытки обрести телесность опираются на длительные раздумья и концентрированную волю людей, их призывающих, могут проделать то же самое?

Это объяснение представляется тем более правдоподобным, что нередко фиксировалось явление инкуба ведьме в обликии того человека, чьи объятия были для нее особенно желанными. [241] Бриньоли в своем труде «*Alexisacoon*» сообщает, что когда он в 1650 году был в Бергамо, молодой человек 22 лет, разыскав его, долго и подробно ему исповедывался. Этот юноша рассказал, что как-то раз, несколько месяцев назад, когда он лежал в постели, дверь помещения открылась и девушка по имени Тереза, которую он любил, быстро проскользнула в комнату. К его удивлению, она сообщила, что ее выгнали из дома и что она готова остаться с ним. И хотя он более чем подозревал некий подвох, в конце концов он поддался на ее приставания и провел ночь в ничем не сдерживаемых удовольствиях вместе с нею. Перед рассветом, однако, визитерша открыла свою истинную природу, и молодой человек понял, что возлег с суккубом. Те м не менее, столь сильно оказалось его любовное безумие, что ночь за ночью повторялось то же самое, пока, пораженный ужасом и раскаянием, он, наконец, не нашел священника, чтобы исповедоваться ему и получить освобождение. «Сия ужасная связь продолжалась несколько месяцев; но в конце Господь позволил ей завершиться благодаря моим скромным усилиям; юноша же весьма сожалел о совершенных им грехах». [242]

Нередко случалось, что дьяволом или фамилиаром, приписанным к новой ведьме на шабаше при ее приеме, выступал в действительности мужчина, один из ковена, который или приближался к ней в некоем демоническом наряде, или имел с ней общение известного рода и, не пытаясь скрывать свою личность, выступал в роли похотливого прислужника, и далее нередко ее посещавшего. Всегда следует помнить о том, что многое из показаний, данных на ведовских процессах, можно объяснить деятельностью людей, а не демонов; что отнюдь не снижает тяжести совершенных ими преступлений, поскольку они добровольно стали рабами Сатаны, выступая под его руководством и действуя по вдохновению, дарованному силами ада. Когда враг имеет немалое количество слуг, вероятно, у него становится меньше причин для того, чтобы являться *in pro-pria persona*. Однако вновь и вновь при чтении протоколов этих процессов мы сталкиваемся с тем, что часть описанных в них событий не может быть объяснена естественными причинами, но лишь материализацией властного злого интеллекта. Но несмотря на то, что мы обладаем весьма детализированными описаниями, нередко бывает чрезвычайно сложно определить в том или ином конкретном случае, действительно ли ведьма общалась и заключила договор с дьяволом или же она была одурачена демонами, которые посмеялись над ней, позволив полагать себя находящейся с ними в союзе и таким образом подводя несчастную к страданиям и смерти. В последнем случае несчастная простофиля становилась жертвой отца лжи, которому она продалась за иллюзию и бесприбыльное исповедание зла. Есть тут и немалое количество дел, которые находятся как бы на границе между галлюцинацией и реальностью. Сильвен де ла Плэн, ведьма 23 лет, была осуждена парижским парламентом 17 мая 1616 года. Ее случай относится к последней категории [243]. Антуанетт Бренихон, замужняя женщина в возрасте 30 лет, сделала признание практически теми же словами. Сильвин, ее муж Бартелеми Минге и Бренихон были повешены, а их тела сожжены.

Анри Боге, судья Высшего суда Бургундии в труде «*Discours des Sorciers*» посвящает главу 12 «плотскому общению демонов с ведьмами и колдунами». Он обсуждает здесь следующие пункты: 1. Дьявол знает всех ведьм и почему. 2. Он принимает обличье женщины для соблазнения колдунов, и почему. 3. Другие причины, по которым дьявол так поступает с ведьмами и колдунами. [244] Франсуа Секретен, Клод Йанпрост, Якима Паже, Антуан Турнье, Антуан Гандильон, Клод Йангиллем, Тьюн Паже, Роланд дю Вернуа, Жан Плате, Клод Паже и немало других ведьм призналось «в связях с дьяволом». [245] Пьер Гандильон и его сын Жорж также признались, что общались с Дьяволом. В третьем разделе своего труда Боге подробно высказывается по этому поводу. [246]

О специфичном холоде, исходящем от демонов, говорили многие ведьмы всех стран Европы и во все века, когда они подвергались преследованиям. Как говорилось выше, в некоторых случаях, видимо, имела место полная материализация в силу неких процессов, связанных с превращением эктоплазмы. Эктоплазма описывается [247] как холодная и вязкая на ощупь ткань, прикосновение к которой сравнимо с прикосновением к рептилии. Некоторые детали, таким образом, начинают проявляться. Возможно, здесь и заключен ответ на многие тайны. В 1645 году вдова Бэш, ведьма из местечка Бартон в Суффолке, сказала, что представший перед ней дьявол был темнолицым молодым человеком, «холоднее обычного мужчины» [248]. Изабель Гуди и Джанет Брейдхейд из ковена в Олдерне в 1662 году признались, что дья-

вол «темный человек, очень холодный; этот холод напоминал воду из весеннего колодца». [249] Изабель, которая была перекрещена на шабаше, проведенном в полночь в олдернской церкви, и которой был приписан фамилиар по имени Red Riever (хотя он всегда был одет в черное), рассказывает и многое другое о дьяволе: «он умеет обращаться с женщинами лучше, чем любой мужчина, только слишком уж он велик, его (фаллос) холоден как лед» [250].

Во многих случаях присущего шабашам разврата, о чем весьма подробно и полно рассказывали на допросах ведьмы, их партнерами были, несомненно, присутствовавшие там мужчины; Великий магистр, писарь или председатель ковена, которые могли ради своего удовольствия выбрать тех женщин, которых они желали. Это следует из одного отрывка в книге Де Ланкра: «Дьявол на шабаше осуществляет браки между колдунами и ведьмами и, соединяя их руки, он громко произносит:

*Esta es buena parati
Esta parati lo toma». [251]*

Наконец, очевидно, что в ряде случаев использовался искусственный фаллос. [252]

Искусственный пенис – достаточно обычный предмет в эротической практике многих древних цивилизаций; существует немало сведений о его использовании в Египте, Ассирии, Индии, Мексике и других странах. Его находили в гробницах; часто он изготовлялся по обету [253], в несколько измененной форме он дошел до нас как талисман-маскот, известный всем, кто бывал в Южной Италии [254]. Нередко его изготовители и не пытались как-то изменить форму этого предмета. Аристофан упоминает его в «*Лисистрате*» (411 до Р. Х.), один из наиболее известных диалогов (VI) Герода (300 – 250) повествует о том, как Коритто и Метро весело обсуждают свои Вбэ-вюг, а в другом представлении (VII) женщины посещают Кердона-кожевника, который изготавливает шедевры в этой области. Герод не менее современен в сегодняшнем Лондоне или Париже, чем был на острове Кос много столетий назад. *Fascinum*, объясняет *Glossarium Eroticum Linguae Latinae* [255], это «*Penis fictitius ex corio, aut pannis lineis uel sericis, quibus mulieres uirum mentiebantur. Antiquissima libido, lesbiis et mile-siis feminis praesertim usitatissima. Fascinis illis abutebantur mere-trices in tardos ascensores*». Как можно было ожидать, Петроний уже стоит в очереди, чтобы предоставить свою цитату, вернее, фрагмент, в котором старая карга [256] Энотея пугает Энколпия своим *scorteum fascinum*, о котором испанский ученый дон Антонио Гонсалес де Салас говорит: «*Rubrum penem coriaceum ut Suidas excertim tradit uoce φαλλοι, Confecti et ex uaria materia uarios in usus olim phalli ex ligno, ficu potissimum qui ficulnei saepius adpellati, ex ebore, ex auro, ex serico, et ex lineo panno, quibus Lesbiae tribades abutebantur*» [257]. И Тибулл говорит о внешнем виде Приапа: [258]

*Placet Priape? Qui sub arboris coma
Soles sacrum reuincte pampino caput
Ruber sedere cum rubente fascino.*

Церковь, конечно, без устали проклинала все подобные практики, независимо от того, были ли они, пусть и отдаленно, связаны с ведовством и колдовством или нет. Арнобий, считавший употребление таких вещей серьезным преступлением, в труде «*Aduersus Nationes*», V (около 296 года) рассказывает до смешного неприличный анекдот

дот, указывающий на использование фасцинума галлами-жрецами берекинтинской Кибелы [259], оргии которой весьма похожи на дионисийские. Ту же историю передает Климент Александрийский в «Προτρεπτικός πρὸς Ἑλληνας», Юлий Фирмик Матерн в «*De errore profanarum Religionum*» (337 – 350), Никита (около 414 года), св. Григорий Назианзин в речи XXXIX, Феодорит (около 457 года) в «*Sermo octaua de Martyribus*». Речь здесь идет о весьма примитивных ритуалах.

Лактанций, в труде «*De Falsa Religione*» (*Diuiinarum Institutionum*), написанном около 304 года, говорит о некоем фаллическом суеверии, о чем-то вроде фасцинума, почитавшемся весталками, причем отмечает, что этот культ весьма распространен в его время. Возвышенный Отец Церкви, св. Августин в «*De Ciuitate Dei*» (VII, 21) рассказывает, как фасцинум использовался при поклонении Бахусу, и затем, описывая церемонию заключения брака (VI, 9), пишет: «Sed quid hoc dicam, cum tibi sit et Priapus nimius masculus, super cuius immanissimum et turpissimum fascinum sedere nona nupta iubeatur, more honestissimo et religiosissimo matronarum». Историк Еваргий Схоластик (около 504 года) в «*Historia Ecclesiastica*» (XI, 2) говорит, что поклонение Приапу было весьма распространено в его дни и фасцинум хорошо известен. Никифор Каликст, византийский автор более позднего времени, умерший где-то в середине XIV столетия, чья хроника заканчивается со смертью Льва Философа (911), пишет о фаллических церемониях и использовании ложного фаллоса. [260]

Собор за собором запрещал использование фасцинума, и уже частота этих запретов говорит о том, насколько глубокие корни имели связанные с ним практики. Второй собор в Шалон-сюр-Саон (813) высказался определенно и недвусмысленно; также и синоды в де Мане (1247) и Туре (1396). Бурхард из Вормса (умер 25 августа 1025 года) в своем знаменитом декрете писал: «Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut facere quoddam molimen aut mechinamentum in modum uirilis membri, ad mensuram tuae uoluptatis, et illud loco uerendum tuorum, aut alterius, cum aliquibus ligaturis colligares, et for-nicationem faceres cum aliis mulierculis, uel aliae eodem instrumento, siue alio, tecum? Si fecisti, quinque annos per legitimas ferias poeniteas». И далее: «Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut iam supra dicto molimine uel alio aliquo machinamento, tu ipsa in te solam faceres fornicationem? Si fecisti, unum annum per legitimas ferias poeniteas».

В другой пенитенциарной книге написано: «Mulier qualicumque molimine aut per seipsum aut cum altera fornicans, tres annos poeniteat; unum ex his in pane et aqua».

«Cum sanctimoniali per machinam fornicans annos septem poeniteat; duos ex his in pane et aqua».

«Mulia qualicumque molimine aut seipsam polluens, aut cum altera fornicans, quatuor annos. Sanctimonialis femina cum sancti-monialia per machinamentum polluta, septem annos».

Таким образом, очевидно, что распространенные в античности искусственные методы соития практиковались во все эпохи так же, как и в наше время, и снова и снова подвергались запрету со стороны Церкви. Уже это должно было заинтересовать сатанистов, и вряд ли кто сомневается, что среди прочих темных безумств шабаша всеобщее распространение получило и использование фасцинума. Но, разбирая детализированные и полные материалы судебных протоколов, мы сталкиваемся с ужасными загадками темной похоти, которые не могут быть объяснены обычным половым актом или использованием механических приспособлений. Однако богословы и инкви-

зиторы в совершенстве понимали, какие невыразимые кошмары царят в запредельной мгле.

Животное-фамилиар весьма отличалось от фамилиара в человеческой форме. В Англии о них рассказывалось особенно много, и даже сегодня художник, вознамерившийся написать портрет ведьмы, изобразит ее с большущими зубами, в остроконечной шляпе, красном плаще, ковыляющей с клюкой, и, конечно, рядом с ней будет ее большой черный кот. Следует заметить, что в других странах упоминания о таких животных крайне редки, так что епископ Фрэнсис Хатчинсон даже говорит: «Нигде мне не приходилось слышать о бесах (Imps), кроме нашей страны, где кормление, поощрение и позволение им сосать себя приравнивалось к уголовному преступлению» [261]. Интересно, что такие фамилиары встречались, как правило, в Суффолке, Эссексе и восточных графствах. Животное практически любого вида могло выступать в этом качестве – собаки, коты, хорьки, ласки, жабы, крысы, мыши, птицы, ежи, зайцы, даже осы, мотыльки, пчелы и мухи. Печально думать, что в ряде случаев несчастные женщины, отвергнутые своими соотечественниками, искали дружбы у кошки или собаки, кормили своих бессловесных друзей лучшими кусочками, которые они могли достать, и единственно в силу этого своего чувства оказывались на костре или виселице. Но весьма часто ведьма действительно содержала маленькое животное на диете из молока, хлеба и ее собственной крови с тем, чтобы совершать при его посредничестве магические действия. Детали действий этих доморощенных авгуров, на мой взгляд, ясны. Вероятно, ведьмы наблюдали за походкой животных, их действиями, тоном издаваемых ими звуков и придавали им некое особое значение. Нет сомнений, что собаку или таких птиц, как ворона или галка, можно обучить некоторым трюкам с тем, чтобы воздействовать на воображение обывателей.

Особое значение крови в жизни человека было известно, надо думать, в самые отдаленные от нас времена. Люди испытывали слабость после потери крови и, соответственно, считали ее за силу, саму жизнь. Во все эпохи кровь почиталась важным элементом при проведении терапии и имела особую магическую ценность. Несколько капель крови, которые ведьма давала своему фамилиару, были не только наградой, возобновляющей силы, но и элементом, устанавливающим более близкие отношения между ней и собакой, кошкой и птицей. Кровь представляла на уровне психики скрепляющее звено.

В ходе суда над Элизабет Сойер в Челмсфорде, 1556 год, обвиняемая призналась, что ее фамилиар, полученный ею от бабушки, известной ведьмы, был «в обличии кота с белыми пятнами» и ее бабка «научила ее кормить этого кота хлебом и молоком, как она и делала; научила ее также называть кота Сатаной и держать его в корзине. Также всякий раз, когда он делал что-либо для нее, она говорила, что он заслужил каплю крови, и давала ему ее, уколов себя в то или иное место» [262]. Было бы излишним умножать подобные факты; во время процессов над ведьмами в Эссексе, особенно в разгар работы Мэтью Хопкинса и его подручного Джона Стеарна с 1645 по 1647 год, животные-фамилиары вновь и вновь упоминаются в протоколах. Уже в 1694 году в Бёри Сент-Эдмунде пожилая матушка Маннингс из Хэртиса в Суффолке была доставлена к Верховному судье Холту по обвинению в том, что у нее был бес в образе черного хоря. Но судья отверг свидетельства компании деревенских дурней и приказал жюри вынести вердикт о невиновности. [263] «После особого исследования я установил, – говорит Хатчинсон, – что многие в городе и его окрестностях считают, что ре-

шение это было весьма правильным». В 1712 году было установлено, что фамилиаром Джейн Венхем, ведьмы из Волкерна в Хертфордшире, был кот.

В пьесе Форда и Деккера «*Эдмонтонская ведьма*» фамилиар появлялся на сцене в облики пса. Конечно, это прямое заимствование из памфлета Генри Гудкола «*Удивительное разоблачение Элизабет Сойер*» (London, 1621), в котором ведьма признается, что дьявол приходит к ней в облики собаки, причем иногда черной, а иногда белой. Какие-то дети сообщили суду, что видели ее кормящей двух белых хорьков белым хлебом и молоком, но это обвинение Сойер стойко отрицала. Во второй сцене первой части «*Фауста*» Гете Мефистофель впервые является Фаусту за городскими воротами в облике белого пуделя и затем возвращается с ним в его кабинет, причем рычит и повизгивает, когда читается *In Principio*. Это часть старой легенды. Манлий (1590), рассказывая о своем разговоре с Меланхтоном, цитирует его слова: «Он (Фауст) всегда ходил с собакой, которая была дьяволом». Паоло Йовио сообщает [264], что Агриппу всегда сопровождал демон в облики черного пса. Но Жан Вейер в своем знаменитом труде «*De Praestigiis Daemonum*» [265] сообщает, что в течение ряда лет он общался с Агриппой и что его черная собака по кличке Монсир, о которой рассказывали столь необычные истории, была совершенно невинным животным, которое он часто выводил гулять на поводке. Агриппа очень любил свою собаку – она ела с ним с одного стола и по ночам лежала в одной кровати. И поскольку он был видным ученым и по характеру затворником, то Агриппа никогда и не пытался противоречить слухам, которые повсюду распространяли его соседи. В том, что эти слухи возникли, удивительного немного, учитывая известность герметических работ Агриппы, прославивших его имя уже при жизни. Многие полагали, что он могущественный волшебник.

Среди фамилиаров были весьма распространены гротескные имена: Лизабет, Верд-Жоли, мэтр Персиль (петрушка), Верделе, Мартине, Абрахель (суккуб); животные-фамилиары получали такие имена (в Тисси, Англия), как Гриссел, Гридигут, Блэкмэн, Иезавель (суккуб), Альманзор, Йармара, Пиваккетт.

Фамилиар в образе человека часто сопровождал ведьму и был виден людям прозорливым. Так, в 1324 году одно из обвинений, выдвинутых против леди Элис Кителер, заключалось в том, что ее посещал демон в образе «*quandoque in specie cuiusdam aethiopis cum duobus sociis*». Вот почему не так-то и легко отбросить факты, свидетельствующие о встречах на шабашах многочисленного общества приспешников Сатаны.

ГЛАВА IV.

Шабаш ведьм

Собрания ведьм весьма разнились друг от друга. На некоторых празднествах шабаши проводились с особой торжественностью, собиралась большая (насколько это было возможно) аудитория, причем обязаны были присутствовать все принадлежащие к культу тьмы, и наказание ждало уклоняющихся и медлящих. В других обстоятельствах шабаши проводились время от времени, участвовали в них лишь лица, проживающие в определенном районе. Так, в собрании могли участвовать представители лишь одного ковена из 13 человек, иногда же – чуть больше. Можно выделить разновидности ковенов для различных государств и великое множество региональных особенностей в проведении шабашей. Трудно определить порядок проведения шабашей, да и вряд ли стоит делать подобные попытки. Литургия тьмы во всем была противоположностью упорядоченному богослужению, при котором, как сказал апостол, все должно происходить «благопристойно и чинно». [266]

Покрытые тайной мерзкие церемонии ада были весьма сложными, и довольно трудно составить себе мнение о них, тем более что рассказы ведьм сочетают в себе немало привходящих обстоятельств; они противоречивы, многие детали взаимоисключающи. Тем не менее, можно нарисовать достаточно полную картину этих оргий, хотя некоторые детали до сих пор трудно объяснимы и неясны и носят характер абсурдный и иррациональный. «Le burlesque s'y mele a l'horrible, et les puerilites aux abominations» (Ribet. *La Mystique Divine*, III, 2. Les Parodies Diaboliques) – «Клоунада и шутки сочетались с обстоятельствами, внушающими ужас, ребячество и смех – с неопируемыми мерзостями». На немногочисленных собраниях многое, безусловно, зависело от непостоянства и прихоти руководства шабаша. Проведение более обширных собраний было в значительной степени регулировано, они проходили в соответствии с определенными традициями. Слово «шабаш» подходит к любой из этих ассамблей [267], хотя следует иметь в виду, что здесь может подразумеваться как секретная встреча нескольких безумцев, посвятивших себя Сатане, так и обширное собрание, на котором председательствуют воплощенные демоны, и участники его могут в злодеяниях, богохульстве и мятеже превзойти первых последователей Люцифера. Шабаш – воплощенный земной пандемониум.

Происхождение слова «шабаш» до сих пор не установлено с достаточной ясностью. Вряд ли надо указывать, что оно не имеет отношения к числу «7» [268] и тем более к известному еврейскому празднику. Сент-Круа и Альфред Мори [269] пришли к выводу, что происходит оно от искаженного слова «вакханалия». Сабазий (Σαβαζειν) – фригийское божество, иногда идентифицировавшееся как Зевс, иногда как Дионис, но неизменно воспринимавшееся в качестве покровителя всякой распущенности и споконяемое безумным развратом. Он был патроном сквернословящего старого сирийского евнуха из сочинения Апулея: «omnipotens et omniparens Dea Syria et sanctus Sabadius et Bellona et Mater Idaea (ac) cum suo Adone Venus domina». [270] Вот божества, которых Филеб призывает для мести. Σαβαζειν можно вспомнить и в связи с «Птицами» (874) Аристофана, вакхическое восклицание σαράι упоминается в пьесе

Евпола «*Baptae*». У географа Страбона более полный вариант – *ενοι Σαβοι*. Современные греки называют человека, которому нужна помощь психиатра, *ζαβός*. Но Литтрэ отвергает все эти излишне легкие этимологии: «Делались попытки вывести этимологию слова „шабаш“, означающего собрание ведьм, из имени божества Сабазия. Но форма этого имени не позволяет это сделать. Да и что могли знать о Сабазии люди в Средние века?» [271]

Даже время проведения основных ежегодных праздников сильно различалось в отдельных странах. В большей части Западной Европы один из главных праздников приходился на канун майского дня, 30 апреля [272]; в Германии [273] – знаменитая Вальпургиева ночь (*Die Walpurgis-Nacht*). Св. Вальбурга (*Walpurgis, Waltpurde* – в области *Perche Gauburge*, в других частях Франции – *Vaubourg* или *Falbourg*) родилась в Девоншире около 710 года. Она была дочерью св. Ричарда, одного из младших королей западных саксов, который был женат на дочери св. Бонифация. В 748 году Вальбурга, на тот момент монахиня в Вимбурне, отправилась в Германию для того чтобы основать обители в этой стране. После жизни, украшенной подвигами святости, она скончалась в Хейденхейме 25 февраля 777 года. Немедленно она стала объектом почитания, и около 870 года ее мощи были перенесены в Эйхштадт, где до сих пор действует бенедиктинское братство, пекущееся об их сохранности. Св. Вальбурга была одной из самых известных английских святых; равным образом ее почитали в Германии и Нидерландах. Она является патроном Эйхштадта, Оденарда, Фурне, Гронингена, Вайльбурга, Цутфена и Антверпена, где до принятия службы по римскому образцу ее память праздновали четыре раза в год. В римском мартирологе ее праздник приходится на 1 мая, но в монастырском календаре – на 25 февраля. 1 мая отмечался древний праздник друидов, когда они приносили жертвы на священных горах и зажигали майские огни. Их традиции были продолжены ведьмами в более поздние времена. Не было в Финляндии такой горной вершины, как считали местные крестьяне, где бы в полночь последнего апрельского дня не толпились бы демоны и маги.

Второй праздник ведьм приходится на канун дня св. Иоанна Крестителя, 23 июня. Тогда зажигались костры св. Иоанна – традиция, до сих пор сохраняющаяся во многих регионах [274]. В старые времена праздник, подобно Рождеству, отмечался тремя службами; первая полуночная проводилась в честь св. Иоанна как Предтечи Господа, вторая на рассвете в воспоминание о Крещении, которое он проповедовал, в третьей вспоминалось о его святости.

Другие дни проведения Великих шабашей (*Grand Sabbat*), особенно в Бельгии и Германии, приходились на праздник св. Фомы (21 декабря) и переходящую дату, вскоре после Рождества. В Британии также на праздник свечей (*Candlemas*), 2 февраля, Хэллоуин (31 октября) и праздник урожая (*Lammas*) 1 августа (судя по данным процессов). Райт в «*Narratives of Sorcery and Magic*» (I, p. 141) упоминает также день св. Варфоломея, но хотя тогда, возможно, и проводились шабаши, однако, судя по всему, крайне редко или же они имели местное значение.

Во время знаменитого процесса зимой 1610 года в Логроно, городе Старой Кастилии, проведенного апостолическим инквизитором Алонсо Бекарра Холгвином, братом Алкantaranского ордена, с двумя помощниками, Хуаном Валле Альварадо и Алонсо де Салазаром-и-Фриасом, многие наваррские ведьмы признались, что основные шабаши проводились в Цугаррамурди и Берроскоберро в Стране басков, и что дни шабашей были приурочены к «девяти основным праздникам года», а именно Па-

схе, Крещению, Вознесению, Преображению, Рождеству и Успению Пресвятой Богородицы, Празднику Corpus Christi, Всех Святых и особенно Дню св. Иоанна Крестителя (24 июня). Довольно странно, что в этом списке нет Рождества и Дня Св. Духа, но в ходе процесса, а мы обладаем всеми материалами по этому делу, никто не говорил, что шабаши проводились на эти праздники [275].

Сатана, как верно замечает Боге, «Singe de Dieu en tout» [276], посему обычной практикой стало проведение Великих шабашей во время больших христианских праздников, словно бы в злую насмешку над этими священными торжествами. Боге тонко подмечает, что шабаши «se tient encor aux festes les plus solem-6 История колдовства nelles de l'annee» [277] (до сих пор проводятся на крупнейшие праздники годового цикла богослужений). Так, он пишет о признании Антиды Колас (1598), которая «auoit este au Sabbat a vn chacun bon iour de l'an, comme a Noel, a Pascues, a la feste de Dieu». Ланкаширские ведьмы встречались в Страстную пятницу; вторым же по важности праздником для них был День Всех Святых (1633). Ведьмы из Кинросса (1662) собирались 30 ноября на праздник патрона Шотландии св. Андрея, именовавшийся Днем св. Андрея на Святки, чтобы отличить его от второго праздника Перенесения Мошей св. Андрея, 9 мая. Ведьмы Новой Англии собирались на главный шабаш на Рождество. Во многих частях Европы, где особо торжественно праздновался День св. Георгия, 22 апреля, на его канун проводился основной шабаш года. Карпатские гущулы верят, что именно в этот день всякое зло имеет особую силу, а ведьмы становятся особенно опасными. Каждый болгарский или румынский крестьянин закрывает окна и тщательно запирает двери с приходом ночи, оплетает оконные рамы ветками колючего кустарника и ежевики, выкладывает дерном подоконник для того, чтобы ни демоны, ни ведьмы не смогли бы найти там прохода.

Как видно, весьма многие места подходили для проведения больших шабашей. Тем более легко было организовать небольшие по масштабу собрания. Ковен района мог выбрать для этого поле недалеко от деревни, лес, скалистую вершину холма, долину, пустошь у пораженного молнией дуба, кладбище, покинутое здание, отдаленную часовню или редко посещаемую церковь, иногда дом одного из членов ковена.

Шабаш ведьм

Было разумно выбирать место отдаленное и покинутое для того, чтобы обезопасить себя от шпионов или случайных свидетелей, и во многих провинциях пользовавшиеся скверной славой лощины или одинокие холмы имели репутацию мест, регулярно посещаемых ведьмами и их слугами. Де Ланкр рассказывает, что Великий Шабаш следует проводить у реки, озера или какого-либо водного источника [278], и Боден добавляет: «Места, где встречаются колдуны, заметны благодаря неким деревьям или даже кресту, их отмечающим». [279] Древние кромлехи и гранитные дольмены, камни Марэ де Дол, монолит между Саном и Элмеллем (Кандроз), даже кресты на рынках сонных старинных городков и английских деревень были излюбленными местами встреч прорицателей и ведунов всей округи. В одном случае, правда, исключительном, шабаш провели в центре города Бордо. В Германии ведьмы собирались на Блоксбурге или Брокене, высоких вершинах гор Гарца, причем некоторые из них, как говорят, прибывали из отдаленной Лапландии или Норвегии. Но местные Броксбургские существовали и в других местах, например, в Померании, которая могла похва-

Кристиан Штридтех пишет в «*De Sagis*» (XL): «Они встречались в разных местах и по-разному проходили их собрания; но обычно они происходили в лесу, или в горах, или в пещерах и других местах, поодаль от тех, где живут люди». Мела в Книге III, главе 44 упоминает гору Атлас; де Во, колдун, казненный в Этапле в 1603 году, признался, что ведьмы Нидерландов имели обыкновение встречаться в одном из местечек провинции Утрехт. В Англии горы Бруктери, именуемые некоторыми Мелибус, в герцогстве Брунвик, имеют репутацию места встреч ведьм. На народном языке эти горы называются Блоксберг или Хевеберг, Брокерсберг или Фогельсберг, как пишет Ортелиус в своем «*Thesaurus Geographicus*». [281] День недели, в который проводились шабаши, не был точно установлен, но особым предпочтением пользовалась пятница. Вообще-то, существует немало свидетельств о шабашах, проводившихся в любой день недели, но не накануне субботы или воскресенья. Де Ланкр сообщает, что в Нижних Пиренеях «они проводили свои обычные встречи в местечке, известном как Лан дю Бок, на языке басков *Aquillarre de verros, prado del Cabron*, и там собирались колдуны, чтобы почтить своего господина в ночь понедельника, среды и пятницы» [282]. Боге говорит, что день шабаша меняется, но обычно предпочтение отдается ночи на четверг. [283] В Англии было установлено, что «торжественные встречи обычно назначаются на ночь вторника или среды». [284] Суббота, видимо, избегалась по той причине, что этот день был посвящен Непорочной Матери Божьей.

Правда, судя по мерзким и истеричным откровениям Марии де Сэн, свидетеля по делу Луи Гофриди, допрошенной 17 – 19 мая 1614 года, шабаш мог проводиться в любой день недели. Среда и пятница почитались днями богохульств и черного осла. В другие дни практиковались самые отвратительные вещи, на какие только способен человек. Женщина страдала сексуальными отклонениями, даже можно уточнить какими – *mania blasphematoria* и *coprolalia*.

Определенно можно сказать, что шабаши неизменно проводились по ночам, хотя, как говорит Дельрио, они могли бы происходить и в полдень, так как псалмист упоминает об «ужасах в ночи... язве, ходящей во мраке; заразе, опустошающей в полдень» [285] (*Non timebis a timore nocturno... a negotio perambulante in tenebris; ad incursu et daemonio meridiano*). Дельрио справедливо заключает: «Их собрания обычно проходят в глухой ночи, когда правят силы зла; а иногда в полдень, как говорит псалмопевец, упоминающий о полуденном демоне. Они предпочитают ночи на понедельник и четверг». [286]

Начинались шабаши, как правило, с наступлением полуночи. «*Les Sorciers, –* пишет Боге, – *vont enuiron la minuict au Sabbat*». [287] Следует помнить, что в «*Метаморфозах*» Апулея (I, 11) ведьмы набрасываются на Сократа ночью «*circa tertiam ferme uigiliam*». Агнесса Сэмпсон, «знаменитая ведьма», как называет ее Хьюм Годскрофтский в его «Сообщении об Арчибальде», девятом герцоге Энгуса, более известная под именем «Мудрая женщина из Кейта», бывшая видной фигурой [288] на процессе Фиана в 1590 году, призналась, что встретилась с дьяволом, «когда была одна, и дьявол приказал ей прийти следующей ночью в кирху Северного Бервика», что она в соответствии с его пожеланиями и сделала, «и на дворе кирхи она увидела свет, придя туда около 11 часов вечера» [289]. В этом случае шабашу предшествовал танец, исполнявшийся примерно сотней человек, и начало его приходится, вероятно, на полночь. Томас Леис, Исабель Коки, Хелен Фрззер, Бесси Торн и прочие абердинские ведьмы, тринадцать из которых были казнены и еще семь подверглись изгнанию,

обычно встречались «между двенадцатью и часом ночи» [290]. Боре отмечает, что в 1598 году ведьма Франсуаза Секретен «adioustoit qu'elle alloit tousiours au Sabbat enuiron la minuit, et beaucoup d'autres sorciers, que i'ay eu en main, ont dit le mesme». В 1600 году Анна Мочин из Тюбингена призналась, что принимала участие в собраниях ведьм, именуемых ею *Hochzeiten*. Они проходили у колодца, сразу за верхними воротами Ротенбурга, и в ее показаниях рассказывается о «полуночных танцах и пирушках». Шотландская ведьма Мари Ламонт, «молодая женщина в возрасте восемнадцати лет из прихода Иннеркип», 4 марта 1662 года призналась весьма простодушно, «что когда она ночью была с другими ведьмами на встрече в Золе, дьявол затем провозжал ее домой на рассвете». [291]

Шабаш длился до крика петухов, до которого никто из собрания не должен был уходить, поэтому признание Луи Гофриди, казненного в Эксе в 1610 году, представляется единичным: «Будучи доставлен в место, где происходил шабаш, я оставался там один, два, три или четыре часа, в зависимости от настроения» [292]. Представление о том, что крик петуха развеивает чары, относится к глубочайшей древности. Евреи верили, что хлопанье крыльев петуха делает малоэффективной силу демонов и разрушает магические заклинания. Пруденций повествует: «говорят, что демоны ночные, веселящиеся в тусклых тенях, при крике петуха дрожат и рассеиваются». [293] Поклонение Сатане же рассеялось по той причине, что началось служение святой Матери-Церкви. Во времена св. Бенедикта заутрени и хвалитны именовались *Gallicinium*, клич петуха. Великолепный поэт, св. Амвросий прекрасно воспел сию петушиную песню. Эти слова до сих пор можно услышать на воскресных хвалитнах:

*Свет в нашем темном пути,
В котором дни лишь разделяют ночи.
Громко кличет предвестник рассвета
И пробуждает яркие лучи солнца.*

*Тотчас же вздрогнут силы тьмы,
Бегут пред утренней звездой,
И, планы мрачные свои оставив,
Спешат обратно бродячие компании ночные.*

*Вновь пробуждается надежда, ликует матрос,
Волны успокаиваются, стихает шторм,
Камень Церкви в слезах
Спешит смыть свою вину.*

*Итак, восстаньте в гармонии
Пробужденные из лживого сна,
Петух зовет всех, кто Господа
Отвергал грехами, не замечал в лености.*

*От его чистого крика веселье бьет ключом,
Здоровье начинает струиться по венам больного,
Кинжал возвращается в ножны,
Падшая душа возвращается к вере. [294]*

Ведьма по имени Латомат призналась Николя Реми, что петушиное племя ненавистно всем магам. Ведь эта птица – герольд рассвета, она поднимает людей на молитву Господу, и множество смертных грехов, покрываемых тьмой, будет раскрыто в свете наступающего дня. В благословенные часы Рождества петухи пели всю ночь напролет. Весело кричали они во время Воскресения. Потому и полагалось помещать петухов на верхушки церквей. Плиний и Элиан рассказывали, что львы боятся петухов; так и дьявол, «leo rugiens», бежит, услышав петуха.

«Le coq, – говорит Де Ланкр, – s'oyt par fois es Sabbats sonnat la retraicte aux Sorciers». [295]

Женщины, лакомящиеся на деревенском пикнике

Ведьмы могли попасть на шабаш различными путями. Если речь идет о посещении местного собрания, то пройти следовало одну или две мили, что можно было сделать и пешком. Иногда идти надо было еще меньше. Читатель должен помнить, что, выйдя за ворота средневекового города или отойдя несколько шагов от крайнего дома деревни, путник в XVI или XVII веке, да, в общем-то, и в совсем недавние времена, оказывался в местах, где присутствие людей никак не проявлялось. Если после захода солнца лакей с факелом был необходим для того, чтобы добраться куда-либо в пределах Лондона, Рима, Парижа, Мадрида и других великих европейских городов [296], то можно представить, себе, насколько пустынной, темной и опасной представлялась современникам сельская местность! Нередко ведьмам на пути к месту проведения шабаша приходилось пользоваться фонарями. Ученый Бартоломео де Спино [297] в своем «*Tractatus de Strigibus et Lamiis*» (Венеция, 1533) пишет, что некий крестьянин, живший в Клавико Малагацци, в округе Мирандолы, имел обыкновение вставать по утрам весьма рано и отправляться в близлежащую деревню. И вот как-то раз, в три часа, перед рассветом он вступил на пустынную дорогу, отделявшую его от места назначения. Вскоре он неожиданно заметил большое количество огней, которые мелькали там и сям, и, приблизившись, понял, что видит большое количество людей, преимущественно женщин, которые двигаются в некоем фантастическом танце. Другие подобно тому, как это происходило бы на деревенском пикнике, лакомились изысканной едой и попивали крепкое вино. Слышалась грубая музыка сельской волюнки. Как ни странно, за все это время не было произнесено ни слова. Люди кружились

в танце, ели и пили в странном и значительном молчании. Видя, что многие без всякого стыда предаются самому дикому разгулу и тут же, ничем не сдерживаемые, совершают непристойным образом известный акт, ужаснувшийся наблюдатель понял, что попал на шабаш. С пылом перекрестившись и произнеся молитву, крестьянин быстрым шагом направился подальше от проклятого места, однако перед этим он смог опознать некоторых из присутствовавших, которые жили поблизости и были известны как люди, творившие зло, и находились и так уже под подозрением в колдовстве. Ведьмы, очевидно, заметили его присутствие, но не придали ему значения, во всяком случае, они даже не сделали попытки его преследовать. В другом случае фра Паоло де Каспан, доминиканец, известный своей ученостью и благочестием, сообщил, что Антонио де Палавичини, сельский священник той же епархии, что и Каспан, в приходе Вальтеллина, месте, зараженном магией, торжественно заявил, что когда незадолго до рассвета он отправлялся служить мессу в церковь, находившуюся недалеко от деревни, то увидел через просветы в деревьях проходившее при свете фонарей собрание мужчин и женщин, сидевших в кругу. Действия их не оставляли сомнений в том, что это были ведьмы, проводившие некие запретные церемонии. В обоих случаях фонари не имели какого-либо символического значения для участников шабаша, а всего лишь исполняли обычные функции подсобных приспособлений.

Очень часто, отправляясь на местный шабаш, ковен ведьм собирался в полном составе сразу за деревней, и затем уже они вместе шли к назначенному месту. Делалось это в целях обеспечения секретности. На это указывает знаменитый ученый Бернард Комский: «Когда они пешком направляются в некое место неподалеку от деревни, то по пути весело беседуют» [298]. О том, что участники шабаша направлялись на него пешком, нередко говорится в тексте судебных протоколов. Боге, особенно точный в деталях, пишет: «Тем не менее, колдуны иногда идут на шабаш пешком, и так оно обычно и бывает, когда его собираются проводить недалеко от своего поселения» [299]. В ходе допроса, проведенного 17 мая 1616 года, Бартолеми Минге из Бреси, молодой человек 25 лет, обвиняемый с семнадцатью другими, «в ответ на вопрос, где проходил последний шабаш, на котором он присутствовал, отвечал, что это место находится по направлению к Бильякрону, на перекрестке с большой дорогой, ведущей в Экс, в приходе Сент-Суланж. Его спросили, как он туда попал. Он отвечал, что пришел пешком». [300]

Когда Этрин Освальд из Ниддри (1625) как-то ночью взяла Александра Гамильтона, «известного колдуна», «в укрытие между Ниддри и Эдмистоном, где ей доверился дьявол», то из текста очевидно, что они направились туда вместе пешком.

В литературе поднимался тонкий вопрос о том, были ли те, кто направлялся на шабаш пешком, виновны в той же степени, как те, которых переносил туда дьявол. Де Ланкр считает, что «в действительности отправиться на шабаш пешком для мага преступление столь же тяжкое, как если бы по его просьбе он был бы перенесен туда дьяволом». [301]

Майор Вейр и его сестра, похоже, направлялись на встречу с Дьяволом на карете, запряженной шестеркой коней. Ездили они из Эдинбурга в Мюссельбург и обратно, 7 сентября 1648 года. В этом призналась женщина, находясь в тюрьме, причем добавила, что «она и ее брат заключили договор с Дьяволом». [302]

Агнесса Сэмпсон, знаменитая ведьма из Северного Бервика (1590), призналась, что «дьявол в облики мужчины встретил ее, когда она вышла из своего дома в Кейте на

поле, между 6 и 7 часами вечера, одну, и приказал ей прийти в кирху Северного Бервика на следующую ночь. Туда она и приехала на коне в сопровождении своего крестного сына Джона Купера». [303] Шведские ведьмы (1669), приносившие детей в Блокулу, «сажали их на спину зверя, присланного дьяволом, и затем они быстро уезжали». Один мальчик признался, что «для совершения путешествия он взял отцовского коня с луга, где он пасся» [304]. По его возвращении одна из ведьм ковена позволила коню пастись на своих угодях, и там он и был на следующее утро найден отцом мальчика.

В народном сознании ведьмы, безусловно, ассоциируются с помелом, с помощью которого они совершают головокружительные полеты высоко в небе. Такое представление было распространено во всех странах и во все времена. Помело определенно происходит от древних магических посохов и палочек, которые также можно было использовать для перемещения в пространстве. Дерево для них очень часто бралось от орешника, ведьмовского дерева, хотя во времена де Ланкра маги Южной Франции предпочитали «*Souhandounga*», *Cornus san-guinea*, иными словами, кизил. Среди урагана и бури в самом сердце темного шторма струился поток ведьм, восседающих на своих метлах, быстро двигаясь к месту предполагаемого шабаша, их крики и злобный смех заглушали рокот стихий и смешивались во внушающем страх диссонансе с безумным воем воздушных потоков.

Ведьма, вылетающая в трубу

Очень важным представляется мнение об этих поверьях известного и эрудированного бенедиктинского аббата Регина Прюмского (906), который в обширном труде «*De ecclesiasticis disciplinis*» пишет: «Не следует утаивать, что некоторые женщины, полностью отошедшие от веры и воследовавшие за Сатаной, соблазненные иллюзиями и фантастическими видениями, насылаемыми демонами, твердо верят и открыто утверждают, что глухой ночью они скачут на неких зверях вместе с языческой богиней Дианой и бесчисленными ордами других женщин и что в эти тихие часы они проделывают весьма большой путь и повинуются ей как своей повелительнице, и в некие иные ночи их вызывают, чтобы они поклонились ей и воздали должное» [305]. Иногда ведьмы ездят на венике или помеле, иногда на животных, и полету по возду-

ху, как правило, предшествует натирание магической мазью. Существуют различные рецепты этих мазей, интересно, что в них, как правило, включались смертельные яды – аконит, белладонна и болиголов [306]. Хотя в известных случаях использование подобных натираний и могло дать известный физиологический результат, лучше всего о причинах их употребления говорит Дельрио: «Дьявол в состоянии перенести их на шабаш без употребления мази, как часто он и делает. Но по ряду причин он предпочитает, чтобы они использовали эти натирания. Иногда, если ведьмы боятся, это помогает им преодолеть панику. Если они молоды и нежны, то так легче будет им претерпеть обаяния Сатаны, принявшего облик человека, поскольку сей ужасной мазью он притупляет их чувства и убеждает несчастных созданий, что в липкой смазке скрыты особые достоинства. Иногда же он делает это в насмешку над Святыми Дарами и таким образом мистическими церемониями вводит нечто вроде ритуала и литургии в звериные оргии шабаша». [307] Хотя повсеместно принято было мнение, что ведьма может передвигаться по воздуху [308] на шабаш, оседлав метлу или какую-либо палку, интересно отметить, что лишь в редких случаях они действительно признавались в том, что использовали этот вид воздушного транспорта. Пол Гриллан в трактате «*De Sacrilegiis*» (Лион, 1533) рассказывает о ведьме из Рима, которая во время судебного разбирательства, бывшего за семь лет до выхода книги, призналась в том, что летала в воздухе, смазав тело неким магическим снадобьем. Очевидно, наиболее подробно на эту тему писал Боре, [309] тщательнейшим образом собравший обширный материал во время процессов в провинции Франш-Конте летом 1598 года. Он совершенно откровенно приводит такие примеры, как нижеследующий: «*Francoise Secretain disoit, que pour aller au Sabbat, elle mettoit un baston blanc entre ses iambes et puis prononcait certaines paroles et des lors elle estoit portee par l'air iusques en l'assemblee des Sorciers*» (Франсуаза Секретен признала, что для того, чтобы оказаться на шабаше, она помещала себе между ног белую палочку и затем произносила определенные слова, после чего переносилась по воздуху на собрание колдунов). В другом месте она признается: «*qu'elle avoit este vne infinite de fois au Sabbat... et qu'elle y alloit sur vn baston blanc, qu'elle mettoit entre ses iambes*» (что бывала на шабашах очень часто... и что туда она направлялась с помощью белой палки, которую помещала себе между ног). Надо заметить, что во втором утверждении она не говорит, что с помощью палки она перемещалась по воздуху. Опять «*Francoise Secretain y estoit portee (au Sabbat) sur vn baston blanc. Satan y transporta Thieuenne Paget et Antide Colas estant en forme d'un homme noir, sortans de leurs maison le plus souuent par le chemine*». «*Claudine Boban, ieune fille confessa qu'elle et sa mere mon-toient sur vne ramasse, et que sortans le contremont de la chemi-nee elles alloient par l'air en ceste facon au Sabbat*» (Франсуаза Секретен была перенесена (на шабаш) на белой палке. Сатана, приняв форму высокого темного человека, доставил туда также Тиен Паже и Антиду Колас, которые, как правило, покидали свой дом с помощью дымохода... Клодин Бобан, молодая девушка, призналась, что она и ее мать разъезжали на помеле и что, выезжая из дома через печную трубу, они таким образом переносились по воздуху на шабаш). Записка на полях толкует слово «*ramasse*», как «*autrement balai, et en Lyonnois coïue*».

Глэнвилл пишет, что Джулиана Кокс, одна из ведьм сомер-сетского ковена (1665), сказала, что «однажды вечером она вышла из своего дома и прошла около мили, когда к ней приблизились, скача на метлах, три человека, находившиеся примерно в полтора ярдах над землей. Двух из них она знала, это были ведьма и колдун». Вполне

возможно, что здесь мы имеем дело с неким преувеличением. Нам известно, что одна из фигур ведьмовского танца заключалась в том, что исполняющие его подпрыгивали в воздух так высоко, как только могли, и, вероятно, трое увиденные Джулианой практиковались как раз в этом упражнении. В этом смысле подходящей представляется цитата Реджинальда Скота из сочинения Бодена. Говоря о веселье шабаша, он сообщает, что «и пока они ели и плясали, у каждого в руке была метла, и они воздевали ее высоко в воздух». Также он сказал, что эти гуляющие, а лучше сказать, танцующие по ночам ведьмы перенесли из Италии во Францию танец, который называется *La Volta* [310]. Сэр Джон Дэвис в своей работе *«Оркестр, или Поэма о танце»* (1596) описывает лавольту как «высокое подпрыгивание и быстрое кружение». Де Ланкр замечает, что после обычного деревенского танца на шабаше ведьмы высоко подпрыгивали в воздух. «*Après la dance ils se mettent par fois a sauter*». [311] Во время своих собраний некоторые из абердинских ведьм (1597) «танцевали дьявольский танец, скакали на деревьях немалые пространства». На старой иллюстрации, изображающей доктора Фиана и его компанию скачущей вокруг церкви Северного Бервика, ведьмы изображались бегущими и подпрыгивающими в воздухе, некоторые верхом на метлах; другие несли их в руках.

В шкафу дамы Алисы Кителер из Килкенни, арестованной в 1324 году по обвинению в ночных встречах с фамилиаром Артиссоном и многочисленным сопутствующим обвинениям колдовстве, была обнаружена трубочка с мазью, которой она смазывала посох, «с помощью коего она передвигалась везде и всегда таким образом, как она того хотела». [312] В ходе процесса Марты Керье, известной ведьмы и «буйной карги», проведенного судом Ойера и Терминера в Салеме, 2 августа 1692 года был вынесен обвинительный вердикт, восьмая глава которого гласила: «Фостер, признавшая, что занималась ведовством, за которое она подвергнута заключению, подтвердила, что она видела заключенную на некоторых ведьмовских собраниях и что это никто иная, как Керье, которая убедила ее стать ведьмой. Она призналась, что Дьявол переносил их на шесте на собрание ведьм. Но шест сломался, и она повисла у Керье на шее, и обе они упали на землю. Она пострадала при падении, так что долго не могла оправиться». [313]

Во многих случаях вполне очевидно, что речь не идет о реальном полете по воздуху. Имела место ритуальная езда верхом на метлах или палках.

Вместе с тем следует отметить, что существует и действительная левитация, феномен, безусловно, необычный, но тем не менее известный, многократно фиксировавшийся на современных сеансах спиритизма, где происходила как левитация отдельных личностей, что непосредственно относится к рассматриваемой нами теме, так и поднятие в воздух столов и стульев без участия человека или каких-либо вспомогательных механизмов и при условиях, которые делают невозможным объяснение этих явлений ловкостью рук, шарлатанством или иллюзией. Из массы неопровержимых свидетельств можно выбрать удивительные слова сэра Вильяма Крукса о левитации. «Это происходило, – пишет он, – четыре раза в моем присутствии в темноте, но... я говорю лишь о тех случаях, когда доводы разума подтверждались органами чувств... Однажды я видел стул, на котором сидела леди, который поднялся на несколько дюймов от земли. Другой раз леди стала на колени на стуле таким образом, что можно было видеть все его ножки. Потом он поднялся на три дюйма и оставался в таком положении около 10 секунд, затем медленно опустился вниз».

Самый удивительный случай левитации, свидетелем которого я был лично, произошел с мистером Хоумом. Трижды я видел, как он поднимался с пола комнаты вверх... Каждый раз я имел полную возможность наблюдать, как это происходит. Существует не менее сотни документальных записей, свидетельствующих о полетах мистера Хоума. [314]

В июле 1871 года лорд Линдсей рассказывал: «Я сидел с м-ром Хоумом и лордом Адэром. Присутствовал также один из его родственников. М-р Хоум вошел в транс и в этом состоянии перенесся через окно комнаты, смежной с нашей, и появился у нашего окна. Расстояние между окнами было около 6 футов 6 дюймов, и между ними не было никакой опоры. Выступ у каждого окна был не более чем в 12 дюймов и служил для того, чтобы ставить на него горшки с цветами. Мы слышали, как раскрылось окно в соседней комнате, и почти немедленно увидели Хоума, парящим в воздухе за нашим окном». [315]

Вильям Стентон Мозес пишет о своей левитации в августе 1872 года в присутствии надежных свидетелей: «Я был вознесен вверх... когда я обрел равновесие, то сделал отметку (карандашом) на стене, противоположной моей груди. Эта отметка находится где-то в шести футах от пола... Из ее расположения очевидно, что моя голова находилась очень близко к потолку... Я просто взлетел и затем опустился на то же место». [316]

Если мы обратимся к житиям святых, то увидим, что и здесь нередко наблюдались подобные явления. Мы упомянем лишь о нескольких подобных эпизодах из поистине бесконечного списка.

Св. Франциск Ассизский часто «поднимался над землей на высоту три, иногда четыре локтя»; тот же феномен многократно наблюдался различными свидетелями в течение столетий. Среди тех, кто во время молитвы поднимался над землей, удостоенная стигматов св. Екатерина Сиенская, св. Колетт, Рейньеро де Борго Сан-Сеполькро, св. Катерина де Риччи, св. Альфонс Родригес, св. Мария Магдалина де Пацци, Раймунд Рокко, бл. Карл де Сецце, св. Вероника Джулиани (ка-пуцинка), св. Герард Майелла (редемпционист-чудотворец), чудесный мистик Анна Катерина Эммерих, Доминика Барба-льи (умерла в 1858 году) из Монте-Санто-Савино (Флоренция), летавшая едва ли не каждый день. Св. Игнатий Лойола, погрузившись в глубокую молитву (по свидетельству Иоанна Паскаля), поднялся от пола более чем на фут. Св. Тереза и св. Хуан де ла Круз левитировали совместно, свидетелем чего стали Беатриса де Хесус и весь женский монастырь. [317] Св. Альфонс Лигьери, проповедуя в церкви св. Иоанна Крестителя в Фодже, поднялся перед глазами всей конгрегации на несколько футов над землей. [318] Джемма Гальгани из Лукки, умершая 11 апреля 1903 года, в сентябре 1901 года во время молитвы перед почитаемым распятием поднялась в воздух, будучи в небесном транс, и в течение нескольких минут оставалась над полом. [319] Св. Иосиф Купертинский (1603 – 1663), один из самых необычных мистиков XVII столетия, вся жизнь которого представляется серией высоких порывов и мистических экстазов, нередко поднимался в воздух и оставался там долгое время. Это чудо привлекало к себе такое внимание, что настоятели пересылали его из одного монастыря в другой, и в итоге он умер в маленьком высокогорном городке Осимо, где до сих пор почитаются его мощи. В течение многих лет он служил мессу у отдельного алтаря, и необычайно велики были дары, ниспосылаемые на него Св. Духом.

Думается, что мало столь благоухающих святостью святынь, каковым является этот монастырь в Осимо. Во время моего визита к гробнице св. Иосифа я был глубоко тронут многочисленными напоминаниями о жизни святого, там сохранившимися, и добротой отцов его нынешнего братства.

Св. Филипп Нери и св. Франциск Ксавьер часто поднимались над землей во время службы и аскет св. Поль де ла Круа, как пишет бл. Страмби: «*Le serviteur de Dieu s'éleva en l'air a la hauteur de deux palmes, et cela, a deux reprises, avant et apres la consecration*» [320] (Слуга Господень во время святой мессы дважды возносился в воздух на высоту в два локтя от земли, до и после освящения).

Хорошо известно, что в одной лондонской церкви некий благочестивый священник во время службы нередко левитировал, причем я сам наблюдал это явление, хотя сам св. отец не знал об этом до дня своей смерти.

Но, как справедливо отмечает Герр [321], хотя и немало известно о святых, которые левитировали в религиозном экстазе, нельзя исключить того, что этот феномен может быть имитирован так или иначе силами зла, как это происходит явным образом в случае с медиумами-спиритами. Те м не менее, из агиографических источников нам неизвестно, чтобы святые в большом количестве поднимались совместно с земли или чтобы они переносились через воздушные пространства для того, чтобы встретиться в каком-либо определенном месте. Возможно ли, чтобы демоны смогли превзойти по силе величайших святых? Кроме того, надо помнить о том, что за исключением редчайших и исключительных случаев, вроде св. Иосифа Купертинского, левитировавшие поднимались на высоту не более фута или 18 дюймов, и даже это происходило очень редко, в моменты особой торжественности и концентрации всех психических сил.

Таким образом, мы подходим к вопросу, который долгое время волновал демонологов: посещали ли ведьмы шабаш в реальности или их путь туда так же, как и все, что они там делали, не более чем дьявольская иллюзия? Джованни Франческо Понцинибио в труде «*De Lamiis*» [322] полностью склоняется к последнему взгляду, но здесь он становится жертвой рациональных предрассудков, в связи с чем знаменитый канонист Франсиско Пенья «наказал» его за опрометчивость суждений. В работе Пеньи «*In Bernardi Comensis Dominicani Lucernam inquisitorum notae et eiusdem tractatum de strigibus*» [323] содержится отличная подборка цитат, полностью дискредитирующая аргументы Понцинибио и подтверждающая справедливость судебных процессов над ведьмами словами авторитетов.

Шпренгер в «*Молоте ведьм*» (мы уже цитировали фрагмент о том, «как ведьмы телесно могут переноситься из одного места в другое») заключает: «можно считать доказанным, что колдуны могут переноситься в теле» [324]. Пол Гриллан задается вопросом: «Действительно ли колдуны и ведьмы или сатанисты могут быть перенесены в теле на шабаш и обратно дьяволом или следует считать, что эти явления относятся к области воображения?» Он вполне признает сложность и необычайную запутанность этого вопроса, почему и начинает свой ответ фразой: «*Quaestio ista est multum ardua et famosa*» [325] (Это очень сложный и часто обсуждаемый вопрос). Но св. Августин, св. Фома, св. Бонавентура и многие другие соглашаются, что эти перемещения в пространстве имели место в реальности, и Гриллан, пробалансировав долгое время между этими двумя выводами, наконец, заключает: «что касается меня, то я придерживаюсь мнения, что они действительно перемещались». [326]

В своем «*Compendium Maleficarum*» Франческо Гуаццо обсуждает вопрос (Кн. 1, 13) «Действительно ли ведьмы телесно могут переноситься с места на место, посещая свои шабашы?» следующим образом: «Мнение, которого придерживаются последователи Лютера и Меланхтона, заключается в том, что, по их мнению, ведьмы участвуют во всех этих собраниях лишь в своем воображении, их сознание замутнено некоей дьявольской уверткой. В защиту этого предположения отрицатели указывают, что ведьм часто видели лежащими в определенном месте без движения (в то время как впоследствии они утверждали обратное). Более того, из жития св. Германа, которое уместно будет здесь процитировать, известно, что некоторые женщины заявляли, будто они отправляются на „банкет“, в то время как, по заверениям надежных свидетелей, они ложились и засыпали. Что подобного рода женщины легко поддаются обману, не подлежит сомнению... Я же придерживаюсь противоположного мнения, что в ряде случаев некоторые ведьмы действительно телесно переносятся на полуночный шабаш дьяволом, принимающим форму того или иного нечистого и чудовищного животного, чаще же всего козла. Та к полагают ведущие теологи и специалисты в области юриспруденции из Италии и Испании; это мнение подтверждается и католическими авторитетами. Большинство авторов придерживается именно такого взгляда, например, Торквема-да в своих комментариях к Гриллану, Реми, св. Петр Дамияни, Сильвестр Авильский, Томмазо де Виа Газтани, Альфон-со де Кастро, Систо Сиенский, Пер Криспе, Бартоломео Спинья в глоссах на Понцинибио, Лоренцо Ананья и множество других, о которых для краткости здесь умалчивается» [327]. Кажется, эти слова можно привести в качестве итога всему вышесказанному. В энциклопедическом трактате «*De Strigibus*» [328], написанном более ранним авторитетом Бернаром из Комо, есть такой значительный абзац: «Эти несчастные, действительно полностью контролируя свои чувства и не находясь в состоянии сна, посещают эти собрания, или скорее, оргии, и если место их проведения находится недалеко, то они идут туда пешком, по дороге весело беседуя. Если же им предстоит встреча в некоем отдаленном месте, то они переносятся туда дьяволом. Каким бы образом они ни попали в это место, нет сомнений, что путешествие это носит реальный, а не воображаемый характер. Нет также причин думать, что они действуют в помраченном сознании, когда отвергают католическую веру, поклоняются дьяволу, попирают ногами Крест Господень, оскверняют Святое Причастие, предаются грязному разврату и совокупляются посреди этого собрания, оскверняют себя связью с дьяволом, который является им в облики человека и используется мужчинами как суккуб, обслуживая вместе с тем женщин, как инкуб» [329].

Этот вывод можно считать очевидным и доказанным. Ведьмы действительно телесно посещают шабашы, богохульные и святотатственные оргии. Добираются ли они туда пешком, верхом или еще каким-либо способом, это уже детали. К каждому случаю здесь следует подходить индивидуально.

Нельзя отрицать того, что в ряде эпизодов значительную роль играли галлюцинации и самообман, но примеров таких не так уж и много, и они также подвергались разбору внимательных священнослужителей и судей, которые выносили им соответствующую оценку. Так, в «*Молоте ведьм*» Шпренгер сообщает о женщине, которая добровольно пришла в суд с тем, чтобы ее наказали как ведьму, и призналась братьям-доминиканцам, что по ночам она посещает шабашы и никакие заслоны и решетки не могут ей помешать отправиться на адскую пирушку. Она была помещена под за-

мок в помещение, откуда не было никакой возможности выбраться, и охранялась специально приставленными к ней людьми, которые постоянно наблюдали за ней в замочную скважину. Эти люди сообщили, что как только ее доставили в это помещение, она немедленно повалилась на кровать; при этом казалось, что ее члены абсолютно не гнутся. Избранные представители трибунала, серьезные и внимательные доктора вошли в комнату. Они стали будить женщину. Вначале это не получалось и пришлось основательно ее потрясти. Тем не менее она оставалась недвижимой. Тогда ее стали довольно грубо щипать. Наконец, принесли зажженную свечу и держали у ее ступни, пока на ней не появились следы ожога. Женщина никак не реагировала на происходящее. Через некоторое время к ней вернулись чувства. Она села и в подробностях рассказала, что случилось с нею на шабаше, где именно она была, сколько там было человек, какие проводились ритуалы, о чем говорилось. Потом она пожаловалась на боль в ноге. На следующий день отцы объяснили ей, как все происходило, что она и не покидала этого места и что боль происходит от свечки, эксперимент с которой был необходим для установления истины. Обращались они с ней строго, но по-отечески, и после того, как она исповедовалась в своей ошибке и обещала впредь противиться таким скверным фантазиям, ей предписали соответствующее случаю покаяние и отпустили.

Среди известных случаев, которые расследовал Анри Боге, есть следующий: в июне 1598 года молодой Жорж Гандильон признался, что приходил на шабаш, в заброшенное местечко под названием Фонтенель, у деревни Незар, и что иногда он также приезжал туда на коне. Более того, в обвинительном заключении есть следующие слова: «Жорж Гандильон в ночь на Страстную пятницу лежал в своей кровати, околочевший подобно трупу, в течение трех часов, а затем неожиданно пришел в себя. Впоследствии он был сожжен живым вместе со своим отцом и сестрой». [330]

Поскольку Боге, один из главных для нас авторитетов, обсуждает все связанное с шабашами особенно подробно в своем сочинении «*Discours des Sorciers*», то будет уместным дать здесь подзаголовки и разделы его ученого и обширного труда. [331]

Глава XVI. Как и каким образом колдуны и ведьмы переносятся на шабаш.

- 1. Иногда они переносятся туда, оседлав палку или метлу, иногда на овце или козле, иногда – высоким черным человеком.*
- 2. Иногда они натирают себя мазями, иногда этого не делают.*
- 3. Некоторые люди, не являясь колдунами, будучи намазаны, переносятся, тем не менее, на шабаш. Почему так происходит?*
- 4. Мази и натирания в действительности не нужны ведьмам и на самом деле не могут доставить их на шабаш.*
- 5. Иногда ведьмы переносятся на шабаш порывом ветра или неожиданным ураганом.*

Глава XVII. Ведьмы могут иногда приходить на шабаш пешком.

Глава XVIII. Является ли путешествие на шабаш воображаемым?

- 1 – 3. Причины, по которым можно такое предположить, и примеры этого.
2. Показания, подтверждающие эту точку зрения; пример того, как одна женщина совершила воображаемое путешествие на шабаш.
4. Причины, по которым можно предположить, что путешествие на шабаш является реальным, а не воображаемым.
5. Как следует понимать повествования об Эрихтоне и Аполлонии, первый из которых вернул к жизни солдата, а второй молодую девушку.
6. Колдуны не могут возвращать мертвых к жизни. Примеры.
7. Та к же, как еретики не могут совершать чудеса. Примеры.
8. Личное мнение автора о предмете, обсуждаемом в этой главе.
9. Сатана весьма часто обольщает людей. Примеры.

Глава XIX.

1. Ведьмы отправляются на шабаш около полуночи.
2. Причины, по которым шабаши обычно проводятся по ночам.
3. Сатана радуется темноте и всему черному, поскольку они противоположны белизне и свету, радующим небеса.
4. На шабаше ведьмы танцуют спина к спине. Как правило, они одевают маски.
- 5 – 8. При крике петуха шабаш немедленно прекращается, и все покидают это место. Причины этого.
6. Голос петуха пугает Сатану тем же образом, как приводит он в ужас львов и змей.
7. Некоторые авторы отмечают, что демоны боятся обнаженного меча.

Глава XX. Дни, в которые проводятся шабаши.

1. Шабаш может быть проведен в любой день недели, но предпочтение отдается пятнице.
2. Шабаши также проводятся в основные праздники календаря.

Глава XXI. Места, в которых проходят шабаши.

1. По мнению многих авторов, место проведения шабаша обозначено несколькими деревьями или крестом. Мнение автора по этому поводу.
2. Интересное сообщение о месте, где проходил шабаш.
3. У места проведения шабаша должен быть источник воды. Причины этого.
4. Если в месте проведения шабаша нет воды, то ведьмы выкапывают яму и мочатся в нее. Причины этого.

Глава XXII. Проведение шабаша.

1. Ведьмы поклоняются дьяволу, являющемуся в форме высокого черного человека или козла. Они предлагают ему свечи и целуют его в зад.
2. Они танцуют. Описание танцев.
3. Они предаются всяким грязным извращениям. Дьявол превращается в инкуба и суккуба.

4. Ужасные оргии и мерзкие совокупления у евхитов и гностиков.
5. Пир ведѣм на шабаше. Их еда и питье. Каким образом они благодарят за это до и после трапезы.
6. Однако эта еда не может утолить их аппетита, и они всегда встают от стола такими же голодными, как и до еды.
7. Когда они заканчивают свою трапезу, они полностью отчуждаются перед дьяволом в своих действиях.
8. Они вновь отвергают Бога, их крещение и т. д. Как Сатана наставляет их делать зло.
9. Они поднимают темные бури.
10. Они проводят свои мессы. Об одеяниях их священников и святой воде.
11. Иногда в заключение шабаша Сатана как бы исчезает во вспышке пламени, и от него остаются лишь угольки. Все присутствующие берут малую их часть для того, чтобы потом использовать в магических целях.
12. Сатана всегда и во всем подобен обезьяне, подражающей Господу.

Собственно, процедура проведения шабашей сильно различалась в зависимости от эпохи, страны и района, где они проводились. Более того, даже стиль жизни и темперамент участников ассамблей были совершенно различными. Таким образом, можно отметить лишь основные и наиболее значимые церемонии, которые проходили на этих адских собраниях. Внимательное и подробное изучение шабашей потребовало бы отдельного тома, поскольку вполне возможным представляется реконструирование ритуалов ведѣм в каждом отдельном случае, хотя порядок их проведения часто разнился.

Дом Кальме совершенно ошибался, когда сказал: «Пытаться описать шабаш – значит, пытаться описать нечто не существующее и никогда не существовавшее, разве что в возбужденном и неупорядоченном воображении колдунов и ведѣм: картины шабашей, которые нам рисуют, – просто фантазия тех, кто видел сны о том, как перенесся по воздуху на шабаш» [332]. Счастливый скептик! К несчастью, шабаши как существовали раньше, так существуют и сейчас. Просто проводятся они не в покинутых пустошах, на холмах или в заброшенных местах, а в подвалах и погребах, в пустых домах с невинными табличками «Продается».

Председатель шабаша на местных небольших сходках был, как правило, главой районного отделения (сатанистской организации). При собраниях более многочисленных, куда собирались ведѣмы из разных мест, председательствовал Великий Магистр, чье положение зависело от количества подчиненных ведѣм и территории его «епархии». Как бы там ни было, этого Магистра обычно называли дьяволом, а его помощники и сопровождающие иногда именовались демонами или дьяволами. Эти наименования вызвали немалый беспорядок в отчетах о шабахах, судебных протоколах и признаниях подсудимых. Но во многих случаях вполне очевидно, и вера не позволяет нам сомневаться в этой возможности, что сам принцип зла, воплотившись, присутствовал на сборищах своих одурманенных поклонников. Та к понимали это отцы Церкви, таково заключение богословов, боровшихся с этими темными мерзостями. С

метафизической точки зрения это возможно, с исторической – несомненно.

Когда человек, как правило, мужчина, был председателем на этих собраниях и направлял ритуальное действо, он нередко появлялся на них в чудовищном и гротескном одеянии и маске. Иногда он, впрочем, даже не пытался скрывать свою внешность. Эти маскарадные костюмы, как правило, подражали животным и уходили корнями еще в древние языческие обряды. Колдуны и ведьмы наследовали их через церемонии язычников. Уже в «*Liber Penitentialis*» св. Теодора, архиепископа Кентерберийского (668 – 690) содержится запрет на подобные переодевания. В 27-й главе окупаются те, кто «in Kalendas Ianuarii in ceruulo et in uitula uadit» (Если кто-либо на январские календы переоденется оленем или быком, превратится в дикое животное, одевшись в кожи животных из стад, и оденет на себя голову зверя, то пусть за подобное превращение епитимья длится три года, ибо это – от дьявола).

Среди тех многочисленных животных, чье обличье принимал Магистр шабаша (дьявол, как мы его называем), особенно часто встречаются бык, кот и особенно козел. Так, на языке басков шабаш называется «Akhelarre» (козлиное пастбище). Иногда, как рассказывали, лидер сатанистов просто показывался в зверином обличии, в черной поросшей волосами коже, с рогами, копытами, клыками и хвостом. По сути, это то же самое одеяние, которое одевал актер, игравший на сцене демона. [333] В старой немецкой балладе «*Druten Zeitung*», отпечатанной в Шмалькальдене в 1627 году, «чтобы петь ее на мотив «*Dopomeu*», сказано, что судьи, жаждавшие получить признание от ведьмы, заслали в донжон, где она томилась, палача, одетого в медвежью кожу с подшитыми рогами, копытами и хвостом. Несчастная узница, думая, что Люцифер действительно посетил ее, тотчас воззвала к нему за помощью:

*Man shickt ein Henkersnecht
Zu ihr in Gefangniss n'unter
Den man hat kleidet recht,
Mit einer Barnhaute,
Als wenns der Teufel war;
Als ihm die Drut anschaute
Meints ihr Buhl kam daher.*

Здесь мы имеем единичный пример того, как подобный маскарад послужил обретению доказательств вины ведьмы с использованием трюка. Абердинская ведьма Джонет Лукас (1597) сказала, что дьявол присутствовал на шабаше «в обличии некоего зверя». Но Агнесса Вобстер из того же ковена сообщила, что «Сатана явился им в обличии тельца», так что, возможно, использовалось два костюма. Габриэль Пелле (1608) признался, что он посетил шабаш, на котором председательствовал дьявол, и «le Diable estoit en vache noire» [334]. Франсуа Секретен, допрошенный в августе 1598 года, видел дьявола «tantost en forme de chat». Роланд де Вернуа признал, что «Le Diable se presenta pour lors au Sabbat en forme d'un groz chat noir» [335]. О козле говорится во множестве разных источников. В Нижних Пиренеях (1609) «Le Diable estoit en forme de bouc ayant une queue et audessous un visage d'homme noir» (Дьявол появился в обличии козла с хвостом, зад же его был подобен лицу черного человека). Жан д'Агирре рассказывал, что виденный им дьявол был «en forme de bouc» [336]. Мария д'Агирре говорила, что «посреди кольца был огромный кувшин, откуда исходил дьявол в обличии козла». Жентьен ле Клерк, которого судили в Орлеане в 1614 году,

«сказал, что, как ему рассказывали, когда ему было три года, мать представила его козлу, которого они называли l'Aspic» [337]. «Sur la trone, – пишет Gepp, – est assis un bouc, ou du moins la forme d'un bouc, car le demon ne peut cacher ce qu'il est» [338].

В 1630 году Елизабет Стивенсон, также именуемая Топпок, из Ниддри, сообщила судьям, что она в компании с Катериной Освальд, которая уже привлекалась к суду, так как была по поведению и по репутации ведьмой, и Александром Гамильтоном, «известным колдуном», отправилась в «убежище между Ниддри и Эдмистоном, где ей доверился дьявол и где он впервые открылся им, сначала в облики жеребенка, а затем и человека, и назначил им новую встречу в Салкот Мюре». Когда один из знакомых Катерины Освальд по имени Александр Хантер, он же Гамильтон, он же Хатта-рейк, «колдун Керль», «долгое время угрожавший окрестностям» [339] был схвачен в Дунбаре, он признался, что дьявол общался с ним в виде всадника на черном коне, или же приняв форму ворона, кота или собаки. Он был сожжен у Касл Хила, в Эдинбурге, в 1631 году.

Иногда присутствующие на шабаше надевают маски. Каноник Рибе пишет: «Les visiteurs du sabbat se cashent quelque-fois sous des formes bestiales, on se couvrent le visage d'un masque pour demeurer inconnus» [340] (Те, кто посещают шабаши, нередко переодеваются животными или прячут свои лица для того, чтобы не быть узнаанными).

Когда знаменитый шабаш, на котором присутствовало 140 ведьм, проходил в Северном Бервике, на церковном дворе (дело было накануне дня поминовения умерших в 1590 году), и они танцевали «по всему двору церкви», «Джон Фиан вел за собой круг». Доктора из Саламанки упоминают о присутствии на шабашах людей, «aut aperta, aut linteo uelata facie» [341] (иногда с открытыми лицами, иногда со скрытыми льняными личинами). И Дельрио добавляет к этому: «Facies interdum aperta, interdum uelata larua, linteo, uel alio uelamine aut persona» [342] (Иногда можно видеть их лица, иногда они их скрывают с помощью маски, личины, льняного полотна или вуали).

Во второй половине XVIII столетия на территории Лимбурга действовала тайная организация, терроризировавшая всю округу. Называлась она «Козлы». Эти подонки встречались по ночам в некоей часовне и после развратных оргий, в ходе которых Сатане воздавались почести и происходило все то, о чем мы уже писали, описывая шабаши, надевали маски, имитирующие козлиные головы, облачались в длинные мантии и ходили компаниями по округе, грабя и разрушая. С 1772 по 1774 год трибунал Фокмона отправил на виселицу около четырехсот «козлов». Но полностью уничтожить эту организацию не удавалось до 1780 года, когда против нее были предприняты самые жесткие репрессии.

Среди племен, населяющих Конго, существует тайная организация поклонников Эгбо. Эгбо, или Экпе, – злой дух, подобный Сатане. Его ритуалы именуются обийанизмом, так как объектом поклонения здесь служит Оби, или дьявол. Поклонение дьяволу получило развитие среди многих варварских народов, например, у корадов и тупайа, живущих в непроходимых лесах в междуречье Прадо и Доче в Бразилии, у абионов в Парагвае, также и у бакапинов, одного из народов Каффы, у негров Золотого Берега и негров Вест-Индии. В так называемых домах ю-ю маги Эгбо содержат деревянные статуи, к которым они относятся с величайшим почтением, так как они позволяют им узнавать будущее. У них проводятся некоторые календарные праздники, и интересно отметить, что их участники одевают жуткого вида черные маски с

огромными рогами. Тех непосвященных, которые увидят эти маски, ожидает смерть.

Первой по важности церемонией шабаша было поклонение и служение дьяволу. Видимо, иногда этому предшествовала перекличка его поклонников. Агнесса Сэмпсон призналась, что на встрече в Северном Бервике, когда все собрание вошло в церковь, «Дьявол взшел на кафедру в образе маленького черного человека и стал окликать всех, и каждый отвечал ему „здесь“. Когда окликнули м-ра Роберта Грирсона, все так и заскакали и очень рассердились, так как ранее они согласились, что его следует прозывать Робертом Контроллером, или Шумным Робом. И первое, что спросил Дьявол, было, хорошо ли они служили ему, и что они сотворили после предыдущего собрания».

Ведьмы воздавали почести Сатане, или Магистру шабаша, занимавшему его место, простираясь перед ним, преклоняя колена, воздевая руки и склоняясь в поклоне. Высмеивая церковные поклоны и жесты, которые принято там совершать, поклонники Сатаны постепенно приближались к нему, изображая гротескные ужимки и гримасы, иногда широко расставив ноги, иногда пятясь задом наперед, как рассказывает Гуаццо: «Cum accedunt ad daemones eos ueneraturi terga obuertunt et cessim eum cancrorum more supplicaturi manus inuersas retro applicant» [343]. Но основным моментом ритуального поклонения следует считать поцелуй, знаменитый *osculum infame*. Этот нечестивый и мерзкий ритуал обсуждается в деталях всеми демонологами и, видимо, наличествовал во всех странах. Так, Дельрио пишет: «На шабаше председательствует дьявол, господин шабаша, являющийся в каком-либо чудовищном обликии, обычно козла или гончей ада, сидящий на высоком троне. Ведьмы, присутствующие на шабаше, подходят к трону, дабы почтить его, повернувшись по ходу спиной и поклоняются ему... и затем в знак почтения они целуют его в зад». Гуаццо отмечает: «В знак почтения ведьмы целуют дьявола в зад». Людвиг Элих говорит: «Есть особый знак их почтения (побережем наши уши), они целуют Дьяволу зад» [344]. «Y al tiempo que le besan debajo de la cola, da una ventosidad de muy horrible olor» (добавляет испанский *Relacion*), «зловонный, мерзкий и грязный».

Цитировать демонологов дальше мы не будем, они писали совершенно то же самое. Томас Купер расценивает этот обряд как часть приема в ковен, но подобное предположение в корне неверно, если расценивать «поцелуй», как имевший место лишь при инициации новых ведьм. Существует множество свидетельств того, что обряд исполнялся и практикующими много лет ведьмами. «Во-вторых, – отмечает он, – когда ведьма представлена в ковен, она должна в подтверждение своих слов поцеловать Сатану в зад в качестве его нового вассала» [345]. Но вернемся к ведьмам Северного Бервика, которые уже давно пользовались самой скверной репутацией из-за своих деяний. «Итак, вышеназванная Агнесса Сэмпсон призналась, что дьявол, бывший в кирхе Северного Бервика и присутствовавший на их встрече в обликии человеческом [346], видя, что они долго мешкают и толпятся на входе, присудил их всех к наказанию, которое заключалось в том, что они должны были поцеловать его в ягодицы в знак того, чем они ему обязаны. И, обнажившись, он возлег на кафедру, и все до одной сделали то, к чему он их побуждал» [347].

Одним из основных обвинений, постоянно повторяемым на длительном церковном и гражданском процессе против ордена тамплиеров (1307 – 1314), было то, что младшие служители ордена должны были давать принимающим их туда старшим рыцарям *osculum infame*. Даже такой предубежденный автор, как Ли, принимает ис-

тинность этого обвинения. В данном случае, однако, эти поцелуи не имеют никакого отношения к волшебству, лишь к гомосексуализму, столь распространенному в ордене.

Весьма интересные детали известны нам из буллы от 8 июня 1303 года благородного, но оклеветанного папы Бонифация VIII, пишущего о деле Уолтера Лэнгтона, епископа Линчфилда и Ковентри (1296 – 1322) и казначея Эдуарда I. Этот прелат был обвинен в магии и поклонении дьяволу. «Некоторое время назад дошло до нас, что наш почтенный брат Уолтер, епископ Ковентри и Линчфилда, был предан поношению и обвинен как в английском королевстве, так и в других землях в том, что дал присягу Сатане, поцеловав его в зад, и что он часто проводит беседы со злыми духами» [348]. Епископ смог опровергнуть эти обвинения. Боден рассказывает о Гильоме Эделине, казненном в 1453 году за колдовство. Это был доктор Сорбонны, приор Сен-Жермен-ан-Лэ. «И вышеупомянутый сэр Гильом признался... что он поклонялся Сатане, который предстал перед ним в образе барана, целуя ему ягодицы в знак почтения и признания его сеньором» [349]. Очень редкий трактат XIV столетия, направленный против вальденсов, помимо других обвинений, выдвигает и такие: «Item, in aliquibus aliis partibus apparet eis daemon sub specie et figura cati, quem sub cauda sigillatim osculantur» (Дьявол являлся им в обликии кота, которого они целовали sub cauda). [350]

Бартолеми Минге из Бреси, молодой человек 25 лет, которого судили в 1616 году, сказал, что на шабаше «он часто видел (дьявола) в обликии человека, державшего коня за уздечку, и они выходили к нему, чтобы его чествовать, причем каждый держал в руках свечу из черного воска» [351]. Эти свечи, как рассказывает Гуаццо, имели символический смысл и были необходимы для проведения ритуалов шабаша, отнюдь не предназначаясь исключительно для рассеивания тьмы: «Они приносили ему в дар черные свечи и в знак покорности целовали ему зад» [352]. Свечи были, как правило, черными, и одну из них, побольше других, обычно нес сам дьявол. На встрече в Северном Бервике, когда все ведьмы собрались в церкви, «Джон Фиан затворил врата кирхи и зажег свечи, которые как бы мерцали черным и располагались вокруг кафедры» [353]. Боге сообщает, что допрошенные им ведьмы признались в том, что шабаш сочетался с поклонением Сатане, «который появлялся иногда как высокий черный человек, иногда в обликии козла, и они, чтобы выразить свое почтение и воздать ему должное, предлагали ему свечи, которые горели синим пламенем» [354]. Джон Фиан также, поклоняясь дьяволу, «думал, что видел свет свечи... который казался синего цвета». Это, конечно, объясняется тем, что свечи специально изготовлялись из материалов, содержащих серу. Де Ланкр особо подчеркивает, что свечи или факелы, используемые при шабашах, были сделаны из смолы.

Важной чертой больших шабашей был ритуальный танец. Надо заметить, что танцами с древнейших времен в разных странах и в различные эпохи было принято выражать преданность божеству. Танец – это следование самой природе движения, примитивное выражение эмоций и идеалов. В древнем мире вряд ли было что-либо прекрасней ритмического благодарения напевов и танца, которые были столь любимы афинянами, вспоминаящими много столетий тот день, когда молодой Софокл представил хор в ознаменование победы при Саламине [355]. На лугах Элизидума мисты танцевали кругами под серебряный перезвон кимвала, неистово перебирая белоснежными ногами. Во время торжественного перенесения ковчега из дома Аминадава царь

Давид «играл и плясал пред Господом». Св. Василий побуждал своих учеников учиться танцевать, пока они на земле, так как они должны готовиться к ангельским занятиям, возможно, ждущим их на небесах. Еще в XVII веке церемониальные танцы были обычным явлением в церкви. В 1683 году в обязанности старшего каноника входило вести хор мальчиков в соборе Парижа. Христиане Абиссинии придерживались мнения, согласно которому танцы были необходимой частью богослужения. Год за годом в Духов день сотни пилигримов танцуют на улицах Эхтернаха (Люксембург), направляясь к гробнице св. Виллиброда в церкви св. Петра. Раньше верующие должны были трижды станцевать вокруг двора великого аббатства, перед тем как пройти к святыне. Но следует сказать, что и теперь танец занимает свое место в ритуалах Святой Церкви. Трижды в год в севильском соборе, на Чистый четверг, Праздник Тела Христова и Непорочного Зачатия проводятся танцы перед специально сооруженным алтарем, украшенным цветами и свечами и воздвигнутым у внутренних дверей большого западного входа в собор. Церемония эта, скорее всего, восходит к XIII столетию.

Одеяния мальчиков, танцующих перед импровизированным алтарем, водруженным на праздник Благословения Тела Христова, относятся к периоду правления Филиппа III и состоят из коротких брюк, жакетов, свисающих с одного плеча, и камзола из красного атласа, украшенного богатой вышивкой. Носились также шляпы с белыми перьями и туфли с большими искрящимися пряжками. В Чистый четверг использовался костюм, в котором сочетались красный и белый цвета, и костюм голубого и белого цвета – в День Девы.

Восемь мальчиков-хористов с восемью помощниками танцевали с кастаньетами в руках под тихую музыку органного облигато в центре собора у украшенного алтаря, двигаясь медленно и грациозно. Все это продолжалось около четверти часа; собор наполнялся музыкой гимна, мальчики аккомпанировали себе (так же исполнялись и наши кэролс в старые времена) кастаньетами. Они пели перед алтарем двучастный гимн, в то время как священники стояли вокруг в полупоклоне.

Но лучше всего будет, если я процитирую слова мистера Артура Симонса, так как он сам присутствовал несколько лет назад на исполнении этого танца в Севилье: «Да, я счел его полным достоинства, совершенно религиозным, никто не может заподозрить его в легкости или декоративности. Освящение танца, направление того, что могло способствовать пороку, на путь добра, привнесение народного искусства, каковым является в Севилье танец, в церковь, то, что он нашел там место, говорит об удивительной мирской мудрости католицизма, благодаря которой ему удалось столь многого достичь в завоевании мира».

Не является вполне фантастичным и предположение этого автора о том, что святая месса включает в себе некий древний религиозный танец. Удивительной плавности медленные движения, безусловно, могут выражать самое искреннее и почтительное благоговение так же, как цвет одеяний священнослужителей и звуки мелодии.

И поскольку танец столь религиозен по своей сути, то, конечно, как можно было ожидать, он подвергся осмеянию и искажению обезьяной Господа. Танец ведьм нечист, мерзок, порочен и неуклюж. Как указывает Гуаццо, даже движения их танцев отвратительны: «Они танцуют в круге, всегда, однако, продвигаясь налево» [356]. «Колдуны, – говорит Боге, – танцуют деревенские танцы спина к спине» [357]. Этот обычай совершенно противоположен настоящему деревенскому танцу. «Иногда, хотя и редко, – добавляет он, – они танцуют парами, иногда же один партнер здесь, а дру-

гой там, и всегда все перепутано» [358]. Де Ланкр пишет о ведьмовском веселье: «Непристойности, которые они вытанцовывают, трех видов... Первый – это нечто вроде чешского танца... второй с быстрыми переходами, их танцуют в кругу» [359]. В третьем танце шабаша колдуны и ведьмы строились друг за другом в линию и танцевали таким образом.

Старая баскская легенда в пересказе Эстефанеллы Хиригарэй повествует о том, как ведьмы собрались встретиться у старой печи для обжига извести, чтобы потанцевать в круге. В тех краях считалось, что это неотъемлемая часть шабаша. Де Ланкр отмечает, что кружение «по-чешски» особо почиталось колдунами Лабура. Сильвестр Маззолини (1460 – 1523), Магистр священного дворца и верный католик, противостоявший ересиарху Лютеру, в своем труде «*De Strigimagia*» [360] сообщает, что в Комо и Брешии немалое количество детей в возрасте от 8 до 12 лет часто посещало шабаша, но впоследствии было обращено в истинную веру благодаря неустанному попечению инквизиторов. По просьбе церковного руководства бывшие участники шабашей показали эти танцы, причем продемонстрировали необычайные искусство и умение при выполнении самых сложных и фантастических фигур, так что явным стало, что наставлявший их учитель был отнюдь не из людей. Марко де Викерия, доминиканский приор монастыря в Брюсселе, расследовал это дело, и поскольку был он человеком известным за свою пронизательность и исключительную честность, то его свидетельство убедило многих прелатов в Риме, которые сначала скорее склонялись к тому, что здесь имеет место некое плутовство. В Бельгии, кстати, этот танец на шабаше был известен как павана.

В ходе процесса Фиана Агнесса Сэмпсон призналась, что «они танцевали на церковном дворе, Гэлик Дункан играл на трубе, а Джон Фиан вел хоровод. Следом за ним последовали Агнесса и ее дочь. Дальше пошли Кейт Грей, Джордж Нолис со своей женой... и все остальные кумушки... всего более ста человек» [361]. Далее она добавила, что «эта Желлис Дункан пошла затем перед ними, пританцовывая и играя при этом на маленькой трубе [362], именуемой еврейской, пока они не вступили в кирху Северного Бервика». [363] «Эти признания столь поразили короля Якова I (тогда он был еще Яковом VI Шотландским), что он позвал за названной Желлис Дункан, которая сыграла сей танец перед Его Королевским Величеством».

Музыка, как правило, сопровождает танцы, и есть немало свидетельств тому, что на шабашах играли на разных музыкальных инструментах, скрипках, флейтах, тамбуринах, цитрах, гобоях, а в Шотландии – и на волынках. Играли все ведьмы, имеющие какие-либо умения, и частенько они услаждали компанию известными мелодиями, переиначенными на вульгарный лад. Однако концерты эти неизменно кончались полным диссонансом и жутким шумом. Попирались законы как пристойности, так и гармонии. В августе 1590 года некий Николай Лагернхард на пути в Ассенкурию шел по лесу и неожиданно увидел сквозь деревья танцующих мужчин и женщин. Движения их были фантастичными и непристойными. В удивлении он перекрестился и произнес имя Господа. Люди из этой компании увидели его и погнались за ним, но перед этим он успел узнать многих ведьм. Он посчитал своим долгом оповестить церковные трибуналы, и несколько человек во время первого же допроса совершенно признали свои деяния. Среди них был пастух по имени Михаил, пользовавшийся отличной репутацией благодаря своим музыкальным талантам и удивительному завораживающему голосу. Он сообщил, что был на этих собраниях главным волынщиком и его спо-

собности были постоянно востребованными. На шабашах поменьше (aquelagge) в Цуггармурди, деревушке в Наварре, около 600 человек, собравшись в Бастанской долине, в 12 лигах от Памплоны, побуждали некоего Хуана де Гойбуру играть на флейте и Хуана де Сансина – на тамбурине. Двое этих несчастных, покаявшись в своих грехах, вернулись в лоно Матери-Церкви. Синклер в своей Реляции XXXV «О некоторых молитвах, заклинаниях и призывах, используемых в Северной Шотландии» говорит: «Поскольку дьявол создал заклинания, то он также и автор тех богомерзких песен, которые ими поются. Почтенный священник сообщил мне, что ему исповедовался вольтыжник дьявола, колдун, в том, что во время танцев злой дух научил его, как играть Песнь зла и как ее петь, и после той ночи все юноши и девушки города распевали ее на улицах. Повторять ее было бы ересью». Филипп Людвиг Элих, таким образом, суммирует известные факты: «Все предавшиеся злу компании и подлый сброд поют самые мерзкие приапические и запретные песни в честь дьявола. Одна ведьма выкликает: „Харр! Харр!“ Другая карга: „Дьявол! Дьявол!“ Прыжок туда, прыжок сюда, третья: „Скачи туда, скачи сюда“, еще одна: „Саваоф, Саваоф“. И так участники дикой оргии впадают в бешенство, и все, кто есть на этом бедламе, начинают визжать, шипеть, выть, завывать и выкрикивать непристойные здравицы» [364]. Но из всех ужасов шабаша едва ли не самым чудовищным было то, каким надругательствам подвергалось посреди этого хаоса Святое Причастие. И поскольку ни один христианин не примет Святое Причастие, не попостившись должным образом перед этим, то ведьмы в посмеяние заповедей Христовых пировали подобно волкам и удовлетворяли свои аппетиты самой разнообразной пищей, потребляли как мясо, так и вино, перед тем как перейти к адским ритуалам. Часто эти оргии продолжались посреди грязного обжорства и пьянства.

Гуаццо пишет: «Столы накрыты и соответственно украшены, в то время как они рассаживаются и начинают заглатывать пищу, которую дарует им дьявол или приносит с собой отдельно каждый из участников шабаша» [365]. Также и Де Ланкр пишет: «Многие писатели рассказывают, что колдуны на шабаше поедают пищу, которую дарует им дьявол, но очень часто на столе бывает лишь то, что они принесли сами. Иногда отдельные столы украшены редкостными деликатесами, на других же – требуха и потроха». «На их банкетах подается различная еда в зависимости от того, где проходит шабаш и кто на нем присутствует» [366]. Вполне понятным кажется, что если местный глава ведьм, председательствующий на этих собраниях в *absente diabolo*, был человеком состоятельным, то и еда подавалась изысканная, и вина можно было выбрать разного; если же собрание ковена происходило в сельской местности, а ведьм возглавлял человек небогатый, то на стол подавалась лишь еда из крестьянских закромов. Когда ланкаширские ведьмы собрались в 1613 году в башне Малкинг, то на столе перед ними расположились «говядина, бекон и зажаренный баран», последний был убит за 24 часа до этого Джеймсом Девисом. В 1633 году Эдмунд Робинсон рассказал, что ведьмы Пендла предложили ему «мясо и хлеб на доске, питье в стакане», также «у них дымилось мясо, лежало комьями масло, было молоко» – настоящее деревенское пиршество. Элис Дьюк, сомерсетская ведьма, допрошенная в 1664 году, призналась, что дьявол «приказал им приветствовать его, когда он приходит, и принес им вина, пиво, пирогов и другой еды» [367]. Во время суда над Луи Гофриди в Эксе в 1610 году было дано следующее описание банкета на шабаше: «Затем они трапезничали, и столы различались по трем категориям. Те, кто распределяли хлеб, имели буханки,

сделанные из пшеницы, похищенной в разных местах. Пили они мальвазию, чтобы почувствовать возбуждение. Те, кто разносили чаши, добывали вино из погребов, где оно хранилось. Иногда они ели нежную плоть маленьких детей, которые были убиты и приготовлены в некоей синагоге. Порой детей приносили туда еще живыми, ведьмы похищали их из домов, если представлялся удобный случай» [368]. Во многих местах ведьмы не могли достать мальвазии, так как Боге отмечает, что на некоторых шабашах «они нередко пили вино, но чаще у них была лишь вода» [369].

Существуют записи о несъедобной или безвкусной пище, которую, тем не менее, потребляли на шабашах, известно также, что на столах могли находиться отбросы и падаль. Это происходило, по-видимому, в тех случаях, когда в оргиях участвовали сверхъестественные существа из бездны.

Доктора из Саламанки утверждают: «Пир их составляет еда, приготовленная ими самими или принесенная дьяволом. Иногда у них деликатесы и утонченные блюда, иногда пирог, приготовленный из убитых ими детей или расчлененных трупов. Нечто вроде молитвы произносится перед трапезой» [370]. Гуаццо описывает употребляемое ими вино следующим образом: «вино же, которое они обычно разливают, подобно черной свернувшейся крови, разлитой в зловещего вида грязные сосуды. Тем не менее, они не испытывают недостатка в чем-либо на этих пирах, хотя не подается ни хлеба, ни соли. Изабелла также сообщила, что они едят там человеческое мясо». [371]

Соль никогда не появлялась на столах ведьм. Боден передает, что причина этого в том, что соль – символ вечности [372], и Филипп Людвиг Элих особо отмечает отсутствие соли на этих inferнальных пирах [373]. «На этих пирах, – пишет Боге, – соль никогда не появлялась» [374]. Жентьен ле Клерк, допрошенный в Орлеане в 1615 году, признался, что «они садятся за стол, но там никогда нет соли» [375]. Мадлен де ла Палюд сообщила, что на дьявольских пирах она никогда не видела соли, оливок или растительного масла [376].

Насытившись, эти изверги рода человеческого переходят к торжественной пародии на литургию.

В начале XVIII столетия Марселлина Паупер из Конгрегации Сестер Милосердия в Невере была призвана стать искупительной жертвой за ущерб, нанесенный евхаристии, особенно колдунами в их черных мессах на шабаше. В марте 1702 года страшное святотатство было совершено в часовне конвента. Дарохранительница была вскрыта, чаша похищена, и частицы евхаристии, которые не были забраны сатанистами, разбросаны по полу и растоптаны. Марселлина в 9 часов вечера 26 апреля получила стигматы на руках, ногах и теле, а также терновый венец. После нескольких лет искупления она умерла в Тулле 25 июня 1708 года.

Эрудированный Пол Гриллан рассказывает нам, что литургия пародируется во всех деталях. «Ведьмы, торжественно посвятившие себя службе Сатане, поклоняются ему особым образом, принося с церемониями жертвы, которые они предлагают дьяволу, во всем имитируя службу Всемогущему Богу – в одеяниях, свечах и других деталях ритуала, и в самом ходе литургии. Та к они хотят поклоняться и восхвалять его, подобно тому, как мы славим истинного Бога» [377]. Об этом мерзком богохульстве снова и снова читаем мы в судебных протоколах, и хотя детали могут различаться в разных случаях, тем не менее, в своей сути святотатственные обряды не менялись в течение столетий и даже сейчас – увы – в скрытых углах и секретных убежищах это бесчестие все еще существует.

В этом контексте весьма удивляет сообщение Коттона Мэзера, что в Новой Англии ведьмы «встречаются на адских сборищах, о которых признавшиеся (в своей ведьмовской деятельности) говорят, что у них существуют там свои дьявольские таинства, в том числе пародирующие Крещение и Вечерю Господню». [378]

В ходе процесса над Бриджет Бишоп, она же Оливер, в суде Ойера и Терминера, проведенного в Салеме 2 июня 1692 года, Деливеренс Хоббс, обращенная ведьма, подтвердила, что «эта Бишоп была на главном собрании ведьм, в полях у деревни Салем, и там причастилась дьявольским причастием хлеба и вина». В деле Марты Карье, допрошенной 2 августа 1692 года перед тем же судом, два свидетеля подтвердили, что видели ее «на дьявольском причастии, когда всем раздавали хлеб и вино». Абигаиль Вильямс призналась, что 31 марта 1692 года, когда весь Салем постился из-за распространившегося в округе ведовства, «ведьмы собрались на причастие в одном из деревенских домов, и был у них красный хлеб, и было красное вино». Этот красный хлеб представляет определенную загадку. Впрочем, трудно усомниться в том, что проводимые ведьмами церемонии носили богохульный характер. Известно, что салемских ведьм возглавлял Джордж Бэрроуз, местный священник, на которого впоследствии указывали многочисленные свидетели. «Восемь признавшихся ведьм обвинили его в том, что он руководил ими в некоторых из адских собраний и что ему было обещано, что он станет править в царстве Сатаны». Известно также, что именно он проводил черные мессы, так как среди прочих «Ричард Карье подтвердил суду, что он видел Джорджа Бэрроуза на собрании ведьм в деревне и то, как он проводил причастие», а Мэри Лэйси и ее дочь Мэри «подтвердили, что он был на собраниях ведьм и участвовал там в таинствах». [379]

Лжетаинство черной мессы осуществлялось неким изменившим христианской веры священником, посвятившим себя службе злу, занимавшим определенное положение и пользовавшимся авторитетом среди ведьм. Это видно уже по тому, что ведьмы определенно разбирались в достаточно сложных католических концепциях, связанных с явлением Христа в евхаристии. Подобно настоящим христианам, они понимали и значимость фигуры священника. Иначе трудно объяснить, зачем им понадобилась пустая форма лжемессы и тщательное соблюдение инвертированных обрядов.

Одно из серьезнейших обвинений, выдвинутых против тамплиеров в ходе процессов 1307 – 1314 годов, заключалось в том, что во время проведения своей богохульной литургии они не произносили освятельной формулы. Высказывалось предположение, что богослужение тамплиеров проводилось в соответствии с канонами восточного, а не западного евхаристического правила. В соответствии с католическим учением освящение производится в момент произнесения соответствующих слов и совершения должных жестов. Изменение субстанции хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы происходит при произнесении слов: *Hoc est enim Corpus meum; Hic est enim Calix sanguinis mei...*

Об этом свидетельствует, например, декрет Флорентийского собора (1439): «Quod illa verba diuina Saluatoris omnem virtutem transsubstantiationis habent» (Эти божественные слова Нашего Спасителя имеют полную силу производить пресуществление). Но Православная Церковь считает, что для освящения необходим эпиклезис, словам Господа придается «смысл повествовательный» [διηγηματικῶς] [380], из чего следует, что слова Христа не являются обязательной частью Таинства. При проведении православных литургий слова освящения произносятся вместе с эпиклезисом.

Существуют виды литургий, при которых полностью отсутствуют освячительные формулы. Они, например, используются в некоторых еретических сектах; не исключено, что нечто подобное было и у тамплиеров. Но гораздо более вероятно, что освячительные слова пропускались не случайно; гностические доктрины оказали на тамплиеров свое разлагающее действие. Они придерживались мандеистских и иоаннитских ересей, сторонники которых ненавидели Христа с той же страстной силой, как ведьмы и демонопоклонники, следуя за офитами, славящими Змея и просившими его уберечь их от Создателя. Тамплиеры славили и приносили жертвы идолу в виде головы, которая, по мнению профессора Прутца, олицетворяла некое низшее божество, почитавшееся гностиками, иными словами – Сатану. Когда в Тоскане судили рыцаря Бернарда Пармского, он признался, что, по мнению ордена, этот идол имел власть оберегать и обогащать, вполне в духе сатанизма. Возможно, тайная литургия тамплиеров явилась искажением службы восточного образца, но тем не менее ясно, что почитали они источник зла.

В 1336 году священник, бывший в заключении у графа де Фуа Гастона III Феба по обвинению в отправлении сатанистской службы, был отослан в Авиньон и лично допрошен Папой Бенедиктом XII. В следующем году тот же понтифик поручил своему доверенному Гильому Ломбарду председательствовать на суде над Пьером де Шаснэ, священником из Тарбской епархии, обвиняемом в осквернении гостии.

Жиль де Силь, священник из диоцеза Сен-Мало, и флорентиец Антонио Франческо Прелати, служивший ранее в диоцезе Ареццо, отправляли черные мессы в Тиффоже и Машекюле, замках Жилия де Реца, казненного в 1440 году.

Священник по имени Бенедикт в XVI столетии вызвал немалый скандал, когда открылось его участие в тайных и греховных ритуалах. Карл IX принудил монаха-отступника служить перед ним и его приближенными лжелитургию, и в правление его брата епископ Парижский сжег на Гревской площади монаха по имени Сешель, который был признан виновным в участии в таких же богохульных мистериях. В 1597 году парижский парламент присудил Жана Белона, кюре Сент-Пьер-де-Ламп в диоцезе Бурже, к смерти через повешение и последующему сожжению тела за осквернение причастия и многократное проведение сатанинских церемоний [381]. Парламент Бордо в 1598 году приговорил к сожжению Пьера Опти, кюре из Паже у Шало Лимузена. Он признался, что уже более 20 лет посещает шабаши, особенно те, которые проводятся в Маттоте и Пюи-де-Доме, где он сам поклонялся дьяволу и служил в его честь черные мессы [382].

14 августа 1606 года монах по имени Денобилибий (Denobilibus) был приговорен к смерти в Гренобле по схожему обвинению. В 1609 году парламент Бордо направил Пьера де Ланкра и д'Эспанье в Лабур в округе Байонна для того, чтобы они уничтожили ведьм, наводнивших эти места. Не менее семи священников было арестовано за служение черных месс на шабашах. Двое из них, Мигалена, пожилой человек семидесяти лет, и Пьер Бокал, двадцати семи лет, были казнены, но епископ Байоннский, вмешавшись, потребовал, чтобы пятеро других были отданы на суд его трибуналу и в итоге позволил им сбежать из тюрьмы. Еще трое священников, содержавшихся под стражей, также были освобождены и немедленно покинули страну, что было с их стороны достаточно предусмотрительно. Двенадцать месяцев спустя на всю страну прогремели признания Мадлен де ла Палюд, которая «Dit aussi que ce malheureux Loys magicien... a controuvé le premier de dire la messe au sabatt et consacrer Veritablement et

presenter le sacrifice a Lucifer» [383]. Конечно, совершенно неверны ее слова о том, что «этот проклятый волшебник Луи первым стал служить мессу на шабашах», хотя вполне возможно, что об этом ей сказал сам Гоффриди для того, чтобы произвести на нее впечатление своим якобы высоким местом в иерархии сил зла. Безусловно, ее описания шабаша можно счесть едва ли не самыми полными и детализированными.

Впрочем, достойную конкуренцию им составляют показания Мадлены Бован, сестры Третьего Францисканского ордена из конвента св. Людовика и Елизаветы в Лувьере. Признания, написанные по указанию ее духовника де Маре, ораторианца, содержат подробное описание самого чудовищного святотатства, в котором оказались замешаны трое капелланов – Давид, Матурин Пикар, кюре Меснил-Журдена, и Тома Буле, ассистент Пикара. Помимо прочих богохульств они возобновили адамитскую ересь. Последователи этой ранней гностической организации совершали службы совершенно обнаженными, не говоря о других творимых ими непристойностях. Как-то в Страстную пятницу Пикар и Буле заставили Мадлену осквернить распятие и уничтожить освященную гостию, швырнув ее разломанные частицы на землю и потоптавшись на них. Давид и Пикар были мертвы, когда правосудие настигло Буле, и он был сожжен в Руане 21 августа 1647 года [384].

В правление Людовика XIV настоящая эпидемия сатанизма охватила Париж [385]. Черные мессы проводились во многих домах, особенно часто в принадлежащем Ла Вуазен (Катарине Десайе), жившей на улице Борегар. Руководил этой мерзкой компанией печально известный аббат Гиборж, если верить слухам, незаконнорожденный сын Генриха де Монморанси. Вместе с ним там бывали Бригалье, раздатчик милостыни Ее Высочества; Бушо, директор конвента Ла Суасси; Дюлон, каноник из Нотр-Дама; Дюлесен, викарий Сен-Ле; Дюбуске; Сейссон; Дюсси; Лемперье; Лепре; Даво, викарий из Нотр-Дам-де-Бон-Нувель; Марьет, викарий из Сен-Северин, искусный в проклятиях; Леменье, викарий из Сент-Юсташа, принесший в жертву Сатане огромное количество детей; Туме; Ле Франк; Коттон, викарий из Сен-Пол, крестивший младенца помазанием и затем зарезавший его на алтаре; Гиньяр и Себо из диоцеза Бурже, служившие черные мессы в погребках парижских домов и наводившие чары с использованием самых отвратительных приемов.

В XVIII веке черные мессы отправлялись столь же часто. В 1723 году полиция арестовала за подобное богохульство аббатов Леколле и Борнеме; в 1745 году под подозрение в совершении того же преступления попал аббат Рошбланш. Ужасные сцены шабаша происходили в отеле мадам де Шарлуа. Банда сатанистов провела свою оргию 22 января 1793 года в Париже, в ночь после казни Людовика XVI. Аббат Фиар в двух своих работах «*Lettres sur le diable*» (1791) и «*La France Trompee*» (1803) убедительно доказал, что и в его время продолжались надругательства над евхаристией, но проходили они в обстановке глубочайшей секретности. В 1865 году один такой случай вышел наружу и вызвал немалый скандал, так что епископ Сана, ужаснувшись, вышел в отставку и уехал в Фонтенбло, где и скончался через восемнадцать месяцев, так и не отойдя от потрясения. О подобной практике в Париже стало известно в 1874 году. Другой схожий случай имел место в 1878 году. Широко известно, что персонажи романа Карла Гюйсманса «*Бездна*», равно как и детали действия, были списаны с натуры; более того, имена реальных прототипов никогда не скрывались [386]. Итак, культ зла продолжает функционировать и в наше время. Сатанисты, как и раньше, проводят свои черные мессы в Лондоне, Брайтоне, Париже, Лионе, Брюгге, Берлине, Мила-

не – и увы – даже в самом Риме. Эта зараза существует как в Южной Америке, так и в Канаде. Во многих городах, как больших, так и малых, у сатанистов есть свои убежища, где процветают всяческие богохульные мерзости и где совершают они отвратительные ритуалы. Нередко свои темные силы они концентрируют на маленьких английских, французских и итальянских городах в тщетных попытках осквернить злом дьяволопоклонства древние очаги мира и спокойствия.

Сатанисты выводились даже на подмостки сцены. Один эпизод из «*Un Soir de Folie*» назывался «*Le Sabbat et la Herse Infernale*». Изображался там Сатана (актер Бенли), которому многочисленные поклонники возносили хвалы в готическом соборе.

Во время шабашей ритуал Святой мессы искажался или подвергался осмеянию в каждом аспекте, насколько это было возможно. Алтарь должен был иметь четыре опоры, иногда он располагался под деревом, в других случаях – на плоском камне или другом подходящем месте на природе, «*aupres d'un arbre, ou parfois aupres d'un rocher, dressant quelque forme d'au-tel sur des colones infernales*», как пишет де Ланкр [387]. В более близкие к нам времена черные мессы проводились и проводятся в частных домах. Алтарь, таким образом, часто бывает стационарным, и у поклонников зла появляются новые возможности полностью воспроизвести символику сатанизма. Алтарь нередко покрывается тремя слоями полотна, и на него устанавливаются шесть черных свечей, посреди которых располагается перевернутое распятие или изображение дьявола. Иногда центральное местоположение занимает сам дьявол. Он может как стоять, так и сидеть на чудовищном троне. В 1598 году на известном ведьмовском процессе, проводимом парламентом Бордо, консультантами на котором были викарный генерал епископа Лиможа и ученый советник Пейро, Антуан Дюмон из Сен-Лорана признался, что часто поставлял большое количество свечей для шабашей – как обычных восковых для пользования присутствующими там лицами, так и больших черных для алтаря. Возжигались они Пьером Опти, ризничим, который нередко выступал Магистром церемоний, а то и сам проводил мессу [388].

В мае 1895 года представители семейства Боргезе посетили Палаццо Боргезе, которое сдавалось на время поэтажно и отдельными апартаментами. Но они не смогли пройти в некоторые комнаты и залы на первом этаже, арендатор как будто не знал, что время, на которое он снял этаж, подходит к концу. Однако, согласно статьям договора, он был обязан допустить их в любое указанное ими помещение для его осмотра и определения необходимости проведения ремонта. Принц Сципионе Боргезе, владелец дома, собирался въехать в него после свадьбы вместе со своей невестой и отдал приказ об инспекции палаццо. Одну дверь съемщик категорически отказался открывать; когда же его стали к этому вынуждать, он повел себя весьма странно. Наконец, агенты указали, что они имеют полное право вскрыть помещение и что если им не позволят войти, они так и сделают. Когда принесли ключи, источник смущения арендатора быстро выяснился. Над входом в комнату была надпись «*Templum Palladicum*». Стены от пола до потолка были увешаны массивными занавесями из шелковой ткани с узорами, алыми и черными, предохраняющими комнату от света. В дальнем конце помещения виднелся гигантский гобелен, на котором более чем в человеческий рост была выткана колоссальная фигура празднующего триумф Люцифера. Прямо под гобеленом располагался алтарь, отлично оснащенный для проведения адских литургий. Все было здесь: черные свечи, церковные сосуды, служебники и требники. Обитые дорогой материей золотого и малинового цвета скамеечки и роскошные стулья для при-

существующих на служении черной мессы были расставлены в строгом порядке. Электрическое освещение было продуманно таким образом, что казалось исходящим от человеческого глаза исполинских размеров. Нежданные свидетели поспешили покинуть проклятое место, сцену служителей дьявола, поскольку не имели ни малейшего желания и дальше продолжать инспекцию содержимого этой inferнальной часовни. [389]

Служебник, используемый при черной мессе, представлял из себя манускрипт, хотя мне нередко доводилось слышать и читать, что в близкие к нам времена эти богомерзкие гримуары могли и печататься в типографиях. Так, де Ланкр пишет, что колдуны Нижних Пиренеев (1609) видели ведущего черной мессы «*tournant les feuillets d'un certain liure qu'il a en main*». [390] Мадлен Бован рассказывает: «*On lisait la messe dans le livre des blasphemes, qui servait de canon et qu'on employait aussi dans les processions*». [391] Страницы ведьмовского служебника часто представляли собой фрагменты человеческой кожи, ранее, как правило, принадлежащей некрещеному младенцу [392]. Жентьен ле Клерк, допрошенный в Орлеане в 1614 – 1615 годах, признался, что «*le Diable... marmote dans un liure duquel la couverture est toute velue comme d'une peau de loup, avec des feuillets blancs et rouges, d'autres noires*».

Существует немало описаний одеяний, в которые облачались служители черной мессы. Довольно редко они изображаются использующими облачения епископские, черного оттенка, надорванные, грязные и обветшавшие. Боге передает, что некая ведьма рассказала следующее: «*Celui, qui est commis a faire l'office, est reuestu d'une charpe noire sans croix*» [393], но представляется странным, что использовалась риза совершенно черного цвета, хотя, возможно, разгадка заключается в том факте, что подобное облачение было легко достать, не вызывая подозрений.

Аббат Гиборж иногда одевал ризу из белого шелка, украшенную еловыми шишками, что, безусловно, связано с исполняемыми им сатанинскими ритуалами. Об этом сообщает Маргарита, дочь Ла Вуазен, которая вряд ли могла ошибиться. [394] Но здесь, вероятно, месса носила не столько сатанистский, сколько эротический характер, в отличие от месс, проводившихся на шабашах. Те м не менее, и здесь призывались Астарот, Асмодей и Люцифер; это была, безусловно, литургия силам зла. В других случаях Гиборж облачался, как православный священник, в ризу, столу, стихарь, епитрахиль и орарь. В 37-й статье своего признания Гофриди сообщает, что служитель, произносивший сатанинскую мессу на шабаше, был одет в ризу фиолетового цвета [395]. Уже упоминавшийся ранее Жентьен ле Клерк присутствовал на служившейся во время шабаша мессе, где священник «был одет в ризу, украшенную крестом, на которой было, однако, всего три полосы». [396] Впоследствии появились сообщения об использовании облачений, украшенных inferнальными символами, например, ярко-красной ризы цвета высохшей крови, на которой был изображен стоящий на задних лапах геральдического вида козел; или ризы, на которой был вышит перевернутый крест; или других одеяний, художественно оформленных принадлежностями адской геральдики.

В осмеяние обряда окропления (Asperges) священник опрыскивает ведьм грязной и отвратительной водой или даже мочой. «В то же время дьявол помочился в вырытую в земле ямку и затем использовал мочу к качеству святой воды, в то время как отправлявший мессу священник окропил всех присутствующих с помощью черной кропильницы». [397] Сильван Невильон, колдун, проходивший по делу о сатанизме в Ор-

леане в 1614 – 1815 годах, сообщает: «Когда Трамсабот проводил службу, перед ее началом он опрыскал всех присутствующих святой водой, которая была ничем иным, как мочой, при этом он повторял *Asperges Diaboli*». [398] Жентьен ле Клерк показал: «Святая вода желтого цвета... после того, как всех ею окропят, начинается служба» [399]. Мадлен де ла Палюд сообщила, что всех колдунов опрыскивают водой, а также освященным вином из потира, причем все при этом громко восклицают: «*Sanguis eius super nos et super filios nostros*» (Кровь его на нас и на детях наших). [400]

Эта злая пародия на святейшие таинства начинается с призывов к дьяволу, вслед за которыми следует нечто вроде всеобщей исповеди, в ходе которой каждый в насмешку делает признание во всем добре, которое ему приходилось когда-либо совершать, и в качестве наказания произносит некое богохульство или нарушает по своему выбору какую-нибудь заповедь. Председатель разрешает грехи собрания, осеняя их инвертированным знаком креста, причем левой рукой. Затем продолжается ритуал, исполненный всевозможного богохульства, но, как отмечает де Ланкр, при этом никогда не произносится *Confiteor*, даже в искаженной форме, и никогда не читается *аллилуйя*. После произнесения той части службы, когда собираются пожертвования, служитель несколько отходит от алтаря, и все собрание, выстроившись в ряд, прикладывается по одному к его левой руке. Затем королева шабаша, ведьма по старшинству, идущая сразу за Великим магистром, самая старая и искушенная в злодеяниях ведьма из присутствующих («*en chasque village, – пишет де Ланкр, – trouuer vne Roynne du Sabbat*»), усаживается слева от алтаря и получает подношения – хлеба, яйца, мясо и другие подарки сельского происхождения, а также деньги, но только не те монеты, на которых изображен крест. В руках она держит тарелку «*vne paix ou platine*», на ней выгравирована фигура дьявола, которую целуют его поклонники. И сегодня во многих местах, особенно в Бельгии, во время святой мессы при сборе пожертвований все присутствующие в церкви подходят приложиться к *instrumentum pacis*, и повсеместно, при проведении архиерейской службы, к дискосу прикладывается сначала священник, а затем прелат (после чтения *Agnus Dei* и первой последующей общей молитвы).

Сильван Невильон, судимый в Орлеане в 1614 – 1615 годах, сообщил, что «Дьявол произнес молитву на шабаше, но никто не смог расслышать, что он сказал, так как речь его была подобна рычанию». [401]

На шабашах нередко возносятся молитвы, представляющие смесь святотатства и злости.

Затем к алтарю подносились гости. Боге пишет, что они были темными и круглыми, на них был отштампован некий странный рисунок. Мадлен Бован описывает их как обычные облатки, правда, выкрашенные в красный цвет. В других случаях они могли быть черными и по форме треугольными. Нередко дьяволопоклонники оскорбляли гостию, называя ее «*lean le blanc*», подобно тому, как протестанты именовали ее *Jack-in-the-box*. Чаша наполнялась иногда вином, иногда горьким напитком, от которого жгло язык как от огня. При чтении *Sanctus* трижды раздавался звук рога и возжигались факелы. Свет, исходивший от них, описывается как «серный и синий», *qui est fort puante*. Священник возносил лжедары, и вся компания, пребывая в состоянии истерического возбуждения и неестественной экзальтации, рвалась вперед с громкими завываниями и проклятиями, соперничая друг с другом в непристойных проклятиях и непристойностях. В то же время служитель изливал весь яд и всю грязь, по-

ток грубейших мерзостей на аудиторию; ад, казалось, извергает свое вонючее содержимое на землю. *Domina adiuvaa nos, domine adiuvaa nos*, кричали они Дьяволу, *Domine adiuvaa nos semper*. Наконец, все присутствовавшие подходили причаститься дарами бездны, проглотить кусочки, приправленные грязью и навозом, выпить темный напиток проклятия. Гоффриди признался, что *Ite missa est* на этих оргиях была обычно воспоследована такими словами: «Allez-vous-en tous au nom du diable!» В то время как аббат Губерж восклицал: «Gloria tibi, Lucifero!»

Черные мессы на шабашах несколько различались по форме в зависимости от обстоятельств. Например, в современной литургии сатанистов большое значение имеет воскурение некоторых пагубных и испускающих тяжелый запах трав. В XVI и XVII столетиях использование фимиама встречается крайне редко, хотя Сильван Невильон сообщил, что на шабаше он видел «как святую воду, так и фимиам. Пах он плохо, совсем не так приятно, как ладан в церкви» [402].

В наши дни псевдосвященник освящает гостию и чашу действительными словами святой мессы, но затем вместо того, чтобы преклонить колена, поворачивается спиной к алтарю [403] и немедля – *sit uenia uerbis!* – режет и колет гостию ножом, бросает ее на землю, топчет и попирает ее ногами. По крайней мере, часть содержимого чаши также проливается в сходном богохульном действе, и дальше нередко выносятся *siborium* с освященными гостиями, похищенными из церквей [404] или вынесенными при причастии во рту безумцами, не убоявшимися неотвратимого гнева Создателя. Черный священник, как они его называют, разбрасывает их по полу для того, чтобы за них боролись члены его конгрегации, стремящиеся в своем безумии оскорбить Тело Христово.

Тесно связанным с черной мессой сатанистов и явным пережитком Средневековья представляется суеверие гасконских крестьян – так называемая месса св. Цезария [405]. Мало кто из священников знал об этом ужасном ритуале, и немногие из искусленных в темных искусствах осмеливались вершить столь чудовищные церемонии и произносить слова богохульной молитвы. Ни исповедник, ни епископ, ни даже архиепископ Оша не могли отпустить грехи такому человеку. Прощен он мог быть лишь самим Папой в Риме. Мессу служили над разбитым и оскверненным алтарем в заброшенной или разрушенной церкви, где раздавался крик совы и в пустые окна влетали летучие мыши, где жабы оскверняли ядом священный камень. Священник должен был отправиться туда один поздно вечером в сопровождении лишь единственного помощника, человека самой подлой жизни, преисполненной преступлений. Ровно в одиннадцать он начинал; литургию ада следовало читать задом наперед; канон проговаривать с гримасами и усмешками; закончить с полуночным колоколом. Гостия должна была быть треугольной, с тремя острыми концами, и черной. В чаше не должно было быть вина, но лишь мерзкая вода, взятая из колодца, куда до этого было брошено тело некрещеного младенца. Святой знак креста следовало начертать левой ногой на земле. И человек, для которого произносилась эта месса, медленно умирал, и никакие доктора, никакое искусство медиков не могли его спасти, но он страдал и терпел в весе, пока не отправлялся в могилу. [406]

Хотя в этом описании присутствует известная поэтизация, тем не менее, основные его детали можно считать соответствующими действительности. Черная треугольная облатка нередко упоминается в материалах ведьмовских процессов как священный хлеб шабаша, в то время как лорд Фонтенхолл [407], описывая дьявольское причастие

лудийских ведьм, говорит: «иногда их напитком была кровь, иногда черная болотная жижа». Можно провести параллели и для множества других деталей.

Когда оканчивалась богохульная литургия шабаша, все присутствующие предавались самому беспорядочному разврату, прерывая его лишь для того, чтобы присоединиться к танцу или подкрепить себя приправленной пряностями едой и большим глотком вина, а затем вновь вернуться к оргии. «Вы легко можете себе представить, – пишет Боге, – что не было такой непристойности, которую бы там не проделывали, отнюдь не исключая тех вещей, за которые Небеса обрушили огонь и серу на Содом и Гоморру» [408]. Эрудированный доминиканец, отец Себастиан Микаэлис, который 19 января 1611 года допрашивал Мадлену де ла Палюд о ее участии в шабашах, пишет [409], что она рассказала о самых грешных оргиях, которые только можно представить [410]. Не хватает воображения, чтобы представить себе подобную порочность! Но Мадлена Бован (1643) передает еще более отвратительные детали [411]. В таком же разврате признавался и Жентьен ле Клерк из Орлеана (1614 – 1615) [412]. Боден передает, что очень многие из допрошенных им ведьм признались в том, что участвовали в оргиях [413]. В 1459 году «множество мужчин и женщин было сожжено в Аррасе, немало число которых взаимно обвиняли друг друга, и они признались, что по ночам участвовали в этих дьявольских танцах» [414].

В 1485 году Шпренгер выявил огромное количество колдунов в районе Констанца и «практически все без исключения признались, что дьявол имел с ними сношения, предварительно заставив отречься от Бога и Святой Веры» [415]. Также и многие исправившиеся ведьмы исповедовались в этих мерзостях – «и да будет известно, что пока они были ведьмами, демоны непрерывно их развращали. Также Генрих Кельнский подтвердил, что то же самое весьма распространено в Германии» [416]. В течение многих веков ученым авторитетам приходилось повторять одну и ту же чудовищную историю, и не имеет смысла далее приводить свидетельства демонологов. Сегодняшние сборища сатанистов также заканчиваются неопишуемыми оргиями и мерзким развратом.

Иногда на шабашах в жертву демонам приносились животные. Так, второе обвинение против дамы Алисы Кителер, осужденной в 1324 году, гласило, «что она приносила в жертву дьяволам живых животных, которым она и ее компания отрывали по очереди части тела и затем приносили в жертву, разбрасывая их на перекрестках для одного демона, которого называли Робин, сын Артеса (Робин Артиссон), принца ада из меньших». [417]

В 1622 году Маргарет МакВильям «отвергла свое крещение, и он крестил ее, и дала она ему в качестве дара курицу или петуха» [418]. В современных ритуалах вуду петуха часто разрубает на куски перед фетишем. Гекате в жертву приносили черных щенков; Эней предложил подземным силам четырех совершенно черных волов и черного, как уголь, ягненка принес Ночи [419]; во время шабаша на Эсквилине Кандия и Сегана кусок за куском раздирали черную овцу, а кровь спускали в канаву [420]. Коллен де Планси сообщает, что ведьмы приносили в жертву дьяволу черных птиц и жаб [421]. Приношение животных в жертву силам, почитаемым божественными, является, безусловно, пережитком глубокой древности.

Во многих отчетах о шабашах упоминается о присутствии там жаб. С колдунами и ведьмами они ассоциировались по причине отвращения, которое эти земноводные, как правило, вызывают у людей; во многих районах даже распространено поверье, со-

гласно которому тот, на кого жаба пристально посмотрит, будет страдать учащенным сердцебиением, спазмами, конвульсиями и обмороками. Некий аббат Руссо, живший в XVIII столетии, провел ряд экспериментов с жабами, после чего заявил, что когда одно из этих животных посмотрело на него, то он на некоторое время впал в бессознательное состояние, и если бы ему не пришли на помощь, он не смог бы из него выйти [422]. Многие писатели, и среди них Элиан, Диоскорид, Никандр, Этий, Геснер, считали, что дыхание жаб ядовито и может заразить то место, которого оно коснется. Поскольку народ верил этим пустым историям, то вполне естественно, что жабы нередко упоминаются наряду с ведьмами. Де Ланкр рассказывает, что нередко демоны появляются именно в таком обличи. Жанетта д'Абади, ведьма с Нижних Пиренеев, которую он допрашивал и которая сделала достаточно полное признание, сообщила, что она видела, как на шабаш приносили немало жаб; одни из них были одеты в черный, другие – в малиновый бархат, и к их одеяниям были подвешены маленькие колокольчики. В ноябре 1610 года некий мужчина, гуляя по полям недалеко от Базе, обратил внимание, что его собака роет насыпь, и, приблизившись, увидел два упрятанных в земле горшка, накрытых полотном и крепко завязанных. Когда он открыл их, то обнаружил, что они наполнены отрубями, и в середине каждого находилась огромная жаба, завернутая в зеленый шелк. Не приходится сомневаться, что человек, поместивший их туда, серьезно относился к симпатической магии и накладывал с их помощью некое злое заклятие. Ведьмы ловили жаб и приносили их с собой на шабаш по причинам, о которых нетрудно догадаться. Из-за своего легендарного яда они служили основным ингредиентом ядов и снадобий и могли также использоваться для предсказания будущего, так как ведьмы нередко гадали по поведению своих жаб-фамилиаров. На это намекает и Ювенал, когда пишет:

*Но не буду я, и не умею предсказывать
Жаждущему молодому наследнику час смерти отца его,
И не желаю я осматривать жабы внутренности. [423]*

По поводу этого отрывка Томас Фарнабл, знаменитый английский ученый (1575 – 1647), пишет: «Он намекает на труд гаруспиков, которые имели обыкновение осматривать кишки и внутренности. Плиний говорит: „Внутренности жабы (Rana rubeta), а именно язык, тонкие кости, желчный пузырь, сердце, имеют особые достоинства, так как используются во многих медикаментах и бальзамах. Подразумеваются здесь обыкновенные прыгающие жабы. Так, Плиний показывает, что эти животные отнюдь не ядовиты и бесполезно использовать их внутренности при изготовлении ядов“ [424]. В 1610 году Хуан де Экалар, колдун из Наварры, признался инквизитору дону Алонсо Бекарра Ольгвину из ордена Алькантара, что он и его ковен собирали жаб для шабаша и что когда они приносили их туда, то дьявол благословлял их левой рукой, после чего их убивали и готовили на огне вместе с человеческими костями и фрагментами трупов, извлеченных из свежевырытых могил. Из этой грязной смеси изготавливались яды и мази, которые дьявол раздавал всем присутствующим наряду с указаниями, как их использовать. Так, предполагалось, что, обрызгав этой жидкостью пшеницу, можно поразить болезнью все поле и заодно уничтожить цветы и фрукты. Несколько капель, пролитых на одежду человека, должны были вызвать его смерть, а мазок по стене загона или стойла вызывать тяжелую болезнь скота. Из этих грубых суеверий и выросли фантастические истории о танцующих жабах, жабах, выраженных кавалерами,

и жабах-демонах на шабашах.

Существуют многочисленные и верные свидетельства, что на шабашах в жертву приносили младенцев, не подвергшихся крещению. Часто это были дети посещавших шабаша ведьм. Поскольку ведьма могла нередко быть повивальной бабкой в деревне, то перед ней открывались особые возможности убить ребенка при родах, принеся таким образом жертву Сатане вне шабаша. «Нет людей, которые могли бы принести вреда Католической вере больше, чем повивальные бабки», читаем в «*Молоте ведьм*» (часть 1, ст. xi). *Nemo fidei catholice amplius nocet quam obstetrices.*

Классические примеры жертвоприношений детей известны из дел Жиля де Реца (1440) и аббата Гиборжа (1680). В деле последнего нам известны имена 140 его жертв. Некоторые авторы полагают, что всего их было около 800. Их кровь, мозг и кости использовались для приготовления любовных зелий. Во времена Гиборжа жертвоприношение ребенка на нечестивой мессе стало столь обычным, что, как правило, он платил не больше кроны за одну свою жертву. «Il avait achete un ecu l'enfant qui fut sacrifie a cette messe» (Ребенка, принесенного в жертву на этой мессе, он купил за крону). Эти ужасные церемонии нередко проводились по просьбе мадам де Монтеспан для того, чтобы Людовик XIV всегда оставался ей верным, отверг всех других своих любовниц, развелся с королевой и, наконец, возвел бы ее на трон [425].

Обычно ребенку перерезали горло, кровь лилась в подставленную чашу и потом на обнаженную плоть заказчика, который возлежал у алтаря. Ла Вуазен утверждает, что так убито было около 1500 младенцев. Это мне кажется возможным, тем более что в дело оказалось вовлечено и немало церковников. Многие из известнейших людей Франции присутствовали на этих святотатственных оргиях. Не менее 246 мужчин и женщин всех рангов и сословий были привлечены к суду; 36 из тех, что были победнее, пошли на виселицу, 147 подверглись заключению на разные сроки, немало покинуло страну или отправилось жить в отдаленные замки. Но многие материалы допросов были уничтожены в архивах, и сам Людовик запретил упоминать имя своей фаворитки в связи с этим делом. Те же не менее, она впала в немилость, и неудивительно, что после смерти Марии-Терезы 31 июля 1683 года король уже на следующий год женился на благочестивой мадам де Ментенон.

Людовико-Мария Синистрари пишет, что ведьмы «обещают дьяволу жертвоприношения и дары раз в две недели или по крайней мере каждый месяц; они обещают убить ребенка или погубить человека, применив магию». Вновь и вновь изучая архивы, сталкиваешься с детальным описанием похищения детей и ритуального детоубийства. Жир, вытопленный из детей, наравне с жабами применялся при изготовлении магических напитков. Ворование, согласно которому трупы и их части имеют великую исцеляющую силу и являются необходимым элементом для приготовления эликсиров, распространено повсеместно с глубочайшей древности. Тело мертвеца почиталось лучшим средством для излечения многих болезней и для защиты от заражения ими. Опухоли, сыпь, подагра, как думали, проходят, если приложить к больному органу руку мертвеца [426]. Зубная боль пройдет, если коснуться лица пальчиком мертвого ребенка [427]. Точно таким же образом можно извести бородавки [428]. Ожоги, карбункулы, герпес и другие кожные болезни, более чем распространенные в Средние века, могли быть излечены при контакте с определенной частью трупа. В Померании «рука хладного тела» защищала от пожара [429], а русские крестьяне думали, что мертвая рука может защитить от пулевых ранений и от стали [430]. Невежественные

крестьяне долго полагали, что доктора из госпиталя в Граце имеют привилегию раз в год забрать жизнь у человека для медицинских целей. Рассказывают, что некий молодой человек, обратившийся к ним из-за зубной боли или какой-то неопасной болезни, был связан, подвешен за ноги и затем его защекотали до смерти. Опытные химики сварили его тело до пастообразного состояния и затем использовали его, а также жир и перемолотые кости, для изготовления своих пилюль. Люди были убеждены, что именно этим объясняется ежегодное исчезновение какого-нибудь молодого человека в госпитале на Пасху [431]. Думаю, что эта традиция связана с ритуальными убийствами евреями св. Вильяма Норвичского (1144), Гарольда Глочестерского (1168), Гильома Парижского (1177), Роберта из Бёри Сент-Эдмундс (1181), св. Вернера Обервессельского (1286), св. Рудольфа Бернского (1294), св. Андрея Ринского (1462), св. Симона Трентского, младенца двух с половиной лет от роду (1473), Симона Абеля, чье тело лежит в Тынской церкви в Праге, пострадавшего за Христа 21 февраля 1694 года от Лазаря и Левита Курцханделей, Эль Санто Ниньо де ла Гардия, убитого у Толедо (1490), и многих других [432].

В течение трех столетий в Китае продолжались волнения, в основе которых лежала ненависть к европейцам. Особое значение имели выступления против католических лечебниц, приютов и школ, инициатива которых всегда принадлежала представителям партии интеллектуалов, которые провоцировали народ следующими лозунгами: «Долой миссионеров! Убить иностранцев! Они похищают или покупают наших детей для того, чтобы готовить магические лекарства и препараты из их глаз, сердец и других частей их тел». Барон Хюбнер в труде «*Promenade autour du monde*», II (Paris, 1873) рассказывает о резне в Тянь Цзыне 21 июня 1870 года и добавляет, что причиной ее стали именно такие подозрения. В 1891 году схожие выступления против европейского резидента в Китае произошли под теми же лозунгами. В конце 1891 года на Мадагаскаре такое же обвинение было выдвинуто против французов, точнее, предполагалось, что они употребляют человеческие сердца в пищу и поэтому похищают и убивают местных детей. Для предотвращения распространения таких слухов были приняты суровые меры. [433]

На процессе наваррских ведьм в 1610 году Хуан де Эчелар сообщил об использовании свечи, сделанной из руки младенца, удушенного до крещения. Зажигались кончики пальцев, и рука горела ясным пламенем, воистину «рука славы». В Форфаре в 1661 году Хелен Гутри и четыре другие ведьмы извлекли из земли тело некрещеного младенца и заключили части его в пирог, который потом сами и съели. Они думали, что теперь ни угрозы, ни пытки не заставят их признаться в своем колдовстве. На мой взгляд, это типичный случай симпатической магии. Как язык младенца никогда не произносил и не произнесет слов, так не смогут их произнести и ведьмы.

Мало кто из ученых размышлял о том значимом факте, что практически все, что мы знаем о ведьмовских шабашах, имеет параллели в современной Африке. Так, у бантуязычных народов существует общество под названием «Команда колдунов», члены которого проводят тайные встречи в полночь глубоко в джунглях для того, чтобы навести болезни и смерть на своих врагов с помощью магических формул и заклинаний. Сова – их священная птица, и их сигнал является подражанием ее крику. Считается, что они оставляют тела спящими у себя дома, а на магические встречи отправляются их астральные тела, проходящие сквозь стены и мгновенно путешествующие по верхушкам деревьев. На встречах они имеют визуальный, звуковой и телесный

контакт с духами. Они проводят пиры, на которых поедается «сердце-жизнь» какого-либо человека, который, потеряв сердце, заболевает и, если ему не вернуть «сердце», в конце концов умирает. Первый крик петуха означает для них время расходиться, поскольку они боятся появления первой утренней звезды. Если они не успеют вернуться в свои тела до восхода солнца, то не только все их планы потерпят неудачу, но и обратятся против них самих, и они ослабнут и зачахнут в мучениях. Это общество было перенесено черными рабами в Вест-Индию, на Ямайку и Гаити, а также в южные штаты США, где традиция стала именоваться вуду. Согласно судебным протоколам, полуночные собрания проводились на Гаити еще в 1888 году и на них люди, главным образом дети, убивались и затем поедались на чудовищных пиршествах. Европейские правительства в Африке подавили распространение черных искусств, но тайно они продолжают существовать и, как полагает д-р Норрис, с уходом белых людей быстро распространятся с прежней силой.

Трезвое размышление подводит нас к выводу, что за каждой из подчас фантастических деталей шабаша, преувеличенных и переосмысленных в ходе дознания, стоят вполне надежные и многочисленные свидетельства. Без сомнения, имели место и галлюцинации; некоторые показания свидетельствуют о расстроенном воображении и психической болезни подозреваемых, об их тщеславии, которое заставляло их сгущать краски. Но в основании всего этого лежат факты, и факты более чем тревожные.

И вот, едва забрезжил рассвет, компания грешников разделилась и каждый заспешил домой, бледный, ослабевший и изможденный после ночи напряженной истерии, бешеных безумств и мерзких излишеств.

«Le coq s'oyt par fois es sabbats sonnat le retraicte aux Sorciers» (Кричит петух, закончен шабаш, колдуны рассеиваются и исчезают).

ГЛАВА V.

Ведьма в Священном Писании

В Священном Писании можно найти огромное количество слов и выражений, которые непосредственно относятся к колдовству, предсказанию будущего и демонологии, и многие ученые уже подвергли их тщательному изучению и анализу. Некоторые из этих терминов имеют общий смысл, другие, можно сказать, расплывчаты и неопределенны, третьи весьма специфичны. Значение одних фраз вполне понятно, по поводу других ученые до сих пор ведут споры и не могут достичь полного компромисса. Как бы там ни было, заслуживает внимания то, что с самого начала отношение библейских авторов к магии и смежным с нею практикам было, безусловно, враждебным. Неистовые и постоянные обличения сторонников оккультных наук и посвященных в эзотерические мистерии основываются, однако, не на подозрениях в обмане, а, напротив, на отвращении к магии как таковой, которая рассматривалась как потенциальная почва для зла, способная навести проклятие на все живое. Известно, например, что противники Моисея, маги [434] Йанний и Мамбрий были мастерами немалой учености и силы, поскольку, когда в присутствии фараона жезл Аарона превратился в живого змея, они и их ученики «fecerunt per incantiones Aegyptiacas et arcana quaedam similiter», бросили на землю свои жезлы, которые превратились в клубок извивающихся змей. Они также были способны навести на Египет жаб, но уничтожить их они затем не смогли. Очевидно, что автор Пятикнижия вполне признавал реальность магии и ее темные возможности, хотя предпочел сделать упор на ее бессилии в борьбе с чудесной силой, которой Создатель наградил Моисея. Змей, в которого превратился жезл Аарона, поглотил других змей. Нашествие мушек и песьих мух на людей и скот, мириады которых поднял Аарон из персти земной, не поддавалось воспроизведению волхвами; более того, они возопили: «это перст Божий!» Спустя какое-то время, они не смогли защитить даже себя от воспаления с нарывами. Те м не менее, следует признать, что Йанний и Мамбрий обладали сверхъестественной силой, как и Моисей, хотя и не в такой степени. Черпали же они ее из источника совершенно иного, нежели пророк Господень.

Еще более удивителен эпизод с Валаамом, жившим в месопотамском городе Пefоре (Питру в клинописных текстах), который был вызван Валаком, царем Моавитским, чтобы наложить проклятие на народ Израильский, расположившийся после победы над амореями на границе с его царством. Царские посланники прибыли к Валааму «с подарками в руках за волхование» — деталь весьма важная, так как из нее становится очевидно, что в обычаях тех земель было награждать подарками великой ценности за использование магических искусств [435]. Когда Валаам отказался, пусть и с неохотой, следовать за первым посольством, князя более высокого ранга были посланы к нему с тем, чтобы предложить богатства. «Я окажу тебе великую почесть и сделаю все, что ни скажешь мне. Приди же и прокляни мне народ сей», — вот что передал Валак. После ряда трудностей, поскольку Господь разрешает Валааму тронуться в путь лишь при условии, что он будет говорить только то, что Бог вложит ему в уста, путешествие начинается. Царь встречает его в пограничном городе и вместе они вос-

ходят «на высоты Вааловы», в священные рощи на холмах, где воздвигаются семь мистических алтарей, с тем чтобы на каждом в жертву были принесены телец и овен. Валаам почувствовал близкое присутствие Бога и вышел в некое место на возвышении, где говорил с Господом. Затем он вернулся к месту жертвоприношения и благословил израильтян. Валак в испуге и смущении торопит Валаама. Они отправляются на горы Фасги и исполняют те же церемонии. Но Валаам вновь благословляет народ. Делается третья попытка. На этот раз жертвенники воздвигаются на вершине Фегора, центра местного культа Ваал-Фегора, отправление культа которого содержало в себе примитивный ритуал, исполненный бесчинств [436]. Вновь совершается семикратное жертвоприношение на семи алтарях, и опять Валаам не может пойти против воли Божьей, впадает в транс и произносит слова благословения. Проницая туманную завесу будущего, он лицезреет Мадонну, звезду от Иакова и Сына, который есть Скипетр Израилев. «И воспламенился гнев Валака на Валаама и всплеснул он руками своими». Разочарованный и обманутый в своих ожиданиях, царь отправляет пророка на родину без даров.

Следует обратить внимание на то, что в ходе этого повествования, детали которого как интересны, так и важны, библейский автор ничуть не сомневается в больших возможностях Валаама, на которые столь надеялся моавитский царь. Валаам был известным волхвом, одним из тех, кто знал и мог обрушить на врага смертоносное Слово Силы. У арабов, на ранней стадии их истории, как и у евреев, магические заклинания, Слово Благословляющее или Проклинающее играло весьма значительную роль. На войне поэт, проклинающий врага в ритмических стихах, делал немало для повышения боевого духа своего войска. Евреи Медины приносили в свои синагоги изображения заклятого врага этого народа Малика бен ал-Аглама; и у его портрета они вершили заклятья при каждом удобном случае. Реальность оккультных сил Валаама стоит в центре этого повествования. Иначе зачем было бы применять его способности на службе Израилю? Приветствие Валака не комплимент, а констатация факта: «Я знаю, что кого ты благословишь, тот благословен, и кого ты проклянешь, тот проклят». Нельзя счесть не относящимися к делу и горькие слова Деворы (Суд. 5:23): «Прокляните Мероз, говорит Ангел Господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу с храбрыми». Вера в силу произнесенного слова существовала во все времена и повсеместно, сохраняется она и по сей день.

Хотя Валаам изрекал пророчества, следует помнить, что он не был пророком в том смысле, которое вкладывалось в это слово в Священном Писании. Он был предсказателем будущего, волхвом. В Вульгате применен термин *hariohus* [437] (от санскритского *hira* – внутренности); по сути, это то же, что и *haruspex*. Изначально этот термин относился к этрусским жрецам, которые предсказывали будущие события, осматривая внутренности принесенных в жертву животных. От этрусков эта практика была перенесена к римлянам. Не исключено, что именно так Валаам использовал внутренности семи тельцов и семи овнов, совершил *extispicium*, метод вопрошения о грядущем, который, кажется, был распространен повсеместно, хотя способы чтения и толкования знаков различались у разных народов и в разные эпохи. Обычай этот был распространен до недавних времен и даже теперь, видимо, используется оккультистами. Известно, что подобной практикой занималась Екатерина Медичи, нечто похожее существует в темных ритуалах вуду на Ямайке и Гаити. Св. Фома, правда, именует Ва-

лаама пророком, но, спешит уточнить святой, «пророком дьявола». Ученый Корнелий из Лапиды в глоссах на Книгу Чисел пишет: «Понятно, что Валаам был пророком, но не Бога, а Дьявола... Он был магом и искал встречи с демоном, чтобы держать с ним совет» [438]. Он также считал, что семь алтарей были возведены в честь повелителей семи планет. Семерка, безусловно, число совершенное и мистическое так же, как тройка. Многое, может быть, сделано посредством использования нечетных номеров. У Вергилия женщина, призывающая назад своего охладевшего к ней любовника Дафниса путем мощного заклинания, восклицает: *numero deus impare gaudet* (небеса предпочитают нечетные номера), эклога viii, 75 (*Pharmaceutria*). Св. Августин, св. Амвросий и Феодорит полагали, что во время первой встречи Валаама с Господом он сначала ожидал встретить своего демона, фамилиара. Но «Господь встретил Валаама». Уже стремительность и беспорядок действий мага указывают на его намерения, так как насколько Божественная литургия совершается с должным достоинством, приличием и приятством, так и все, что связано с черной магией, делается торопливо, уродливо и страшно по сути и виду.

Одним из наиболее поражающих эпизодов Ветхого Завета является рассказ о некромантии, связанный с явлением Самуила в пещере (или доме) Аэндора. Саул накануне кровопролитной битвы с филистимлянами весьма смущен и поддается нервному срыву, видя наступающие силы превосходящего противника. Паника его усиливается, когда он пытается посоветоваться с Божественными оракулами и не получает ответа «ни во сне, ни чрез урим, ни через пророков». И хотя в былые годы своего правления он показал себя последовательным гонителем всякого ведовства, в столь затруднительных обстоятельствах он готов был ухватиться за любую соломинку и приказывает своим слугам искать «женщину-волшебницу» [439], и его слуги сообщают ему: «здесь в Аэндоре есть женщина-волшебница». Речь же идет о маленькой деревушке на северном склоне холма, лежащего к югу от горы Фавор.

Собственно, здесь используется термин «pytho» (*quaerite mihi mulierem habentem pythonem*), а в авторизованной версии «дух-фамилиар», в оригинале слово «obh» [440], которое означает пробужденный дух умершего, а также и человека, его контролирующего и делающего с его помощью предсказания. Аэндорская ведьма описывается как обладательница «obh». Септуагинта дает это слово как *ευουσατρε* что означает «чрево вещатель». Объясняется это тем, что, вероятно, действительно занимавшиеся такого рода подделками полагали, что и подлинники некроманты вводят людей в заблуждение, изображая измененные голоса, вещающие откуда-то из-под земли. Эти взгляды, с особой силой высказанные Ленорманом [441] и скептическим Ренаном [442], в действительности совершенно неверны. Другое объяснение заключается в том, что в античности чрево вещание полагали вызываемым временным вселением духа. В связи с этим можно привести любопытный отрывок из пророка Исайи: «*Querite a pythonibus, et a diuinis qui strident in incantationibus suis*» (Остерегайтесь тех, у кого духи-фамилиары и магов испускающих шипение. – Авт. версия). Многие греческие и латинские авторы считали, что духи издают странные и характерные звуки. Гомер (*Илиада*, XXIII, 101; *Одиссея*, XXIV, 5, 9) использует слово *τρίγειν*, которое в других местах означает чириканье курапаток, молодых ласточек, саранчи; звуки, издаваемые мышами, в т. ч. и летучими [443], иногда даже неодушевленными предметами, например, дверьми или же чем-то, горящим в огне. Вергилий в «Энеиде» (III, 39) описывает крик Полидора, изшедший из его могилы, как *gemitus lacrimabilis*, и

гул, издаваемый духами в Гадесе, как *uox exigua*. Гораций также в своем описании полуночного эсбата на Эскивiline описывает голос как *triste et acutum* (*Sermonum*, I, viii, 40 – 41):

*Singula quid memorem, quo pacto altrerna loquentes
Umbræ cum Sagana resonarent triste et acutum.*

Стаций в «*Фиваиде*» (VII, 770) говорит о «*stridunt animae*», Каспар фон Барт, знаменитый немецкий ученый XVI столетия, подводит итоги таким образом: «*Nomicum hoc est qui corporibus excedentes animas stridere excogitavit*». И во всем известных строках «*Гамлета*» (I, 1) читаем:

*И в саванах бродили мертвецы,
По римским улицам визжали, были. [444]*

Когда Саулу рассказали об этой ведьме, он немедленно снял с себя все царские регалии и, переодевшись, глубокой ночью отправился со своими двумя наиболее доверенными лицами, завернувшись в плащи, к отдаленному и скрытому убежищу этой женщины. Он стал убеждать ее продемонстрировать свои возможности и поднять дух человека, которого он называет. Сперва она отказывалась, так как за несколько лет до этого были приняты законы, по которым все маги и волхвы наказывались смертью. Вполне резонно она боялась, что представшие перед ней загадочные незнакомцы строят западню с тем, чтобы лишить ее жизни. Но царь все-таки убедил ее, дав страшную клятву, что ничем не повредит ей. Тогда, как он и желал, она стала призывать дух пророка Самуила. После совершения заклинаний и видений различных духов женщина сказала: *Deos vidi ascendentes de terra*; св. Григорий Нисский поясняет, что это были демоны, та *φαντάσματα*, – Самуил является в обстановке, внушающей трепет и ужас, и в тот же момент сивилла узнает Саула (каким образом, нам не известно) [445]. В ужасе и ярости измученная старуха поворачивается к нему и восклицает: «Зачем ты обманул меня? Ты – Саул!» Царь, однако, немедленно заверил ее, что не причинит ей вреда и, чувствуя, что перед ним находится существо не из плоти и крови, – он не мог видеть призрака, но почувствовал его замогильное присутствие, спросил: «Какой он видом?» И когда ведьма, одна только и видевшая призрака, стала его описывать: «Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду», то Саул немедленно признал Самуила и простерся перед ним на земле, в то время как видение предсказывало его близкую и скорбную судьбу.

Здесь мы сталкиваемся с подробно описанной сценой совершения акта некромантии. Надо заметить, что в ней присутствуют достаточно специфичные и, надо думать, редкие особенности. Так, одна лишь ведьма может видеть призрака, хотя Саул немедленно узнает его по ее описанию; он непосредственно обращается к Самуилу и затем слышит предсказания мертвого пророка. В целом повествование, безусловно, производит впечатление подлинности.

Существует несколько объяснений подобных случаев. В первую очередь надо заметить, что некоторые авторы отрицали реальность подобных видений и считали, что ведьма обманула Саула посредством хитрости. Вряд ли такое возможно. Маловероятно, чтобы она стала рисковать жизнью, что, безусловно, было связано с демонстрацией магического искусства или претензией на владение им, будь она простой шарлатанкой; для того чтобы разработать план обмана, надо было обладать необычайным

интеллектом, скоростью мышления и интуицией; и совершенно невероятно, чтобы она пошла на столь бескомпромиссное обличение царя и предсказала бы столь трагический конец его династии. Собственно, такое истолкование не допускается всем контекстом истории, не дозволяется оно и Отцами. Впрочем, Феодорит допускает, что здесь имел место некий обман, но отказывается прийти к каким-то определенным выводам по этому поводу. В своих *Quaestiones in I Regum Cap.* xxviii он вопрошает: *τὼς τὰ κατὰ τὴν ἑγγαστριϋθον νοητέον* [446] и говорит о том, что одни полагают, что ведьма действительно вызвала Самуила, другие верят, что обличие пророка принял дьявол. Первое мнение Феодорит счел неблагочестивым, второе – попросту глупым.

Св. Иероним, авторитет которого, безусловно, мог бы положить конец этой дискуссии, высказывается, пожалуй, не вполне определенно; но его комментарии в значительной степени показывают, на мой взгляд, что он склонялся к тому, что и в самом деле видение было Самуилом. В своем трактате «*In Esaiam*» (III, vii) он пишет: «Многие авторы думают, что ясный знак был дан Саулу от самой земли и из самых глубин Гадеса, когда он лицезрел Самуила, призванного песнопениями и магическими заклинаниями» [447]. И также «*In Ezechielem*», Lib. IV, xiii, святой доктор, рассуждая о ведьмах, говорит: «они вдохновляемы злым духом. Евреи утверждают, что они весьма умелы в запретных искусствах, некромантии и предсказании будущего, подобно той карге, которая подняла дух Самуила». [448]

Некоторые церковные писатели приписывают явление Самуила злему духу, принявшему обличье пророка для того, чтобы лишить Саула храбрости и привести его в отчаяние. Так, св. Григорий Нисский в письме «*De pythonissa ad Theodosium*» [449] говорит, что дьявол обманул ведьму, которая, в свою очередь, обманула царя. Св. Василий считает, что «это были демоны, принявшие обличие Самуила» [450]. И он предполагает, что все сказанное Саулу было, тем не менее, совершенной истиной; демоны просто передали ему известный им вердикт Господа. Среди латинских Отцов следует упомянуть Тертуллиана, который сотней лет раньше написал: «И верю я, что злые духи многих могут соблазнить своей ложью; так позволено было лгущему духу притвориться тенью Самуила» [451].

Те же не менее, большинство авторитетов склонялось к тому буквальному толкованию события, согласно которому Самуил действительно появился перед согрешившим монархом и предсказал его конец. Вот что пишет Ориген, опираясь на слова самого Ветхого Завета: «Но там определенно сказано о том, что Савл узнал Самуила» [452]. И затем он добавляет: «Писание не может лгать. Слова же Писания таковы: „И женщина увидела Самуила“ [453]. В другом месте, рассуждая о злых духах, он отмечает: «И эти души имеют место, где пребывают постоянно, о котором сообщил я вам, когда говорил о ведьме, призвавшей Самуила, в то время как Саул попросил ее об этом» [454]. Св. Амвросий также сказал: «Даже после своей смерти, как известно нам из Св. Писания, Самуил продолжал пророчествовать о будущем» [455]. Важнейшим для нас является свидетельство св. Августина, который в ряде мест уделяет достаточно много внимания обсуждению этой темы и, наконец, приходит к выводу, что призрак, вызванный сивиллой, действительно был духом пророка Самуила. Так, в одном из важнейших своих трактатов «*De Doctrina Christiana*», который он начал писать в 397 году и полностью закончил лишь в 427, он говорит: «Тень Самуила, уже давно мертвого, правдиво предсказала судьбу царю Савлу» [456]. А в другом, еще более известном и объемном трактате «*De Cura pro mortuis gerenda*», написанном в 421 году, заключает:

«Ибо предсказал пророк Самуил, уже мертвый, будущее царю Савлу, еще живому» [457].

Иосиф (Флавий) считал, что призрак ведьма вызвала с помощью своих некромантических способностей. В «*Иудейских древностях*» (VI, xiv, 2) рассказывая про «инцидент в Аэндоре», он пишет: «(Саул) склонил ее вызвать ему дух Самуила. Она, не зная, кем был Самуил, вызвала его из Гадеса». Свидетельство весьма значимое!

Через весь Ветхий Завет проходит строжайший запрет в отношении греховной некромантической практики, но уже сами многочисленные повторения его указывают на то, что вызывание мертвых продолжалось и было достаточно распространено, хотя практиковалось оно в высшей мере скрытым образом. Закон Моисея вновь и вновь предостерегает против таких вещей: «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них, Я Господь, Бог Ваш» (Лев. 19:31); «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед них: то Я обращу лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее» (Лев. 20:6). Еще более четко говорит об этом следующий запрет: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий делающий это» (Втор. 18:10 – 12). Очевидно, что основное зло этого греха заключено в «оскорблении величества» Бога так же, как и грех ереси [458]. Этим объясняется и то, что наказание, предусмотренное за такой грех, – смерть. «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти» (Лев. 20:27). И знаменитый закон (Исх. 22:18) гласит: «Ворожеи не оставляй в живых».

Тем не менее, некромантия продолжала существовать и иногда, как это случилось во время правления Манассии, тринадцатого царя Иудейского (692 – 638 до Р. Х.) [459], она выбиралась из темных углов и скрытых нор, чтобы гордо и неприкрыто развернуть свои знамена во дворцах и на площадях днем, в исполненной суеверий столице. В дни этого царя открыто действовали предсказатели, наблюдались знаки, искали работу пифии, умножались гадалки, «много сделал неудобного в очах Господа, чтобы прогневать его» (4 Цар. 21:6). Были возобновлены ужасные ритуалы человеческих жертвоприношений, и всем было известно, что сам суверен по самым пустячным и малозначимым поводам прибегает к *extispicium*, выискиванию знаков судьбы в еще трепещущих внутренностях убитых ради этого мальчиков. «Еще же пролил Манассия и весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края» (4 Цар. 21:16).

Мы можем сравнить ужасную магию иудейского царя с детализированным признанием Жиля де Реца, который на своем процессе «сообщил, как он похищал детей, подробно исповедовался во всех своих лживых обещаниях, в дьявольском возбуждении, безумных убийствах, безжалостных насилиях: преследуемый видениями своих несчастных жертв, он подробно описывал их длительные агонии и пытки; их жалобные крики и предсмертные хрипы их гортани; он сообщил, что перебирал их теплые внутренности; он признался, как вырывал их сердца через огромные зияющие раны подобно тому, как срывают созревший плод» [460]. Демонам поклонялись за шесть веков до Р.Х. таким же образом, как и спустя четырнадцать столетий после Рождества Спасителя.

Как указывалось ранее, Валаам использовал для *extispicium* тельцов и овнов, и девять столетий спустя в Книге Иезекииля (21:21) было написано, что Асархаддон осматривал печень принесенных в жертву животных, для того, чтобы провидеть будущее. «Потому что царь Вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог для гадания; трясет стрелой, вопрошает терафимов, рассматривает печень. В правой руке у него гаданье „в Иерусалим“, где должно поставить тараны, открыть для побоища уста». Гадание по стрелам, беломантия, о которой здесь идет речь, была очень распространена у халдеев, равно как и у арабов. Вот как комментирует св. Иероним этот отрывок: «Он должен встать на дороге и советоваться с оракулом по примеру своего народа, затем он помещает стрелы в колчан и перемешивает их, написав на них имена или знаки каждого из народов, чтобы видеть, какая из стрел полетит дальше и какой город он должен атаковать в первую очередь».

Среди трехсот шестидесяти идолов, стоявших вокруг Каабы в Мекке и полностью уничтоженных Мохаммедом, когда он взял этот город на восьмой год Хиджры, была статуя человека, сделанная из агата, державшего в руке семь стрел вроде тех, которые использовались при гадании арабскими язычниками. Эта фигура, которая, как говорят, в древности изображала патриарха Авраама, почиталась с особым усердием.

Как правило, древние арабы использовали в магических практиках лишь три стрелы. Они бережно сохранялись в храме некоего идола, перед местом поклонения которому они были ранее освещены. На одной из них было написано: «Господь повелел мне», на другой – «Господь запретил мне», на третьей надписи отсутствовали. Если при гадании вынималась первая стрела, то вопрошающий видел в этом отличный знак для всего, что он задумал; если вынималась вторая, он предвидел неудачу; если третья, то все стрелы перемешивались заново, и гадание проводилось сызнова. Похоже, что эти стрелы неизменно использовались всеми арабами перед тем, как они предпринимали нечто важное, например, перед тем, как решали пуститься в путешествие, жениться, заключить важную сделку.

В некоторых случаях и в отдельных странах вместо стрел использовались прутья. На маленькие палочки наносили тайные знаки и бросали в сосуд. Затем одну из них вынимали. Иногда их подбрасывали в воздух, обращая внимание на то, в каком направлении они летели, и на позицию, которую они занимали при падении. Эта практика известна под названием рабдомантии. В Септуагинте, точнее, в Книге Иезекииля (21:21), говорится о *οαβδομαντεία*, а не о *βελομαντεία*, о рабдомантии говорит и св. Ригилл Александрийский.

В Коране, в суре V «Трапеза», сказано: «вино, майсир, жертвенники, стрелы – мерзость из деяния Сатаны». И затем: «сторонитесь же этого, может быть, вы окажетесь счастливыми».

Интересно, что одна из форм предсказания упоминается в Торе, если не с одобрением, то, во всяком случае, без категорического отвержения. Во время второго путешествия сыновей Иакова в Египет для покупки зерна, когда был голод, Иосиф приказал наполнить их мешки едой и положить их серебро в отверстие мешков, причем в мешок Вениамина при этом была также спрятана серебряная чаша. На следующее утро, когда они отправились домой и немного отошли от города, их догнали слуги Иосифа, и начальник дома его задержал их и обвинил в краже чаши: «Не та ли эта, из которой пьет господин мой? и он гадает на ней. Худо это вы сделали». В Вульгате это звучит так: «*Scyphus quem furati estis, ipse est in quo bibit dominus meus et in quo*

augurari solet: pessimam rem fecistis» (Быт. 44:5). И позже, когда их взяли под стражу и привели к Иосифу, он спросил их: «Разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно, угадает?» В Вульгате: «An ignoratis quod non sit similis mei in augurandi scientia?»

В первую очередь надо отметить, что заявление Иосифа, произнесенное публично и открыто, о том, что он предсказатель большой силы, нельзя счесть просто отговоркой, соответствующей моменту. Из-за значения, которое уделяется в рассказе этой чаше, вполне очевидно, что начальник его дома считал ее сосудом большой ценности и значения, наделенным мистическими свойствами.

Эта чаша использовалась при гадании, известном как гидромантия, практике, повсеместно распространенной в античности и достаточно известной в наши дни. Гадалка, или в некоторых случаях вопрошающий, пристально глядя в водоем или сосуд с водой, начинает видеть там отражение того, о чем он хочет узнать. Страбон, XVI, 2, 39, рассказывая о персах, пишет: *παράδε τοῖς δῆρσιαις οἱ Μάγοι καὶ νεκρομάντεῖς καὶ ἐπὶ οἱ λεγόμενοι λεκανομάντεῖς καὶ υδρομάντεῖς...* Царь Нума, согласно одной очень древней традиции, гадал, наблюдая богов в чистом источнике. «И сам Нума, не будучиставляемым ни каким-либо пророком, ни Ангелом Господним, занялся гидромантией: делал он так, что его боги (вернее, демоны) появлялись в воде и советовали ему, как обустроить религиозные учреждения. Этот вид предсказания, говорит Варрон, пришел из Персии и использовался Нумой и затем Пифагором, хотя они использовали еще и кровь и называли привлеченных духов подземными. Греки называли это некромантией, но некромантия или гидромантия, называйте, как вам больше нравится, суть явления в том, что мертвые говорили» (Августин. *О Граде Божьем*, VII, 35).

Апулей в трактате «*De Magia*» [461] цитирует Варрона: «*Trallibus de euentu Mithridatici belli magica percontatione consultantibus puerum in aqua simulacrum Mercuri contemplantem, quae futura erant, centum sexaginta uersibus cecinisse*». В современном Египте часто вопрошается магическое зеркало. Мальчик всматривается в водяные брызги, или чернила, или другую темную жидкость, пролитую на ладонь, и в конце концов находит в наблюдаемых им картинах ответы на все задаваемые ему вопросы. Когда совершается кража, то обязательно советуются с магическим зеркалом. В Скандинавии деревенские жители, что-либо потерявшие, в ночь на четверг идут к гадателю, чтобы увидеть в кадке с водой, кто их ограбил [462]. Во всем мире распространено это верование, на Таити и среди гавайцев, на Малайском полуострове, в Новой Гвинее, у эскимосов.

Другие распространенные формы гадания – при помощи предметов, бросаемых в некую жидкость, драгоценных камней или амулетов, помещаемых в чашу, при помощи колец на водной поверхности. Теплый воск и расплавленный свинец выливали в сосуд с холодной водой, произносили отдельные буквы алфавита или изучали форму объектов, получившихся из воска или свинца; порой разбивали пустую чайную чашку, и предсказания тогда могли делаться по форме и размеру чаинок, по тому, как они расположились. Подобные практики были распространены в Англии, Шотландии, Ирландии, Швеции, Литве; в Македонии таким же образом могла использоваться кофейная гуща.

Но независимо от того, был ли гадатель еврейским патриархом или римским императором, носило ли гадание какое-нибудь мудреное имя, вроде керомантии (гадание по застывшему воску), леканомантии (гадание по чаше воды), ойномантии

(гадание по винному осадку), или же просто некая старая, завернутая в плед женщина, сидя у камина в своем коттедже, рассматривала чашки, оставшиеся от своего полуденного чаепития, суть происходящего не менялась. Все системы гадания представляли всего лишь разные по форме попытки, концентрируя внешнее зрение, высвободить зрение внутреннее.

Неизбежным было появление шарлатанов-гидромантов, причем Ипполит Римский, пресвитер и антипапа (236 год) в своем важном полемическом трактате против еретиков «*Philosophumena*» [463] (IV, 35) детально объясняет, сколь искусно производили обман лжечародеи. Приготавливалось помещение, потолок окрашивался в голубой цвет, дабы походить на небо, внутри помещали огромный сосуд, полный воды, со стеклянным дном, под которым находилась тайная комнатка. Заказчик пристально глядел в воду, и актеры, передвигавшиеся внизу, казалось, находятся в толще жидкости.

Учитывая тяжкие наказания, предназначавшиеся Священным Писанием для практикантов магии, достойно упоминания то, что автор Пятикнижия не осуждает гидромантические искусства Иосифа. Действительно, помимо книги Бытия, любые формы гадания, предсказания будущего или использование чар неизменно упоминаются как нечто, что следует запретить. В Книге Исаяи (3,2), однако, Кесем, маг или гадатель, упоминается с достаточным уважением. «*Ecce enim dominator Dominus exercituum auferet a Jerusalem et a Juda ualidum et fortem omne robur panis et omne robur aquae, fortem, et uirum bellatorem, iudicem, et prophetam, et hariolum, et senem*». Здесь английский перевод Священного Писания умышленно затемняет смысл: «Вот Господь, Господь Саваоф, отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость, всякое подкрепление хлебом и всякое подкрепление водою, храброго вождя и воина, судью и пророка, и *прозорливца* [464], и старца». «*The Prudent*» относится, безусловно, к Кесему, вид деятельности которого вполне отражает слово «*hariolus*».

В тридцатой главе Книги Бытия дается весьма детальное и любопытное описание акта симпатической магии. Иаков, служащий Лавану, должен получить в награду за труд всякий скот с крапинами и пятнами, всякую скотину черную из овец, также с пятнами и крапинами из коз. Но хитрый старый сириец отдал весь такой скот на выпас своим сыновьям «и назначил расстояние между собою и Лаваном на три дня пути, Иаков же пас остальной мелкий скот. И взял Иаков свежих прутьев тополевых, миндальных и яворовых, и вырезал из них белые полосы, сняв кору до белизны, которая на прутьях, и положил прутья с нарезкою перед скотом в корытах, куда скот приходил пить». «И зачинал скот перед прутьями, и рождался скот пестрый и с крапинами, и с пятнами». Более того, Иаков клал прутья перед глазами скота, лишь когда зачинал скот крепкий, так что в конце концов лучшие стада стали частью его доли. Значимы уже названия использованных им деревьев. Тополь в римском фольклоре был посвящен Геркулесу [465] и, поскольку он рос на берегах реки Ахерон в Эпире, считался связанным с ним, точнее – с водами горечи подземного мира (смешанная традиция, вероятно, весьма раннего происхождения). Так, Павсаний пишет: *την λευκην ὁ Ηρακλῆς λευκικιαν λάρα τον Αχέροντα εὐρετο ἐν Θεσπρωτῇ λοταμῶν*. В XVII веке листья английского тополя почитались важным ингредиентом пиров на шабашах и адских снадобий. Орешник связывался с магией с древнейших времен, а в Англии его и сейчас нередко называют «ведьмовской орешник». Каштан и его орехи ассоциировались, по-видимому, с первобытными сексуальными ритуалами. Связь здесь не оче-

видна, но вполне различима. В одной из самых известных свадебных песней «Эпиталамии» Катутла в то время, как мальчики распевали традиционные оскорбительные фесценнии, в толпе разбрасывались орехи. [466] Петроний (фрагмент XXXV) говорит о каштанах, как о дарах любви:

*Aurea mala mihi, dulcis mea Marcia, mittis
Mittis et hirsutae munera castaneae.*

Между прочим, там же, в Книге Бытия, приведен очень интересный и показательный пример верований в магическую силу растений. «Рувим пошел во время жатвы пшеницы и нашел мандрагоровые яблоки в поле и принес их Лии, матери своей» (30:14). Рувим приносит Лие яблоки любви, которые хочет иметь Рахиль. После того как Лия торгуется с Рахилью, последняя за часть фруктов соглашается, чтобы в ту ночь Иаков возвратился в постель своей старшей жены, и действительно, она зачала и в свое время родила Иссахара. Лия использовала мандрагору как магическое средство, чтобы забеременеть; никакого неодобрения этому акту здесь нет.

Схожая тема использована в знаменитейшей сатирической комедии Макиавелли «*La Mandragorla*» [467], написанной между 1513 и 1520 годами и поставленной перед самим Львом X в апреле следующего года. До этого она уже ставилась во Флоренции. По сюжету пьесы Каллимах выбирает в качестве госпожи своего сердца Лукрецию, жену доверчивого доктора юриспруденции мессира Никия, у которого в жизни лишь одно желание – заполучить сына. Каллимах под видом доктора представляется мессире и объясняет ему, что порция мандрагоры, преподнесенная донне, изгонит из нее бесплодие, но приведет к смерти ее мужа. Спасти его можно только в случае, если какой-либо другой человек займет его место. Таким образом, он вберет в себя яд, а Лукреция сможет стать матерью цветущего семейства. Этот заговор отлично сработал; с помощью своих союзников Каллимах проникает в постель Лукреции, выступив в роли «необходимой жертвы», и его желание исполняется.

Мандрагора и мальва использовались при наложении самых разных заклятий. Об этом растении существует целая библиотека легенд, исследование которой заняло бы немало времени. В западной традиции мандрагора упоминается в достаточно мрачном свете, хотя и не всегда; в восточной традиции мандрагора – это прежде всего мощнейший возбудитель. Так, в «Песне Песней» (VII, 14) читаем: *Mandragorae dedurunt odorem* (Мандрагоры уже пустили благовония). В античности мандрагоры использовались для анестезии. Диоскорид говорит о необходимости использования этого растения перед тем, как пациенту делается надрез или ожог; Плиний говорит, что его запах заставляет пациентов спать во время операций; Лукиан утверждает, что его использовали перед прижиганием; о его снотворном воздействии упоминают как Гален, так и Исидор. Аллюзии из стихов Шекспира сделали эту особенность мандрагоры известной всем англичанам.

Арабы и древние германцы думали, что в растении живет властный дух. На эту идею их, вероятно, навело надуманное сходство корня мандрагоры с человечком. Дю Канж пишет в статье о мандрагоре следующее: «*Pom̃i genus cuius mentio fit, Gen.xxx.14. nostris etiam notis sub nomine Mandragores, quod pectore asseruaturn sibi diuitiis acquirendis idoneum somniabunt*». Литтре цитирует следующий отрывок из старой хроники XIII столетия: «*Li dui compaignon [un couple d'elephants] vont con-tre Orient pres du paradis terrestre, tant que la femelle trouve une herbe que on apele*

mandragore, si en manjue, et si atize tant son masle qu'il en manjue avec li, et maintenant eschaufe la volente de chascun, et s'entrejoignent a envers et engendrent un filz sanz plus». В «*Commentaria ad Historiam Caroli*» (VI, VII) говорится о том, что у брата Ришара, кордельера, было найдено несколько корней мандрагоры, и затем они были сожжены как колдовская принадлежность.

Кажется, терафимы, идолы, похищенные Рахилью у ее отца (Быт. 31:19, 31 – 35), из-за которых он потом преследовал стан Иакова и которые были ею скрыты с помощью тонкой хитрости, были использованы для гадания. Из сообщения об этом инциденте следует, что они представляли собой немалую ценность; тот, кто их похитил, должен был умереть, так что ценность эта была весьма загадочного плана. Столетия спустя, во время радикальных реформ царя Иосии (639 – 608 до Р. Х.) использование терафимов было уже невозможным: «И вызывателей мертвых, и волшебников, и терафимов, и идолов, и все мерзости, которые появлялись в земле Иудейской и в Иерусалиме, истребил Иосия (4 Цар. 23:14). В Вульгате сказано: „Sed et pythones, et hariosolos, et figuras idolorum, et immunditias, et abominationes, quae fuerant in terra Juda et Iurusalem, abstulit Josias“. В Книге Иезекииля (21:21) сказано, что Асархаддон вопрошал Бога через терафимов так же, как и с помощью беломантии; а у Захарии (10:2) читаем, что терафимы обманули гадавших с их помощью, „simulacra locuta sunt inutile“ – „терафимы говорят пустое“. Те м не менее, из Осии (3:4) видим, что в некоторых случаях гадание при помощи терафимов разрешено: „Deos multos sedebunt filii Israel sine rege, et sine principe, et sine sacrificio, et sine altari, et sine ephod, et sine teraphim“ (Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима).

Ученый Корнелий из Лапиды в глоссах на Быт. 31 пишет: «Idola, teraphim quod significat statucae humanae siue humaneas formas habentes ut patet, I. Reg. xix». Можно здесь вспомнить, каким образом Мелхола обманула посланников Саула, положив в его постель одного из терафимов и накрыв его козьей кожей так, чтобы они подумали, что это заболевший Давид. «Secundo, – продолжает Корнелий, – nomen theraphim non appropriatum est in eas statuas, quae opera daemonorum deposci debent, ut patet Judicum, xviii, 18», аллюзия на историю Михи. Кальвин в своей абсурдной манере заявляет: «Theraphim sunt imagines quales habent papistae».

Спенсер [468] считает, что эти терафимы – маленькие образки или фигурки. Окончательное разрешение этой проблемы принадлежит, как мне кажется, св. Иерониму, который в 29-м Послании «*De Ephod et Teraphim*» цитирует 1 Цар. (19:15) и использует «*figuras siue figurationes*», чтобы перевести морфóмата Аквилы Понтийского. Этот писатель перевел на греческий язык Ветхий Завет около 128 года. За восемь лет до этого он был изгнан из христианской общины как адепт магии. Работа Аквилы, учившегося в школе рабби Акибы, основателя раввинистического иудаизма, как сообщает св. Иероним, была основательной и точной, представляя, по сути дела, отличный словарь, из которого можно было почерпнуть сведения о значении малоизвестных слов на иврите. Таргум Ионафанский, комментируя Быт. (31:19) выдвигает версию, согласно которой терафимы, сокрытые Рахилью, представляли собой мумифицированные человеческие головы.

В Книге Товита мы находим детальное и важное описание акта экзорцизма, который проливает свет на малоизвестную демонологию того времени. Товия, сын Товита, послан под охраной неизвестного ему Ангела, св. Рафаила, к Гаваилу в Раги Мидий-

ские, для того чтобы получить 10 талантов серебра, которые его отец отдал тому на сохранение. Купаясь в Тигре, Товия был атакован чудовищной рыбой, которую затем он вытаскивает на берег. Ангел советует ему оставить от нее сердце, печень и желчь. Сердце и печень нужны, чтобы защититься от демона, поразившего семерых предшествующих мужей Сары, прекрасной дочери Рагуила. Они приходят в дом Рагуила, и Товия просит руки Сары. В нее, однако, столь влюблен демон Асмодей, что семь ее предыдущих мужей умирали один за другим в брачную ночь перед осуществлением брачных отношений. Но Товия посредством экзорцизма (он воскурял печень рыбы) и с помощью св. Рафаила побеждает Асмодея. «Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта и там связал его Ангел». Эта история, которая рассказывает о реальных событиях, была написана в вавилонском изгнании в начале VII века до Р. Х. Здесь ясно видно, что демоны способны к сексуальной любви, подобно любви Сыновей Божиих к дочерям человеческим, о которой сказано в Быт. 6:2. Можно сравнить эту историю с повествованиями о джиннах в арабском фольклоре. Асмодея следует, видимо, связывать с персидским Асма Дева, который значится в Авесте вторым после Анграманью, руководителя злых духов. Следует также отметить роль собаки Товия. Собака сопровождает своего хозяина все путешествие, и когда они возвращаются домой, «собака, которая была с ними все это время, выбежала вперед и показывала свою радость, лая и виляя хвостом». У персов определенная власть над злыми духами справедливо приписывалась верным собакам.

Свидетельства Нового Завета касательно реальности магии и гаданий таковы, что никто из христиан не может их отрицать.

В Евангелиях постоянно встречаем упоминания об одержимости демонами; чудо, сотворенное в стране гергесеев (Мф. 8:28 – 34), исцеление немого бесноватого (Мф. 9:32 – 34), исцеление бесноватого лунатика (Мф. 17:14 – 21), изгнание нечистого духа (Мк. 23 – 27), изгнание бесов, которым Иисус запрещал говорить, что он Христос (Мк. 1:32 – 34), экзорцизм именем Иисусовым (Мк. 9:38), рассказ о демонах, из больных исходящих, восклицая: «Ты Христос, Сын Божий» (Лк. 4:41), исцеление страждущих от злых духов (Лк. 6:18) и много других упоминаний.

Очень скоро в окружении апостолов появляется одна из самых известных в истории колдовства фигур, Симон-маг, колдун и ересиарх. Во времена, когда началось гонение на христианскую общину в Иерусалиме (около 37 года) и претерпел мученичество св. Стефан, а Филипп-диакон отправился в Самарию, Симон пребывал в родном городе Гитта. С помощью своих магических способностей и собственной мистической доктрины, в которой он провозгласил себя «великой силой Божией», он сделал себе имя и приобрел многих приверженцев. Он слушал проповеди Филиппа, сильно был ими впечатлен, с удивлением глядел на чудеса исцеления и изгнание нечистых духов и, подобно многим своим соплеменникам, был крещен и вошел в общину верующих во Христа. Но сделал он это, безусловно, лишь для того, чтобы обрести, как он надеялся, еще большую магическую силу и увеличить свое влияние. Та к что когда апостолы Петр и Павел пришли в Самарию, чтобы низвести на крещенных Филиппом благодать Святого Духа, и сотворили чудес немало, Симон предложил им деньги, «говоря, дайте и мне власть сию», в которой он видел только творимое заклинанием или чарами. Св. Петр дал твердый отпор злонамеренному неопиту, который, испугавшись этого обличения, стал просить апостолов помолиться за него.

Симон больше не упоминается в Новом Завете, но первые христианские авторы написали о нем достаточно много. Св. Юстин Мученик в своей первой Апологии (153 – 155) и в своем диалоге *«Против Трифона»* (до 161 года) описывает Симона как мага, при подстрекательстве демонов возмнившего себя богом. Во времена императора Клавдия Симон прибыл в Рим и своим колдовством приобрел себе немало последователей, воздававших ему почести как богу. В странствиях его сопровождала любовница, распутная женщина из Тира по имени Елена, бывшая, как он объявил, Небесной Премудростью, освобожденной им «силой Божьей» из уз.

В Гомилиях Псевдо-Климента (вероятно, II век) Симон изображается основным противником св. Петра, разоблачившего его дьявольскую деятельность и разрушившего его заклинания. Апокрифические *«Деяния св. Петра»*, написанные в эпоху поздней античности [469], детально пересказывают известную легенду о смерти Симона-мага. Своими чарами колдун почти завоевал расположение императора Нерона, но в конце концов планы его были расстроены и разрушены благодаря вмешательству апостола. Когда цезарь потребовал в качестве последнего доказательства истинности его доктрин совершить чудо среди дня, причем так, чтобы его лицезрел весь Рим, Симон попытался взлететь в небо (дьявольская пародия на Вознесение), так чтобы люди знали, что власть его не меньше, чем у того, кто почитаем христианами как Спаситель.

Властное собрание пришло на форум: весталки-девы, сенаторы, всадники, их жены и множество людей, не столь знатных. Впереди, в новой императорской ложе восседал сам император Нерон Клавдий Цезарь Август Германик, с одной стороны от него сидела его мать, Агриппина, по другую – Октавия, его жена. С магическим посохом в руке колдун вышел на середину арены: произнеся заклинание, он склонил посох, и тот остался стоять на полу, ничем не поддерживаемый. Затем с глубоким поклоном повелителю известной ойкумены Симон-маг простер свои руки и тут же, с застывшими руками и ногами и недвижимым лицом, оторвался от земли и поднялся высоко в воздух, а затем двинулся в таком положении по направлению к Капитолию. Подобно чудовищной птице поднимался и парил он все выше. Но среди толпы стоял св. Петр, и когда чародей достиг самых высоких шпилей храма Юноны Moneta (теперь это церковь Санта-Мария в Арколи, где облаченные в коричневые рясы францисканцы возносят хвалы Господу), первый Папа Римский преклонил колена, поднял свою правую руку и сотворил знак Креста в сторону человека, презревшего Воплощенного Сына Богородицы. И кто скажет нам, какие демоны бежали в тот момент от Симона? Маг немедленно упал на землю, как будто тело его было из свинца; тело крутилось и переворачивалось в воздухе; оно свалилось, разбитое и бездыханное, к ногам императора, запачкав его кресло черными брызгами крови. И в тот же миг со звоном упал посох, до того стоймя стоявший у постамента. Плиту, на которой склонился в молитве св. Петр, до сих пор можно видеть в церкви Санта-Франческа Романа. В память об этом событии, Папа св. Павел I (757 – 767) построил церковь на месте падения Симона, а в 850 году Папа св. Лев IV перестроил ее и назвал Санта-Мария Нова, от которой ведет происхождение современный храм, освященный в 1612 году.

Но слава Симона-мага как чародея уступает его репутации еретика; столь рано ересь и магия шли рука об руку. Он был первым гностиком, ученики его назывались симонианами; это была секта с противоречивыми взглядами, существовавшая во II столетии и придерживавшаяся самых отвратительных заблуждений. Менандр, после-

дователь Симона, объявил себя мессией и учил, что его крещением ученики и последователи обретут бессмертие. Он также почитался могучим волшебником, и секта менадриан, названная его именем, существовала достаточно долго.

Во время своих миссионерских путешествий св. Павел постоянно боролся с ведьмами и колдунами. На Пафе он временно ослепил волхва Елиму; в Филиппах медиум, «служанка, одержимая духом прорицательным», «spiritum pythonem», следовала за ним по улицам, восклицая «сии человеки – рабы Бога Всевышнего», пока он не изгнал из нее духа; в Эфесе, рассаднике колдовства и суеверия, он обратил многих гадалок и ведьм, которые очистили свои души покаянием и сожгли свои книги по магии, целую библиотеку немалой стоимости. Говорится, что стоили эти книги до 50 000 драхм, и можно предположить, что жгли не только манускрипты, но и амулеты из золота и серебра, богато украшенные и инкрустированные камнями. Также в Эфесе собралось большое количество странствующих евреев, изгонителей духов. Основной чертой иудейского экзорцизма было повторение имен добрых ангелов, которые произносились сами по себе или с добавлением частицы Эл (Бог). Действительно, слепое следование воззрению, согласно которому один лишь звук имени может сделать все необходимое, было распространено среди этих магов-дилетантов, считавших, что в произнесении определенных имен в определенном порядке, в ряде случаев несколько различающемся. Именно такие взгляды заставили семерых сыновей Скевы, видевших изгнание духов св. Павлом во имя Иисуса, попытаться применить изобретенную ими формулу «заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует». Эксперимент этот завершился полным провалом, ибо их пациент воскликнул: «Иисуса знаю и Павел мне известен, а вы кто?» и накинул на них с адской силой, избил их и поранил, так что им пришлось бежать из дома, нагими и избитыми, сильно опозорившись перед соседями.

Реальность овладения человеческим телом демонами подтверждается авторитетом Самого Христа; ведовство (волшебство) помещается св. Павлом рядом с такими грехами, как убийство, бесчинства, ереси, ненависть и тому подобное (Гал. 5:20 – 21). Св. Иоанн также дважды упоминает волхвов в своем каталоге грешников. Нет никакого сомнения, что реальность волшебства была очевидна для авторов Нового Завета [470] и сомневаться в ней – значит отрицать истинность всего христианского откровения.

Среди евреев более позднего периода (а возможно, и в наши дни) были распространены представления о том, что демоны вызывают различные болезни и обитают в болотистых местах, покинутых и полуразрушенных домах, гробницах, грязных аллеях, в тяжелом воздухе, где расцветает всякая зараза.

Иосиф (около 100 года) сообщает, что Господь научил Соломона, как следует изгонять демонов – «наука полезная и оздоравливающая для людей». Он также сообщает о Елиазаре, знаменитом экзорцисте своего времени. Историк действительно видел, как в присутствии императора Веспасиана он изгонял злых духов. Экзорцист прикладывал к носу одержимого кольцо, к которому был присоединен корень, описанный еще Соломоном. Назывался он баарас, растение, имеющее магическую силу и опасное в руках дилетанта. Когда демоны стали проявлять себя, Елиазар заставил их перейти в сосуд с водой, которую немедленно вылили. Следует заметить, что демонология играет важную роль в Книге Еноха (перед 170 до Р. Х.). Даже в Мишне можно, без сомнения, проследить определенные следы магии, и в Гемаре демонология и колдовство

занимают немалое место. В Средние века немалую роль в ведовстве играла еврейская легенда, особенно в Испании, где по крайней мере до XIX столетия проводились преследования иудеев, причем не за отправления своего культа, как полагают многие, а в связи с магическими тайными практиками в рамках иудаизма. Тесно связаны с этим древним колдовством ритуальные убийства, которых ученый каноник ордена премонстрантов из Вилфина, Адриан Кембтер, писавший в 1745 году, насчитал не менее 52 (пятидесяти двух!) [471]. Последнее из них произошло в 1650 году, когда в Кадане (Богемия) четырехлетний мальчик Матиас был убит несколькими раввинами, нанесшими ему семь ран. В ряде случаев можно считать доказанным, что тело и особенно кровь жертвы использовались в магических целях. Так, описывая дело об убийении младенца св. Хью Линкольнского и приведя множество весьма впечатляющих деталей, хроникер отмечает: «*Et cum exspirasset puer, deposuerunt corpus de cruce, et nescitur qua ratione, euiscerarunt corpusculum; dicitur autem, quod ad magicas artes exercendas*». В 1261 году в баварском Форсхейме кровью убитого мальчика были опрысканы пороги и двери. В 1285 году в Мюнхене перед судом предстала ведьма, обвиненная в продаже христианских детей евреям, сохранявшим их кровь в специальных сосудах для совершения ритуалов. В 1494 году в Торнау было казнено двенадцать вампиров [472], которые вскрыли вены пойманному мальчику и выпили его теплую кровь, пока он оставался живым. Ужасная вещь произошла в Шыдлове (Szydlow) в 1597 году: после того как жертва после ужасных пыток была умерщвлена, кровь и некоторые части тела были взяты убийцами. Почти во всех таких случаях кровь тщательно собиралась – явно в магических целях. Идея, стоящая за этим, одна из центральных в законах Моисея: «*Anima enim omnis carnis in sanguine est*» [473] – «Ибо душа всякого тела есть кровь его».

ГЛАВА VI.

Состояние одержимости и современный спиритизм

Феномен одержимости демоном, саму возможность которого материалисты нашего времени, как правило, совершенно отрицают, тем не менее принимался как самоочевидный едва ли не всеми народами, жившими в различные эпохи. Человек, принявший для себя наличие мира духов, должен осознать в полном объеме тянущуюся сквозь эпохи вековую борьбу нематериализованного зла, использующего тысячи хитрых уловок и мириады личин, против несокрушимых сил добра. Сама природа является свидетелем этой битвы; болезнь и смерть, жестокость и боль, уродство и грех — все это вести о великом сражении, и было бы удивительным, если бы никто не пострадал в этой схватке. Ибо не можем мы отгородиться от других, но каждый человек, как пишет св. Игнатий, должен бороться на той или другой стороне, даже если он о том и не знает.

Изгнание бесов

Древние египтяне, чья религия, происхождение которой уходит в незапамятные времена, была известна в далекие эпохи особой честностью, чистотой, возвышенным идеализмом, безусловно, полагали, что некоторые болезни происходят от действия злых духов или демонов, которые при особых обстоятельствах способны проникать в человеческое тело и досаждают в соответствии с теми возможностями, которые осо-

знанно или неосознанно предоставляет сам человек в соответствии с дурными склонностями своей природы. Более того, считалось, что египтяне весьма искусны в излечении болезней, вызванных вторжением демонов, и достойная внимания надпись на эту тему была начертана на стеле и помещена в храме бога Хонсу в Фивах, дабы каждому стало известно о его славе и мощи [474]. Когда фараон Рамзес II был в Месопотамии, многие правители и князья прибыли к нему, чтобы почтить его подношениями золота и драгоценных камней. Среди них был и правитель Бехтена, привезший свою дочь, прекраснейшую в тех землях. И увидел ее фараон, и возлюбил ее, и назначил ее «Супругой фараона, Госпожой дома, Ра-Неферу» (красотой Ра, Бога-Солнца), и взял ее обратно в Египет, и женился на ней с великой радостью и немалыми торжествами. На пятнадцатый год правления фараона при его дворе появился посланник от правителя Бехтена, привезший богатые подарки и просивший его «от лица Бент-ент-Решт, младшей сестры супруги фараона Ра-Неферу, тело которой держит злая болезнь, дабы прислал Его Величество к ней медика» [475]. Рамзес приказал принести книги «двойного дома жизни» и повелел, чтобы мудрецы избрали из своего числа того, кто отправится в Бехтен. Они избрали мудреца Техутиемхеба, который вместе с посланником направился в путешествие. Но по прибытии они обнаружили, что Бент-ент-Решт одержима демоном или духом, над которым мудрец не был властен. В полном отчаянии правитель Бехтена вновь послал к фараону, умоляя направить пусть даже и бога для спасения его дочери.

Когда посланник прибыл во второй раз, Рамзес находился на служении в храме Хонсу Неферхетеп в Фивах, и он немедленно обратился к божеству с просьбой позволить силе его направиться в Бехтен и освободить дочь правителя той страны от демона, овладевшего ею. Хонсу Нефер-хетеп согласился и четырежды даровал магическую силу статуе бога, которая должна была быть направлена в Бехтен. Бог, расположившись в лодке, отправился с пятью другими судами, на которых были фигуры богов, по реке, и сопровождали их колесницы и всадники по обоим берегам реки, пока не достигли они Бехтена, где были приняты с великой честью. Бог Хонсу был перенесен в место, где находилась принцесса, затем были совершены магические церемонии, и демон бежал. Хонсу пребывал в Бехтене три года, четыре месяца и пять дней, и весь народ возносил ему хвалы. Как-то ночью правитель увидел во сне золотого сокола, исходящего из святилища и летящего в сторону Египта. Утром египетские жрецы растолковали его сон.

Бог пожелал вернуться, и статуя его была направлена обратно с роскошным эскортом, и с ней были посланы дары и бесчисленные подношения в храм Хонсу Нефер-хетеп в Фивах.

Греки древних времен были склонны приписывать божественному вмешательству практически любые болезни. Боги любили мстить таким образом за оскорбление их статуй, осквернение святилищ и осмеяние культа. Так, Пентей, выступавший против введения мистерий Диониса в Фивах, впал в безумие из-за вмешательства оскорбленного божества [476]. Безумие Аякса и дочерей Прета [477], которым казалось, что они превратились в коров, демонстрирует, что происхождение этих воззрений относится к героическим временам. Во времена более поздние Демарат и его брат Алопек стали лунатиками (λαραφρόνισαν) после того, как нашли статую Артемиды Ортозии, и их сумасшествие приписывалось воздействию богини [478]. Неистовство, нашедшее на Квинта Фульвия, расценивалось как наказание, одержимость злыми духами из-за то-

го, что он совершил святотатство, похитив мраморную крышу храма Юноны Лацинии в Локри [479].

Пифагор учил, что любое нездоровье как людей, так и животных происходит от демонов, обитающих в воздушной среде, и доктрина эта не более, чем обстоятельное подтверждение того, чему верили люди с древнейших времен. Так и Гомер в «Одиссее», повествуя о человеке, страдающем от болезней, говорит, что ненавистный демон мучает его: *οτυγερὸς βε οἱ ἔχραε δαίμων*, V, 396 (понеже злой демон к нему прикоснулся [480]). Слово *κακοδεμονία*, одержимость злым духом, в описании Аристофана «неистовое безумие», и глагол *κακοδεμονιῶω*, быть мучимым злым демоном, использовались Ксенофоном, Демосфеном, Динархом и Плутархом [481], не говоря о других авторах.

Многие философы полагали, что у каждого человека есть охраняющий его демон, который в значительной степени персонифицирует его индивидуальность. Считалось, что лунатики и безумцы становятся жертвой болезни из-за тех демонов, которые их охраняют. Для этих недугов есть очень «говорящие» греческие имена: *ενεργούμενοι* (на новогреческом «люди, одержимые злым духом»), *δαμονιοῦλητοι* («внушаемые демонами»), *θεόλητοι*, *Οεοβλαβες* («те, кто под влиянием бога»), *Οεομανες* («впавшие в безумие из-за богов»); у Еврипида встречаем *λυσσά Οεομανής* и вновь *θεομανής ποτμος* [482]. Да и само название *μανία*, данное греками безумию, происходит от корня *ман*, *мен* [483], от которого происходят латинские *Manes*; и действительно, римляне полагали, что безумец мучим богиней Манией, матерью ларов, а видимые им галлюцинации – это призраки, которых она насылает [484]. Сумасшедший – это *lunaticus*, *lunaticus* [485], тот, кого тревожат призраки. Вспомним Плавта, в пьесе которого доктор говорит: «Какая же это болезнь? Объясни. Расскажи же, старик. Ты сумасшедший (*lunaticus*) или лунатик? Немедля скажи мне» [486].

Безумная экзальтация, находившая на галлов и корибанов, праздновавших дионисии, носила, кажется, эпидемический характер и повсеместно приписывалась божественному вмешательству. Существует много данных о связи между культами Кибелы и Диониса. Аполлодор [487] рассказывает, что Дионис был очищен от безумия Реей у фригийской Кибелы и затем посвящен в ее ритуалы. Он надел ее одеяние. После он отправился во Фракию в сопровождении многочисленных вакханок и сатиров. Страбон [488], в свою очередь, полагает, что ритуалы эти были занесены из Фракии колонистами во Фригию; он даже цитирует фрагмент из «*Edoni*» Эсхила [489], доказывая идентичность культов Кибелы и Диониса. Можно привести здесь также отрывок из «*Вакханок*» Еврипида, 58:

*Восстань, звук древний и прекрасный,
Бряцание, что Рея и я нашли,
О, тамбурин глубоких гор.*

Интересно отметить, что Никандр Кларосский [490], бывший врачом, в труде «Алексифармака», говоря об особой форме лунатизма, сравнивает вопли своих пациентов с издаваемыми жрицей Реи, когда на девятый день она заставляет всех, кого она встречает на улицах, дрожать от чудовищного вопля Матери Ид; на греческом эта фраза звучит так: *κερνοφόρος ζάκολος βωμιατρίαωΡεΐης* [491].

В «Ипполите» (141) Хор, обращаясь к Федре, произносит:

*Дух ли это, или человек?
Геката ли владеет тобой, или Пан?
Проклятие ли над тобой Владычицы Горной,
Или корибанты ужасные смущают душу твою?*

И в «Медее» (1171-2) читаем: «Показалась мне она безумной, как будто бы Пан или кто другой из богов на нее наслал неистовство».

Слова «*τινὸς θεῶν*», утверждает Пэйли, относятся к Дионису или Кибеле. Иногда полагали, что безумие насыщается Паном на тех, кто отказывает ему в почитании, так в «*Rhesus*» Гектор восклицает (36-7): «Неужели убоился ты насылающего ужас удара Пана из семейства старого Кроноса?»

Аретей, автор трудов по медицине, особенно известный точностью при постановке диагноза, в трактате «*De signis chronicorum morborum*», VI описывает бешенство корибантов, как болезнь психики, и утверждает, что пациентов можно успокоить и даже излечить при помощи тихой музыки [492]. Средство то же самое, что было применено в случае с Саулом, которого, как нам рассказывает ветхозаветный повествователь, «возмущал злой дух от Господа» [493] и к которому был вызван Давид, умелый арфист. Кажется, это единственный случай, когда в Ветхом Завете говорится об одержимости демонами, и хотя еврейское слово «*руах*» не обязательно означает вмешательство личностное, но, если верить Иосифу [494], в данном случае этому слову придавалось именно такое значение.

Тут самое время пояснить разницу между состоянием одержимости (possession) и наваждением (obsession). Когда мы говорим о наваждении, то в данном контексте это означает, что демон пытается воздействовать и атаковать человеческое тело снаружи [495]; когда об одержимости – это означает, что демон овладел телом человека изнутри. Св. Иероним так описывает искушения св. Илариона: «Наваждения же его были весьма многочисленны. Днем и ночью придумывали демоны новые уловки и возобновляли свои силки... Разве не окружали его обнаженные женщины, когда он ложился поспать? Разве, когда он был голоден, не появлялся перед ним роскошно накрытый стол?» [496] Точно так же демоны нападали и на Антония Великого: «Дьявол же продолжал на него нападать, ночью принимая обличие некоей девы и имитируя откровенные жесты для того, чтобы соблазнить Антония» [497]. Об этих прискорбных феноменах, увы, нередко можно прочесть в Житиях Святых. Здесь можно процитировать многие из них, но достаточно будет ограничиться Житием св. Маргариты Кортонской [498], кающейся монахини из ордена францисканцев [499], которую долго и страшно мучили демоны: «Всюду следуя за ней, куда бы она ни пошла, и в ее скромной келье, пока она плакала и молилась, дьявол распевал омерзительные песни и ужасно оскорблял возлюбленную служанку Христову, которая со слезами предала себя Господу... так что, наконец, ее молитвы и слезы изгнали злого духа, и он вынужден был далеко бежать» [500]. Богословы, однако, предупреждают нас, что в таких сложных случаях необходима большая осторожность, и первостепенный авторитет в таких вопросах св. Альфонс Лигьери говорит, что большая часть таких наваждений или атак со стороны демонов есть не более чем галлюцинации, невращения, воображение, истерия, другими словами, патология: «Вообще, следует очень подозрительно относиться к таким атакам демонов, поскольку не будет преувеличением сказать, что в значительном большинстве мы имеем дело с фантазиями, или неким эффектом воображения, или проявлением слабости, особенно часто, когда жертвой становится

женщина» [501]. Дом Доминик Шрам столь же твердо заявляет: «Очень часто то, что казалось нам результатом атак демонов, на поверку оказывается не более чем природными заболеваниями, или расстроеным воображением, или даже следствием отклонений в психике или настоящим лунатизмом» [502].

В Новом Завете часто говорится об одержимости демонами, и сам Христос подтверждает реальность их существования. Нехристиане отвергают возможность одержимости при каких бы то ни было обстоятельствах, или по той причине, что вообще не верят в существование злых духов, или потому, что считают, что они не могут влиять на человеческое тело описанным образом. Но каковы бы ни были взгляды рационалистов, постоянно меняющих свою точку зрения, никто из читавших Святое Писание не может отрицать того, что Христос словом и делом демонстрировал полную веру в реальность одержимости духами. И если Христос имел Божественную природу, то как мог он пребывать в заблуждении или его поддерживать? Почему он не разоблачил и не исправил его? Здесь могут быть только два ответа. Или он не знал неких истин, относящихся к религии, или умышленно вводил в заблуждение людей, давая им, мягко выражаясь, неправильные наставления. Оба эти объяснения для христианина, безусловно, немыслимы. Теория компромисса, сформулированная Винером [503], может быть принята модернистами, но немедленно и с негодованием будет отвергнута другими христианами. Компромисс в данном случае подразумевает терпимость по отношению к безвредным иллюзиям, распространенным на текущий момент в обществе и не имеющим отношения к религии. Если даже принять сию тонкую профанацию Святого Писания (что, конечно, мы не собираемся делать), то в данном случае она явно не работает. Подобный обман совершенно не совместим с достоинством святого, и уж, конечно, не может относиться к Божественному Христу.

Жертвы одержимости иногда оказывались лишенными дара речи и зрения: «Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть» (Мф. 12:22). Иногда они оставались только без речи: «Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого, бесноватого. И, когда бес был изгнан, немой стал говорить» (Мф. 9:32 – 33); также «однажды изгнал Он беса, который был нем; и когда бес вышел, немой стал говорить» (Лк. 11:14). Во многих случаях упоминается просто случай одержимости без дальнейших пояснений: «и привели к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков... и Он исцелял их» (Мф. 4:24); «Когда же настал вечер, к нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом, и исцелил всех больных» (Мф. 8:16). «И вот женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов! Дочь моя жестоко беснуется... Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час» (Мф. 15:22 – 28). «При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых». «И Он изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос». «И Он проповедовал в синагогах их по всей Галилее, и изгонял бесов» (Мк. 1:32, 34, 39). «И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты Сын Божий. Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным» (Мк. 3:11 – 12). «Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, сын Божий» (Лк. 4:41). «Пришли... также и страждущие от нечистых духов и исцелялись» (Лк. 6:18). «А в это время он многих исцелил от болезней и от недугов, и от злых духов, и многим слепым даровал зрение»

(Лк. 7:21). Обстоятельства изгнания духов из человека, «одержимого бесами с давнего времени» и обитавшего в гробах страны Гадаринской, известно нам также из сообщения евангелиста Луки (8:27-39). Одержимого одолевали такие полчища нечистых бесов, что, как сами они признались, имя им Легион. Человека же они наделяли сверхъестественной силой, так что он разрывал цепи и узы, когда его связывали; бесы узнали Христа, и Наш Спаситель беседовал с ними; тогда-то он и спросил их об имени. Как только бесы покинули тело человека, он оделся и предстал перед пастухами в «здравом уме». К подножию горы Фаворской некий молодой человек был приведен своим отцом для исцеления. Он был одержим духом немым, «где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет». И когда подошел Иисус, «дух сотряс его; он упал на землю и валялся испуская пену». Этот дух с детства мучил больного; «и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его». И Господь пригрозил духу и затем изгнал его» (Мк. 9:14-28). Следует обратить внимание на то, что обращался Иисус к бесам, а не к их жертвам. Невозможно объяснить эту серию свидетельств о многочисленных актах экзорцизма, сотворенных Господом, случаями эпилепсии, паралича, острой мании или еще какими-либо болезнями. В действительности евангелисты всегда четко разграничивали обычные болезни и случаи одержимости бесами: «Он изгнал духов словом и исцелил всех больных» (Мф. 8:16). «Приносили к нему всех больных и бесноватых... и Он исцелил многих, страдавших разными болезнями; изгнал многих бесов» (Мк. 1:32, 34). В греческом тексте разница еще более очевидна: πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας καὶ τοὺς δαίμονιον ἔχοντας... Апостол Матвей опять-таки делает различие: «и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями (λοικίαις νοσοῖς) и припадками (βασιάνοις), и бесноватых (δαίμονιον ἔχοντας), и лунатиков (σεληνιαζόμενους), и расслабленных (παράλυτοὺς), и Он исцелял их» (4,24). Более того, Сам Господь явным образом делает различие между одержимостью и естественными болезнями; «изгоняю бесов и совершаю исцеления», вот Божественные слова Спасителя (Лк. 13:32).

Более чем вероятно, что одержимые бесами также нередко страдали одновременно разными болезнями. Вероятно, демоны выбирали в качестве жертв ослабленные организмы, и одержимость сама по себе автоматически порождала различные заболевания. У евангелиста Матфея (10,1) читаем, что Господь дал апостолам особую власть изгонять демонов: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь, и всякую немощь». И апостол Петр, рассказывая о миссии и чудесах Христа, особенно выделяет этот момент: «как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом» (Деян. 10:38). Сам Господь непосредственно говорит о своей власти над бесами, как доказательстве того, что Он – Мессия: «Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» (Лк. 11:20).

Ученики Иисуса

Еще во время земного своего пути Господь наделил апостолов способностью изгонять демонов Его Именем, и в своем последнем торжественном обращении Он говорит, что ту же власть будут иметь и другие: «Уверовавших же будут сопровождать сии

знамения: именем Моим будут изгонять бесов» (Мк. 16:17). Но эффективность экзорцизма зависела от ряда обстоятельств, она не была абсолютной, как у Господа. Обращаясь к тем случаям, когда апостолы терпели неудачу, он поясняет, что все зависело от того, какой именно дух вошел в тело человека; ведь некоторых духов можно изгнать только «молитвой и постом». Кроме того, для экзорциста необходимы полнота веры и полное самообладание. «Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не можем изгнать его? Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда“, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас. Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:19 – 21). Апостол Павел так же, как, без сомнения, другие апостолы и ученики, регулярно использовал эту власть над духами. Так, в Филиппах «служанка, одержимая духом прорицательным... доставлявшая большой доход господам своим», [504] встретила св. Павла и св. Луку и объявила их слугами Бога Всемогущего, и так следовала за ними, и св. Павел, «вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час» (Деян. 16:16 – 18). И в Эфесе, рассаднике магии и некромантии: «Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян. 19:11, 12). Поскольку маловероятно, что апостолы и ученики утратили силу, данную им Господом над духами, с тридцать первого стиха двадцать восьмой главы Деяний Апостолов, то резонно предположить, что харизмой изгонять духов обладали и другие христиане во все эпохи, и на практике Церковь творила экзорцизм всегда,

вплоть до дня сегодняшнего.

Экзорцист специально поставлялся епископом, это было второе из четырех малых посвящений западной церкви. Папа Корнелий (251 – 252) упоминает в своем письме Фабию, что в его время в Римской церкви существовало сорок два аколита, пятьдесят два экзорциста, чтецы и привратники, и организация этих институтов, очевидно, была произведена его предшественником Папой св. Фабианом Мучеником (236 – 251).

Ритуал поставления экзорцистов «De Ordinatione Exorcistarum» происходит следующим образом: во-первых, под рукой должна быть Книга Экзорцизма, ее может заменять Архиерейский Обрядник или Служебник; *Pro Exorcistis ordinandis paretur liber exorcismorum, cuius loco dari potest Pontificale uel Missale* (Для тех, кто должен быть поставлен экзорцистом, готовится Книга Экзорцизма. При ее отсутствии можно использовать Обрядник или Служебник). Начинается служба. После поставления чтецов епископ одевает митру и занимает свое место на архиерейском кресле у алтаря, и после того, как аколиты (служки) внесут Служебник, он начинает читать «*Gradual*» или, если церемония происходит на неделю после Пятидесятницы, *Аллилуйя*. Хор между тем поет «*Gradual*». Когда хор заканчивает, епископ встает, снимает митру и, повернувшись к алтарю, произносит третью краткую молитву. Потом он опять занимает свое место, надевает митру и читает третий фрагмент канона. Два капеллана помогают ему с книгой, пока он читает из нее. Архидиакон, наконец, призывает тех, кто готов принять посвящение; те приближаются, держа в руках зажженные свечи, и склоняются перед епископом, который торжественно обращается к ним, произнося молитву:

«Дражайшие дети, приуготовившиеся принять на себя обязанности экзорцистов! Должно вам узнать, сколь тяжкие обязательства берете вы на себя. Ибо экзорцист должен изгонять демонов; и принуждать людей, коим не должно находиться при сем таинстве, уйти; и при алтаре подносить воду священнику. Вы также получаете власть возлагать руки на одержимых и наложением ваших рук, и милостью Духа Святого, и словами экзорцизма нечистые духи будут удаляться от тел тех, кого они удерживали. Будьте же осторожными с тем, чтобы, изгоняя демонов из тел других, предварительно очистить свое тело от любой нечистоты и зла, дабы не попасть вам под власть сих духов, коих удалось преобороть в телах других. Учитесь через труд ваш управлять и контролировать все ваши недостатки, чтобы не смог враг заявить, что есть у него в вас доля и есть у него над вами господство. Ибо истинно будете вы сдерживать тех бесов, которые нападают на других, лишь тогда, когда научитесь отражать многие их уловки, направленные против вас. И Господь сподобит вас научиться этому через Духа Святого» [505]. После чего епископ каждому вручает Книгу Экзорцизма (или при ее отсутствии – Обрядник или Служебник), говоря: «Получи это и держи в своей памяти, и имей власть возлагать свои руки на одержимых, будь они крещеными или оглашенными» [506]. Все преклоняют колена, и епископ, надев митру, встает и произносит молитву: Дражайшие братья, смиренно вознесем Господу Отцу Вседержителю наши молитвы, дабы благословил он своих слуг нести обязанности экзорцистов, чтобы имели они власть повелевать бесам и исторгать их из тел одержимых. Чрез Сына Своего Единственного Иисуса Христа, Нашего Спасителя, который с Ним Едино пребывает и правит в единстве Духа Святого, Един Господь, слово во веки веков. Аминь» [507]. Затем он снимает митру, поворачивается к алтарю и говорит «*Oremus*», на что ему отвечают «*Flectamus genua*» с «*Leuate*», и последняя молитва произносится над коле-

нопреклоненными экзорцистами: «Святый Боже, Отец Всемогущий, Творец небу и земли, благослови слуг своих на служение экзорцистов; дабы возложением рук наших и словами изо рта нашего исходящих обрели они силу и власть повелевать и изгонять злых духов: дабы были они искусными медиками Церкви Твоей, дабы могли они исцелять и укрепились бы сами в Небесном милосердии. Чрез Сына Твоего Спасителя Нашего Иисуса Христа, который Едино пребывает и правит в единстве Духа Святого, Един Господь, слово во веки веков. Аминь». И затем по знаку архидиакона они возвращаются на свои места [508].

Священник изгоняет демона из тела одержимого

Следует отметить, что экзорцист специально поставляется для того, чтобы «изгонять демонов», и получает «власть возлагать руки свои на одержимых, дабы возложением рук своих [509] милость Духа Святого со словами экзорцизма низвести и изгнать злых бесов из тел одержимых». Сам удивляющий термин «*spiritualis imperator*» свидетельствует, что Бог-Отец дарует ему милость «изгонять демонов из тел одержимых, невзирая на все их уловки». Трудно выразиться яснее, трудно найти слова более торжественные, более исполненные глубокого смысла. Важность назначения и власть экзорцистов не стоит преуменьшать; во всяком случае, делать так — значит противоречить изначальному намерению Церкви, как явным образом вытекает из вышеописанных ритуалов. На практике должность экзорциста почти всегда исполняли клирики высшего поставления, как правило, священник, но это, конечно, отнюдь не принижает статус и авторитет второго из малых поставлений.

Каждый священник, пожалуй, особенно если у него деревенский приход, может быть призван для того, чтобы исполнить свой долг в качестве экзорциста. Исполняя его, он должен хорошо помнить о том, что необходимо выполнять записанное в «*Римском ритуале*», а также прислушиваться к постановлениям провинциальных и

епархиальных синодов, которые, как правило, требуют, чтобы экзорцист перед осуществлением своих обязанностей посоветовался со своим епископом и получил у него соответствующие полномочия.

Основные по важности моменты детальных инструкций из двадцати одной главы «Ритуала» можно суммировать следующим образом: 1. Священник или экзорцист должен быть зрелого возраста, смиренным, жизни незапятнанной, храбрым, имеющим должный опыт, осмотрительным и благоразумным. Предуготовить себя он должен особым благочестием и должным умерщвлением плоти, ревностными молитвами и постом (Мф. 17:20). 2. Человеком он должен быть ученым и образованным, систематически занимающимся наукой и хорошо осведомленным в последних достижениях и развитии психологии. 3. Не следует загоя исходить из того, что имеет место одержимость. Каждый случай следует тщательно расследовать и проявлять величайшую осторожность при разграничении реальной одержимости от определенных форм болезни. 4. Экзорцист должен увещевать одержимого настолько это возможно и предуготовиться к изгнанию беса молитвой, постом, исповедью, Святым Причастием, и в ходе ритуала он должен вызывать в своем сердце самую горячую и живую веру в благость Господа и совершенное подчинение воле Творца. 5. Изгнание бесов должно происходить в Церкви или некоем другом освященном месте, если есть такая возможность, но не следует позволять собираться там толпам зевак, пришедших поглядеть на все это из чистого любопытства. Тем не менее желательно, чтобы присутствовали свидетели, люди серьезные и с соответствующим положением в обществе, пользующиеся уважением и всеобщим доверием, не склонные к распространению слухов, но готовых ответить молчанием на расспросы. Если по причине болезни или по какой-либо иной уважительной причине экзорцизм будет иметь место в частном доме, то следует созвать членов семьи; особенно стоит настоять на этой мере предосторожности, если пациент – женщина. 6. Если пациент кажется заснувшим или пытается воспрепятствовать экзорцисту тем или иным путем во время проведения ритуала, следует продолжать с тем большей настойчивостью, поскольку весьма вероятно, что демон пытается его таким образом ввести в заблуждение и воспрепятствовать. 7. Экзорцист, человек смиренный и на свои собственные силы не полагающийся, должен тем не менее говорить голосом повелительным и властным, если же у пациента начнутся конвульсии или он начнет дрожать, то надо усилить на него нажим и произносить слова ритуала с большим усердием; молитвы и формулы следует произносить с великой верой в совершенной уверенности полноты своих сил. 8. Пусть экзорцист постоянно помнит, что произносит слова Священного Писания и Святой Матери-Церкви, а отнюдь не свои собственные. 9. Все пустые и непристойные вопрошания демонов следует игнорировать, также бесу не следует позволять говорить громко и продолжительно, не прерывая и не порицая его. 10. Святые Дары не следует подносить к телу одержимого во время экзорцизма, так как бес может попытаться осквернить их; мощи святых использовать можно, но тут следует соблюдать все меры предосторожности, дабы положенное уважение было им оказано; распятие и святая вода также должны быть использованы. 11. Если изгнание злого духа, который нередко оказывается упорным, не может быть произведено сразу, ритуал следует повторять до достижения успеха.

Мы покажем, что Церковь приняла в отношении обряда экзорцизма особые меры предосторожности и что было предусмотрено буквально все, что в человеческих силах

для предотвращения распространения суеверий, нарушения приличий или злоупотреблений. Вновь и вновь повторяется предупреждение, что к подобному тяжелому и ответственному занятию, как изгнание злых бесов, нельзя подходить несерьезно. Ниже приводится форма, которая используется в наши дни для помощи одержимым [510]:

Форма ритуала экзорцизма над одержимыми(Перевод из «Римского ритуала»)

Священник, исповедовавшись или, во всяком случае, ненавидя грех всем своим сердцем и произнеся мессу, если это может быть должным образом осуществлено, смиренно вознеся к Господу молитву о помощи, облачается в стихарь и фиолетовую епитрахиль, конец которой он должен обернуть вокруг шеи одержимого; и когда одержимый будет перед ним, связанный в том случае, если для этого будут причины, пусть священник осенит крестом себя, одержимого, стоящих вблизи и окропит всех святой водой и затем преклонит колена, другие же пусть ему должным образом отвечают, и затем пусть прочитает Литанию до молитв.

В конце Антифона. Не прогневайся на ны, Господи, зело ниже помяни беззаконий отцов наших и грехи наши.

Отче Наш (в сторону).

И не введи нас в искушение.

Но избави нас от лукавого.

Псалом 53

Боже, именем твоим.

Далее следует произнести Слава Отцу.

Спаси раба твоего,

Господь мой, на которого уповаем.

Будь над ним, Господи, башней сильной

От врага его.

Да не будет враг над ним властен,

Да не приблизится сын зла повредить ему.

Поддай, Господи, помощь ему из Святая Святых,

Укрепи его с Сиона.

Господи, услышь молитву мою,

Да дойдет до тебя плач мой.

Господь с тобою

И с духом твоим.

Господу помолимся

Господи, власть имеющий прощать и миловать: услышь наши призывы и молитвы, чтобы по милости твоей и доброте освободил Ты раба твоего (рабу твою), коий пребывает в узах грехов своих.

О Господь Святый, Отче Всемогущий, Боже Предвечный, Отец Господа Нашего Иисуса Христа: предавший тирана и супостата огню адскому; и пославший Сына Своего Единородного в мир, дабы посрамил Он дьявола, за своей добычей пришедшего,

поторопись, не медли освободить человека сего, созданного по образу Твоему и Подобию, из плена сего от полуденной заразы. Пошли страх Твой, Господи, на зверя сего дикого, твой виноградник оскверняющего. Даруй рабам Твоим храбрость сразиться храбро против мерзкого дракона, да не будет его презрение над положившими веру свою в Тебя, Господи, как сказал он фараону: Не знаю я Господа и не позволю идти Израилю. Да будет десница Твоя над ним, дабы ушел он от раба Твоего (имя) (рабы Твоей (имя) +, дабы не смел более иметь власть над ним, над тем, кого создал Ты по образу Своему и искупил Кровью Сына Твоего; Который едино с Тобой восседает в Единстве Духа Святого, Един Господь, во веки веков. Аминь.

Затем следует обратиться к бесу таким образом:

Приказываю тебе, кем бы ты ни был, о, нечистый дух, и всем твоим, которые овладели Службой Божиим, во имя Таинств Воплощения, Страстей, Воскресения и Вознесения Господа Нашего Иисуса Христа, низведшего Духа Святого, и Вторым Пришествием Господа на Суд, скажи мне имя твое, день и час своего ухода или передай неким знаком: и заклинаю тебя, чтобы мне, слугителю Господа, хотя и недостойному, ты повиновался полностью во всем: не повреди этому созданию Божиему, ни тем, кто стоит рядом, ни их добру никоим образом.

Затем над одержимым следует читать отрывки из Евангелий, любого из них.

Читается Святое Евангелие от Иоанна 1:1. *При чтении следует осенить крестным знаменем себе и одержимому лоб, рот и грудь.* В начале было слово... полное благодати и истины.

Читается Святое Евангелие от Марка 16:15. И сказал им: идите по всему миру... возложат руки на больных, и они будут здоровы.

Читается Святое Евангелие от Луки 10:17. Семьдесят учеников вернулись с радостью... имена ваши написаны на небесах.

Читается Святое Евангелие от Луки 11:14. Однажды изгнал Он беса, который был нем... дом, разделившийся сам в себе, падет.

Господи, услышь молитвы мои,

Да дойдет плач мой к Тебе.

Господь с тобою,

И с духом твоим.

Господу помолимся

Господь Всемогущий, Слово Бога-Отца, Иисус Христос, Бог и Господин каждой твари: Давший власть Твоим Святым апостолам попираť змей и скорпионов: Который среди других заповедей своих повелел обращать демонов в бегство: Чьей властью Сатана был низвержен с небес подобно молнии, с молитвой призываю имя Твое Святое со страхом великим, чтобы мне, рабу твоему недостойному, даровал прощение всех грехов моих, чтобы дал постоянство вере и силу, чтобы щитом мне стала мощь Святой десницы твоей, чтобы смог я с верой в Тебя и в безопасности приблизиться и напасть на сего жестокого беса чрез Тебя, Господи, о Иисус Христос, Господь, Бог наш, Который придет судить живым и мертвым, и мир огнем. Аминь [511].

Затем он, защищая себя и одержимого крестным знамением, поместив часть своей епитрахили вокруг шеи, а свою правую руку на голову одержимого, решительно и с великой верой должен сказать следующее:

Узри Крест Господень, беги от человека сего.

Лев из колена Иудина, из корня Давидова победил.

Господи, услышь молитвы мои,

Да дойдет плачь мой к Тебе.

Господь с тобою,

И с духом твоим.

Господу помолимся

Боже, Отче нашего Господа Иисуса Христа, призываю Имя Твое Святое, смиренно прошу о милости, чтобы даровал Ты мне помощь против этого беса и иных нечистых духов, что досаждают Твоему созданию. Во имя Господа Иисуса Христа.

Экзорцизм

Я изгоняю тебя, о злой дух, истинное воплощение нашего врага, призрака, весь легион; во имя Господа Иисуса † Христа выйди вон и беги из этого Божьего Существа †. Он повелевает тебе, Который сбросил тебя с высот небесных и изгнал в глубины земные. Повелевает тебе Тот, Кто правит морем, ветрами и бурями. Итак, слушай и содрогайся, о, Сатана, враг веры, недруг рода человеческого, носитель смерти, похититель жизни, нарушитель справедливости, источник алчности, причина беспорядка, производитель несчастий. Почему ты стоишь и сопротивляешься, если ты знаешь, что Господь Иисус Христос сокрушит твою силу? Бойся Его, принесенного в жертву в Исааке, проданного в Иосифе, умерщвленного в Агнце, распятого в Человеке и затем победившего ад. *Следующие крестные знамения должны быть сделаны на лбу одержимого.* Итак, изыди во имя Отца † и Сына † и Святого † Духа; уступи место Святому Духу, по знаку Святого † Креста Господа нашего Иисуса Христа: Который с Отцом и Святым Духом есть Бог Единый, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Господи, услышь молитвы мои,

Да дойдет плачь мой к Тебе.

Господь с тобою,

И с духом твоим.

Господу помолимся

Боже, Творец и Защитник рода людского, сотворивший человека по образу Своему и подобию, призри на раба своего (имя) (рабу свою)) столь тяжело страдающего от духа нечистого, которого Твой древний противник, старый враг рода человеческого, заставляет дрожать и ослепляет чувства его и наполняет его ужасом и так издевается над ним. Изгони, Господи, силу диавольскую, заставь его оставить силки свои: пусть бежит нечестивый искуситель: да будет раб Твой под защитой знака † (на лбу) Имени Твоего и в безопасности телесной и душевной (*Тр и последующих крестных знамения делать на грудь одержимого*). Да охранишь Ты глубины † души его, да будешь править всеми частями † тела его, да укрепишь † сердце его. Да обратится в прах все, что с

душой его хочет сделать противник наш. Даруй, Господи, благодать этому призыву к Имени Твоему Святому, с тем, чтобы тот, кто вызывал доселе ужас, теперь сам бежал, убоившись, и ушел бы побежденный; и чтобы этот раб Твой, укрепившись сердцем и отрезвившись умом, мог воздать Тебе должное. Во имя Господа Иисуса Христа. Аминь.

Экзорцизм

Я заклинаю тебя, древний змий, именем Судии над живыми и мертвыми, именем Твоего Создателя, Творца мира, Того, Который обладает властью отправить тебя в ад; скорей покинь этого раба Божьего (имя), возвращающегося в лоно Церкви в страхе и столь мучимого тобой. Я заклинаю тебя снова † (на лоб) не своею слабою силой, но Духом Святым; покинь этого раба Божьего, которого всемогущий Господь создал по своему образу и подобию. Покорись же не мне, но служителю Христа. Ибо Его властью приказываю тебе, склонившемуся здесь перед Его крестом. Трепещи от его руки, которая ведет к свету испытавших горести ада. Да убоишься ты отныне тела человеческого † (на его грудь), образа и подобия Божьего † (на его лоб). Не сопротивляйся, скорее беги из этого человека, поскольку в теле этом поселится Христос. И пусть ты знаешь, что я грешник великий, — не презирай меня. Ибо Сам Господь † повелевает тебе. Величие Христово † повелевает тебе. Бог-Отец † повелевает тебе. Бог-Сын † повелевает тебе. Дух Святой † повелевает тебе. Святой крест † повелевает тебе. Вера святых апостолов Петра и Павла и всех других святых † повелевает тебе. Кровь святых мучеников † повелевает тебе. Постоянство исповедников † повелевает тебе. Благоговейное заступничество † всех святых повелевает тебе. Верность таинствам христианской веры † повелевает тебе. Изыди, окаянный. Изыди, соблазнитель, полный порока и греха, враг веры, растлитель невинных. О ужаснейший, уступи место, уступи место, нечестивейший, уступи место Христу, в Котором нет места твоим деяниям, Который поверг тебя, Который разрушил твое царство, Который взял тебя в плен и разорил твои владения, Который заключил тебя во внешнюю тьму, где для тебя и твоих служителей уготована гибель. Но, свирепый, зачем ты сопротивляешься? Падший, зачем ты отказываешься? Твои козни осуждены всемогущим Господом, чьи установления ты нарушил. Твои козни осуждены Иисусом Христом, Сыном Божьим, которого ты обрек на муки и на распятие. Твои уловки осуждены человечеством, которое ты заставил испить смертную чашу. Итак, я призываю тебя, окаянный дракон, во имя Святого Агнца, который ходит между гадюкой и василиском, между львом и драконом, оставить этого человека † (на его лоб), покинуть Храм Господень † (осенить крестом стоящих рядом). Трепещи и беги при обращении к имени Господа, от которого трепещет ад, Которому подчинены добродетели небес, Силы и Власти и Которого, не переставая, славят Херувимы и Серафимы, восклицая; свят, свят, свят Господь Бог Саваоф. Слово †, создавшее плоть, повелевает тебе. Господь †, пречистою девой рожденный, повелевает тебе. Иисус † из Назарета повелевает тебе; когда ты смеялся над Его учениками, Он повелел тебе, разбитому и поверженному, покинуть тело человека, и, отделившись от этого тела, в присутствии Христа ты не побрезговал войти в стадо свиней. Итак, заклинаю тебя во имя Его † оставить этого человека, которого Он создал. У тебя нет силы на Его силу †. Тяжко тебе идти против рожна †. И чем медленнее ты будешь выходить, тем сильнее будет наказание, поскольку ты оказываешь пренебрежение не человеку, но Господу всех живых и мертвых, Который придет судить живых и мертвых и

весь мир огнем.

Господи, услышь молитвы мои,

Да дойдет плачь мой к Тебе.

Господь с тобою,

И с духом твоим.

Господу помолимся

Боже небес, Господь земли, Боже ангелов, Господь архангелов, Боже пророков, Господь апостолов, Боже мучеников, Господь дев непорочных, Боже, имеющий власть дать жизнь после смерти, отдых после трудов; ибо нет Бога, кроме Тебя, и не может быть, но Ты, Творец небу и земли, Царь истинный, Чьему Царствию не будет конца: смиренно прошу Твое Божественное величие, дабы Ты позволил избавить сего раба твоего от нечистых духов, чрез Христа, Господа нашего. Аминь.

Экзорцизм

Итак, я заклинаю тебя, нечистый дух, призрак, воплощение Сатаны, во имя Иисуса Христа из Назарета, Который после крещения в Иордане ушел в пустыню и победил тебя в твоих владениях, — прекрати оскорблять этого человека, которого Он создал из праха земного ради славы Своей; и трепещи не от слабых сил презренного человека, но от образа Всемогущего Бога. Итак, склонись перед Господом †, Который с помощью раба Своего Моисея утопил тебя и твое зло в образе фараона и его армии в пучине морской. Склонись перед Господом †, Который изгонял тебя из царя Саула благочестивыми песнями его верного слуги Давида. Склонись перед Господом †, Который проклял тебя в образе Иуды Искарйота, предателя. Поскольку он наказал тебя карой † Божьей, при виде Его, трепещи и плача вместе со своими legionами, ты сказал: «Чего ты хочешь от нас, Иисусе, Сын Всемогущего Бога? Ты явился, чтобы мучить нас до срока?» Он повергает тебя в геенну огненную, Он, Который в конце времен скажет всем нечистым: Отойди от меня, проклятый, в неугасимый огонь, который приготовлен для дьявола и присных его. Для тебя, проклятого, и для твоих присных, приготовлен червь, который не умирает. Для тебя и для присных твоих приготовлен огонь неугасимый, ибо ты — главарь злейших убийц, вдохновитель кровосмешения и святотатства, мастер худших злодеяний, учитель еретиков, изобретатель всех непристойностей. Итак, зловредный, изыди †, изыди, ты, негодяй, изыди † со всеми твоими присными, потому что Господь не оставил этого человека своей милостью. Но почему ты задерживаешься и остаешься здесь? Прояви покорность Господу, Богу-Отцу †, перед которым всякое колено да преклонится. Уступи место Господу Иисусу Христу †, Который отдал ради человека свою драгоценную Кровь. Уступи место Святому Духу †, Который через благословенного апостола Павла поверг тебя на землю в Симоне-маге, Который осудил твой обман в Аниани и Сапфире, Который поразил тебя в царя Ироде, не почтившем Бога, Который через апостола Павла победил тебя в Елиме-волхве, поразив его слепотой и, через того же самого апостола, словом его изгнал тебя из пифии. Итак, изыди †. Изыди, искуситель. Ты, чье жилище — безумие, чье обиталище — змий. Будь повержен и проклят. Нет больше отсрочек. Ибо взгляни: Господь приближается быстро, и его огонь горит перед ним и предшествует ему и испепелит его врагов везде. Ты можешь обмануть человека, но не можешь насмеяться над Господом.

Он изгоняет тебя, Тот, от Которого ничто не укроется. Он изгоняет тебя, Тот, Чья власть повсюду. Он изгоняет тебя, Тот, Кто предуготовил тебе и твоим ангелам вечный адский огонь: из уст Которого исходит острый меч, Он, Который придет, чтобы судить живых и мертвых и весь мир огнем. Аминь.

После того, как все это было сделано и сказано, насколько это будет необходимо, следует повторять молитвы и формулы, пока одержимый не освободится.

Последующий список молитв полезен для совершающих экзорцизм. Их следует со смирением произносить над одержимым, часто при этом повторяя Отче Наш, Ave Maria и Символ веры.

Песнь. Magnificat.

Песнь. Benedictus.

Символ св. Афанасия. *Quicumque uult.*

Псалом XC. *Qui habitat.*

Псалом LXVII. *Exurgat Deus.*

Псалом LXIX. *Deus in adiutorium.*

Псалом LIII. *Deus, In Nomine Tuo.*

Псалом CXVII. *Confitemini Domino.*

Псалом XXXIV. *Iudica, Domine.*

Псалом XXx. *In Te, Domine, speravi.*

Псалом XXI. *Deus, Deus, meus.*

Псалом III. *Domine, quid multiplicasti?*

Псалом X. *In Domino confido.*

Псалом XII. *Usquequo, Domine?*

Каждый псалом должно читать со Славой Отцу...

Молитва после освобождения

Мы молимся Тебе, Господь Всмогущий, чтобы не имел более дух зла власти над рабом Твоим (имя) (рабой Твоей(имя)), но чтобы бежал прочь и никогда не возвращался: по воле Твоей, Господи, да низойдет на него (нее) милость и мир Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого получили мы искупление, и да не убоимся мы зла, ибо Господь с нами, Который правит с Тобою в Царствии Небесном едино со Святым Духом, Единый Господь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Краткая форма экзорцизма, которая, будучи распространенной, отличается по цели и по методам проведения, была опубликована по приказу Папы Льва XIII и присутствует в поздних изданиях «*Римского ритуала*», «*Exorcismus in Satanam et Angelos apostolicos*» [512]. После обычного *In nomine...* ритуал начинается молитвой св. Михаила, идет достаточно длительная молитва, с ответами аудитории священнику, затем читается второй цикл молитв и в конце следуют три отрывка из Литании: «Господи, избави нас от уловок и обмана лукавого. Ибо угодно Тебе, чтобы Церковь Тебя почитала в мире и в истине; молим Тебя, услышь нас, чтобы одолел Ты и подчинил всех врагов Твоей Святой Церкви; молим Тебя, услышь нас».

Затем место опрыскивается Святой водой[513], и церемония заканчивается.

Экзорцизм баптистов и изгнание бесов при помощи воды, соли [514] и масла вряд ли уместно обсуждать в этом месте книги. Следует, однако, отметить, что при церемо-

нии Благословения Вод [515] (одобренной Священной Конгрегацией 6 декабря 1890 года), проводимой в канун Богоявления, читается торжественный «Exorcismus contra Satanam et Angelos apostolicos», за которым следует «Exorcismus salis» и «Exorcismus aquae».

В анналах истории можно прочесть о бесчисленных примерах демонических наваждений и одержимости так же, как и об удачных случаях экзорцизма. Конечно, весьма вероятно и даже доказуемо, что многие из этих случаев объясняются причинами натуральными; эпилепсией, острой истерией, начинающимся лунатизмом и тому подобным. Но тем не менее, сделав поправку на неправильный диагноз, на дурно сделанные описания редких и необычных форм психических и умственных расстройств, на легкое верие наших информаторов, на честно сделанные ошибки и различные преувеличения, мы останемся с немалым количеством случаев, которые невозможно объяснить иначе, как проникновением чужеродного и враждебного разума. Но ведь никто и не требует, чтобы все случаи демонического вмешательства, запечатленные в церковной истории, принимались на веру, ни даже того, чтобы на основании исторических свидетельств верующие приняли бы определенную трактовку этих событий. Решением таких проблем должны заниматься профессиональные историки и медики. И, между прочим, и по сей день феномен одержимости встречается среди цивилизованных народов куда чаще, чем это обычно предполагают.

Анналы Бедлама, многих частных лечебниц и госпиталей хранят странные и жуткие истории. И если можно верить рассказам пионеров христианства в странах, где они проводили миссионерскую работу, свидетельств о демонической деятельности, причем весьма несомненных, накопится не меньше, чем в Галилее времен Христа [516].

Демоническое наваждение часто описывается и обсуждается ранними отцами и апологетами как самоочевидное явление, так что нет и тени сомнений, что они верили в это. В действительности успех христианского экзорцизма часто выдвигался в качестве немаловажного аргумента в дискуссиях об истинности Божественной природы основателя христианства. Было бы легко, хотя процесс этот займет достаточно много времени, привести подборку пассажей в пользу этого мнения из латинских и греческих авторов [517]. Св. Юстин Мученик (ок. 65) говорит о демонах, бегущих от «прикосновения и дыхания христиан» (Апология II, 6), «как от пламени их палящего» добавляет св. Кирилл Иерусалимский (385 – 6) (Катехизис, XX, 3). Ориген (253 – 4) упоминает возложение рук для изгнания демонов, в то время как св. Амброзий [518] (ок. 397), св. Ефрем Сирий [519] (ок. 373) и другие действительно возлагали руки при экзорцизме. Св. Знак Креста также превозносится многими Отцами за свою эффективность при любых дьявольских соблазнах; так, Лактанций пишет: «Nunc satis est, huius signi potentiam, quantum ualeat exponere [520]. Quanto terrori sit daemonibus hoc signum, sciet, qui uiderit, quatenus adiurati per Christum, de corporibus, quae obsedrint, fugiant», *Diuiinarum Institutionum*, IV, xxvii [521]. Св. Афанасий (ок. 373), *De Incarnatione Uerbi*, XLVII; Св. Василий (ок. 379), *In Esaiam*, XI, 249; св. Кирилл Иерусалимский, *Katexhizus*, XIII; св. Григорий Назианзин (ок. 389), *Carmen adversus Iram*, 415 и далее все утверждают то же самое, не оставляя места сомнению. Св. Кирилл, *Procatechesis*, IX и св. Афанасий, *Ad Marcellum*, XXIII, рекомендуют, чтобы молитвы при экзорцизме как можно более точно повторяли истинные слова Писания.

В анналах агиографии с ранних времен и до наших дней мы находим большое количество сообщений об одержимости; очень часто рассказывается, как некий несчастный был освобожден от сатанинской силы властью молитвы некоего святого или святого слуги Божьего [522].

Так, житие св. Бенедикта, человека нрава благороднейшего, духом спокойного, исполненного чувства достоинства, предусмотрительного, величественного в свершениях на путях служения Господу, героя, подвизавшегося на ниве Христовой, содержит несколько эпизодов, в которых повествуется, как он противостоял ангелам ада, противящимся построению монастыря на гребне Монте-Кассино, где ранее произрастали плевелы сатанизма. Не говорится о том, что демонов можно было лицедрезать воочию, разве что сам св. Бенедикт мог их распознать [523], однако последовательность неблагоприятных эпизодов, случаев паранормального характера и постоянные тревоги указывали на то, что святому пришлось столкнуться с трудностями, исходящими от врага не из рода людского. Не раз приходилось ему изгонять беса из монахов своего монастыря [524] и столь значимым был его триумф над адскими разрушительными силами, что он всегда почитался Церковью, как один из выдающихся «*effugator daemonum*», и по сей день призывается в час опасности для души и угрозы смертельной от бесов. Великую веру возлагают христиане также в медаль св. Бенедикта. Эта медаль, изначально представлявшая крест, посвящена памяти Патриарха. На одной ее стороне изображена фигура святого, держащего крест в правой руке и Святое Правилу в левой. На другой стороне крест со следующими буквами на нем и вокруг него: C.S.P.B., *Crux Sancti Patris Benedicti* (Крест Святого Отца Бенедикта); C.S.S.M.L., *Crux Sacra Sit Mihi Lux* (Крест Святой да Будет Мне Светом); N.D.S.M.D., *Non Draco Sit Mihi Dux* (Да не Будет Дьявол Мне Стражем); U.R.S., N.S.M.U., S.M.Q.L., I.U.B., *Uade Retro Satana, Nunquam Suade Mihi Uana, Suna Mala Quae Libas, Ipse Uenena Bibas* (Уйди прочь, Сатана; Не Предлагай Мне по Воле Твоей; Зло то, Что по воле Твоей; Сам Испей Яда Своего) [525]. На «памятной» медали (выбитой в Монте-Кассино в 1880 году в честь 1300-летия рождения св. Бенедикта в 480 году) под его фигурой стояли слова: *Ex S. M. Cassino MDCCCLXXX*. На той же стороне по краю выбита надпись: *Eius in obitu nro praesentia muniamur* (Да будет защитой он нам в час нашей смерти), на кресте же выгравировано слово *P A X*.

Трудно сказать, когда появилась медаль святого Бенедикта, но во время процесса над ведьмами в Наттернберге, у Меттенского аббатства в Баварии, в 1647 году обвиняемые женщины признались, что им не удалось одолеть сие достославное аббатство, поскольку оно находилось под особой защитой Креста. При расследовании было найдено немалое количество изукрашенных крестов, с выгравированными буквами, такими, какие изображаются на бенедиктинских медалях, изображенными на стенах аббатства, но значение их было, видимо, полностью забытым. Позже, в старинном манускрипте, написанном в 1415 году, была открыта икона св. Бенедикта, держащего в одной руке посох, оканчивающийся крестом, и в другой свиток. На посохе и свитке были начертаны полностью формулы, инициалы которых мы уже привели выше. Медали с фигурами св. Бенедикта, крест и эти буквы с тех пор изображались и гравировались по всей Европе. Медали впервые были одобрены в бреве папы Бенедикта XIV от 23 декабря 1741 года и 12 марта 1742 года.

В инциденте с одержимыми мальчиками из Иллфурта (Эльзас) они демонстрировали самый неподдельный ужас и страх при виде медали св. Бенедикта.

Эти медали освящались определенным ритуалом [526], при котором произносились такие слова: «Exorcizo uos, numismata, per Deum Patrem omnipotentem...» – «Заклинаю вас, медали, Богом-Отцом Всемогущим... Да будет власть противника, вся рать сатанинская, каждый бес, дух и чары дьявольские, обращены в бегство и уничтожены добродетелью сих медалей». [527] Далее идет молитва: «О Господи Иисусе Христе... Твоими Страстями Святыми молю смиренно и прошу Тебя, дабы Ты даровал то, о чем просит Тебя Твое Святое Имя повторяющий в молитве сией, как Ты Сам нас тому учил, да будем мы избавлены от сетей дьявольских и от всех пороков его, да доставишь ты раба своего в гавань спасительную. Ныне и присно и во веки веков...» [528]

Св. Мавр, возлюбленный ученик св. Бенедикта, также известен немалым числом излеченных им от одержимости [529]. Посетив Францию в 543 году, он стал основателем и главой аббатства Гланфейского в Анжу, позже в его честь переименованного в Сен-Мавр-де-Луаз [530]. Мощи св. Мавра после многих перемещений осели наконец в Сен-Жермен-де-Пре. В XI столетии рука святого с великой радостью была обретаема в Монте-Кассино, где от ее прикосновения излечился одержимый. Об этом сообщает Дезидерий [531], который в то время был аббатом, а впоследствии стал Папой, блаженным Виктором III. В течение Средних веков гробница св. Мавра в Сен-Жермен-де-Пре была одним из популярнейших мест паломничества, и туда в больших количествах приводились одержимые для исцеления [532].

К Святому Савану, хранимому в Безансоне, также весьма часто обращались для защиты от демонов. Эта почтенная реликвия представляет собой одну из материй, использованных при погребении Христа, и была перенесена в Безансон в 1206 году Отто де ла Рошем. Праздник прибытия Савана (Susceptio) отмечается 11 июля. В наше время этот день отмечается как праздник первого ранга в кафедральном соборе Сен-Жан и как праздник второго ранга по всему диоцезу.

Лампы, изготавливаемые в церкви Бонне у Нанта, также всенародно были признаны весьма эффективными при излечении одержимости.

Конечно, невозможно даже кратко перечислить пусть самые важные и удивительные из бесчисленных случаев одержимости, регистрируемых в каждой стране и в любую эпоху. Из них очень многие можно объяснить болезнями; очень многие соединением истерии и сознательного, а чаще неосознанного обмана; некоторые немногие – простым мошенничеством; и, наконец, если можно доверять историческим свидетельствам, то нередко речь идет о реальной одержимости демонами. Хотелось бы сказать о любопытных эпизодах, имевших место в Англии во времена королевы Елизаветы, когда некий пуританин Джон Даррелл произвел немалый шум своими попытками бороться с одержимостью. На эту идею его навела деятельность знаменитого экзорциста иезуитского миссионера Вильяма Вестона, получившего образование в Оксфорде и Париже и вступившего в орден 5 ноября 1575 года в Риме. Тогда он работал и преподавал в Испании, пока не был призван исполнить свою миссию и не направился в Англию 20 сентября 1584 года. В ходе своих трудов, а в то время они проходили в постоянной борьбе с опасностью, ему пришлось произвести экзорцизм над несколькими персонами, которых, как правило, приносили в дома двух ревностных католиков, сэра Джорджа Пекхэма из Денхэма у Уксбриджа и лорда Во из Хакни. Оба эти джентльмена приняли затем немалые страдания за свою веру. По поводу пациентов мы можем лишь предполагать (в силу отсутствия надежных свидетельств), были ли эти случаи

одержимости подлинными или речь идет просто о больных людях; тем не менее можно утверждать, что нет никаких оснований подозревать здесь мошенничество или обман. Отец Вестон был человеком великой духовной трезвости, чистого духовного видения и обладал немалыми способностями. Несмотря на то, что эти ритуалы, в которых участвовали несколько священников, проводились в обстановке секретности, и были предприняты все меры для того, чтобы предотвратить распространение слухов, произошла утечка информации, и около года ходили весьма преувеличенные рассказы об этом событии, пока дело не дошло до Тайного совета. Немедленно последовали жесткие репрессии, и многие священники были схвачены и убиты на месте за свое священство, в то время как другие, включая Вестона, попали в тюрьму в августе 1586 года. После долгого времени, проведенного в заключении, в 1599 году Вестон был переведен в Тауэр, где страдал так сильно, что практически потерял зрение. Наконец, в 1603 году его изгнали из Англии, и он провел остаток своих дней в Севилье и Вальядолиде. Ко времени своей смерти он занимал должность ректора Вальядолидского колледжа (9 июня 1615 года) [533].

В 1586 году, как раз в то время, когда борьба отцов-иезуитов с одержимостью привлекла, к несчастью, внимание широкой общественности и было сделано немало абсурдных комментариев, Джон Даррелл, хотя и бывший протестантом и не имеющий необходимых навыков, решил последовать по их стопам и повторить их достижения. Он был молод, не более 20 лет, любил риск и не имел образования – гремучая смесь, которая и в наше время позволяет добиться дешевой и недолгой славы. Кажется, впервые его позвали для излечения молодой девушки 17 лет по имени Катерина Райт, живущей в Мансфилде, у Ноттингема. Даррелл немедленно объявил, что девушка одержима злым духом, и молился за нее с четырех часов утра до полудня, но совершенно безрезультатно. Тогда он заявил, что девушка была околдована и что демон был послан на нее некой Маргарет Рупер, с которой пациентка недавно поссорилась. Девушка подтвердила эту версию, и обвиненная женщина немедленно была взята под стражу констеблем. Однако, когда она появилась перед Фулайемом, мирским судьей, ее не только немедленно освободили, но Даррелл получил должное внушение, и над ним нависла серьезная опасность ареста.

Неудача весьма напугала незадачливого экзорциста, и в последующие десять лет он совершенно исчезает из виду для того, чтобы вновь предстать перед публикой в Бартоне-апон-Тренте, где он активно участвовал в скандале вокруг Томаса Дарлинга, молодого парня из Дербишира. Изобретательный юноша страдал от конвульсий, настоящих или имитируемых, в ходе которых у него возникали видения зеленых ангелов и зеленого кота. Иногда его речь состояла из слов, принятых в пуританских молитвах, и он любил беседовать с проповедниками. Доверчивый доктор признал, что парень околдован, и очень скоро было отмечено, что громкое чтение Библии, особенно определенных мест из первой главы Евангелия от Иоанна, повергает его в бешеные конвульсии. Он принялся также рассказывать бессвязную историю о «маленькой старушке», носящей «широкополую шляпу». Эта история оказалась вполне достаточной для того, чтобы вызвать в суд двух женщин, Элизабет Райт и ее дочь Алису Гудридж, уже давно подозреваемых в колдовстве. Двое судей сочли необходимым заключить Алису в тюрьму. Далее был вызван «специалист», использовавший весьма грубые методы, с тем чтобы вынудить подозреваемую признаться. После ряда унижений и даже пыток несчастная сделала бессвязное и отрывочное признание своей ви-

ны, из которого была слеплена более-менее правдоподобная история. На тот момент Дарлинг болел уже три месяца, и здоровье его даже ухудшилось.

В этот воистину драматический момент Джон Даррел, преисполненный чувства собственной важности, появляется на сцене с тем, чтобы взять всю ситуацию под контроль. В своем отчете он пишет, что усилия его были вознаграждены с лихвой; другими словами, мальчику стало лучше, а хитрый пуританин смог внушить людям, что это его заслуга. Алиса Гудридж подверглась пытке «стягивающим башмаком», была осуждена судом присяжных, и ее смертный приговор был утвержден верховным судьей Андерсоном. Pamфлетист Джон Денисон писал: «Следовало бы ее казнить, но, к несчастью, этот ее дух убил ведьму в тюрьме!» Все это дело весьма способствовало репутации Даррела.

Вскоре громкое дело об одержимости в Ланкашире вновь позволило ему выйти на подмостки сцены. Анна Старки в возрасте девяти лет и Джон, ее брат в возрасте десяти лет, страдали весьма загадочным психическим расстройством: «некая страшная сила заставляла ее тело изгибаться», в то время как мальчик «имел обыкновение весьма громко кричать» по дороге в школу. Здоровье обоих постепенно ухудшалось, пока их отец, Николас Старки, не обратился за советом к Эдмунду Хартли, известному чародею, далеко не лучшей репутации. Хартли удалось улучшить состояние детей с помощью разных чар, и их отец выплатил ему предварительный гонорар в сорок шиллингов. Эта сумма, однако, показалась Хартли недостаточной, и, когда ему отказали в прибавке, произошла ссора, после которой мальчик и девочка вновь заболели. Тогда вызвали знаменитого доктора Ди, но он ничем не смог помочь, разве что, «допросив Хартли, осудил его методы». В этом затруднительном положении он посоветовал обратиться за помощью «к благочестивым проповедникам». Между тем, ситуация в этом проклятом доме стала еще серьезней. Теперь помимо детей трое юных воспитанников м-ра Старки, слуга и постоялец стали страдать той же странной болезнью. «Все или большинство из них совместно издавали весьма загадочные и сверхъестественные громкие звуки, так что казалось, что земля и стены дома дрожат». Хартли попал под подозрение и предстал перед мирским судьей, который приказал подвергнуть его пытке. Появились свидетельства, что он частенько целовал детей Старки и обнимался со всеми из одержимых. Была выдвинута версия, что таким образом он наслал на них бесов. Хартли был обвинен в том, что рисовал магические круги на земле. Хотя он стойко отрицал обвинения, его осудили за измену и повесили в Ланкастере. Джон Даррел и его помощник Джордж Мор, священник церкви в Дербишире попытались провести экзорцизм над одержимыми и через день или два, после долгих молитв и великих усилий им удалось изгнать дьяволов. Как видим, в этой жутковатой истории мы имеем дело с редким сплавом глупости, мошенничества и истерии.

В то время когда Даррел служил священником в Ноттингеме, там проживал также молодой талантливый музыкант, парень умный и симпатичный, по имени Уильям Сомерс, который уже встречался несколькими годами раньше с Дарреллом в Эшби, откуда оба они были родом. Оказалось, что мальчик повстречал некую странную женщину и так или иначе оскорбил ее. После этого он неожиданно «стал делать столь странные и безумные жесты, смеяться, танцевать и легкомысленно себя вести, что многие сочли его безумным». 5 ноября 1597 года послали за знаменитым экзорцистом, и он немедленно распознал знаки одержимости. Оказалось, что молодой чело-

век страдает за грехи всего Ноттингема. Соответственно, молитвы были вознесены, и прочитаны проповеди, и затем в церкви, когда Даррел перечислял друг за другом четырнадцать признаков одержимости, пациент демонстрировал их поочередно.

Допускаю, что Даррел имел некий гипнотический контроль над Сомерсом, представление которого было весьма примечательным, поскольку «его рвало; изо рта его текла пена, он извивался, лицо его искажалось; глаза его были выпучены, язык вываливался изо рта»; вместе с тысячью других ужимок все это весьма впечатляло присутствующих. Наконец мальчик успокаивался и лежал как мертвый около четверти часа, затем поднимался и объявлял, что чувствует себя вполне хорошо.

Однако за одержимостью последовало наваждение. Демон по-прежнему нападал на него, и вскоре мастер Сомерс обвинил тринадцать женщин в том, что они вызвали его болезни своим колдовством. Даррел, охотник на ведьм, в то время занимал в городе важный пост. Его избрали проповедником церкви св. Марии, и он собирался поддерживать своего ученика до последнего. Но даже его влияние по каким-то причинам оказалось недостаточным, и все женщины, за исключением двух, были освобождены. Далее некоторые недоверчивые граждане решили вмешаться в это дело и отправить главного актера в исправительный дом, где он весьма скоро признался в мошенничестве, причем сообщил, что его тщательно инструктировал Даррел. Произошел немалый скандал, и по представлению архидьякона Дерби архиепископ Йоркский назначил комиссию для расследования. Будучи представленным перед этими священниками, которые доселе не имели отношения к делу, Сомерс отказался от своих слов и заявил, что его наняли для того, чтобы он дискредитировал Даррела, и для этого предназначались все эти ужимки, пускание пены и кривляние, которые служили для простецов доказательством реальности демонической одержимости.

Несколько иначе складывались дела в Ноттингемском суде. Верховный судья сэр Эдмунд Андерсон [534] призвал мальчика и заставил его сказать правду о всех этих уловках. Дело против обвиняемой Алисы Фримэн было прекращено, и сэр Эдмунд, смущенный таким мошенничеством, написал длинное письмо Уиттифту, архиепископу Кентерберийскому. Даррел и Мор были вызваны в суд Высокой комиссии, где Бэнкрофт, архиепископ Лондонский, двое верховных судей и мастер по апелляциям в присутствии других высоких официальных лиц рассмотрели это дело. Очевидно, что Бэнкрофт совершенно контролировал допросы от начала и до конца и что он исполнял роль как судьи, так и исполнителя. Теперь Сомерс признался, что он постоянно поддерживал контакт с Даррелом, что они тайно встречались и что Даррел научил его «проделывать все эти штуки вслед за Кэтрин Райт» и что позже он послал его посмотреть и поучиться у бартонского мальчика. Более того, Даррел заставлял его вновь и вновь проделывать в его присутствии весь набор ужимок, и лишь после тщательной подготовки и практики молодой человек заявил в Ноттингеме, что он одержимый, после чего предстал перед публикой. Та к был разоблачен коварный пуританин. Безусловно, епископ Лондонский был в таком деле арбитром весьма сомнительным, но здесь он имел дело с обманщиком исключительным. Даррел и Мор были лишены священства и заключены в тюрьму.

Обо всем этом деле рассказывает Самуэль Харснет, капелан Бэнкрофта, на 324 страницах книги *«Раскрытие мошенничества Джона Даррела, бакалавра искусств...»* (Лондон, 1599 за которой последовала целая серия памфлетов. И Даррел и Мор ответили Харснету, вовлекая между делом других людей в эту бумажную битву.

Сохранились такие работы, как «Апология, или в Защиту реальности одержимости Уильяма Сомерса, молодого человека из города Ноттингема... написанная Джоном Даррелом, священником Христа Иисуса», старопечатная брошюра без проставленного года, которую мы, однако, можем смело отнести к 1599 году; «Суд над мастером Даррелом, или Коллекция защиты против» обвинения, 1599 [535], и оскорбительный труд Даррела «Опровержение греховных, позорных, лживых и достойных осмеяния выпадов Самуэля Харснета», 1600. Существуют некоторые аллюзии на этот скандал у современных английских драматургов. Так, Джонсон в пьесе «Дьявол – осел», поставленной в 1616 году (V, 3), пишет:

*Но легче всего, сэр, вот что сделать.
Слегка шипеть, глазами вращать
И пену изо рта пускать. Понадобится обмылок –
Намажьте-ка им губы, затем ореховая скорлупа,
Нажмем один лишь пальцем ноги на огниво – и вот огонь пыла-
ет.*

*Да вы и сами, сэр, читали о проделках мальчиша Даррела,
С мальчишкою из Бартона и с той семеркой из Ланкашира,
И с Сомерсом из Ноттингема. Наука там большая,
Легко нам будет доказать, что вас жена околдовала.*

Вероятно, в своих книгах Харснет является исключительно рупором идей, принадлежащих Бэнкрофту [536], чье мнение имело вес немалый, поскольку в 1604 году он стал архиепископом Кентерберийским. Но Харснет мог и сам постоять за себя. Этот священник был как будто предназначен для занятия высоких должностей. В качестве мастера Пенброк-холла, вице-канцлера Кембриджского университета, епископа Чичестерского, епископа Норвичского и, наконец, архиепископа Йорк-ского [537], он был одной из влиятельнейших фигур эпохи. Кроме того, его взгляды являются не просто личным мнением частного человека, а позицией видного лидера англиканской церкви. Бэнкрофт, последовательно преследовавший католиков, похоже изучил большое количество материалов, затем переданных им Харснету. То т в 1603 году выступил с нападками на священство, в частности, и, вообще, на все сверхъестественное в своей книге, вышедшей под названием «Сообщение о вопиющем обмане папистов» [538]. Эта жесткая и неумная полемическая книга с тяжеловесными шутками и сомнительным юмором являла из себя достойную сожаления профанацию. Читая книгу, создается впечатление, что автор сам занимается раздражением своей язвы. Впечатление отвратительное. Впрочем, в силу своей насильственной природы сей труд обладает определенными достоинствами. Являясь плодом мысли взбешенного церковника, эта книга пронизана оглушающими поношениями, выдуваемыми кожаными легкими и произносимыми хриплым голосом. С точки зрения здоровой аргументации, как набор аргументов, которые могут быть использованы в дискуссии, книга абсолютно ничтожна и забыта. Тем не менее, с исторической точки зрения Харснет и Бэнкрофт важны, поскольку второй из них является автором или по меньшей мере вдохновителем прошедших через все синоды однажды принятых канонов, известных, как каноны 1604 года, пункт 72-й которых утверждает: «Никто из священников не должен... без разрешения или приказа епископа... пытаться предпринимать какие бы то ни было действия, если кто-либо будет одержим или станет подвергаться нападе-

ниями со стороны демонов, то не должен изгонять их ни постом, ни молитвой под страхом обвинения в мошенничестве или обмане и отлучения от священства».

Целью этого пункта являлось сохранить ситуацию, существующую *de facto* в англиканской церкви [539]. Вообще, вопрос об экзорцизме, столь тесно связанный с другими положениями христианской доктрины, вызвал острые разногласия. Лютеране сохранили экзорцизм в ритуале крещения и были достаточно постоянны и настойчивы в изгнании бесов из одержимых. Мартин Лютер сам четко осознавал и верил в материальность противостоящего зла. В замке Вартбург до сих пор показывают черное пятно, оставшееся в комнате, где Лютер запустил в дьявола своей чернильницей. Слабоумные, слепые, немые, идиоты очень часто считались одержимыми демонами; буйнопомешанные были одержимы, безусловно, доктора могли объяснять их состояние природными болезнями, но доктора эти были людьми невежественными, они не знали власти и силы Сатаны. Многие несчастные, которые, как казалось, было доказано, совершили самоубийство, в действительности были одержимы Врагом и удушены им. Дьявол мог зачинать детей; не общался ли с одним из них сам Лютер [540]. Однако в конце XVI столетия развернулась бесконечная и бесперспективная борьба между сторонниками экзорцизма и швейцарскими и силезскими сектами, которые полностью отрицали обряд экзорцизма [541], считая его действительным только на первом этапе христианства или пытавшимися объяснить содержание Библии с чисто рационалистических позиций. Для Англии обряд экзорцизма при крещении известен из Первого Молитвенника 1549 года, но в 1552 году по настоянию Мартина Букера он был оттуда выведен. При Елизавете усиливающееся влияние Цюриха и Женевы, к этим центрам англичане питали глубочайшее уважение, привело к полному исключению обрядов экзорцизма в любом виде. Это невероятное нововведение было многократно подтверждено в сборниках «Апологии», «Защиты» Джевела и его последователей.

Чтение книги «Сообщение о вопиющем обмане папистов»

Письмо архиепископа Паркера от 1574 года [542], в котором упоминается о раскрытом мошенничестве двух девиц, Агнессы Бриджес и Рэйчел Пайндер [543], указывает, что он весьма скептически относился к самой возможности одержимости, и его наследник, твердый кальвинист Витгифт, придерживался, безусловно, того же мнения.

В 1603 году пять клириков предприняли попытки произвести экзорцизм в случае Мэри Гловер, дочери купца с Тэмз Стрит, которая, как полагали, стала одержимой, будучи околдованной некой Елизабет Джексон. Джон Сван, «знаменитый проповедник Евангелия», возглавил это дело, которое произвело тогда немалый шум. Пуританам, естественно, хотелось продемонстрировать свою власть над дьяволом, и они ухватились за такую возможность, когда она замаячила у них перед носом. Сван не преминул уведомить о своем предполагаемом триумфе в книге *«Правдивый и Краткий Отчет о случившемся с Мэри Гловер и о том, как была она освобождена через пост и молитву»*, 1603; более того, после ее освобождения он взял ее домой в качестве служанки, «дабы Сатана вновь не одержал над ней верх». Старая матушка Джексон была осуждена сэром Джоном Круком, регистратором Лондона, и затем верховным судьей, сэром Эдмундом Андерсоном, к четырехкратному стоянию у позорного столба и году тюремного заключения. К несчастью для предполагаемых экзорцистов и их притязаний, король Яков, отличающийся подозрительностью, послал своего доктора Эдварда Джордена исследовать девушку, и тот пришел к выводу, что она просто обманщица. Не приходится сомневаться, что пуритане отлично подготовили ее к этой роли. Доктор Джорден сообщил об этом деле в своем памфлете *«Краткое описание болезни, именуемой Удушение от матушки, написанное по поводу обстоятельств, изначально предполагавших возможность одержимости злыми духами»*, Лондон, 1603. Проповедники были весьма разочарованы, и один из них по имени Стивен Бредвелл решил вступить за экзорцизм, написав едкий ответ Джордену, который, однако, оказался бесполезным, потому что его так и не удалось опубликовать [544]. Вполне возможным представляется, что это дело повлияло на Бэнкрофта, писавшего 72-ю статью канона 1604 года.

Фрэнсис Хатчинсон в своем *«Историческом эссе о ведовстве»* (1718) [545] сомневается, давал ли какой-либо из англиканских епископов разрешение на проведение экзорцизма кому-либо из клириков и действительно, случай, о котором повествует доктор Ф. Дж. Ли [546], сообщающий, что епископ Сет Вард из Эксете́ра сам подписал разрешение на экзорцизм и заверил его своей печатью в январе 1665 года, уникален. Экзорцизм должен был провести преп. Джон Раддл, викарий Элтернона. Впрочем, и здесь с трудом можно говорить об экзорцизме в традиционном смысле. М-р Раддл сообщает в своем дневнике, что на пустынном поле, принадлежащем приходу Малого Петрика [547], молодым человеком лет шестнадцати, сыном некоего м-ра Блая, было замечено видение. Дух Дороти Дюран, умершей за шесть лет до этого, стал являться мальчику на том же самом месте, которое ему приходилось проходить по пути в школу, столь часто, что он заболел и рассказал о своих страхах семье. Та м его высмеяли и затем стали бранить, видя, что насмешки не действуют. Наконец, послали за м-ром Раддлом с тем, чтобы он излечил его от этой глупости. Викарий, однако, сразу разобрался, что молодой Блай говорит правду, и сходил вместе с ним на поле, где они вдвоем увидели призрак, точно так, как ранее его описывали.

Немного спустя м-р Раддл посетил Эксетер с тем, чтобы побеседовать с епископом и получить разрешение на экзорцизм. Епископ, однако, спросил его: «Почему вы думаете, что я имею право и власть дать вам такое разрешение? Как вам известно, наша Церковь отказалась от принадлежавших ей некогда прерогатив в силу того, что невежество злоупотребляло ими». М-р Раддл процитировал каноны 1604 года, и это удовлетворило прелата, позвавшего своего секретаря и немедленно подписавшего состав-

вленный тем документ, «так что все дело было быстро улажено». Но сей достойный викарий не ушел, пока не получил от епископа весьма характерное внушение о необходимости быть осторожным: «Пусть это будет секретом, м-р Раддл, – Слабое братство! Слабое братство!» В дневнике викария описывается, каким образом боролись с сиим духом. Любопытно, что был начертан магический круг и пентакль на земле, а в дальнейшем использовался рябиновый жезл или посох. Упоминается о некоем «свитке на пергамене», викарий произносил что-то на сирийском и обращался к духу «как требовали книги»; он «произнес и выполнил все необходимые формы для освобождения духа, как они были записаны в моем меморандуме», и затем «посредством известных ритуалов я освободил потревоженный призрак». Интересно было бы узнать, какие именно формы и церемонии предписал епископ. Не похоже, что они соответствовали деталям католического обряда экзорцизма. Более это смахивает на некий магический ритуал, приправленный разными суевериями. Из того, что сообщается, маловероятно, что данный экзорцизм мог увенчаться успехом.

Хотя экзорцизм и не признавался протестантами, существуют сообщения, что простые англичане обращались с просьбами о проведении этого обряда к католическим священникам. В апреле 1815 года отец Эдвард Пич из Мидленда получил просьбу посетить молодую замужнюю женщину по фамилии Уайт из Кинг'з Нортон в Ворчестершире. Она страдала уже два месяца некоей странной болезнью, которую врачи ни могли ни определить, ни тем более вылечить. Ее сестра сообщила, что молодой человек весьма скверной репутации, чью руку отвергли, поклялся отомстить и обратился за помощью к известному колдуну из Дадли с тем, чтобы причинить ущерб. Как бы там ни было, несчастная девушка находилась на пороге смерти; день и ночь она бредила о духах, которые издеваются над ней и мучают ее, грозятся унести ее тело и душу и советуют покончить жизнь самоубийством, так как нет другого пути спастись от них. Клирики прихода посетили ее и помолились с ней, но без особого успеха. Случилось так, что ее няня, бывшая в том же доме и исповедовавшая католичество, ужаснувшись бреду своей воспитанницы, достала бутыль со святой водой и опрыскала ей комнату и кровать. Несколько капель попали на больную, которая стала кричать душераздирающим голосом: «Ты ожгла меня! Ожгла меня!» Пароксизм быстро прошел, и впервые за много недель пациентка стала вести себя спокойнее. После некоторого улучшения в течение 48 часов она стала страдать от жестоких конвульсий, и ее родственники в великой тревоге во вторник, 2 мая 1815 года, послали человека просить отца Пича немедленно прийти. Когда появился священник, девушку удерживали в постели две женщины, причем им приходилось прикладывать всю свою силу. Как только она увидела священника, хотя узнать его она не могла, поскольку он был в гражданской одежде, а раньше она его не видела, ее попытки освободиться стали столь неудержимыми, что к женщинам должен был присоединиться ее муж. Затем она стала казаться полностью истощенной, и отец Пич, отпустив остальных, имел с ней серьезную и долгую беседу. Он быстро пришел к убеждению, что имеет дело с классическим случаем одержимости, и его свидетельство, тщательно изложенное и выверенное, не оставляет сомнения в том, что эта болезнь не может быть объяснена причинами натуральными. В ходе разговора выяснилось, между прочим, что девушка не была крещена. Были даны простые наставления и, найдя ее вполне подготовленной, отец Пич немедленно крестил ее. Во время причастия она дрожала, как лист, когда же на нее была пролита вода, она стала моргать и ее охватила кратковременная агония. Впоследствии она со-

общила, что боль, которую она испытала, была подобна той, как если бы на нее пролили кипящую воду. И немедленно воспоследовали весьма заметные перемены в ее здоровье и настроении; ее муж и сестра возрадовались и полагали произошедшее несомненным чудом. На следующий день ее вновь посетил отец Пич и обнаружил, что она быстро поправляется. Не считая незначительной слабости, казалось, что силы ее совершенно восстановлены, и, спустя год от момента, когда он начал вести свои заметки, сей достойный священник сообщает, что не было ни малейшего рецидива, ни каких бы то ни было симптомов возвращения ее ужасной болезни.

В издании «*The Sunday Express*» от 11 октября 1925 года появилась статья под заголовком «Злой дух вселяется в девушку», рассказывающая о событиях весьма необычайных. Позволим себе цитату:

«Быть одержимой в течение двенадцати месяцев и даже более неким духом, называемым полтергейст, доведенной до состояния, граничащего с безумием, угрожаемой остаться навеки в больнице для душевнобольных, и наконец излеченной группой индусов, вот что уготовила судьба 19-летней девушке по имени Гвиннет Морли, живущей с овдовевшей матерью в Кейли и работающей ранее на мельницах, принадлежащих господам Хею и Райту».

Об этих феноменах стало известно сэру Артуру Конан Дойлу, который сообщил о них м-ру Хьюиту МакКензи. В результате девушка была доставлена в Лондон на психиатрическое освидетельствование. М-р МакКензи был, кстати сказать, «почетным членом Британского колледжа психических наук», института, который полагал себя «самым экипированным центром для изучения психических явлений в Британии», и проводил «лекции по практическому исцелению», «сеансы публичного ясновидения», «Малую выставку значимых водяных красок... изображающих развитие Души и повествующую о том, чему свидетелем становится Душа в обителях небесных». Другими словами, «колледж» был центром проведения спиритических сеансов.

Гвиннет Морли работала в семье м-ра МакКензи в течение трех месяцев «в качестве служанки и находилась под пристальным наблюдением, получая соответствующее психиатрическое лечение.

День за днем удивительные проявления ее страдающего духа становились все более очевидными. Между фазами новолуния и полнолуния состояние ее ухудшалось. Все вещи в комнате, где пребывала Гвиннет, падали или ломались. Столы поднимались в воздух и переворачивались, стулья разлетались на куски, книжные полки переламывались, и массивные диваны меняли свое положение.

В кухне дома на Холланд Парк приготовление еды в присутствии Гвиннет превращалось в безнадежное предприятие. Вода выплескивалась из всех сосудов, куски мяса оказывались разбросанными по полу.

В другой раз, когда Гвиннет была на кухне, кухарка, приготавливавшая грейпфрут на завтрак для хозяев, обнаружила, что половина грейпфрута исчезла и не может быть найдена ни на кухне, ни в буфете. Тогда она взяла два банана и положила их на стол перед собой; немедленно прямо у ее уха просвистел исчезнувший грейпфрут и упал перед ней, а бананы исчезли. Спустя десять минут, они были найдены на столе в буфетной.

В это время с Гвиннет работали эксперты в области психиатрии. Каждую неделю она садилась за стол с мистером и миссис МакКензи и другими. Было обнаружено, что она легко поддается гипнозу и что столы двигаются по направлению к ней, обра-

зую нечто вроде круга.

В некоторых случаях во время излечения полтергейст, казалось, менял свои проявления. Как-то вечером после исключительно тяжелого дня миссис Баркел магнетизировала больной голову и таким образом успокоила ее. Миссис МакКензи посоветовала ей идти спать, сказав: «Когда лежишь в постели, по крайней мере, ничего не происходит». Та стала подниматься по лестнице, и в это время маленький столик и металлическая ваза упали с оглушительным треском. Немного спустя раздался ужасный шум из комнаты Гвиннет. Войдя в комнату, миссис МакКензи увидела, что та выглядит, как если бы через нее пронесся торнадо.

После активной фазы, продолжавшейся с 21 по 25 июня, дух редко проявлял себя вплоть до 1 июля, когда у девушки случился припадок. Она неожиданно упала со стула, пальцы ее были сжаты в кулак. Ее положили на кровать и тогда с ней произошел второй припадок. Она с большой силой сжала себе горло.

После этого вечера ничего подобного больше не происходило и не было никаких беспокойств».

Предполагалось, что этим излечением больная обязана прежде всего медиуму миссис Баркел.

«Во многих случаях миссис Баркел подвергала Гвиннет гипнозу или использовала ясновидение, описывая больных родственников, друзей и случаи из прошлой жизни девушки, причем Гвиннет неизменно подтверждала ее информацию.

Миссис МакКензи рассказывала, что можно было ощутить присутствие одного близкого родственника девушки, неразумно растратившего свою жизнь и сильно пившего. Девушка боялась и ненавидела этого человека как до, так и после его смерти и часто ощущала его присутствие в моменты ясновидения до своей болезни. Под охраной сопутствующего духа миссис Баркел мистер МакКензи вошел с ним в контакт и тот обещал давать советы с тем, чтобы улучшить состояние девушки.

Дух попросили, чтобы он воздерживался от контакта с девушкой, пока его самого об этом не попросят. «Профессор J» с той стороны заинтересовался этим делом. Мистер МакКензи сказал, что группа индусов, иногда помогающих в таких делах, может заняться делом Гвиннет и защитить ее от враждебных влияний.

На следующий день миссис Баркел описала индуса, пришедшего на помощь, и с этого момента в состоянии девушки наметились улучшения. «Профессор» помогал лечению своими советами и сообщил мистери МакКензи, что через несколько недель с помощью индусов он поместит медиума в совершенно новое психическое состояние. Мистер МакКензи сообщает, что обещание было исполнено».

Я привел эту достаточно длинную цитату в силу известности, которую получил инцидент благодаря газетам. Я не вижу причин сомневаться в истинности изложенных здесь фактов. Любой священник, в обязанности которого входит распознавать подобные феномены, немедленно признал бы здесь одержимость. Та к же я уверен в том, что интерпретация, данная фактам, совершенно не верна. Ясновидение – это игра с огнем, я бы даже сказал, с адским огнем, тех, кто не в силах понять, чем он, собственно, занимается и какие силы в слепоте своей призывает. «Профессор J» и «группа индусов», все эти «друзья с той стороны» представляют из себя злобные или по меньшей мере весьма подозрительные разумы, маскирующиеся под духов света и добра. Если девушке действительно стало лучше после наваждений, то, очевидно, за этим скрывается некая тайная цель; речь идет о секретных планах темных сил, цель кото-

рых заключается в том, чтобы завоевать доверие людей недалеких. Этой девушке следовало бы пройти обряд экзорцизма у заслуживающего доверия опытного священника. Жалкие любители ни в малейшей степени не представляют, сколь великий ущерб они могут принести, и чем они рискуют. Человек более прямой, такой, как Гваццо, легко нашел бы емкие слова, чтобы заклеить подобные действия в таких выражениях, которые я не решаюсь здесь употребить.

В Иллфурте, пятью милями южнее от Мюльхаузена в Эльзасе стоит памятник, представляющий собой каменную колонну высотой 30 футов, увенчанную статуей, символизирующей Непорочное Зачатие. На постаменте колонны сохранилась следующая надпись: «*In memoriam perpetuam libertationis duorum poss-essorum Theobaldi et Josephi Burner, obtentae per intercessionem Beatae Mariae Uirginis Immaculae, Anno Domini 1869*».

Жозеф Барнер [548] и его жена, Анна Мария, были бедными, но достаточно образованными людьми, пользовавшимися всеобщим уважением и даже служившими в плане честности и усердия примером для своих односельчан. В семье было пятеро детей, старший сын Тибо родился 21 августа 1855 года, второй, Жозеф, 29 апреля 1857 года. Это были достаточно тихие парни среднего уровня развития. Когда им исполнилось по восемь лет, их послали учиться в местную начальную школу. Осенью 1864 года обоими овладела таинственная болезнь, которую нельзя было излечить обычными средствами. Доктор Леви из Альткирха, которого позвали установить причину происходящего, признал себя совершенно бессильным, также и многие другие медики, которых призвали на помощь, оказались не в состоянии диагностировать болезнь со столь необычными симптомами. С 25 сентября 1865 года оба мальчика стали демонстрировать паранормальные феномены. Так, лежа на спине, они неожиданно начинали крутиться как заведенные с необычайной быстротой. Их одолевали конвульсии, причем члены их тела двигались по странной траектории в полном несоответствии друг с другом. Иногда тела их в течение нескольких часов становились совершенно неподвижными, также нельзя было согнуть их в каком-либо сочленении. Эти припадки часто сопровождались тяжелейшими приступами рвоты. Иногда в течение нескольких дней они не могли вымолвить ни слова и лишь издавали нечленораздельные звуки или мычали, глаза у них при этом светились, иногда они становились совершенно глухими, так что даже стрельба под ухом не производила на них ни малейшего впечатления [549]. Часто они становились необычайно возбужденными, дико жестикулировали и непрерывно что-то выкрикивали. Голоса их при этом совершенно меняли свой тон и производили впечатление и вовсе не детских голосов, но принадлежащих взрослым, видимо, свирепым и грубым мужчинам. Часами они могли богохульствовать, употребляя самые непроизносимые слова и проклятия, причем такие, что соседи в ужасе разбегались, не в силах вынести таких сцен, а родители не знали уже, к кому тут можно обратиться за помощью. Бедные дети не только использовали язык, какой можно услышать разве в трущобах, но и говорили вполне связно и быстро отвечали на разных языках: на латыни, французском, английском и даже на разных диалектах испанского и итальянского языков, которые они никак не могли знать. Также они нигде не могли услышать речи на этих языках и подсознательно их усвоить.

Известен случай, когда заболевшая служанка, девушка малообразованная, во время бреда бормотала нечто на языке, который был опознан как сирийский. Это вызва-

ло удивление, но скоро стало известно, что она была в услужении в доме, где квартировал студент-богослов, который накануне экзамена расхаживал по всему дому и повторял сирийские корни и словосочетания. Служанка могла их слышать, и подсознательно они зафиксировались в ее мозгу. Но подобное объяснение совершенно исключено в случае Тибо и Жозефа Барнеров, поскольку они не просто использовали отдельные слова и фразы одного или двух языков, а легко поддерживали совершенно логичную беседу на нескольких языках и даже диалектах. Эта способность всегда считалась одним из основных признаков демонической одержимости, как было записано в третьем пункте «*De Exorcizandis Obsessis a Daemonio*»: «3. In primis, ne facile credat, aliquem a daemonio obsessum esse, sed nota habeat ea signa, quibus obsessus dignoscitur ab iis, qui uel atra bile, uel morbo aliquo laborant. Signa autem obsidentis daemonis sunt: ignota lingua loqui pluribus uerbis, uel loquentem intelligere; distantia et occulta patefacere; uires super aetatis seu conditionis naturam ostendere; et id genus alia, quae cum plurima concurrunt, maiora sunt indicia». Более того, как Тибо, так и Жозеф Барнеры многократно и в точнейших деталях описывали события, которые происходили на значительном расстоянии, и при расследовании, произведенном впоследствии, оказалось, что рассказы их совершенно соответствовали действительности. Также аномальной была их сила, и часто в то время как тела их содрогались от конвульсий, были необходимы усилия трех здоровых мужчин для того, чтобы удерживать кого-либо из ребят, коим было соответственно девять и семь лет.

Внимание было обращено на то, что с самого начала этой болезни, когда пациенты страдали от особенно тяжелых припадков, их здоровье значительно ухудшалось, если неподалеку присутствовало что-либо из предметов, освященных в церкви, вроде медалей, или святой воды, или четок. В особенную ярость приходили они при виде медали св. Бенедикта или изображений Богородицы Утешительницы Всех Скорбей. В одном случае Игнатий Спийе, человек исключительной религиозности, держал перед их глазами мощи св. Жерара Майеллы [550], искупительного чудотворца, и тогда крики детей стали поистине ужасными и наконец перешли в совершенно нечеловеческие стоны и всхлипы отчаяния. Случилось так, что процессия Тела Христова проходила мимо дома, и напротив его был воздвигнут временный алтарь. Дети в то время находились в постели, ничего об этом не знали и казалось находятся в глубоком ступоре. Однако, как свидетельствуют очевидцы, в то время когда частицы Святого Причастия оказались неподалеку от дома, они стали вести себя неопишуемым образом. Они стали ругаться наигрязнейшими словами, произносить святотатственные речи, тела их принимали самые неестественные положения, глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц, затем неожиданно к ним вернулось самообладание, и они уползли в дальние концы комнаты, скуля, стеноя и изрыгая рвотные массы, как если бы были в предсмертной агонии. Кроме того, иконы и медали с изображением Богородицы и призывы Ее Святого Имени приводили одержимых в неконтролируемую ярость. При каждом упоминании «Великой Госпожи», как они ее называли, они начинали сыпать проклятиями и выть столь ужасно, что всех, кто мог их слышать, буквально охватывала дрожь от страха.

Аббат Шарль Брей, священник прихода в Иллфурте, быстро пришел к выводу о дьявольской природе этих феноменов. Речь, безусловно, шла об одержимости, поскольку происходящее не поддавалось объяснению каким-либо иным образом. Соответственно он послал к своему епископу монсеньору Андреасу Рассу (1842 – 1887) по-

слание, в котором давался полный отчет об этих экстраординарных и внушающих ужас событиях. Епископ был, однако, отнюдь не уверен, что происходящее нельзя объяснить естественным образом. Прошло три или четыре года, прежде чем он решил провести специальное церковное расследование. Для этой цели он выбрал трех умелых теологов, монсеньора Штумпфа [551], директора Большой страсбургской семинарии; монсеньора Фрайбургера, генерального викария диоцеза; монсеньора Сестера, ректора Мюльхаузена. Эти священники неожиданно появились в доме Барнеров утром в четверг, 13 апреля 1869 года в 10 часов. Было обнаружено, что Жозеф Барнер успел спрятаться и лишь после продолжительных поисков его удалось извлечь из-под кровати, где он пытался найти убежище. Тибо совершенно не реагировал на присутствие незнакомцев. Исследование продолжалось более двух часов, так что комиссия покинула дом уже после полудня. За это время они стали свидетелями самых удивительных сцен, так что склонились к тому, чтобы признать реальность факта одержимости. Они быстро составили отчет для епископа, который только после этого позволил убедить себя фактами.

Те м не менее, этот прелат предпринял новые меры предосторожности. В начале сентября 1869 года Тибо вместе со своей несчастной матерью был доставлен в приют св. Карла в Шилтигхейме, где и содержался, пока все дело было заново исследовано монсеньором Раппом, монсеньором Штумпфом и отцом Эйкером, главой общины иезуитов в Страсбурге. В то же время отец Гаузер, капелан церкви св. Карла, и отец Шранцер, известный ученый и психолог, наблюдали тайно, но пристально за мальчиком.

Было решено перейти к экзорцизму, и священник, обладавший огромным опытом, отец Соке был направлен епископом для совершения торжественного ритуала. В два часа дня в воскресенье, 3 октября, Тибо был принудительно доставлен в часовню св. Карла, чего он ранее отчаянно пытался избежать. Когда же его заставляли туда войти, он начинал бесперерывно испускать громкие крики, так что приходилось его оттуда немедленно выводить во избежание скандала и нанесения морального ущерба присутствующим там воспитанникам. На этот раз, однако, мальчика держали аббаты Шранцер и Гаузер, и им помогал Шарль Андре, местный садовник, мужчина силы недюжинной. Несчастный стоял на ковре, разложенном перед оградой престола, его лицо было повернуто к дарохранительнице. Он стал стремиться вырваться от тех, кто его удерживал; лицо его приобрело ярко-красный оттенок, глаза были закрыты; из его раздутых и воспаленных губ стекал настоящий поток желтой пены, которая падала большими сгустками на пол. Началась Литания, и при словах «*Sancta Maria, ora pro nobis*» ужасный вопль вырвался из его глотки. Экзорцист продолжал как ни в чем не бывало читать молитвы и Евангелия согласно Ритуалу. Тогда одержимый стал богохульствовать и издеваться над их усилиями. Было решено продолжить церемонию на следующий день. На этот раз Тибо был одет в смиренную рубашку и привязан к креслу, около которого, как и раньше, расположились трое его стражей. Злой дух стал реветь и выть басом, подняв ужасающий шум; члены мальчика изгибались, но от уз он освободиться не мог; лицо его приняло синевато-багровый оттенок, изо рта обильно текла слюна. Уверенным голосом священник обратился к демону; он держал перед глазами его распятие, и затем заставил его смотреть на статую Богородицы со словами: «Дух нечистый, изыди во имя Непорочного Зачатия! Она тебе повелевает! Ты должен подчиниться! Ты должен уйти!» Ассистенты встали на колени и с усердием

повторяли «*Memorare*», когда раздался последний вопль ужасной агонии, а мальчик содрогнулся в кресле и затем застыл в полной неподвижности. Где-то через час он очнулся и стал оглядываться, не понимая, как мог он здесь оказаться. «Где я?» – спросил он. «Знаешь ли ты, кто я?» – спросил его аббат Шранцер. «Нет, отче, не знаю», – услышал он в ответ. Через несколько дней Тибо смог вернуться домой, слабым и разбитым, но все же счастливым. Обо всем, что произошло в эти ужасные годы, он не имел ни малейшего представления. Он вернулся в школу, и с тех пор вел себя совершенно в пределах нормы.

Жозеф, состояние здоровья которого постоянно ухудшалось, был изолирован от своего брата в ожидании экзорцизма. 27 октября он был разбужен рано утром и доставлен к часовне илльфуртского кладбища. Присутствовали лишь его родители, монсеньор Игнатий Спие, профессор Лахман и несколько свидетелей. Акт экзорцизма решили провести в приватной обстановке. В шесть часов аббат Шарль Брей отслужил мессу, после чего стал отчитывать экзорцизм над мальчиком. В течение трех последующих часов они возобновляли молитвы и призывы к Господу, пока, наконец, некоторые из присутствующих не усомнились в успехе всего предприятия. Но их удерживала неугасимая вера священнослужителей, и вот! – из горла мальчика раздался громкий хрип, и он стал бороться с удерживающими его в пароксизме сдерживаемой до этого ярости, затем завалился на спину и застыл без движения. В скором времени он открыл глаза, сел, имея при этом вид человека, только лишь пробужденного ото сна, и был несказанно удивлен, обнаружив себя в церкви, окруженным странными людьми.

Ни Тибо, ни Жозеф никогда не имели рецидива этой странной болезни. Первый из них умер в возрасте 16 лет 3 апреля 1871 года. Жозеф умер в Циллисхайне в 1882 году в возрасте 25 лет.

Еще более современный случай одержимости, который подвергся детальному изучению, похож на предыдущий во множестве деталей [552]. Елена-Жозефина Пурье, дочь ремесленника, отец ее был каменщиком, родилась 5 ноября 1834 года в Куллоне, маленькой деревне где-то в десяти милях от Жьена в дистрикте Луары. Будучи совсем еще юной, она поступила ученицей к м-ль Жюстине Бестон, владелице ателье, и скоро стала довольно искусной в обращении с иглой и умелой швеей. На нее обращали внимание в силу ее скромности и религиозности, и она высоко ценилась священником прихода М. Пресле, человеком большой духовной трезвости и весьма проникательным. В ночь на 25 марта 1850 года она была внезапно разбужена странными постукиваниями, вскоре перешедшими в громкие удары по стенам чердака, где она спала. В ужасе она побежала в комнату своих родителей, и они вернулись вместе с ней, чтобы обыскать помещение. Найти ничего не удалось, и Елену убедили вернуться в кровать. Родители девушки, хотя и считали, что нет причин для беспокойства, тоже слышали странные шумы. «С этого момента, – рассказывает М. Пресле, – жизнь Елены, проходившая в ужасных физических и моральных страданиях, стала сопоставима с житием св. Иова» [553].

Эти явления, свидетелем которых стала Елена Пурье, сопоставимы со знаменитыми «Рочестерскими постукиваниями», феноменом сходного характера, произошедшим в Гидесвилле в 1848 году в доме семейства Фокс, – событие, которое многими авторами расценивается, как начало всемирно известного движения спиритизма, или, как его еще называют, спиритуализма. [554]

Спустя несколько месяцев, Елена упала на землю и застыла там, как если бы ее удерживали чьи-то сильные руки. После нескольких попыток она смогла встать, но вновь упала. Сначала врачи думали, что у нее был эпилептический припадок, конвульсии или приступ неизвестной болезни. Но после того, как ее осмотрел местный врач, доктор Азема, он сказал: «Никто, кроме священника, не сможет вас излечить». С этого момента нарушения психики и физические болезни стали прогрессировать с беспрецедентной скоростью. «Ее физические и ментальные страдания, начавшиеся 25 марта 1850 года, продолжались до ее смерти 8 января 1914 года. Но признаки демонической одержимости прекратились в 1897 году. Дьявольские наваждения продолжались 47 лет, причем в течение 6 лет она была одержима» [555]. Это произошло в январе 1863 года и сразу стало совершенно очевидно, что ее страдания, спазмы и болезненные трансы имеют сверхъестественное происхождение. Аббат Бужар, архидиакон Орлеанский, побеседовал с ней и затем посоветовал направить ее к епископу, монсеньору Дюпенлу, а пока оставаться в монастыре Посещения Господня в пригороде, обещая, что комиссия богословов и докторов исследует этот случай. В четверг, 28 октября 1865 года, Елена появилась в монастыре, где ее тепло приняли. Бужар имел с ней непродолжительную беседу, и она получила разрешение посещать епископа без предварительного уведомления. Но в пятницу в конvente появился некий доктор, имеющий хорошую репутацию. Он провел исследование больной в течение 45 минут и затем информировал настоятельницу, что девушка совершенно безумна и ее следует немедленно отослать домой. Видимо, его доклад произвел впечатление на епископа, так как монсеньор Дюпенлу послал в монастырь письмо с указанием отпустить Елену, и она была перевезена обратно в Куллон, претерпев жестокое разочарование. Многие люди стали относиться к ней с подозрением, но в следующем 1866 году епископ, посетив Куллон во время апрельской конфирмации, соизволил побеседовать с ней, и эта беседа заставила его существенно изменить свое первоначальное мнение, а Бужар, увидевший ее в сентябре, заявил, что совершенно убежден в сверхъестественной природе демонстрируемых ею симптомов.

Наваждения самой ужасной природы теперь преследовали ее, и неоднократно она была на грани полного отчаяния и самоубийства. «С 25 марта 1850 года до марта 1868 года Елена страдала от наваждений, которые, таким образом, продлились 18 лет. Под конец этого периода она была в течение 13 месяцев еще и одержима. От этой двойной агонии ее освободили экзорцизмы, санкционированные епископом и проведенные в Орлеане 19 апреля 1869 года. Последовал перерыв в четыре месяца, пока с целями более чем благородными она не позволила демонам вновь проявить свою силу.

В конце августа 1869 года она приняла из рук Господа агонию и страдания новых наваждений и одержимости с тем, чтобы способствовать обращению в католичество генерала Дюкро. Когда он был обращен, ее освободили от страданий в Лурде 3 сентября 1875 года, причем излечение обеспечили 15000 пилигримов, собравшиеся там. Наваждения и одержимость в новых формах продолжались пять лет. В течение следующих сорока лет, которые прошли до ее смерти, она больше не была одержимой, но демоны продолжали на нее свои атаки, иногда непродолжительные, иногда крайне настойчивые и длительные. Все страдания она переносила и принимала наилучшим образом с тем, чтобы способствовать триумфу священников Господа. Почему дьявол преследовал ее так в течение 19 лет, и по какой причине она сама соглашалась на эти муки, от которых уже освобождалась в силу экзорцизмов, должно навеки остаться се-

кретом» [556]. Во вторник, 13 августа 1867 года, ее охватил порыв написать книгу, исполненную самых ужасающих богохульств против Господа и Его Матери, и, что еще более показательно, подписать кровью бумагу, согласно которой она передает тело и душу Сатане. После тяжелейшей борьбы Елена смогла преодолеть этот импульс. Скоро, 28 августа, надежный свидетель дважды видел, как она левитирует. Тут можно вспомнить левитацию медиумов во время спиритических сеансов. Сэр Уильям Крукс в «*The Quaterly Journal of Science*» за январь 1874 года сообщает, что «существует не менее сотни письменных подтверждений того, что м-р Хоум поднимался от земли». И еще он пишет о том же медиуме: «В трех случаях я видел, как он поднялся над полом комнаты».

В марте 1868 года стало очевидно, что бедная страдальца действительно одержима. С ней случались припадки жесточайших конвульсий; она внезапно приходила в бешеную ярость и глубоким хриплым голосом выкликала небывалые проклятья; если в ее присутствии произносились Святые Имена Иисуса и Марии, то она стискивала зубы и буквально выпускала пену изо рта; она не могла слышать слова «*Et caro Uerbum factum est*» без приступа неистовства, который проявлялся в дикой жестикуляции и несдерживаемом вое. Она подверглась допросу на латыни и отвечала на вопросы пространно и легко на том же языке. Дело привлекло значительное внимание, и граф де Моминьи сообщил о нем падре Пиквелло, редактору «*Civiltà Cattolica*», который поведал об этом св. Отцу. Папа Пий IX [557] проявил к ней немалую симпатию, даже направил послание, где рекомендовал ей вести себя с большой осторожностью и всячески избегать любого проявления любопытства со стороны непосвященных.

В феврале 1869 года во время допроса несколькими священниками Елена поведала множество необычайных деталей о деятельности сатанистских организаций. «Для того чтобы получить туда доступ, необходимо принести по меньшей мере одну освященную гостию и передать ее дьяволу, который, материализовавшись, видимо, председательствует на собрании. Неофит должен осквернить Святые Дары самым ужасным образом, оказать дьяволу унижительные знаки внимания и предаться с ним и с другими присутствующими мерзейшим совокуплениям. Тр и города – Париж, Рим и Тур являются центрами сатанистских ячеек» [558]. Она также сообщила о существовании группы дьяволопоклонников в Тулузе. Вполне очевидно, что простая крестьянка не могла располагать подобной информацией, детали же, которые она сообщала, были более чем правдоподобными.

В следующем апреле Елена была доставлена в Орлеан для исследования и проведения экзорцизма. Допросы проводил монсир Деброссе, советник по богословию в епархии, монсир Буже и монсир Малле, директор высшей семинарии. Они стали свидетелями ужасного кризиса; страдальца мучилась сильнейшими судорогами и спазмами; она была подобно дикому зверю; тем не менее, допросы продолжались. Монсир Малле беседовал с ней о спорных пунктах богословия и философии, используя то латинский, то греческий языки. Она бегло отвечала на обоих языках, ответы на его вопросы отличались ясностью и были по существу, предоставляя несомненное доказательство, что она находится под влиянием некой сверхъестественной силы. Двумя или тремя днями позже сам епископ присутствовал при подобном допросе и затем предложил монсиру Рою, преподавателю семинарии, провести экзорцизм. Вместе с ним выступили монсир Молле, священник прихода в Кулоне и монсир Гадуэль, генеральный викарий епархии. Две монахини и мадмуазель Пресле держали пациентку. В

последующие дни оказалось необходимым повторить ритуал пять раз. Последний раз крики несчастной Елены было страшно слышать. Она извивалась, извергала пену в пароксизмах ярости; она богохульствовала и всячески проклинала Господа, громко призывая силы ада; ей удалось освободиться от сдерживающих ее пут, и затем она принялась ломать всю мебель, до которой только могла достать, и делала это с силой нескольких мужчин. С великим трудом ее удалось связать заново до того, как был произведен серьезный ущерб. Наконец она дважды издала крик, подобный которому не был слышан от человека с начала времен, тело ее расслабилось, и после краткого периода, когда она пребывала без чувств, она как бы очнулась, спокойная и безмятежная, как после длительного отдыха. Время ее одержимости тринадцать месяцев, с марта 1868 года до апреля 1869 года.

Что касается второго периода одержимости, который начался 23 августа 1869 года и продолжался до 3 сентября 1874 года, то вряд ли стоит об этом подробно распространяться. Монсир Пресле пишет: «Второй приступ одержимости был, безусловно, много тяжелее первого; во-первых, по причине своей длины, если первый длился тринадцать месяцев, то второй – пять лет. Во-вторых, в ходе первой одержимости было даровано ей немало небесных утешений, но этого не скажешь о второй одержимости. В-третьих, страдания телесные, кои ей выпали во время первого периода, несравнимы с теми душевными муками, которые ей пришлось испытать в более позднее время» [559]. Полностью и окончательно она была излечена только в Лурде, во вторник, 3 сентября 1874 года. Из этого не следует, что в более поздний период ее жизни с ней не происходили вещи экстраординарные и даже сверхъестественные. После многих болезней, перенесенных в бодрости душевной, Елена приняла достойный конец на восьмидесятом году жизни, 8 января 1914 года, и похоронена на кладбище маленькой деревушки, в которой родилась и провела значительную часть жизни.

Здесь мы рассказали о женщине, обладавшей в необычайной степени даром медиума, и думается, что если бы предполагаемые предсказатели судьбы и маги, которые столь охотно предлагают свои услуги в современных спиритических журналах, хоть в малой степени осознавали, каким серьезным опасностям они подвергают тело и душу, используя свои способности и даже просто ими обладая, то они бы как могли избегали любого оккультного опыта, дабы не стать им добычей сил, действующих столь умело, что могут они подвергнуть тело и душу человека несказанному страданию и повергнуть их в тень горше, чем муки смертные.

Современное спиритическое движение, столь явно поддерживаемое многими учеными, постепенно распространяется внутри всех общественных классов и начинает серьезно влиять и порой заменять собою религиозные верования у честной и серьезно настроенной публики, плохо информированной или не получившей достаточного образования. В основе этого движения лежит представление о том, что души умерших ищут возможности для установления контактов с миром живых и действительно обретают этот контакт посредством медиумов, так что вполне возможно войти с ними в общение и побеседовать с дорогими нам людьми, покинувшими земной мир. Надо ли говорить о том, каким утешением эта доктрина представляется обездоленным потерей близкого человека, с какой готовностью они воспринимают такое учение и с какой энергией готовы они посвятить себя поиску контактов с, казалось, навсегда потерянными любимыми людьми, чьи голоса они жаждут услышать, чьи лица мечтают увидеть. Общеизвестно, что в ходе мировой войны [560] и сразу после нее количество

интересующихся спиритизмом десятикратно увеличилось; многие из тех, кто раньше потешались над спиритизмом, отказывались слушать что-либо на эту тему и почитали его полной ерундой, теперь влились в число его наиболее активных сторонников. Сказать по правде, мало кто из нас может отрицать, что подобные воззрения достаточно привлекательны. Кажется, что спиритизм полон оптимизма, радости, надежды и счастья обретения друзей. Он должен бы полностью перевернуть жизнь людей и изгнать нее всякое горе; спиритизм подобен бальзаму, пролитому на израненное сердце; это воистину божественное утешение; барьер смерти опрокинут; смерть лишена своего зловещего антуража.

Если бы и вправду могли мы призывать по нашей воле тех, кого любим, и беседовать с ними о вещах святых и вечных, если бы могли учиться у них мудрости, убедиться, что они по-прежнему нас любят, и в ответ мы могли бы показать, что и наша любовь к ним не уменьшилась, если бы вновь и вновь могли видеть лица близких, касаться их рук, если бы на все это была Божья воля, то спиритизм следовало бы счесть даром благословенным и даже священным, утешением отверженным, убежищем для отвергнутых, ярким светом над мрачными дорогами греховной земли, источником помощи для всех нас. Но, увы, существуют причины, и причины весьма серьезные, подозревать, что духи, с которыми при исключительных обстоятельствах и с помощью определенных приспособлений возможно общение, хотя часто и претендуют на то, что они наши умершие друзья или родственники, и поддерживают с немалой искусностью это впечатление, в итоге оказываются некими маскирующимися интеллектами, в ряде случаев великолепными актерами, которые ни разу, ни на одном сеансе не смогли убедительно продемонстрировать свою идентичность тому или иному лицу. Есть причины полагать, что призванные духи обманывают тех людей, которым необходимо общение с сыном или мужем, погибшим в битве, ради неких собственных целей, ибо они, несомненно, лжецы, их послания тривиальны, двусмысленны, загадочны, не подлежат проверке, оскорбительны. Итак, не достаточно ли этих причин, чтобы окончательно убедиться, что духи эти никогда не имели никакого отношения к умершим родственникам, обращающихся к медиуму, а принадлежат к невоплощенным нечистым духам, демонам, и, соответственно, спиритизм представляется делом грязнейшим, ненавистным и проклятым, в высшей степени опасным и навлекающим гнев Божий на тех, кто им занимается.

Медиумы, которые по своей воле открывают двери в наш мир, приглашая этих духов, в первую очередь подвергаются серьезнейшей опасности. Спирит с многолетним стажем, осознавший эту угрозу и отказавшийся от своих опытов, написал следующее: «Общение с духами скоро начинает занимать все время, привлекает к себе все надежды и страхи своих адептов, и в этом заключается серьезнейшая опасность спиритуализма. Под влиянием своих контактов с обитателями невидимого мира медиум теряет интерес к вещам из мира повседневного. Он оказывается в окружении, привлекательном и завлекающем. Реальность плотского мира исчезает за пределами мира снов, и очень нелегко освободиться из столь привлекательного состояния, независимо от того, какие иллюзии наводят духи на спирита. Сознание его становится столь зачарственным, как если бы его прижгли раскаленным железом, грех теряет для него свою горечь, его легко обманывают незримые сущности, которые, видимо, получают удовольствие от возможности осуществлять контроль над человеком. Крайне редко закоренелый спирит может осознать необходимость и благословенность религии Ии-

суса Христа и выйти из греховного состояния, в которое он впал...

«Около трех месяцев я находился под властью духов и жил двойственным существованием, испытывая великие муки от их противоречивых и непонятных приказов... Они пытали меня крайне безжалостно, и я пожелал освободиться от них. Я потерял большую часть моего изначального доверия к ним, так как их богохульства и нечистота были поразительными. Те м не менее, они оставались моими постоянными компаньонами. Я не мог избавиться от них. Они предлагали мне совершить самоубийство, настаивали, чтобы я убил кого-либо, втягивали в иные грехи. Я был совершенно сбит с толку, введен в недоумение и не знал, что делать. Никто из людей не мог помочь мне. Духи заставляли меня совершать экстравагантные поступки, внушали мне веру в производимые ими иллюзии, причем объединяли религию и дьяволопоклонство причудливым образом» [561].

Сам я полагаю, опираясь на свой опыт, что вышеперечисленные симптомы неизменно проявляются у тех, кто испытывает интерес к спиритизму и чьей основной целью в жизни, кажется, становится присутствие на сеансах. Я видел, как проявляются все эти симптомы у людей, которые изначально обращаются к спиритизму главным образом для того, чтобы развлечься, от скуки и чистого любопытства, как скоро они начинают испытывать зависимость, подобную наркотической, и совершенно не могут представить себе свою жизнь вне подобных практик. Около пятнадцати лет назад в одном провинциальном английском городке сформировался круг, состоящий исключительно из друзей, которые решили поэкспериментировать с верчением столов, психометрией, планшеткой, доской для записи посланий от мертвых, магическим кристаллом и тому подобными вещами. Вероятно, они несколько утомились от обычного времяпровождения, танцев, концертов, бриджа, театра, вечеринок и прочих скромных удовольствий, которые для многих составляют большую часть жизни. Им хотелось новых развлечений, чего-то, выходящего за пределы обыденности. Одна из них, дама, вернувшаяся из Лондона, участвовала там, судя по всему, в некоем спиритическом сеансе, и вернулась домой с рассказами о чудесах, которые она лицезрела и о которых ей рассказывали. Ощущение нового и незнаемого придало особый аромат ее рассказу о лондонских приключениях. Первые встречи новоявленных спиритов проводились нерегулярно, можно сказать, при случае, сначала в одном доме, потом в другом. Интервалы между ними были достаточно протяженными. Затем для них был выделен специальный день, проходили эти встречи по вечерам. Никто из членов этого сообщества по своей воле не пропустил ни одной из встреч. Очень скоро они стали встречаться дважды, затем трижды в неделю, и наконец, каждый вечер. К ним стали приезжать медиумы, некоторые из Лондона, некоторые из куда более отдаленных городов, для того чтобы продемонстрировать свои возможности.

Я сам встречался с двумя из этих экспертов, мужчиной и женщиной, имена которых я неоднократно встречал на страницах спиритических журналов, и надо заметить, что в обоих случаях я вынес самое неблагоприятное впечатление. Не то чтобы я заподозрил их в обмане, некоем вульгарном мошенничестве или позерстве. Напротив, они произвели впечатление людей вполне честных, убежденных в полезности и истинности получаемых ими результатов, и это было самое худшее. Итак, от простой увлеченности новой игрой, в которую они играли с немалой долей насмешки, вся компания пришла к настоящей одержимости этими практиками, они превратились в фанатиков, чьи мысли непрестанно крутились вокруг их общения с духами, они не

могли больше ни о чем говорить, жили только для того, чтобы проводить вместе спиритические вечера, когда, как им казалось, они оказывались в ином мире. Убеждения, просьбы, доказательства, официальные предупреждения – все было совершенно бесполезно. Можно было лишь стоять и смотреть на то, что происходит с этими людьми. Симптомы были совершенно те же, как в вышеописанном инциденте. В двух случаях личности мужчин подверглись полному разрушению; в другом случае женщина подверглась наваждению, иногда люди, ничего не звавшие о спиритических практиках участников сеансов, сообщали о том, что их знакомые ведут себя неадекватно, дают волю страстям, так что их следует доставить в психиатрическую больницу. Все они впадали в депрессию, совершенно исчезали их ранние увлечения, общение с людьми вне их круга было прервано, старинные дружеские связи разрывались без всяких причин, характер необъяснимо менялся к худшему, психическое здоровье терпело явный ущерб, лица участников сеансов становились белыми и как бы иссушенными, глаза уставшими и тусклыми, за исключением тех случаев, когда обсуждались вопросы, связанные со спиритизмом. Тогда в их глазах вспыхивали желтые неприятные огоньки. Появились слухи, в которых содержались намеки на дебоширства, богохульные речи, деградацию и всевозможные вольности участников сеансов. К счастью, в силу стечения обстоятельств круг спиритов оказался разорванным, некоторые его участники должны были уехать, двое других, что оказалось решающим, осознали смертельную опасность, которой они подвергались, и то, что продолжение сеансов было бы глупостью. Им предстояла нелегкая борьба для того, чтобы освободиться от контроля тех сил, которым они так неразумно поддались, воля их за то время ослабла, здоровье ухудшилось, неоднократно они возвращались на свои старые пути, порою готовы были сдаться. Но благодаря направляющей длани Церкви в конечном итоге души их были очищены.

Существует множество людей, разделяющих эти впечатления о спиритизме, даже если им не приходилось спасать и направлять этих заблудших, пойманных в ловушку спиритизма и тщетно пытающихся найти выход. Они знают, насколько сложна эта задача, известно им, сколь могучими и упорными могут быть силы зла, какие уловки могут они применять. Никто из тех, кто имел дело с бывшими спиритами, несчастными, пытающимися вырваться из тенет ада, не может относиться к спиритизму лояльно.

Спиритизм открывает двери демонической одержимости, часто индифицируемой в качестве лунатизма, что признают все непредубежденные люди. Еще в 1877 году доктор Форбс Уинслоу писал в книге «*Спиритическое безумие*»: «Около десяти тысяч несчастных пребывает в это время в лечебницах для лунатиков по причине того, что пытались заигрывать со сверхъестественным». И, цитируя американский журнал, он продолжает: «Не было такой недели, когда бы мы не слышали о том, что некий несчастный совершил самоубийство или не попал бы в психиатрическую лечебницу. Медиумы часто проявляют себя людьми в психическом отношении не вполне нормальными, в ряде же случаев вполне очевидно, что они попросту одержимы. Зло быстро распространяется, и уже через несколько лет можно ожидать самых прискорбных результатов... Два французских автора-спиритуалиста, написавших «*Le Monde Spirituel*» и «*Sauvons le genre humain*», умерли безумными в лечебнице; эти люди достигли немалых успехов в своей основной профессии; один был известным ученым, другой высокооплачиваемым адвокатом. Они общались с духами посредством столо-

верчения. Я мог бы рассказать еще о многих случаях, когда люди, обладающие высокими способностями, отвергали все свои достижения и следовали за доктринами спиритуализма лишь для того, чтобы закончить свои дни в лечебнице для душевнобольных».

Несколько лет назад было проведено исследование, и по результатам его была составлена анкета, целью которой было собрать и суммировать мнения по поводу: 1. «Ситуаций, в которых возникает интерес к психическим феноменам»; 2. «Повлекло ли изучение психических феноменов к переходу от позиции, основанной на логических и научных (дедуктивных) предпосылках, к спиритуальной и мистической (индуктивной) концепции жизни» или «к появлению некоего внутреннего консенсуса между верой и наукой»; 3. «Самый сильный из аргументов „за“ или „против“ выживания человечества»; 4. «Наилучшие средства для организации этого (психического) движения в высших интересах нации, философических, религиозных и научных, особенно в качестве фактора сохранения мира».

Пятьдесят пять ответов на эти вопросы были собраны и опубликованы под названием «*Спиритуализм: современное значение*» [562] в книге, представляющей крайне интересное и захватывающее чтение, самое разноплановое. На симпозиуме были представлены все возможные школы мысли, и я хотел бы отметить, что в ряде случаев трудно сказать, какой концепции придерживаются авторы – факт, значимый сам по себе, не менее чем другие. Тут мы встречаемся с неотступно следующим путем логики разумным отцом Бернардом Воганом, чей вердикт был повторен преп. Джеймсом Эддерли и преп. Маги; точными и блестяще изложенными комментариями генерала Бута; совершенно неадекватным словесным мусором доктора Перси Дермера [563], безвкусными высказываниями, от которых передернет любого богослова; приторно-сладким сентиментализмом, столь малокровным, сколь и явно популистским простодушным мистицизмом; скучными и бесполезными отбросами суеверного материализма мистера Маккейба; горячими и паническими призывами убежденных спиритов. Здесь также присутствуют свидетельства медицинских светил, таких, как сэр Брайан Донкин, доктор Стоддарт, толкующий «Об опасности психическому здоровью», доктор Бернард Холандер, повествующий «Об угрозе духов», и доктор Шофильд, ведущий речь о «Спиритической эпидемии». Так, доктор Стоддарт пишет: «В некоторых случаях спиритуалистические галлюцинации столь доминируют над всей психической жизнью, что человека можно считать безумным; я могу подтвердить мнение сэра Брайена Донкина о том, что спиритуалистические изыскания могут привести человека к сумасшествию» [564]. Доктор Холландер выражается еще более определенно: «Эти практики весьма опасны. На многих людей общение с духами оказывает такой же эффект, как на других потребление значительных доз алкоголя. Но если некоторые умеют пить не пьянея, то и здесь при общении с некоторыми спиритуалистами трудно оценить их реальное состояние... Будучи специалистом по психическим болезням мне приходилось сталкиваться с разными больными, и я вынужден признать, что страдающим от потребления *спиртных* напитков легче помочь, чем *спиритам*» [565]. Спиритизм, указывает д-р Шофильд, «известен христианам уже две тысячи лет. И если удавалось извлечь некое знание от духов, то характер сообщений и неопределенность сведений перечеркивали пользу, которую можно было бы из него извлечь. А поскольку знание это всегда идет бок о бок с непосредственной опасностью для жизни, различными ужасами и страхами, то лучше было бы обойтись и вовсе без него...

Нет сомнения в том, что эпидемия спиритизма пойдет рано или поздно на убыль, но перед этим она, похоже, успеет нанести непоправимый ущерб духовному здоровью людей, и тысячи незрелых умов будут сокрушены морально, а возможно, психически и духовно... считать же спиритизм религией, значит, оскорблять веру Христову» [566].

Весьма важные слова были произнесены сэром Уильямом Барретом: «Всех легко возбудимых и неуравновешенных людей следует предостерегать от занятий спиритизмом, которые могут вызвать, и в ряде случаев действительно вызывали, серьезные болезни психики» [567]. «Спиритуализм, – пишет отец Бернар Вайан, – очень часто означает на практике потерю здоровья, моральных принципов и веры. Проконсультируйтесь не с сэром Оливером Лоджем, не с сэром Артуром Конан Дойлем, не с мистром Вейлом Оуэном, а с вашим семейным врачом, и он посоветует вам держаться от спиритов как можно дальше, как если бы речь шла о наркоманах. Действительно, во многих случаях спиритические практики столь же фатальны, как употребление опиума. Прочитайте предупреждение доктора Чарльза Мерсье, доктора Робертсона или полковника Элиота и убедитесь в справедливости того, что приверженность к спиритуализму является веским основанием для помещения в психиатрическую лечебницу. Другой вопрос, что отнюдь не все спириты проходят курс лечения» [568]. Письмо, которое можно прочитать ниже, говорит само за себя, автором его является мисс Мэри Кардвелл, бакалавр хирургии, работающий в Олдхэмском лазарете: «В мое дежурство поступила пациентка, женщина тридцати пяти лет. Основанием для обращения в госпиталь стала очевидная неспособность ухаживать за собой и, тем более, за своим семейством. Она рассказала мне, что является медиумом, причем в спиритуалистическое движение ее втянул мужчина, также медиум, утверждавший, что может помочь ей при разрешении семейных проблем. В результате она перестала заботиться о своих детях, так что власти должны были лишить ее родительских прав, семейная жизнь ее была разрушена, а сама она оказалась в тяжелейшем моральном и духовном кризисе. Та к она платила одному медиуму за его услуги способом, немыслимым для порядочной женщины» [569]. И этот случай отнюдь не единичен. Мне известны случаи, совершенно схожие с вышеприведенным.

Некоторые наиболее шокирующие инциденты становятся известны широкой публике через прессу. Так, передо мной лежит издание, большая статья которого озаглавлена «Семья из одиннадцати человек сходит с ума. Пиромания после спиритического сеанса. Ребенок предназначался в жертву».

«История того, как целая семья из одиннадцати человек в деревне Круктенхофен, Бавария, сошла с ума после спиритуалистического сеанса, была получена нами от внештатного парижского корреспондента со ссылкой на *«Berliner Tageblatt»*.

Отвергнув блага мира сего, отец, мать, три их сына и две старшие дочери и, соответственно, четверо младших членов семьи стали жечь мебель и прочую обстановку собственной квартиры.

Наконец трехмесячный ребенок одной из дочерей едва не был предан огню и был спасен лишь благодаря вмешательству соседей. Вся семья помещена сейчас в лечебницу» (Daily Mirror, 19 мая 1921).

«Как бы ни прикрывался спиритуализм, являющийся собранием древних суеверий, таких, как оккультизм и некромантия, очевидно, что он выступает наследником старинных практик, культивировавшихся в отдаленные эпохи» [570]. Другими слова-

ми, широко рекламируемая «Новая религия» — ничто иное, как хорошо известное нам ведовство. Решусь предположить, что не существует ни одного «спиритического» феномена, который не имел бы параллелей в протоколах судебных расследований деятельности ведьм; ни тем более доктрин, которые бы не распространялись и не под-держивались давно осужденными гностиками.

Не могут не вызывать удивления и тревоги некоторые из определений спиритизма, принадлежащие самим участникам этого движения. Они прямо говорят, что «спиритизм — это наука или искусство общения с духами... Общение происходит с „невидимыми“ и, следовательно, является откровением Бога. Общение может происходить и с духом человека, недавно умершего, ныне „простаивающим“ в безделье» [571] или, я бы сказал, с демоном, уготовившим свои сети для бездельников земных. Представляется отвратительным и уродливым описание актов некромантии в столь спокойных и даже местами псевдонаучных тонах.

Полагают, что современный спиритизм возник в Америке. В 1848 году в городке Гидесвилль, округ Вэйн, штат Нью-Йорк, жила семья, методистская по конфессио-нальной принадлежности, фамилия ее была Фокс. Состояла она из отца, матери и двух дочерей, Маргариты и Кэти, в возрасте 15 и 12 лет соответственно. В марте все проживающие в доме стали утверждать, что по ночам они слышат странные, необыч-ные шумы, громкие постукивания по стенам и шаги. Дети стали играть, пытаясь ими-тировать звуки; они стучали по стенным панелям и, к своему великому изумлению, слышали ответные перестуки. Таким образом, они установили, что могут поддержи-вать надежный контакт с неизвестной сущностью. Дети задавали вопрос и просили отвечать одним резким стуком, означающим «нет», и тремя, значащими «да». Та к продолжалось достаточно долго. Далее они стали проводить настоящие переговоры, повторяя алфавит по буквам, и затем установили специальный код. Мистер Фокс тем временем провел расследование, пытаясь установить личность бывших владельцев дома, и скоро выяснил, что мелкий торговец по имени Чарльз Райан был убит в той самой комнате, которая позже была отведена под спальню двум его дочерям, а тело его было похоронено в погребке. Было возбуждено общественное любопытство, при-чем полагали, что девочки общаются именно с духом несчастной жертвы, который пытается передать что-то тем, кого он оставил. В погребке, однако, не удалось обнару-жить никакого тела, к тому же предполагаемый убийца, которого называли по имени, скоро появился в городе и поставил всю историю под сомнение. Позже, когда семья переехала в Рочестер (практически, их вынудил уехать из Гидесвилля методистский священник), оказалось, что стуки последовали за ними, и весь город пришел в пол-ный восторг. Тогда и начал распространяться слух о том, что девушки обладают не-ким особым даром, который позволяет им общаться с духами недавно умерших лю-дей. Их обступили просители, умолявшие доставить им весточку от покойных друзей или родственников; девушки стали проводить регулярные сеансы и заработали не-плохие деньги. Вскоре и другие «контактеры» обнаружили, что могут привлекать ду-хов и общаться с миром иным по своему желанию. Но сестры Фокс пользовались пер-венством в этой области, и именно к ним стекались люди с плотно набитыми карма-нами со всех концов Америки. Возникла против них и оппозиция, принимавшая под-час достаточно грубые формы. Уже в ноябре 1850 года было совершено нападение на Маргариту Фокс, проживавшую в Западном Трое в доме мистера Бутона. Толпа хули-ганов заполнила окрестности, в окна полетели камни, раздались выстрелы, мужчины

и женщины выкрикивали угрозы и проклятия в адрес «засевшей внутри нечестивой ведьмы». На одном из ее сеансов присутствовал доктор Кэйн, знаменитый исследователь Арктики, и оказался столь ошеломлен красотой Маргариты Фокс, что не успокоился, пока не вывел ее из пагубного окружения, дал ей образование в Филадельфии и наконец, к великому неудовольствию своих родственников, которым не хотелось принимать в свою семью кого-либо из Фоксов, женился на ней.

Доктор Кэйн умер вскоре после женитьбы, но в книге, опубликованной его вдовой, немало рассказывается об отвращении, которое он питал к спиритизму. «Избегай духов, – предупреждал он свою жену, – я и помыслить не могу, что ты вернешься на старые свои пути и вновь окажешься вовлечена в этот обман». В течение десяти лет миссис Кэйн действительно избегала спиритов, в августе 1858 года она даже крестилась в католичество в Нью-Йорке; но затем [572], видимо, из-за бедности вновь стала работать медиумом и была принята в круг спиритов с большой помпой. С этого момента физическое и моральное ее состояние стало резко ухудшаться.

Кэти Фокс, ставшая миссис Дженкин, жена лондонского адвоката, родила ребенка, которому в медиумических кругах приписывали самые блестящие способности. Однако несмотря на все эти предсказания, о ребенке нигде более не упоминалось, за исключением кратких сведений о том, что мать совершенно им не занимается. Кэти Дженкин скончалась от хронического алкоголизма в июне 1892 года. Миссис Кэйн пережила свою сестру на девять месяцев, представляя картину полной деградации и желая лишь алкоголя. Последние несколько недель ее жизни прошли в заброшенном многоквартирном доме. «Та, в которой теперь лишь с трудом можно было признать женщину, была в свое время почетным гостем дворцов и приемных. Силой ума ее, ныне бесплодного, восхищались ученые мужи Америки, Европы и Австралии... Уста, которые теперь могли лишь произнести богохульство, ранее поведали истины новой религии» [573]. Действительно, трудно придумать более печальную и жалкую историю, чем эта. Моральное разложение – и в итоге достойная сожаления кончина первых апостолов спиритизма представляет, без сомнения, достойный внимания сигнал об опасности для последующих адептов этого учения [574].

В ранние дни спиритизма феномены, связанные с ним, подвергались анализу такими людьми, как Гораций Грили, Вильям Ллойд Гаррисон, Роберт Хейр, профессор химии Пенсильванского университета Джон Ворт Эдмондс, верховный судья штата Нью-Йорк. Заметной фигурой среди спиритов был Эндрю Джексон Девис, чья книга *«Принципы природы»* (1847), продиктованная им в трансе, содержит теории развития Вселенной, напоминающий созданные Сведенборгом. Из Америки движение проникло в Европу, и когда в 1852 году два медиума, миссис Хейдон и миссис Робертс, прибыли в Лондон, к ним было приковано внимание ведущих ученых современности. Роберт Оуэн, социалист, принял спиритические объяснения многих феноменов, в то время как профессор де Морган, математик, в своем отчете о пребывании с миссис Хейдон объявил о своей убежденности в том, что «кто-то или, возможно, некий дух читает его мысли». Весной 1855 года Даниель Дуглас Хоум (Хьюм), сын одиннадцатого лорда Хоума и придворной дамы Отеля Ее Величества, Саутгемптон, выросший в Америке, в то время молодой человек 22 лет, переехал в Англию. В 1856 году Хоум был принят Церковью в Риме, отцом Джоном Этериджем и дал обещание воздерживаться от любых демонстраций своих медиумических способностей, но не прошло и года, как он нарушил свою клятву и стал жить, как и раньше. Этот известный медиум

является едва ли не единственным, как отмечает даже такой автор, как Подмор, ни разу не уличенным в мошенничестве. Ученый сэр Дэвид Брюстер и доктор Гарт Вилкинсон, человек незапятнанной репутации, один из величайших светил в области гомеопатии, сообщили, что не смогли объяснить феномены, свидетелями которых они являлись. В 1855 году стало выходить первое английское периодическое издание, связанное со спиритизмом, «*The Yorkshire Spiritual Telegraph*». Издание осуществлялось в Кейли, в Йоркшире.

В 1864 году братья Давенпорт посетили Англию, и в 1876 году туда приезжал Генри Слейд. Среди английских медиумов следует отметить преп. Вильяма Стентона Мозеса, который стал известен в 1872 году [575]. В том же году проявила себя миссис Флоренс Кук, хорошо известная своими материализациями «Кэтти Кинг», которые впоследствии были скрупулезно исследованы сэром Вильямом Круксом. В 1873 и 1874 годах, однако, было разоблачено жульничество двух мошенниц, миссис Бассетт и мисс Шоуэрс [576]. В 1876 и 1877 годах «доктор» Монк был на вершине своей репутации, и как доктор Альфред Рассел Уоллес, так и архидиакон Колли сообщали, что в ходе нескольких сеансов они стали свидетелями феноменов, включая материализацию, хотя они и поставили медиума в жесткие рамки условий, которые должны были подтвердить или опровергнуть истинность эксперимента. В 1876 году у Монка были неприятности, и он даже подвергся заключению в связи с нарушением акта о бродяжничестве. Приблизительно в то же время Вильям Эглинтон, фигурирующий в книге Флоренс Мариэт «*Смерти не существует*», появился на сцене и долгое время пользовался популярностью у публики. Он стал известным благодаря использованной им технике писания на грифельных досках и материализации духов. Он был, однако, разоблачен впоследствии архидиаконом Колли, который в ходе дискуссии о медиуме по фамилии Вильямс, чьи мошенничества были раскрыты во время сеансов в Голландии, писал в «*The Medium and Daybreak*»: «К несчастью, мне в голову пришло позаимствовать муслиновую ткань и фальшивую бороду из чемодана Эглинтон... Несколькими днями ранее я отрезал несколько кусочков от накидки и бороды того, кто выступал как Абдулла. Эти отрезки и кусочки я оставил у себя. Но когда я приобрел вышеописанным образом накидку и бороду, то вместе с присутствовавшим там джентльменом-медиком (спиритистом с 25-летним стажем, хорошо известным старым членам движения) мы немедленно убедились, что кусочки, отрезанные от муслиновой ткани, совершенно соответствуют отсутствующим фрагментам накидки» [577].

Медиум Слейд, известный тем, что получал письма на грифельных досках, был однажды неожиданно схвачен, когда собирался поместить доску под стол. Его схватили за руки, и когда у него взяли грифельную доску, то оказалось, что она уже покрыта буквами. Анна Рот, умершая в 1901 году, широко известная своими опытами с цветами, провела в Германии срок в тюрьме в связи с обвинениями в мошенничестве. Когда Бэйли, австралийский контактер, посетил Италию, он отказался демонстрировать свои возможности в строгих условиях, в которые он был поставлен. Чарльз Элдред из Клауна, адепт материализации духов, использовал стул с искусно выполненным двойным сиденьем. Именно в стуле скрывались многочисленные предметы, которые он незаметно доставал и «материализовывал» таким образом в ходе сеансов.

Миссис Вильямс, американский медиум, которая долгое время служила центром спиритического кружка в Париже, материализовывала почтенного доктора с длинной бородой, которого иногда сопровождала молодая девушка, одетая в белое. На одном

собрании мсье Поль Леймерик дал сигнал, которого ожидали его помощники. Он со своим другом схватили призраков, третий зритель накинулся на ассистента миссис Вильямс, четвертый – включил свет. Оказалось, что мсье Леймерик борется с медиумом, надевшей серый парик и длинную искусственную бороду, молодая девушка представляла из себя не более чем маску, с которой свисала развернутая тонкая муслиновая ткань и которой медиум манипулировала с помощью левой руки. Калифорнийский медиум Миллер обеспечивал явление духов с помощью газовой ткани и покрывала монахини. [578] Один из медиумов, которых изучал мсье де Роша, Валентин, испускал таинственные лучи света, которые быстро передвигались во время сеансов. Полковник де Роша во время одной из этих манифестаций неожиданно включил мощный электрический светильник, и стало видно, что Валентин снял свои носки и быстро перебирает в воздухе ногами, ступни которых были покрыты неким фосфоресцирующим составом. [579] Уже в июне 1875 года фотограф по фамилии Буге был обвинен в производстве фальшивых фотографий с призраками; к тому времени он успел заработать на них немалую сумму. [580]

Хорошо известно, что на спиритических сеансах нередко присутствуют мошенничество и шарлатанство, что медиумы вновь и вновь подвергаются обвинениям в обмане, что нередко для него им служат всевозможные приспособления, такие как двойные перчатки, газовая ткань, метры прозрачного муслина, невидимые веревки, крючки, накладные бороды, парики и так далее; известно, что часто используется здесь люминесцентная краска; что некоторые из медиумов прибегают к помощи выдвижных ящичков и панелей, скрытых от зрителей; что надо учитывать здесь возможность самообмана, иллюзий, даже гипнотического внушения. Но, перечислив все эти более чем реальные возможности, признав, что исследователь неизбежно наталкивается на мошенничество, исключительную ловкость рук, умелые трюки фокусника, использование мизансцены, затуманивание зрительского внимания тем или иным путем, тонкий обман, осуществляемый людьми с незаурядными способностями, демонстрирующими большую энергию и актерские таланты, следует все же признать, что остается немалое количество эпизодов, когда много раз подряд самые испытанные и тренированные наблюдатели становились свидетелями феноменов, которые никоим образом нельзя было списать на простой обман; что ученые с трезвым умом и холодным сердцем, настроенные достаточно предубежденно против спиритизма, беседовали, осматривали и буквально трогали руками материализуемые формы и фигуры, которые нельзя было создать каким-то обманным путем.

Процессы против Монка, во всяком случае, ясно показали, что он твердо верил в свои психические возможности, и хотя Эгlington не раз был уличен в трюках, существует немало надежных свидетельств тому, что в других эпизодах он никак не мог обманным путем добиться тех результатов, которые были подтверждены многими свидетелями. Значительное количество сеансов Миллера также были «подлинными» [581]. То же самое можно сказать и о многих других медиумах.

Таким образом, можно прийти к заключению, что хотя достижения почти любого медиума могут быть в ряде случаев результатом искусственных действий с его стороны, подобные феномены не следует, тем не менее, считать фальшивкой без должного расследования, и если обвинения в обмане следует считать действительными в несравненно большем количестве случаев, чем полагают сами медиумы, то, видимо, было бы ошибочным объяснять обманом вообще все имеющиеся феномены. Надо быть полно-

стью лишенным логики и мыслительных способностей, чтобы перед лицом конкретных и неопровержимых доказательств настаивать на невозможности данного явления ввиду известного количества злоупотреблений. Писатели такого настроения, как г-да Эдвард Клодд, Джозеф МакКейб, Робертсон, могут, конечно, проклинать спиритизм, не имея никакого представления о фактах, и составить себе заранее полное и ясное представление о нем. Вряд ли такой подход можно счесть научным, впрочем, мнение их не так важно. Суеверный догматизм материалистов в наши дни серьезно подорван. Конечно, книги, где он пропагандируется, пользуются в известных кругах неизменным успехом. Не стоит удивляться тому, что идеи третьего сорта, которые могут родиться из полного непонимания предмета, недостатка широты взглядов, отсутствия тренинга в метафизике и философии, непосредственно влияют на незрелые умы необразованного простонародья, незнание которого носит подчас претенциозный характер. Подобные люди и потребляют прокисшее пойло материалистических идей.

Во Франции спиритические идеи стали впервые проповедоваться в памфлете Гиллара *«Table qui danse et Table qui repond»*. Конечно, почва для них была вполне подготовлена благодаря интересу, который проявляла публика к доктринам Эмануэля Сведенборга. Бальзак опубликовал в 1835 году свою эзотерическую работу *«Seraphita»* (Seraphitus), причудливую, но интересную книгу, в которой многие страницы посвящены эзотерической философии. Похоже, сам он относился к ней достаточно серьезно, но трудно воспринимать эту книгу иначе, как произведение художественной литературы. В 1848 году Кохоне предвосхитил деятельность Гиллара, опубликовав в Париже первый том своих *«Arcanes de la vie future dévoilées»*, где содержатся отчеты, как утверждается, о контактах с мертвыми. В 1853 году сеансы были проведены в Бурже, Страсбурге и Париже, и вслед за ними последовал настоящий фурор. Речь только и шла о чудесах спиритизма, впрочем, скоро у течения возник оппонент. Это был граф Агенор де Гаспарэн, швейцарский протестант, который тщательно исследовал столочерчение вместе со своими друзьями и вскоре пришел к заключению, что причиной указанного феномена является некая физическая сила человеческого организма. Следует отметить, что его *«Des Tables Tournantes»* (Paris, 1854) не слишком убедительны и в определенном смысле поверхностны, но больше, видимо, и нельзя ожидать от пионера-исследователя столь извилистой дисциплины. С другой стороны, барон де Гюльден-штуббе сообщил о своей твердой убежденности в реальности этих феноменов и возможности вмешательства духов в мир живых. В его работе *«La Realite des Esprits»* (Paris, 1857) искусно защищаются воззрения спиритов, а книга *«Le Livre des Esprits»* (Paris, 1853), написанная М. Ривалем, более известным под псевдонимом Алан Кардек, стала распространенным по всему миру учебником для последователей этого движения. В те первые годы спиритизма самые известные люди встречались на сеансах, проходящих на rue des Martyrs в Париже. Тидман Мартез, губернатор Явы, академик Сент-Рене-Талландье, Сарду, вместе со своим сыном, Фламарион – все эти люди регулярно посещали салон, где проводились сеансы. Печально известный Хоум был, как утверждали, изгнан после сеанса в Тюильри, в ходе которого он коснулся руки императрицы своей обнаженной ногой, пытаясь изобразить ласку маленьких ручек ребенка, который вот-вот должен был полностью материализоваться. Вряд ли кто-либо удивится, узнав, что знаменитый Карл Гюйсманс, эпикуреец на малоизученных путях оккультных наук, провел немало экспериментов в области спиритизма, и в доме №11 на rue de Sevres, где он жил, регулярно проводились сеансы. Удавалось вызывать

личностей весьма необычайных, по крайней мере, один раз круг спиритов смог материализовать генерала Буланже, или же привидение генерала само явилось им.

В настоящее время спиритизм распространен во Франции ничуть не меньше, чем в Англии, а может, и еще больше. Так, появился новый выходящий раз в два месяца журнал *«La Science de l'Âme»* под эгидой *«La Revue Spirite»*. Там печатаются статьи о магнетизме и радиоактивности, о попытках анализа души и энергиях, исходящих от человека. В номере *«La Revue Spirite»* 1925 года Камилль Фламмерион напечатал письмо из Гелиополиса, в котором описывается сеанс, где была предсказана смерть отца писателя через шесть месяцев. Действительно, он умер через 10 дней после установленного времени. Также в этом издании даются подробные отчеты о Международном конгрессе спиритизма, проведенном в Париже в сентябре 1925 года, который был открыт всем федерациям, обществам и группам, где бы они не базировались. Ожидалось невиданное столпотворение. Президентом стал Джордж Берри, человек, хорошо известный в английских спиритических кругах, почетное членство было даровано таким известным спиритам, как Леон Дени [582], Габриэль Деленн, сэр Вильям Барретт и Эрнест Боццано.

Стоит взглянуть на страницы любого спиритического журнала, как становится ясным, что проводится весьма бурная деятельность по всем направлениям. В одном лишь еженедельном журнале *«Light»* (номер за 21 февраля 1925, суббота) среди прочих объявлений можно было увидеть девять сообщений о «Воскресных встречах общества» в разных районах Лондона и указания о соответствующих встречах по средам и четвергам. Выглядит все это при ближайшем рассмотрении следующим образом: «Церковь св. Луки Спиритуального Евангелия Иисуса Христа, в Квинс-роуд, Форест-Хилл, проводит преп. Поттер. Февраль 22-е. 6.30. Служба, Святое Причастие, и проповедь. Исцелительная служба. Среда. Февр. 25-е. 19.00». В следующей колонке читаем детали о «Лекционном туре преп. Вейла Оуэна». «Лондонский спиритический альянс» содержит список всех предстоящих встреч. Работают дискуссионные классы и проводятся демонстрации ясновидения, психометрии и мистических картин. Среди «книг, которые вам помогут», указываются «Разговоры с мертвыми», «Отчет о спиритуализме», «Евангелие Иисуса Христа эпохи Водолея» (не им ли пользуются в церкви св. Луки Спиритуального Евангелия?), «Об определении духов», «Спиритуализм» и множество других подобного содержания. Действует «Британский колледж психических наук», где мистер Горацій Лиф, известный медиум, читает лекции о «Психологии и практике общения с духами», миссис Баркер демонстрирует вхождение медиума в транс и миссис Трэверс Смит, как работают доска и автоматическое письмо. Можно прочесть о «Лондонской спиритуальной миссии» и о «Уимблдонской спиритуальной миссии». В Брайтоне Церковь братства св. Иоанна раздает «Спиритуальное Евангелие Иисуса Христа», ответственный брат Джон. И все это лишь капля из моря разнообразных рекламных анонсов и объявлений.

Как бы гротескно и одновременно ребячески не выглядели подобные объявления в своей напыщенности и высокопарности, как и масса других схожих с ними по стилю, следует, однако, помнить, что авторы их совершенно серьезны, и я лично не сомневаюсь, что на их встречах полно восторженных энтузиастов. В репортаже о проповеди преп. Вейла Оуэна в «зале графства, проведенной при поддержке спиритуалистических служб» в воскресный вечер 15 февраля 1925 года, можно прочесть, что «все места были заняты задолго до того, как наступил указанный час. Двери были запер-

ты, и многие вовремя пришедшие не смогли попасть внутрь. Несколько позже они были все-таки впущены в зал и рассажены по краям от сцены и вдоль помоста, а также везде, где только можно было найти место» [583]. Возможно, конечно, что это был особый случай, но в тексте об этом не сказано. Возможно, мистер Вейл Оуэн просто великолепный оратор и умеет удерживать аудиторию магией своих слов. Дело, вероятно, в его особых дарованиях, а не в предмете, которым он занимается, так как его так называемые откровения о жизни после смерти, написанные под контролем и непосредственным руководством духов, появившиеся в издании «*The Weekly Dispatch*», скучны, глупы, безосновательны и бесцветны до последнего предела. Подобная банальная бредятина могла бы вызвать улыбку, если бы не сожаление к человеку, который обманывает себя таким образом и при этом еще и убеждает других в правоте своей глупости.

Существует немало медиумов, которым удавалось привлекать к себе время от времени общественное внимание. Миссис Веррелл и миссис Холланд, которые, как полагали, получали послания от покойного Майерса, привлекли к себе серьезное внимание Общества психических исследований [584] на известный период; миссис Пайпер прославилась благодаря своим способностям в области автоматического письма; мистер Воут Петерс специализируется на психометрии и ясновидении; мистер Вернкомб и мистер Дин получили немало газетных полос, где описывались их сомнительные подвиги [585]; преп. Джози Стюарт (миссис Y), дама родом из Америки, внесла много нового «своим даром получать письма и картинки на карточках, которые она держит в руке»; миссис Элизабет Томсон, несмотря на то что подверглась разоблачению в мошенничестве в спиритической «церкви» Бруклина, до сих пор имеет верных сторонников; Франек Клуски, Стелла С. и Ада Бесине на переднем крае американских медиумов; в течение трех месяцев, как минимум, знаменитый кружок Голихера в Белфасте тщательно проверял феномены доктора Фурнье д'Альбэ, предоставившего результаты своих экспериментов [586]. Наиболее необычным из всех этих оккультных деяний является, без сомнения, материализация, самая комплексная проблема из всех, которая описывается следующим образом: «использование силы медиума и участников сеанса для формирования физических структур, основанных на принципах и законах, совершенно неизвестных из повседневной жизни, хотя, видимо, и действующих» [587]. Недавно (1922) Эрто, итальянский медиум, стал объектом пристального изучения и экспериментов Французского метафизического института в течение нескольких месяцев, причем участники предприятия обещали молчать до его завершения. Феномены, вызванные им или протекающие в его присутствии, характеризовались необычной светимостью вокруг его тела. В конце 1922 года две статьи появились в «*La Revue Metapsychique*». Их авторами были доктора Сангинетти и Вильям Маккензи из Генуи, утверждавшие, что учеными были предприняты все возможные меры предосторожности и все феномены можно признать реальными. Однако эксперименты были затем продолжены, и позже в «*Le Matin*» появилась исполненная энтузиазма публикация доктора Стефана Шове, которая заставила доктора Гюстава Жели, директора Метафизического института, выступить с подтверждением свидетельств об истинности феноменов. Будет справедливым добавить, что сразу после своего заявления доктор Жели взял назад некоторые из только что сделанных высказываний и предположил, что психическое свечение может быть продуцировано с помощью ферроцериума, и некоторые предполагают, что следы этой субстанции могут

быть обнаружены в одеждах Эрто. Медиум, однако, горячо опроверг слухи о каком-либо обмане с его стороны и предложил свое содействие в дальнейших экспериментах. Автор «*Физики*» склоняется к мнению об истинности феноменов, предполагая, что позже медиум прибег к обману в силу того, что способности его уменьшились. Вероятно, так и было, так как сложно ввиду вышеприведенных свидетельств отрицать паранормальный характер свечения. Подобный феномен неоднократно демонстрировали господа Сесиль Хаш и Крэддок; трудно сомневаться в удивительных проявлениях дара Евсафии Палладино; материализации, проводимые «Евой Каррере» [588], иногда не удавались, а в других случаях их успех подтверждается многочисленными свидетельствами; Нино Пекораро, описываемый как мускулистый молодой неаполитанец, известен своими «эктоплазмическими эффектами»; Станислава П., Вилли С. и графиня Каstellвич, подобно многим другим, обладали паранормальными возможностями психики, хотя, как можно было ожидать, должны были использовать свой дар с большой осторожностью и очень сильно страдали после опытов. Следует также помнить, что при определенных обстоятельствах материализация, видимо, имеет место, а при других осуществиться не может. Весьма интересное и авторитетное обсуждение этих вопросов содержится в книге барона фон Шренк-Нотцинга «*Феномен материализации*» (1923). 225 фотографий, содержащихся в этом издании, имеют большое научное значение, а исследования проводились в условиях, жесточайших по отношению к медиумам для того, чтобы исключить какие бы то ни было разговоры о мошенничестве.

Среди современных психических феноменов большое внимание уделяется так называемому «Списку Оскара Уайльда», обсуждение которого проводилось в 1923 – 1924 годах. Коротко говоря, рассказывалось, что с духом Оскара Уайльда удалось войти в контакт, и он «диктовал» в течение нескольких сеансов со скоростью 1020 слов в час текст, который был записан с помощью автоматического письма медиумами миссис Треверс Смит (миссис Эстер Дуден) [589] и неким мистером Трю. Впоследствии эти записи были опубликованы в «*The Sunday Express*». Следует признать, что текст соответствовал некоторым наиболее общим характеристикам, которые свойственны стилю произведений Уайльда, но впечатление такое, что ум и оригинальность исчезли, и осталась лишь тяжеловесная и подражательная проза. Более всего это похоже на отсыревшие фейерверки. Лично я ни на минуту не принимаю возможность того, что текст был действительно продиктован или создан Уайльдом. Спешу добавить, что отнюдь не склонен обвинять вовлеченных в это дело в мошенничестве; вполне возможно, что эти послания были продиктованы неким нематериализованным сознанием, вероятно, не слишком высокого статуса, почему и результат оказался не имеющим художественной ценности. Утверждалось, что таким путем удалось получить пьесу в трех актах, авторство которой также приписывалось Уайльду. Получена пьеса была благодаря ouija-board. Ее я не читал и не считаю себя компетентным высказывать о ней свое мнение.

Спиритизм пользуется поддержкой многих известных людей. Его активно защищал сэр Оливер Лодж так же, как и сэр Вильям Барретт, сэр Вильям Крукс, профессора Шарль Ри-ше, Жане, Бернхейм, Ломброзо и Фламарион. Все они придали дополнительный вес этому течению своим авторитетом. Что же касается сэра Конан Дойля, то он, как известно, превозносил и пропагандировал все оккультные практики, с которыми ему приходилось сталкиваться [590]. Он даже руководил открытием весьма

симпатичного книжного магазина на Виктория-Стрит, в Вестминстере, где продавались публикации спиритического направления.

Итак, как же нам относиться к этому мощному движению, смеяться над которым было бы глупостью, а игнорировать которое невозможно? Католическая церковь не делает ни первого, ни второго. Те м не менее, она безоговорочно предаёт его анафеме. Не потому, что она не верит в реальность того, чем занимаются спириты, но как раз потому, что верит полностью и знает, какие движущие силы стоят за всем этим, как бы ни пытались прятаться они под иными личинами, как бы тонко и быстро они не действовали. Тема, которую мы обсуждаем, не самая приятная, поскольку мне известно много добрых людей, в поисках истины серьёзно увлечённых спиритизмом. До сих пор они не потерпели сколько-нибудь серьёзного морального или физического ущерба, хотя играют с огнём уже несколько лет. Кроме того, для многих спиритизм стал утешительной гаванью в тяжёлые минуты скорби и разлуки и, соответственно, теперь освящён в их глазах воспоминаниями о дорогих людях. Но они страшно обмануты. Как бы ни трудно было это делать, следует придерживаться твердо установленных фактов. Спиритизм был не менее четырёх раз осуждён Святейшим Престолом [591], декрет которого от 30 марта 1898 года запрещает все спиритические практики – даже те, в ходе которых общения с демонами пытались бы избежать, а связь пытались бы установить только с добрыми духами. Современный спиритизм, по сути своей, – возрождённое ведовство. Второй пленарный собор в Балтиморе (1866), предполагая, что значительная часть феноменов объясняется ловкостью рук и мошенничествами разного рода, предостерегает христиан от оказания какой-либо поддержки спиритизму и запрещает им посещать сеансы, пусть даже из чистого любопытства, поскольку некоторые из явлений, которые там имеют место, могут быть объяснены лишь через вмешательство демонических сатанинских сил.

ГЛАВА VII.

Ведьма в драматической литературе

Английский театр, подобно театру любой другой страны, имеет религиозные, а лучше сказать, литургические корни. После норманнского завоевания, когда в английских монастырях появилось немало французских ученых, латинские диалоги, легенды о святых и мучениках, созданные в соответствии с канонами комедий Хротсвиты, отнюдь не бывшим уникальным феноменом, стали ставиться и на острове. Их практически невозможно декламировать, не выполняя при этом соответствующих действий. Таким образом, мистические пьесы появились из самой сердцевины действия литургического.

Немало исследований было посвящено тому, каким образом ставились отдельными гильдиями эти ранние английские пьесы. Я бы хотел привлечь внимание читателей лишь к одному из фрагментов оборудования передвижного театра, а именно, к темной пещере на последней из трех декораций, так называемому адскому жерлу. Прилагались немалые усилия для того, чтобы сделать ее столь ужасной в своем реализме, как только было возможно. Демоны с чудовищными головами исходили из нее, извергались адские пламена, и слышны были сдавленные крики. Так, при постановке в Дигби пьесы о св. Марии Магдалине описание сцены было следующим: «помост и ад, разверзающийся под этим помостом». В Ковентри у шляпочников было Адское жерло для изображения адских мук, а у ткачей – еще одно для представления Страшного суда. Оно извергало огонь, было снабжено лебедкой и валом для изображения землетрясений. В указаниях к постановкам Корнуольского театра, который ставил *«Сотворение мира»*, написано, что Люцифер низвергается в ад «и столб огня рядом с ним», а вся сцена заполняется «всевозможными дьяволами и духами, поддерживаемыми на канатах». Среди необходимых «*establies*», потребных для постановки пьесы в Руане в 1474 году, был «*Enfer fait en maniere d'une grande gueulle se cloant et ouvrant quant besoing en est*». Последнее указание к постановке *«Sponsus»*, литургической пьесы, написанной Клоетта и Пари в первой половине XII столетия и поставленной в Лиможе, где речь идет о Разумных и Неразумных девах, звучит таким образом: «*Modo accipiant eas [fatuas uirgines] daemones et paecipitentur in infernum*».

Сам Дьявол, нарушитель мира, был одним из важнейших персонажей мистерий. Йоркский цикл начинается с постановки *«Сотворения мира»* и *«Падения Люцифера»*. В то время как ангелы поют: «Свят, свят, свят» перед тронем Господним, сатана является, обуянный гордыней, с тем чтобы быть низвергнутым в глубины ада, громко выкликая при этом свои жалобы: «Пал, пал, о горе мне!» Известен интересный эпизод из сна жены Пилата. В то время как она спит, Сатана нашептывает ей на ухо воспрепятствовать осуждению Иисуса и, таким образом, помешать искуплению человечества. Последняя пьеса Йоркского цикла – *«Судный день»*.

Таким же образом цикл Таунли открывается *«Сотворением»*, и в пояснениях к пьесе написано: *hic deus recedit a suo solio et lucifer sedebit in eodem solio*. Скоро действие перемещается в ад, где демоны укоряют Люцифера за его гордость. После создания Адама и Евы представлялся горестный плач Люцифера. В длительном эпизоде

де Страшного суда на сцене появлялось немалое количество демонов, каждому из которых находилась работа.

Дьявол был представлен в черном одеянии, с козлиными рогами, ослиными ушами, с раздвоенными копытами и огромным фаллом. Собственно, это сатир из древних дионисических процессий, дух природы, суть несдерживаемой свободы и веселых удовольствий, можно сказать, бесстыдный, так как греки античности не знали стыда. Это та самая фигура, которая носилась в танце на сцене Аристофана, совершенно обнаженная при свете дня [592], исполненная физического здоровья, в неудержимом веселье и экстазе громко выкрикивающая старинный рефрен: Φαλῆς εταῖρε Βοῶκχιον, ξῖψκωμε, вуктеропλάνητε, μοιχῆ παῖδεραοταα (Фалес, щедрый товарищ Вахха, его веселый компаньон в танце, в безумном веселии блуждающий по ночам, развратитель Фалес). Иными словами, он был воплощенным язычеством, язычество же было смертельным врагом христианства; таким образом, его взяли, бражника вакхических пирушек, запачкали нечистотами от рогов до копыт, и он так и остался смертельным врагом христианства под именем дьявола [593].

Фаллические демоны очень долго оставались на сцене, как ни странно может это показаться, они выступали в том же облики и во времена Шекспира. В 1620 году в Лондоне Эдвард Райт опубликовал пьесу «*A Courtly Masque: The Device called*», «*The World tost at Tennis*», «которая неоднократно представлялась вниманию достойных и благородных зрителей к их немалому удовольствию, слугами Его Высочества Принца». Пьеса была сочинена и поставлена двумя джентльменами, Миддлтоном и Вильямом Роули. Титульная страница содержит изображения различных персонажей, безусловно, они были сделаны с зарисовок, исполненных во время представления пьесы. Вне основной группы персонажей видим чудовищную черную фигуру *Диавола*, который появлялся в самом конце для того, чтобы принять участие в финальном танце. *Диавол* был оснащен рогами, копытами, когтями, хвостом и гигантским фаллосом. Можно отметить, что такие же рога были нарисованы на столь похожей на козлиную (велико сходство с сатиром) голове Дьявола из пьесы «*Доктор Фауст*» на титульном листе кварто Марло. Фаллос, на который содержится намек в тексте, принадлежал также персонажу, одетому как обезьяна (*Бавиан*), в сцене майского танца пьесы Шекспира и Флетчера «*Два джентльмена*», III, 5, 1613. Интересно, что одной из отличительных черт старой немецкой карнавальной комедии были целые группы демонов с фаллосами. Более того, некоторые типы гротескных комедий дель арте во втором десятилетии XVII века были украшены такими же персонажами [594]. Важным представляется, что дьявола представляли на сцене английского театра именно таким образом. Его образ соответствует народной идее о том, как должен выглядеть князь тьмы. Таким образом проливается свет на ряд наиболее гротескных и отвратительных свидетельств ведьмовских процессов того времени. В утерянной пьесе Склелтона «*Ниграмансир*» одна из ремарок гласит: «Входит Бельзебуб с бородой» – безусловно, в черной маске с огромной козлиной бородой, известной из старинной религиозной драмы. По-видимому, главным назначением Некроманта, давшего имя пьесе, было произнести пролог, в ходе которого призывается дьявол, который начинает бить и пинать его за грехи. Однако об этой пьесе нам известно только от Вартона, который утверждает, что она была показана ему поэтом Вильямом Коллинзом в Чичестере, около 1759 года. Он рассказывает: «Называлась она «*Ниграмансир*» и включала морализующую интерлюдия вместе с изложением содержания. Написал ее мастер, лау-

реат Скеелтон, она была представлена королю и другим эстетам в Вудстоке на Вербное воскресенье. Пьеса была напечатана Винкином де Вордом тонким кварто в 1504 году. Вероятно, Генрих VII смотрел ее в королевском владении или дворце в Вудстоке, Оксфордшир, ныне разрушенном. Персонажи – Некромант или волшебник, дьявол, нотариус, Симония и Филаргирия, она же Алчность. Частично это сатира на некоторые злоупотребления в Церкви... Сюжет истории заключается в суде над Симонией и Алчностью. Помимо того, что рассказывает Вартон, о пьесе ничего не известно. Ритсон в «*Bibliographia Poetica*», 106, сообщает: «нет о речи о том, что «*Ниграмансир*» действительно существовал». Там же было продемонстрировано, что в качестве историка литературы Вартон нередко подпадает под подозрение, и Дафф в труде «*Hand Lists of English Printers*» отмечает, что не смог найти следов существования упоминавшейся «моральной интерлюдии».

В английских моралите дьявол неизменно играет важную роль, как и в соответствующих французских оригиналах или аналогах, он неизменно мешает и противостоит моральной составляющей пьесы, выступающей оправданием ее существования. В более поздних английских пьесах, сюжет которых также развивался через подобное противостояние, дьявол сохраняет свои позиции одного из центральных персонажей. Его, как правило, сопровождает Порок, что-то вроде слуги или шута на службе врага рода человеческого. Порок вместе с тем непрестанно дразнит, подшучивает, издевается и ставит своего господина в неудобное положение, развлекая публику и преподавая ей моральный урок. В пьесе «*Твердыня стойкости*» (*The Castell of Perseverance*) Люцифер предстает перед зрителем в своем старинном обликии, появляется на сцене с теми же словами, как в мистериальных пьесах, и одет в свое «дьявольское облачение» поверх костюма «горделивого галанта». В представлении «*Похотливый юноша*» (*Lusty Juventus*) Вевера различимы следы мути, поднявшейся в печальные дни правления Эдуарда VI, когда и писался текст. Вслед за тем, как дьявол призывает на помощь Лицемерие, на зрителя выплескивается целый потоп пустых, но мерзких оскорблений и поклепов на Католическую церковь, на кои подвигала автора его пуританская нетерпимость. В конце пьесы мы уже не удивляемся очередной встрече со старым усталым джентльменом, лицемерно излагающим доктрину оправдания верой.

В интерлюдии, которой Кольер дал название «*Человечество*», Бесчестие (*Mischief*) призывает себе на помощь злого духа по имени Титивилл, уже появлявшегося в «Мистериях» Таунли (пьеса *Judicium*). Бывший тогда архивариусом и сборщиком пошлин дьявола, он известен в первую очередь под именем «мастер Лоллард». Судя по старому глупому предрассудку, Титивилл был чертом, в задачу которого входило подбирать слова, по небрежности не произнесенные священниками во время мессы.

Переходя к моменту, когда драма стала носить, скажем, более регулярный характер, мы сразу сталкиваемся с очень интересной пьесой, в центре сюжета которой стоит если не магия, то, во всяком случае, предсказание будущего, работой Джона Лили «Комедия Прелестная и Пречудная» «*Матушка Бомби*», впервые напечатанной в 1594 году. Сюжет ее исключительно сложен и построен в высшей степени искусно, однако в отличие от других пьес Лили не почерпнут из античных или псевдоклассических источников. Повествование ведется, в частности, о старой мудрой женщине из Рочестера, по имени которой пьеса и получила свое название. Те м не менее, по ходу представления ей мало что удастся сказать или сделать, разве что она временами спо-

собствует головокружительному нагромождению происшествий и разрастанию лабиринта сюжетных линий. Когда Селена вопрошает эту даму: «Мне сказали, что ты ведьма», матушка Бомби немедленно отвечает: «Они лгут, я просто мудрая женщина» – пассаж, не лишенный смысла.

Великолепная драма Марло *«Трагическая история доктора Фауста»* создана на совершенно ином рефлексивном уровне, нежели пьеса Лили. Легенда о человеке, который продает свою душу дьяволу в обмен на безграничное знание и абсолютную власть, кристаллизовалась, видимо, еще в VI столетии, когда история о *«Феофиле»* была рассказана на греческом его учеником Евтихианом. Конечно, каждый из колдунов передавал свою душу Сатане, и судебные протоколы средневековой эпохи, так же, как анналы инквизиции, не говоря о народном фольклоре, переполнены тысячами подобных эпизодов. Но именно эта легенда получила особое распространение на западе и востоке христианского мира; она встречается в самых разных формах. Соответствующий рассказ можно прочесть у Якова Ворагинского; через Рутбефа, французского трувера XIII столетия, легенда проникла в репертуар менестрелей; она фигурирует в ранней английской прозе и ниже-немецкой драме. Можно проследить исландские

варианты этой истории. Легенда о Фаусте стала сюжетом поэмы Вильяма Форреста, священника и поэта, опубликованной в 1572 году; также из нее почерпнули материал авторы двух иезуитских «комедий» XVII столетия.

«Настоящий» Фауст был реальным человеком [595], бродячим чародеем и медиком-шарлатаном, хорошо известным на юго-западе Германской империи, так же как и в Тюрингии, Саксонии и примыкающих странах, где-то в 1510 – 1540 годы, это можно считать твердо установленным. Филипп Бегарди, медик из Вормса, автор книги *«Index Sanitatis»* (1539), рассказывал о встречах с этим шарлатаном, многие жертвы которого были лично ему известны. Он повествует, что одно время Фауст часто ему встречался, но в последние годы куда-то исчез. Высказывалось предположение, что вся легенда родилась из странной истории о Папе св. Клименте I и его отце Фаусте или Фаустиниане, как передается в *«Признаниях»*, книге более чем популярной во все периоды Средневековья. Но Меланхтон знал некоего Иоганна Фауста, рожденного в Кнутлингене, Вюртемберг, недалеко от его собственного дома, который изучал магию в Кракове и впоследствии «много говорил о вещах тайных и секретных». Был доктор Фауст, работавший в начале XVI века, друг Парацельса и Корнелия Агриппы, ученый, приобретший скверную репутацию из-за занятий некромантией. В 1513 году Конрад Мутт, гуманист, встретился в Эрфурте с бродячим магом по имени Георгиус Фаустус Гермитеус из Гейдельберга. Тритемий в 1506 году встретился с младшим Фаустом, который похвалялся, что если бы все работы Платона и Аристотеля были бы сожжены, то он смог бы восстановить их по памяти. Кажется весьма вероятным, что легенда относится в первую очередь к доктору Фаусту, знакомцу Парацельса и Корнелия [596] Агриппы. Первая литературная версия этой истории находится в *«Volksbuch»*, опубликованной Иоганном Спайем в 1587 году во Фракфурте-на-Майне, который повествует, что манускрипт был им получен «от хорошего друга из Спайера». Скоро он был переведен и издан в Англии, как *«История проклятой жизни и заслуженной смерти доктора Джона Фауста»* в виде дешевого издания, из которого Марло позаимствовал большинство реалий своей пьесы. Драма была поставлена в Германии английскими актерами, которые гастролировали там в последние годы XVI и начале

XVII столетий. Таким образом, пьеса, сюжет которой был заимствован из немецких источников, в свою очередь, оказала глубокое влияние, а может быть, и определила развитие темы Фауста в немецкой народной драме и кукольном театре. Печатались тексты постановок редко и, как правило, при случае, придерживаясь вместе с тем в рамках импровизации определенной темы. Шейбл в своем «*Kloster*» (1847), том V, дает отличный отрывок о постановке в Ульме, и сохранились версии представлений театра марионеток, изданные Хаммом (1850), Шаде (1856), Энгелем (1874), Белковски (1882), а также Краликом и Винтером (1885).

Лессинг опубликовал две версии этой истории, а Клинггер написал на основании этого сюжета роман «*Fausts Leben, Thaten und Hollenfahrt*» (1791). Напыщенная трагедия была опубликована Клингеманном в 1815 году, а Ленау выпустил в свет своего эпико-драматического «*Фауста*» в 1836 году. Баллет Гейне «*Der Doctor Faust, ein Tanzpoet*» появился в 1851 году. Либретто для оперы Спора (1814) было написано Бернардом.

Замечательное произведение Гете, запланированное уже в 1774 году, было опубликовано лишь в 1808 году, а вторая часть – в 1831.

Большинство свидетельств указывают на то, что первая постановка «*Доктора Фауста*» Марло была осуществлена в 1588 году, поскольку доподлинно известно, что баллада о «*Жизни и смерти доктора Фауста, великого мага*» была включена в Регистр книгоиздателя в феврале 1589 года и воспоследовала за драмой, отнюдь ей не предшествуя. Первое дошедшее до нас кварто относится к 1604 году, но до него вышло несколько изданий. На сцене «*Доктор Фауст*» очень долго оставался популярным и, по крайней мере, в Англии, какой бы отрывочной ни была пьеса Марло, за ней не последовало новых, поставленных по тому же сюжету. Старый Принн в книге «*Histrionastix*» (1633) передает абсурдную историю о том, что как-то дьявол *in propria persona* «появился в театре Бельсаваж в дни королевы Елизаветы» в то время, как игралась трагедия, «причем об истинности этого происшествия я слышал от многих людей, которые вспоминают об этом и по сей день». Постановка была возобновлена после Реставрации, и в понедельник, 26 мая 1662 года, Пепис со своей женой сходили на представление в театр «*Red Bull*» (Красный бык), «но все было сыграно настолько бездарно, что нам стало плохо от этого спектакля». Осенью 1675 года постановка была осуществлена в Королевском театре, но никаких данных на этот счет не сохранилось. В 1685 – 1696 годах в Dorset Garden ставилась «*Жизнь и смерть доктора Фауста, сыгранная вместе с фарсом и шутками Арлекина и Скарамуша*» Вильяма Монфора, странная смесь сцен Марло с итальянской комедией дель арте. Арлекина играл находчивый Томас Джевон, первый английский арлекин, а Скарамуша – Энтони Ли, самый эксцентричный из комедиантов. В конце третьего акта после того, как Фауст уносится Люцифером и Мефистофелем, тело его разрывается на куски. Затем «члены Фауста воссоединяются. Следуют танец и песня». Этот фарс многократно возобновлялся с великим успехом, и в течение всего XVIII века Фауст выступает центральной фигурой пантомим. Можно насчитать что-то около сорока драматических версий легенды о Фаусте. Многие из них очень романтичны и ставились в основном малыми театрами. Здесь можно назвать «*Фауста*» Соана и Терри, поставленного в Друри-Лейн 16 мая 1825 года с «О» Смитом в роли Мефистофеля; «*Фауст или Демон Драхенфал*» Греттена, поставленного в Сэдлерз Веллз 5 сентября 1842 года с Генри Марстоном в роли Мефистофеля, Лайоном в роли Фауста, «виттенбергского волшебника», Каролиной

Рэнкли в роли Маргариты; «*Фауста и Маргариту*» Робертсона, исполненного в Театре принцессы в апреле 1854 года. Как известно, Фауст стал также героем опер; всемирно известен «*Фауст*» Гуно, либретто написали Барбье и Карре, первая постановка в Theatre Lyrique, Париж, 1859 год; существует «*Проклятие Фауста*» Гектора Берлиоза, которое было адаптировано для английской сцены Френдом и исполнено в Кортэ, Ливерпуль, 3 февраля 1894 года. До сих пор зрители ходят на бурлески, наследники фарсов XVIII века, из которых можно отметить «*Фауста и Маргариту*» Бернарда, Сент-Джеймс, 9 июля, 1864 года; «*Фауста, или Испытание Маргариты*» театр Британия, 25 марта 1867 года; «*Маленького доктора Фауста*» Байрона (1877); «*Три мгновения Фауста*» (Faust in Three Flashes) (1884); «*Фауста за 40 минут*» (1885) и самое известное из всех трагедий «*Фауст на новый лад*» (Faust up to date), поставленного в Гайети 30 октября 1888 года с Лонненом в роли Мефистофеля и Флоренс Сент-Джон в роли Маргариты. Во Франции – арте́́ Гете – впервые был поставлен Тало и Гонделье в Новато 27 октября 1827 года и шел с огромным успехом. Уже на следующий год трое авторов, Антони Бери, Шарль Нодье и Мерле, объединили свои усилия и поставили «*Фауста*» в трех актах. Музыка для спектакля была написана Луи Александром Пиччини, внуком знаменитого противника Глюка. В 1858 году Адольф Деннери поставил «*Фауста*» в Париже с подзаголовком «drame fantas-tique», в пяти актах и 16 сценах, драму в духе школы Граттана, достаточно эффектную, в мрачном стиле Сэдлерз Веллс, таким образом, и здесь тема Фауста принесла успех ее разработчикам. Из более современных английских постановок легенды о Фаусте самая интересная, безусловно, адаптация Виллсом первой части трагедии Гете, поставленной в Лицеуме 19 декабря 1885 года, с Конвоем в роли Фауста, Джорджем Александром – Валентином, миссис Стирлинг – Марты, мисс Эллен Терри – Маргариты и Генри Ирвингом – Мефистофеля. Не только по сравнению с классикой Марло и Гете, но и рядом с театральными версиями куда менее масштабных авторов пьеса выглядела прескверной, представляя из себя чистую пантомиму. Однако были на сцене и удачные находки, такие, как кухня ведьм, вакханалия демонов, хромофотографические эффекты театрального механизма и оформление сцены Телбином и Крэвеном, но особенно поражал великолепно сыгравший и поднявшийся до подлинного величия Ирвинг в роли украшенного шляпой с красным пером Мефистофеля, фигуры сардонической, скужающей, но беспокойной, странным образом нереальной, и вместе с тем живой и настороженной, доминирующей надо всем действием.

Сравнивать талант, явленный Гете и Марло, не так уж абсурдно, как может показаться на первый взгляд, о достоинствах же их произведений было бы излишним подробно распространяться. Бессмертная философия Гете совершенно воплотилась в его сложном и величественном труде. Марло остался верен своему дешевому изданию для народа, но при этом во всей литературе не доводилось мне читать слов столь отбращающих последнюю агонию Фауста, как последняя его речь:

*О, Фауст
Остался для тебя лишь час последний жизни.
Потом же должен ты быть вечно проклят!*

Сцена становится невыносимой. Становится тяжело читать книгу, слишком много в ней безнадежности и отчаяния.

Поскольку следующая история имеет немало общего с легендой о Фаусте, мне хотелось бы сказать несколько слов о ранней голландской светской драме, именовавшейся «одной из жемчужин голландской средневековой литературы». Ее название: «Удивительная история Марии из Ниммегена, которая более семи лет провела в общении с дьяволом» [597]. Опубликовал пьесу Вильгельм Фостерман из Антверпена около 1520 года. Следует обратить читательское внимание на некоторые моменты этой легенды. Мария, племянница старого священника сера Гисбухта, как-то ночью встретила Дьявола в облики некоего *Мунена с одним глазом*. Он предлагает обучить ее секретам некромантии, единственно с тем условием, чтобы она не осеняла себя крестным знамением и сменила свое имя на Лена из Гретхена. Но Мария, памятуя о Богородице, потребовала, чтобы, по крайней мере, в ее новом имени была буква М. Так ее стали звать Эммекин. «Эмма и Мунен жили в Антверпене у знака Золотого Дерева на рынке, где ежедневно от его хитростей происходило немало убийств, также творились всякого рода злочинства». Эмма затем решает посетить своего дядю и требует, чтобы Мунен отправился с ней в Ниммеген. Как раз был праздник, и она случайно увидела мистерию «*Маскерон*» на большой площади в исполнении бродячей труппы. Богородица молит Господа за человечество, и Эмму, услышавшую эти столь благословенные слова, охватило странное чувство раскаяния. Мунен пытается унести ее, но она падает, и затем ее в обморочном состоянии находит дядя, старый священник. Ни один священник из Ниммегена не смог отпустить ей грехи, ни даже епископ Кельна, и тогда она отправилась в Рим, где Папа выслушал ее исповедь и назначил ей в качестве епитимии носить вокруг шеи и рук три сдавливающих обруча из железа. Та к вернулась она в Маастрихт, в монастырь Обращенных Грешников, и там столь сильным стало ее раскаяние и столь великим смирение, что Ангел в знак того, что Господь прощает ее, снял с нее обручи во время сна.

*И если отправишься в Маастрихт, то сможешь и сам
Увидеть у Обращенных Грешников
Могилу Эммы, и рядом с ней
Все три обруча, висящими над ее могилой. [598]*

Магия и волшебная страна играют значимую роль в пьесах Роберта Грина, чье место в английской литературе прочно закреплено за ним как драмами, так и трактатами в прозе. Кажется вполне очевидным, что «*Достойная история брата Бэкона и брата Банги*», впервые, скорее всего, поставленная еще в 1589 году, хотя первое издание датировано лишь 1594 годом, была сочинена после успеха «*Доктора Фауста*» пера Марло. Грин был не тем человеком, чтобы не использовать тенденции современной ему литературной моды, и, твердо стоя на английской почве, он, очевидно, решил, что старая британская история о маге из Оксфорда ничем не хуже завезенных из-за границы легенд Франкфурта и Виттенберга. Можно сказать, что по сравнению с пьесой Марло произведение Грина явно ниже качеством, из чего, однако, не следует, что оно лишено интереса и известного шарма. Но несмотря на признание Бэкона о том, что он:

*Как знаешь, спускался низко в ад
И там обыскивал мрачайшие дворцы врагов;
И магией моей заставил темной великого Белсефона*

Покинуть обиталище свое и предо мной склониться.

В целом его магия воспринимается не столь серьезно, как та, которую использовал Фауст. Более того, магические искусства, как его, так и брата Банги, не являются основной линией пьесы, для которой важнее тема любви Эдварда, принца Уэльского (будущего Эдуарда I) к Маргарет, «прекрасной деве из Фрессингфилда». Впрочем, в ходе пьесы Бэкон нередко занимается вызовом духов, и его работа в Брейсноузе подробно показана в эпизоде с бронзовой головой. Следует отметить, что Майлс, слуга Бэкона, совершенно соответствует пороку из моралите, и в конце драмы он уезжает со сцены на спине дьявола, в то время как Бэкон сообщает о своем решении провести остаток лет, замаливая грехи, совершенные им при занятиях некромантией и магией.

В пьесе Грина *«Неистовый Роланд»* (1594), в основе которой произведение Ариосто, в песне XXIII, мы встречаемся с волшебницей Мелиссой; в *«Альфонсе, короле Арагонском»*, 1599, явно бывшем имитацией *«Тамбурлена»*, сивилла с классическим именем Медея призывает Калхаса «в белом стихаре и кардинальской митре», и здесь вновь видим бронзовую голову, чрез которую вещает Магомет. Значительно более интересна пьеса *«Зеркало для Лондона и Англии»* (1594), разработанная история на тему пророка Ионы и покаяния Ниневии. Среди персонажей добрый ангел, злой ангел и «некто, облаченный в наряд дьявола», причем его изрядно побивает буффон Адам. Публикация состоялась в 1598 году «после того, как немало спектаклей было сыграно». Подзаголовок был следующим: *«Шотландская история о Якове четвертом, убитом во Флоддене. В сопровождении элегантной комедии, представленной Обороном, королем фей»*. Но феи (fairies) [599] появляются лишь в прозаическом прологе и в кратких интерлюдиях между актами.

Весьма интересна интерпретация старинного фольклора Джорджем Пилом в *«Истории старых кумушек»*. В некоторых из насыщенных ароматом древности эпизодов встречаем мага Сакрипанта, сына знаменитой ведьмы Мерое [600], который похищает и удерживает с помощью магии принцессу Делию. Власть его зависит от света, направляемого магическим зеркалом, разбить которое можно лишь при определенных обстоятельствах. В конечном итоге Сакрипанта удастся победить с помощью дружественного духа по имени Джек, зеркало разбито, свет затушен, и леди возвращена своему возлюбленному и друзьям.

Другие маги, являвшиеся на сцене в елизаветинские времена и эпоху ее ближайших преемников: Брайан Санфуа в очень простенькой драме *«Сэр Клемон и сэр Кламид»* (1599); Волшебник в *«Войнах Кира»*; брат Бэкон, брат Банги и Жак Вандермост в *«Брате Бэконе и брате Банги»* Грина; Мерлин и Проксимус в псевдошекспировской пьесе *«Рождение Мерлина»*, где также фигурирует дьявол; Ормандини и Аргалио в *«Семи защитниках Христианства»*, где на сцене появляются Калиб, ведьма, ее инкуб Тарпакс и их фиглярствующий сын Сукабус; Комас в маскарадной пьесе Милтона; Маго, маг с тремя фамилиарами, которых зовут Эо, Мео и Арео, в пьесе Кокена *«Trappolin Creduto Principe»* – *«Трапполин, почитаемый принцем»* (1656), отличном легком фарсе, который был впоследствии переделан Найемом Тейтом в спектакль *«Герцог и не Герцог»*, поставленный в Друри-Лейн в ноябре 1684 года, и который мог преподноситься зрителям как «комическая мелодрама-бурлеск» или опера баллад, или же фарс. Последний из перечисленных спектаклей сохранял свою популярность вплоть до первых десятилетий XIX века.

Учитывая, что актеры – «краткие хроники своего времени», вряд ли стоит удивляться тому, что ведовство играло немаловажную роль в театре Шекспира. Не говоря уже о такой фэнтезийной пьесе как *«Сон в летнюю ночь»*, фигуры, подобные «потертому ловкачу» Пинчу из *«Комедии ошибок»*, сцены вроде маскарада хобгоблинов за магическим дубом Херна, отсылки к матушке Прат, старой женщине из Бредфорда, использовавшей «чары да заклинания», и общение Ричарда, герцога Глoucestersкого с «женой Эдварда, этой жуткой ведьмой» присутствуют в исторической драме *«Генрих VI»* (часть 2), в которой сцена произнесения заклинаний представляется достаточно важной. Романтическая комедия Шекспира *«Буря»*, трагедия *«Макбет»* не только содержат в себе магические мотивы, но можно сказать, что все действие их разворачивается вокруг актов колдовства и событий сверхъестественного плана. Следует, видимо, отметить, что пьеса о шестом из Генрихов осквернена самим ее автором, создавшим мерзкую карикатуру на св. Жанну д'Арк, безусловно, этих страниц должна стыдиться английская литература больше, чем чего бы то ни было. Сцена, созданная Шекспиром, настолько отвратительна, что, буквально, не хватает слов, добавлю лишь, что в одной из сцен многочисленные фамилиары действия своими приводят на память описания современных автору ведьмовских процессов. Но связывать эти реалии со св. Жанной – вот против чего восстают разум и сердце.

В *«Короле Генрихе VI»* (часть 2) герцогиня Глoucestersкая нанимает Джона Хьюма и Джона Саутвелла, двух священников, мага Болингброка и Марджори Джордемен, ведьму, для того чтобы вызвать духа, который бы рассказал о будущем, ожидающем короля и герцогов Суффолка и Сомерсета. Сцена выписана с необычайной искусностью и вполне способна внушить ужас читателю. В то время, как демон растворяется среди звуков грома и ударов молний, герцог Йоркский со своей стражей врывается в дом и арестовывает всю компанию. Впоследствии двое священников и Болингброк были приговорены к повешению, ведьма была «сожжена до пепла» в Смитфилде, а герцогиня Глoucestersкая после публичного покаяния в течение трех дней была выслана до конца жизни на острова Мэн.

Происшествия эти были изображены Шекспиром с достаточной точностью. Действительно, герцогиня Глoucestersкая, женщина амбициозная и безнравственная, призвала к себе для совета Марджори Джордемен, более известную как Айская ведьма, астролога Роджера Болингброка, Томаса Саутвелла, каноника церкви св. Стефана, священника по имени сэр Джон Хьюм или Хун и некоего Вильяма Вудхема. Эти люди нередко проводили тайные встречи и, как стало известно, они изготовили восковой образ короля, помещенный затем на медленный огонь. Болингброк сделал признание, и Хьюм также пошел навстречу следствию. В 1441 году Болингброк был помещен на высокий помост перед Paul's Cross вместе с тщательно выгравированным и выкрашенным стулом, который предположительно служил для некромантических действий, найденным в его доме, и в присутствии кардинала Бофора из Винчестера, Генри Чичли, архиепископа Кентерберийского, и специального епископского собрания должен был отречься от своих магических искусств. Герцогиня Глoucestersкая, которой было отказано в убежище в Вестминстере, была арестована и доставлена в замок Лидс у Мейдстоуна. Вместе со своими помощниками она предстала в октябре перед судом, и ей был вынесен тот приго-378

вор, о котором мы здесь уже писали. Марджери Джордемен погибла на костре как ведьма и вернувшаяся на круги своя еретичка. Томас Саутвелл умер в тюрьме, а Бо-

лингброк был повешен в Тайборне 18 ноября.

В «*Буре*» Просперо представлен нам более философом, нежели магом, а Ариэль, скорее, из *фэйри*, нежели из фамилиаров. Магия Просперо носит характер интеллектуальный, и в ходе всей пьесы Шекспир последовательно изображает его отчужденным от обычных человеческих страстей и амбиций. Впрочем, его любовь к Миранде изображена великолепно, и однажды, когда он узнает о подлой неблагодарности Калибана, Просперо все-таки впадает в гнев. Те м не менее, направляя судьбы тех, за кем он не без заботы присматривает, и совершенно избегая мысли о мести, он выступает в роли провидения для остальных персонажей, направляя действие к финальному примирению и всеобщему согласию. Но, даже учитывая это обстоятельство, видимо, автору пришлось встретиться с определенными трудностями при представлении этой пьесы аудитории во времена Елизаветы и можно лишь восторгаться тому искусству, с которым Шекспир выполнил стоявшую перед ним задачу при изображении «грубой магии» Просперо! В Сикораксе мы узнаем традиционный образ ведьмы, вполне злой, жестокой, мерзкой, подруги и госпожи демонов.

Мало существует сценических действ, которые бы так привлекали внимание театралов всего мира, как ужасная увертюра к «*Макбету*». В страшную бурю посреди пустошей неожиданно мы сталкиваемся лицом к лицу с тремя загадочными призраками, оседлавшими ветер и затем смешавшимися с туманом при громе, молнии и проливном дожде. Они не просто агенты зла, но само зло; безымянны, почти невидимы, чудовищны. И затем, после краткого перерыва, они сообщают, что занимаются тем, что насылают мор на свиней и выпрашивают каштаны у жены некоего матроса, похваляясь талисманами вроде пальца утонувшего морехода – деяния в духе матушки Демдайка или Анны Бишоп из Винкантона в Сомерсете. Продумал ли Шекспир этот резкий переход? Мне кажется, что нет, а ведь быстрота, с которой он сделан, обращает на себя внимание. Встреча ведьм с Гекатой, весьма сердитой и ругающей их за то, что они завели с Макбетом дела, не посоветовавшись с ней, в этом отношении весьма схожа с предыдущей. Несмотря на всю мрачную обстановку обители Гекаты и котел, стоящий посреди ее, действия ведьм, пусть они мерзки и отвратительны, слишком материальны, чтобы именовать их «деянием без имени». Здесь чувствуется известная слабость, и в пользу гениальности автора говорит то, что слабость эта не ощущается при чтении пьесы. Те м не менее, для театральных постановок сцены колдовства следовало существенно дополнять. Давенант в своей открытой оперной версии «*Макбета*», поставленной в Дорсет Гарден в феврале 1673 года, чрезвычайно подробно разработал сцены с участием ведьм, как совершив ряд заимствований из «*Ведьмы*» Миддлтона, так и добавив песни и танцы, следуя существующей театральной традиции. [601]

Не существует причин сомневаться в том, что «*Ведьма*» была написана позже «*Макбета*», но будет справедливым добавить, что точная дата создания «*Ведьмы*» неизвестна, первое ее издание состоялось лишь в 1778 году по манускрипту, ныне находящемуся в Бодлеанской библиотеке, что же касается «*Макбета*», то, видимо, он был издан не позже 1610 года, скорее всего, в 1606-м, хотя и здесь у нас нет твердой уверенности. «*Ведьма*» конечно, хорошая пьеса, но трудно назвать ее выдающейся. В связи со сценами произнесения инкантаций (напевных заклинаний. – Прим. пер.) и текстуальным связям с «*Макбетом*», она обращала на себя внимание критиков и снискала неплохую репутацию. Сами ведьмы, Геката и ее компания, стоят где-то по-

середине между мистическими нормами первой сцены «Макбета» и бедной старухой из Деккера в «Эдмонтонской ведьме». Пожалуй, ведьмы здесь лишь немногим уступают макбетовским, как они представлены после вступительной сцены. Есть нечто жуткое в их откровениях, что не может быть заслонено даже грубостью клоуна Файерстоуна, сына Гекаты. Они поднимают «несогласия, ревность, раздор, сжигающую сердца ненависть, подобно густому налету над жизнью», и, хотя фигуры их часто представляются гротескными, не следует несерьезно относиться к их способности творить зло. Многие из их жаргона, их чары и деяния заимствованы из «*Discoverie of Witchcraft*» Реджинальда Скотта, книги, изданной в Лондоне в 1584 году.

Деревенская ведьма, как являлась она своим современникам, грязная старая карга с горбом, невежественная, жаждущая зла, ненавистная Богу и людям, фотографично была показана в «Эдмонтонской ведьме»; «*Подлинной истории*», рассказанной Роули, Деккером и Фордом. Пьеса была впервые поставлена в Кокпите на Друри-Лейн осенью или зимой 1621 года. Видимо, в свое время пьеса была очень популярной и не только снискала аплодисменты в публичных театрах, но была представлена самому королю Якову при дворе. До печати она, однако, добралась лишь в 1658 году.

Суд и казнь (19 апреля 1621 года) Елизабет Сойер привлекли немалое внимание со стороны разных слоев английского общества. Баллады и простонародные песенки были сочинены по поводу этих событий, и в них передавались подробности о вызванных ее магией бедствиях, о том, как поразила она всходы злаков, о том, что повсюду ее сопровождали хорек и сова, о том, что и в тюрьме ее не покинули многочисленные демоны и фамилиары. Эти песенки были популярны не только в день казни, но продолжали градом обрушиваться на миссис Сойер и после ее смерти, будучи опубликованными и хорошо раскупаемыми. Соответственно официальные власти выпустили «*Чудесное раскрытие Елизаветы Сойер, ведьмы родом из Эдмонта, ее признание, осуждение и смерть вместе с рассказом о приставленных к ней демонах и о их совещаниях*», «написанное Генри Гудколом, проповедником слова Божия, постоянно ее посещавшим в Ньюгейтской тюрьме». Опубликовано с разрешения властей в 1621. Трактат построен в форме диалога, вопросы задавал Гудкол, а ответы давала узница, сделавшая обширное признание о совершенных ею преступлениях.

В ряде отношений «Эдмонтонская ведьма» едва ли не самая интересная и ценная для нас из драм о ведьмах, поскольку здесь мы сталкиваемся с каргой, полностью лишенной ореола могущества и романтики. Ведьма, представленная нам, более чем реалистична. Мы узнаем, что обитает она в бедной лачуге, «презираема и ненавидима как болезнь», в ужасающей нищете, согнутая тяжелой жизнью, видим, с каким трудом волочит она ноги по полям, как она развешивает свои лохмотья. Если же она осмелится подобрать несколько колосков, то немедля ее гонят ударами и непереносимыми словами. Удивительно ли, что она всегда готова к мщению и проклятиям?

Ведь все одно –

Ведьма ты или тебя такой считают.

Затем появляется Черный Пес и заключает с ней договор, скрепленный кровью. Она портит урожай и насылает ящур на скот своих гонителей; в одном месте конь заболел сапом, в другом – выкинула свиноматка; девушка сбивает масло девять часов без каких-либо результатов; наконец, жена фермера, которого она ненавидела, сходит с ума и умирает в страшной агонии; бесчестие и зло правят в городе. Но в конечном

итоге фамилиар покидает ее, ведьма попадает в руки правосудия, и после суда ее доставляют плачущей и вопящей в полном отчаянии в Тайбурн. Картина, безусловно, мерзкая и ужасная, но, без сомнения, правдивая.

Вполне очевидно, что в этой драме [602] слабый и дегенеративный Фрэнк Торни был написан Фордом. Этот персонаж имеет параллель в Джованни из пьесы *«Какая жалость, что она шлюха»*. Виннифред также обладает сентиментальным шармом героинь Форда Аннабеллы и Пентеи.

Картер – безусловно, порождение Деккера. Саймон Эйр и Орландо Фискобальдо очень похожи, оба они сердечные, грубовато-добродушные, гостеприимные, исключительно честные пожилые джентльмены. Деккеру я также приписываю образ самой матушки Сойер.

Рука Роули чувствуется в сценах, где появляются Кадди Бэнкс и его клоуны.

Следует упомянуть, что Елизабет Сойер фигурирует в *«Портретах, мемуарах и характерах необычных людей»* Колфилда, изданных в 1794 году, и о ней упоминается в книге Робинсона *«История и древности прихода в Эдмонтоне»*, в которой присутствует даже гравюра с «редкого экземпляра в коллекции В. Бекфорда, эскв.».

Вторая драма, действие которой также базируется на современном процессе, – *«Последние ведьмы из Ланкашира»* Хейвуда и Брума. «Хорошо принимаемая комедия» ставилась в Глобе в 1634 году [603]. За год до этого в 1633 году ведьмовские процессы привлекли внимание всей Англии к Пендлскому лесу. Мальчик по имени Эдмунд Робинсон 11 лет от роду, живший в тех местах вместе со своим отцом, бедным лесорубом, рассказал длинную и детализированную историю, вслед за чем последовал ряд арестов по всей округе. В День Всех Святых, собирая хворост, он увидел на поле двух борзых, одну черную, другую коричневую, на каждой ошейник из золота. Они стали вилять перед ним хвостом, и немедля рядом, откуда ни возмись, появился заяц. Но собаки не стали его преследовать, тогда он стал стегать их прутом, и неожиданно черная борзая превратилась в старую даму, в которой он опознал матушку Дикинсон, печально известную в тех местах ведьму, другая же собака стала маленьким мальчиком, которого он до этого не видел. Ведьма предложила ему деньги, то ли за то, чтобы он сохранял молчание о случившемся, то ли в качестве платы за его душу, но он отказался. Те м временем Дикинсон достала из кармана нечто вроде уздечки, перебросила ее через голову мальчика, и он превратился в белого коня. Обхватив молодого Робинсона, она заставила его сесть вместе с ней на коня, и с великой скоростью они оказались доставленными к большому дому, где собралось уже около шестидесяти человек. Горел жаркий огонь, и на вертеле уже вращался огромный кусок мяса. Робинсона пригласили отведать «Плоти и хлеба из блюда, также отпить из стакана», но он, слегка откусив, немедля отошел от этой еды. Затем его провели в примыкающий сарай, где семь пожилых женщин тянули за семь веревок, свисающих с крыши. И пока они тянули веревки, большие куски мяса, ломти масла, буханки хлеба, черные пудинги, молоко и прочая деревенская еда падала в большие тазы, которые были поставлены под веревками. Когда эти карги уставали, то их место занимали немедля семь следующих. И пока они занимались этим трудом, лица и взгляды их стали столь дикими, что Робинсон решился бежать. За ним тут же погнались, и он опознал матушку Ллойнд во главе погони. Но, к счастью для него, на пути оказались двое всадников – путешественников, и все ведьмы скрылись. Немного спустя, когда вечером его послали задать корму двум буренкам, в темноте он наткнулся на уже упомянутого парня, кото-

рый стал с ним бороться и довольно сильно поранил. Случайно взглянув вниз, он обнаружил, что у его противника на ногах копыта, и тогда Робинсон вновь пустился в бегство, однако перед ним предстала сама матушка Ллойнд с фонарем в руках. Пришлось отходить и опять вступать в неравный бой с копытоногим пареньком [604].

Ведьма в заключении

Такую историю, поддержанную его отцом, поведал он судьям. Все окрестности охватила паника. Матушки Дикинсон и Ллойнд немедленно оказались в тюрьме, и в следующие несколько дней было арестовано еще около 18 человек. Робинсоны, старший и младший, заработали неплохие деньги, расхаживая от церкви к церкви и опознавая среди собравшихся членов конгрегации тех, кого они уже видели на ведьмовском собрании и в сарае. Шантаж деревенских семейств побогаче, угрозы раскрыть, что тот или иной присутствовал на мерзкой пирушке, позволили им заработать несколько сотен фунтов.

Процесс начался в Ланкастерском суде, и 17 человек из обвиняемых были немедленно признаны виновными. Но судья, совершенно неудовлетворенный такой фантастической историей, отсрочил приведение приговора в исполнение. Четверо заключенных были посланы в Лондон на осмотр королевскими медиками. Сам король Карл допросил одного из этих несчастных, и придя к выводу, что за всем этим процессом скрывается мошенничество, тотчас даровал прощение всем, кто был к нему причастен. В то же время доктор Джон Бриджмен, епископ Честерский, тоже провел личное расследование этого дела. Молодой Робинсон был поселен отдельно от своих родственников, с которыми ему было запрещено поддерживать общение, и после строгого допроса признался, что всем этим делом с самого начала управлял его отец, который подробнейшим образом наставлял его во всей лжи. Несмотря на это фиаско, разговор о ведовстве продолжался и далее, причем немало людей продолжало утверждать, что матушка Дикинсон действительно ведьма, даже если в данном случае сви-

детельства и оказались фальшивкой. Следует вместе с тем помнить, что за 22 года до этого в том же районе был раскрыт ковен из тринадцати ведьм, главной из которых была Елизавета Демдайк. Суд над ними состоялся «на сессии суда и в главной тюрьме Ланкастера перед лицом сэра Эдварда Бромли и сэра Джеймса Элтама». Сама Демдайк (она была слепа и возрастом за 80 лет) умерла в тюрьме, тем самым избежав правосудия, но 10 обвиняемых были казнены, и суд, продолжавшийся два дня, вызвал немалый отклик.

Представляется вполне возможным, что Хейвуд написал пьесу в 1612 году и повествовал в ней о первом сенсационном процессе и что потом, когда повторились практически те же события менее чем через четверть века он и всегда готовый к написанию пьесы Бром заново переделали старые сцены. В характере достойного деревенского джентльмена по имени Дженерос (Благородный), чья жена оказалась обвиненной в ведовстве, есть нечто поистине достойное, и его прощение ее преступления, когда она кается в нем, столь исполнено любовного пафоса, что на память приходит пьеса «*A Woman Kilde with Kindnesse*». В то же время страдания джентльмена при известии, что его жена вновь впала в старые грехи, выписаны очень реально, хотя Хейвуд и не стал словами изображать мучения разбитого сердца, что весьма мудро с его стороны, а ограничился всего лишь несколькими уместными здесь словами. Пьеса весьма верно изображает деревенскую жизнь того времени, простую, но не лишенную привлекательности. Комические ее эпизоды вполне можно счесть удачными: мы видим, как все в домашнем хозяйстве встает с ног на голову из-за колдовства, как испорчен был магией свадебный пир: кухню наводнили змеи, летучие мыши, лягушки, жуки и осы, и вдобавок ко всему этому несчастный жених стал импотентом. Во втором акте видим эпизод с мальчиком и прутом (молодой Эдмунд Робинсон) и двумя борзыми. Старуха Дикинсон переносит его против воли на «славный пир», где мы станем свидетелями того, как ведьмы с помощью веревок добывают еду:

*Дерну за веревку – и жаркое тут как тут,
Раз-другой – и рыбу нам дают.*

В пятом акте мальчик рассказывает Доти историю, как он встретился с Дьяволом. «Так он подошел к тебе в облике парня, говоришь, по какому-то делу?» – вопрошают его, и вся эта сцена совершенно напоминает детализированный отчет о случившемся, представленный ланкастерскому судье. Что касается ведьм, то Гуди Дикинсон, Мэл Спенсер, матушка Хэргрейв, бабушка Джонсон, Мег, Мод – все это реальные лица, обвиняемые Робинсоном; лишь образ миссис Дженерос был создан поэтом. Когда Робин, туповатый слуга, отказывается седлать серого мерина, она набрасывает на него уздечку и, используя в качестве коня, заставляет перенести на сатанинскую ассамблею. Действие происходит на мельнице, заселенной духами в облике котов. К мельнице для присмотра приставлен солдат. Две ночи никто его не тревожит, но на третью «появляются миссис Дженерос, Мэл, все ведьмы и их фамилиары». «Духи приближаются к нему с ужасающим шумом», но он отражает их атаки с помощью меча, отрубая одной из кисок в этой потехе лапку. На следующее утро вместо нее была найдена рука, белая и ухоженная, с камнями на пальцах. Дженерос опознает в них кольца, принадлежащие его жене, а сама миссис Дженерос в это время оказывается лежащей в постели, сказавшись больной. При ближайшем рассмотрении выясняется, что у нее до записья отрублена рука. Это решает ее судьбу. Все ведьмы схвачены и, несмотря

на свои чары и заклинания, опознаны несколькими свидетелями, включая мальчика, который «видел их всех вместе в сарае, и более того, на пиру и во время их колдовства».

Пьеса была написана сразу после ланкастерского суда, когда четверо из арестованных содержались во Флитской тюрьме в Лондоне для дальнейшего расследования и королевское прощение еще не было даровано подозреваемым. Что ясно следует из эпилога, в котором есть такие слова:

*Теперь же, пока ведьмы ожидают решения
Законной справедливости, мы просим также вас о
Благоприятном отзыве для нас; что им принесет
Их преступление, пока неведомо,
И время сей секрет пока не открывает. Еще, возможно, милость
Последует за проклятием и им дарует
Возможность жизни дни своей продлить.*

В данном контексте будет уместным рассмотреть драму, в значительной мере основанную на произведении Хейвуда и Брома и поставленную около пятидесяти лет спустя в Duke's House в Дорсет-Гарден. Имеется в виду пьеса Шедвелла «*The Lancashire Witches and Teague o Divelly, the Irish Priest*», впервые увидевшая свет осенью 1681 года (вероятно, в сентябре). Идея использования магии в пьесе была подсказана Шедвеллу почитаемым им произведением Бена Джонсона «*Маскарад королей*», поставленным в Уайтхолле 2 февраля 1609 года. Действительно, имитируя по возможности свой образец, Шедвелл приложил к первому, второму, третьему и пятому актам подробные записки, в которых описывается, как должно осуществляться то или иное магическое действие. Во введении (1682) он наивно признается: «Что же касается тех частей пьесы, в которых речь заходит о магии, то здесь я и не думал сравняться по мастерству с Шекспиром, который сам, используя собственное воображение, создал все колдовство своих книг (а по части воображения с ним не мог сравниться никто из смертных). Я же решил воспользоваться авторитетом его и других и взять уже имеющееся. Если на то пошло, то у меня не найти ни одного действия или слова, повествующего о чем-то иначе, чем в какой-либо из книг древних или современных искателей ведьм. Это можно проследить и по прилагаемым запискам, в которых представлена значительная доля доктрины о ведьмах». И действительно, у него присутствуют обширные цитаты из Вергилия, Горация, Овидия, Проперция, Ювенала, Тибулла, Сенеки, Тацита, Лукана, Петрония, Плиния, Апулея, Аристотеля, Феокрита, Лукиана, Петрония, св. Августина, св. Фомы Аквинского, Баптиста Порты, Бена Джонсона («*Печальный пастух*»), из «*Молота ведьм*» Якова Спренгера и Хейнриха Крамера, созданного около 1485 – 1489 годов. Присутствуют здесь выдержки из «*La Demonomanie des Sorciers*» Жана Бодена (1580), «*Daemon-olatria*» Николя Реми (1595), «*Disquisitionum Magicarum libri six*» Мартина Дель Рио (1551 – 1608), «*Historia Rerum Scoticarum*» (Париж, 1527) Гектора Боце (1465 – 1536), пятитомного *Formicarius* (1602) Иоганна Нидера (1380 – 1438), «*De Prestigiis Daemonum*» известного Джона Вивера, доктора герцога Клевского, «*De Gentibus Septentrionalibus*» [605] , книги, изданной в Риме в 1555 году Олавом Магнусом, знаменитым архиепископом Уппсалы, «*Discoverie of Withcraft*» Реджинальда Скота (1584), «*Daemonomagia*»

(1607) Филиппа Людвига Элиха, «*De Strigimagis*» Сильвестра Маззолини (1460 – 1523), авторитета Папского двора и защитника Святейшего Престола от ересиарха Лютера, «*Compendium Maleficarum*» (Милан, 1608) Франческо Марии Гваццо из конгрегации св. Амвросия, «*Disputatio de Magis*» (Франкфурт, 1584) Иохана Георга Гodelмана, «*Tractatus de Strigiis et Lamiis*» Бартоломео Спиньи, «*Decretum*» (около 1020) Бурхарда, епископа Вормского, «*De Sortilegiis*» (Лион, 1533) Паоло Гриллана, «*De Occulta Philosophia*» (Антверпен, 1531) Корнелия Агриппы, «*Apologie pour tous les Grands Hommes qui ont este faussement supconnez de Magie*» (1625) Габриеля Нодье, библиотекаря кардинала Мазарини, «*De Subtilitate*» (в 21 книге, издано в Нюрнберге, 1550) Джироламо Кардано, известного доктора и астролога, «*De magna et occulta Philosophia*» Парацельса, «*IV Livres des Spectres*» (Анжер, 1586) Пьера ле Лойе, сера де Броссе, причем здесь Шедвелл использовал английский перевод, осуществленный Джонсом и изданный в 1605 году.

Таким образом, Шедвелл цитирует не менее 41 автора, авторитетного в области магии, причем нередко цитаты из одного ученого следуют одна за другой, и дается не просто фраза, а подчас большой абзац.

Но весь этот, скажем, парад учености, и может быть, именно в его силу, проходит во многом мимо читателя, и, во всяком случае, пьесу художественной не назовешь по той причине, что сцены свои Шедвелл делал весьма грубо, они длительны, но при этом минимально воздействуют на зрителя. Шедвелл имел неплохой драматический дар, он мог создать интересный персонаж, особенно там, где надо было изобразить человека со странностями, можно даже сказать, что его сцены являют из себя триумф фотографического реализма. Правда, из большого материала он не мог выбрать нужное; он собрал все в кучу и затем вынес ее на сцену, и поскольку даже в правление Веселого Короля были люди, любившие поскучать, то и спустя много времени пьеса Шедвелла могла (хотя это происходило не часто) появиться на театральных подмостках. Другие пьесы этого автора, такие, как «*Сердитые любовники*», «*Эпсомские колодцы*», «*Виртуозо*», «*Bury Fair*», «*Сквайр из Альсацции*», «*Волонтеры*» да едва ли и не все остальные, полны шумного веселья, признаться, несколько грубоватого, как было заведено в те времена. Драйден, отлично знавший творчество Шедвелла, беспощадно высмеял его по собственным соображениям [606]. С тех пор все уверены, что Шедвелл – автор очень скучный, не исключая тех, кто никогда его ни читал. Но действительно в объемистом произведении этого поэта нельзя найти ни искры поэзии. Ведьмы его не более чем персонажи фарса, но фарса весьма мрачного и неприятного, поскольку Шедвелл энциклопедически отмечает все детали шабаша; если же кто вздумал бы пожаловаться, то, вероятно, привел бы слова Гваццо или Реми, или дал бы цитату на страницу из Бурхарда или Спиньи в свою поддержку. Та к что ведьмы получились у Шедвелла, несмотря на весь свой материализм, вполне реальными. Они представляют одну из сторон демонического культа, пусть выполнены сыро и грубо.

Я придерживаюсь мнения, что сцены с участием ведьм далеко не худшие в пьесе. Карикатура на католического священника Тейга О'Дайвели просто чудовищна и мерзка. Он изображен невежественным, праздным, распутным, лжецом, трусом, фигляр, слишком хитрым для дурака, слишком злонамеренным для простого плута. Шедвелл проявил себя не только неважным писателем, но и человеком, исполненным злых помыслов [607].

Однако и к протестантам он также не испытывал особого пиетета; видно это по тому, что Смерк, капеллан сэра Эдварда Хартфорда, именуется «глуповатым, подловатым, папистом, человеком надменным и дерзким, который при надобности мог быть и льстивым».

Стоит ли удивляться тому, что после того, как пьесу выдали на руки актерам, начались жалобы, и Чарльз Килгрю, в чьи обязанности входило утверждать пьесы для постановок, послал за ее текстом и, видимо, теперь лишь внимательно просмотрев, разрешил продолжить прослушивание только при условии значительной ее правки и уничтожения оскорбительных выражений. Несмотря на это, диалоги носят характер явно оскорбительный. На первом же представлении пьесу ждало фиаско, и она была безжалостно освистана, чего, без сомнения, заслуживала. И все-таки она удержалась на сцене. Дело в том, что в те дни обсуждалось принятие третьего акта об Исключении, но парламент уже начинал терять свои позиции и 28 марта был распущен. 31 августа Стивен Колледж, фанатик, уличенный в измене и многих других преступлениях, был наконец вздернут на виселицу, а скоро (в ноябре) был арестован и посажен в тюрьму жестокий Шефтсбери. Часть диалога, не дозволенную к печати, Шедвелл напечатал курсивом [608], и тут мы можем убедиться, насколько прав был цензор. Политическая сатира получалась у Шедвелла особенно грязно, обвинения против Церкви непристойны и злобны.

Успех, который имели *«Ланкаширские ведьмы»* в театре, а постановки этой пьесы возобновлялись довольно часто, объясняется работой механизма и рядом сценических эффектов, вроде «полетов» ведьм, а также музыкой, бывшей столь важной для этого спектакля, что Даунс называет его даже «чем-то вроде оперы».

В написанной Шедвеллом сцене шабаша появляется сам дьявол, однажды в облике козла, в другой раз в форме человеческой, спутники же его поклоняются ему в ходе отвратительных церемоний. Имена ведьм – матушка Демдайк, матушка Дикинсон, матушка Харгрейв, Мэл Спенсер, Мадж. Присутствуют и многие другие безымянные ведьмы.

Елизабет Демдайк и Дженнет Харгрейвз проходили по первому в Ланкашире процессу над ведьмами и были казнены в 1612 году. Фрэнсис Дикинсон и Мэл Спенсер были «разоблачены» Робинсоном в 1633 году. Таким образом, очевидно, что Шедвелл смешал здесь два разных эпизода. В его пьесе присутствует сцена охоты, в ходе которой заяц неожиданно превращается в матушку Демдайк; ведьмы поднимают настоящий шторм в погребке сэра Эдварда, подобно тому, как это сделали Мадж Грей, Добрая Прайс и Добрая Джонс в *«Легендах Ингольдсби»*; Мэл Спенсер седлает Клода, деревенского парня, и направляется на нем на ведьмовской праздник, где Мадж принимают в адское сестричество; ведьмы в облике кошек кидаются на людей с оглушительным мяуканьем и сильно их царапают, То м Шаклхед отрубает лапу злобной кошке, и на следующий день обнаруживается, что у матушки Харгрейв руки как не бывало: «рассказ об отсутствующей руке очень старый», – пишет Шедвелл в своих примечаниях. Мы видим, что наш драматург позаимствовал многие эпизоды у Хейвуда и Брома. Впрочем, справедливым будет повторить, что он активно черпал материал и из первоисточников.

Вскоре после Реставрации была опубликована пьеса о едва ли не самой известной английской сивилле, *«Жизнь матушки Шиптон»*, «Новая комедия. В том виде как она шла 19 дней с великим успехом. Написана Т[омасом] Т[омсоном]». Среди дей-

ствующих лиц видим Плутона, императора ада, с Прозерпиной, его императрицей; Радамона, главного духа; четверо других демонов; место действия – «город Йорк и роща Несборо в Йоркшире». Сделана пьеса, надо заметить, весьма грубо, по сути дела, сляпана из «Честной девушки в Чипсайде» Миддлтона и «Городской мадам» Массингера. Эпизоды с участием матушки Шиптон заимствованы из старых дешевых изданий для народа, в которых рассказывается о ее удивительных приключениях и пророческом даре. Агата Шиптон (обычно она фигурирует как Урсула) жалуется на свою жестокую долю, а затем натывается на Радамона, высокопоставленного демона из ада. Он обещает встретиться с ней позже и возвращается к себе похвалиться успехом. Затем он вновь предстает перед ней, одетый уже благородным джентльменом. Он женится на ней; через какое-то время мы видим ее уже посреди изобилия и богато одетой. В начале третьего акта она вновь оказывается в бедном домике. Пока она возносит жалобы, входит Радамон и сообщает ей, кто он на самом деле, после чего дарует ей магическую силу. Повсюду распространяется слава о ней и, как гласит одна история из народа, сам аббат Беверли прибыл к ней переодетым для того, чтобы проверить ее искусство. Она немедля его узнала и предсказала к великой его досаде о грядущем разорении монастырей и прочих событиях. В конце пьесы матушка Шиптон смогла перехитрить демонов, когда они попытались схватить ее. Она была удостоена небесного видения и после этого остаток жизни каялась и молилась. В целом драма представляет собой довольно грубую смесь и более любопытна, нежели ценна в художественном отношении.

В трагедии Невилла Пейна «Фатальная ревность» [609], поставленной в Дорсет-Гарден в августе 1672 года, есть очень неплохо написанные сцены. Среди персонажей – ведьма, тетушка Джаспера, нарушитель мира. Джаспер, слуга Антонио, просит свою тетю помочь ему в коварных планах. Сперва он полагает, что она настоящая волшебница, но потом она открывает ему правду и честно сообщает, что:

*Хоть не умею я демонов вызвать,
Со многими, однако, знаюсь бродягами и жуликами,
Одеться они смогут при надобности и эльфом
И гоблином.*

Ее помощники Пустослов и Плеск, Нырок, Хлыщ, Щелк, Золоченый, Отмычка и другие ловкие ребята, должным образом переодетые, хорошо выучились искусству обмана. Те м не менее, они устраивают сцену колдовства для того, чтобы убедить Антонио, что его жена Целия ему неверна. «Старый танец демонов», последовавший затем, прерывается вторжением стража. Тетушка показывает Джасперу потайное укрытие, но он тут же ее убивает и скрывает там тело. Он сообщает другим, что, будучи истинной ведьмой, она растворилась в воздухе посредством магии. Капитан стражи, однако, давно уже знающий о ее шарлатанстве, скоро находит в доме маску демона и костюм домино. Позже маленький мальчик, пойманный также в облачении демона, признается в обмане и, дрожа всем телом, добавляет, что в одном из секретных ходов они нашли тело своей госпожи и что она зарезана. Наконец, Джаспер разоблачен и лишь с помощью кинжала избегает заслуженной справедливости. Характер ведьмы не столь уж сильно отличается от героини «Мудрой женщины из Хогсдона» Хейвуда, хотя в «Фатальной ревности», как было показано, события принимают трагический и кровавый оборот. Смит играл при постановке Антонио, миссис Шедвелл – Целию,

миссис Норрис – ведьму, Сэндфорд получил известность в роли Джаспера.

Сцены колдовства присутствуют в трагедиях Драйдена, но его произведения уже не входят в поле нашего обозрения, поскольку его маги – персонажи романтического плана, можно даже сказать, что они служат декорацией для разворачивания событий и вырисованы так, что говорить о связи их с реальностью не приходится. Можно упомянуть известный эпизод в *«Индийской королеве»* (поставлена в Королевском театре в январе 1663 – 1664 годов), в ходе которого Зампоалла находит пророка Исмерона, вызывающего Бога снов для предсказания ее судьбы [610]; в четвертом акте *«Тиранической любви»* (Королевский театр, июнь 1669 года) сцена представляет индийскую пещеру, где по просьбе Плацидия маг Нигринус вызывает видение спящей св. Екатерины, являются различные астральные духи, лишь для того, чтобы пролететь перед Амариелем, ангелом-хранителем святой. В *«Эдипе»* Драйдена и Ли (Дорсет Гарден, декабрь 1678 года) Терезий играет немалую роль в развитии сюжета, и третий акт почти целиком посвящен совершению некроромантических действий, с помощью которых в глубине священной рощи появляется призрак Лая. Более того, в *«Герцоге Гизе»* (Королевский театр, декабрь 1682 года) фигуры Маликорна и его фамилиара Меланакса поистине способны внушить ужас, и та сцена [611], где несчастного волшебника, судьба которого предрешена, влекут на вечные муки, не может читаться без содрогания и вряд ли уступает даже финалу *«Фауста»* Марло. В четвертом акте *«Софонисбы»* Ли (Королевский театр, апрель 1675 года) действие происходит в храме Беллоны, жрицы которой показаны совершающими свои ужасные ритуалы. Кумана становится одержимой неким духом, в ярости она впадает в неистовство, следует танец духов, и перед зрителем проходит ряд видений.

В забавной переделке Отвея *«Ромео и Джульетты»* на римский лад в *«Историю и Падение Га я Мария»*, поставленной в Дорсет Гарден осенью 1679 года, сирийская ведьма Марта появляется лишь на миг, для того чтобы предсказать Марию удачу и начать танец духов мановением своего жезла.

Близкая к опере постановка Чарльза Давенанта *«Цирцея»* (Дорсет Гарден, март 1676 – 1677) искажает известный миф самым причудливым образом. В ней видим бесконечные танцы, шторма, сновидения, явление Плутона в колеснице, запряженной черными конями, но все эти вещи, более-менее уместные на сцене и дающие эффект при свете свечей и звуках скрипок, с трудом выносимы при чтении сценария пьесы. Рагуза, волшебница в драме Тейта *«Брут из Альбы, или Заколдованные любовники»* (Дорсет Гарден, май 1678 года), фигура куда внушительней. Тейт создавал свою магию не без искусства, и заключение третьего акта заслуженно удостоилось высокой оценки Лэмба. Интересно, что сюжет *«Брута из Альбы»* представляет собой историю Дидоны и Энея, имена героев Вергилия были изменены, «дабы не пренебречь законами скромности», как писал Тейт. Те м не менее, Тейт создал либретто для оперы Генри Перселла *«Дидона и Эней»*, где также появляются ведьмы. Следует помнить, что популярность *«Макбета»* не уменьшалась в течение всего периода Реставрации и, как уже отмечалось, при постановке сцен с участием ведьм использовались все сценические эффекты, возможные на тот день: механизмы, танцы, песни, искусственная мишура. Постановка следовала за постановкой, каждая последующая носила еще более декоративный характер, нежели предыдущая, и театр был неизменно переполнен. Даффетт взялся высмеять эту моду, что и сделал успешно в необычном эпилоге к своей сатире *«Императрица Марокко»*, поставленной в Королевском театре весной 1674

года. Однако, несмотря на осмеяние, «*Макбет*» продолжал успешно идти на сцене.

Немало духов появляется в никогда не поставленной трагедии герцога Оррери «*Зороастр*» [612], главный персонаж которой «король Персии, первый маг». Его сопровождают «несколько духов в черном, на лицах их страшные маски», в конце представления появляются фурии и демоны, указуя потушенными факелами на монарха, и затем тащат его в ад, в то время как с неба на них извергается огонь. Можно быть вполне уверенным, что пьеса никогда не ставилась, и, надо отметить, из всех дешевых мелодрам эта выделялась своей дикостью.

Пьеса Эдварда Равенскрофта «*Дама Добсон, или Хитрая женщина*» (поставлена в Дорсет Гарден осенью 1683 года) является английской версией «*La Devineresse; ou les faux Enchantements*» (также возможно название «*Мадам Жо-бен*»), известнейшей комедии, написанной Тома Корнелем [613] и Жаном Донне де Визе. Французский оригинал был поставлен в 1679 году, и надо отметить, что искусство постановщика и находчивость, проявленную при устройстве различных трюков, можно счесть необычайными. Английская комедия на ту же тему называется «*Мудрая женщина из Хогсдона*», и запутанность ее в полной мере позволила автору проявить возможности техники. «*La Devineresse*» была опубликована в 1680 году, на обложке издания были изображены кошка, рука славы, зловредные травы, два пылающих факела и прочие излюбленные некромантами предметы. Более того, книгу украшают восемь иллюстраций, и все они весьма любопытны, так как на них видим сцены из комедии. Но «*Даму Добсон*» нельзя считать пьесой о ведовстве; речь там идет о ловком шарлатанстве. Сама протagonистка [614] героини происходит из того же бессмертного сестричества, из которого вышла сивилла Хейвуда, о которой сказано: «Она хитрая женщина, и зовется она так не случайно, так как своим невежеством выставила дураками многих, почитавших себя мудрецами».

Миссис Бен в своей интересной комедии «*Счастливый шанс, или Сделка Олдермена*», поставленной в Друри Лейн зимой 1686 года и опубликованной в 1687 году, повествует о ложной магии в главных сценах, где Геймен (Беттертон) тайно приводится подмастерьем Бредвелом (Боумен), переодетым в демона, в дом леди Фулбэнк (миссис Барри). Здесь его принимает Перт, служанка, переодетая в старую ведьму, которая и доставляет Геймена в объятия его возлюбленной. Но весь этот эпизод обыгрывается как фарс и представляет, по сути, сложный маскарад с переодеваниями для поддержания интриги пьесы [615].

Шедвелл достаточно серьезно подошел к ведовству в 1681 году, и, несмотря на сдержанное отречение в обращении «К читателю», предшествующем «*Ланкаширским ведьмам*», мне кажется, он осознавал всю серьезность того, что в конечном итоге лежит за всеми этими многочисленными фарсами о колдовстве, несмотря на ту гротескность, которой отличаются формулы и заклинания, произносимые его собственными ведьмами и магами. За колдовство все еще полагалась смертная казнь, когда пятнадцать лет спустя Конгрейв легко высмеял представления о ведьмах при дворе. Форсайт («*Любовь за любовь*»), «неграмотный пожилой мужчина, сварливый и амбициозный, суеверный и претендующий на познания в области астрологии, хиромантии, физиогномики, толкования разнообразных знаков и снов», привык вести дружеские беседы с няней своей юной дочери. Как раз в это время Анжелика, его племянница приезжает с просьбой одолжить его экипаж, поскольку ее собственный сломался. Он ей отказывает и хочет заставить остаться дома, напевая себе под нос ста-

рую простонародную песенку о том, что не будет добра в том доме, женщины которого разъезжают, где хотят. Леди насмехается над ним, попрекает его ревностью его молодой жены: «Дядюшка, боюсь, что ты не хозяин в собственном доме. Ха-ха-ха!» Он настойчиво утверждает обратное, и она добавляет: «Могу поклясться, что по ночам вы занимаетесь незаконными делами; да, вы и старая нянюшка... Я видела вас вместе через замочную скважину как-то ночью, как вы подобно Саулу и аэндорской волшебнице колдовали с ситом и прокалывали себе пальцы для того, чтобы писать кровью имена невинных слуг на маленькой терке-шелкунчике для мускатных орехов, которую потом она забыла в чашке для вина с яйцами и сахаром». «Ах ты, потаскушка, ва-силиск», – восклицает вышедший из себя от ярости дядюшка. Анжелика продолжает издеваться над ним и дальше, еще более изощренно, обвиняет его и няню в том, что они вскормили фамилиара, «юного демона в облинии полосатого кота», и с последними оскорблениями на устах она отъезжает в полном восторге на портшезе.

Возвращаясь во времена более ранние, когда вряд ли было возможно, и уж точно крайне неразумно, столь весело относиться к ведовству, я хотел бы привести названия двух пьес, которые, сохранись они до нашего времени, определенно были бы очень интересны в данном контексте. К несчастью, нам известны лишь их имена: «*Ведьма из Айслингтона*», поставленная в 1597 году, и «*The Witch Traveller*» (Ведьма-путешественница? Путешествие в поисках ведьм?), разрешенная к постановке в 1623 году.

В добавление к «*Маскараду королев*», как было уже отмечено, эта пьеса послужила в известной степени моделью для Шедвелла, писавшего свои энциклопедические заметки о магии; Бен Джонсон в своей прелестной пасторали «*Печальный пастух*» представляет зрителям шотландскую ведьму Мадлен. Персонаж этот сотворен энергичными мазками; реализм соединяется с романтикой.

Во время сцены ссоры, которой начинается «*Алхимик*», Фэйс угрожает Сабтлу:

*Подведу тебя, я, мерзавец, под
Статут о колдовстве, tricesimo tertio
Нашего Гарри Восьмого.*

Простак Дэппер выпрашивает у Сабтла фамилиара, о чем зритель узнает из рассказа Фэйса (I, 2):

*Да, он просит, но не коня или еще кого –
Всего лишь надо-то ему муху,
А не кого-либо из больших фамилиаров.*

И позже, для того чтобы совсем его запутать, Дол Коммон предстает перед ним как «королева фэйри». Королева эльфов из Эльфхейма, упоминавшаяся в материалах шотландских ведьмовских процессов, судя по всему, в точности соответствует французской королеве шабаша. В 1670 году Джоан Вейр признавалась, «что когда она работала в школе в Далкейте, высокая женщина пришла в ее дом, когда там были дети; и как показалось подательнице сего заявления, у той за спиной стоял ребенок и еще двое были по бокам от нее, и эта женщина захотела, чтобы подательница заявления наняла ее с тем, чтобы говорить перед королевой фэйри, и сражалась бы на ее стороне с этой королевой (как сама она сказала)» [616].

Бомонт и Флетчер дают нам всего несколько отсылок на ведовство в своих многочисленных драмах. Можно вспомнить демона женского пола Люциферу в пьесе «Пророчица», но весь эпизод с ее участием носит, по сути, комический характер. Дельфия, скорее, пророчица из классических произведений античности и очень удалена от персонажей вроде Сойер, Демдайк или Дикинсон. Сульпация в «Деревенском обычае» носит магический наряд и по просьбе Ишполиты чуть не сводит своими заклинаниями Зенокию в могилу, но все же она скорее сводня, чем ведьма. Петр Веккио в «Шансах», «известный маг», такой же продувной и хитрый персонаж, как фигляр Фобробоско, мелкий жулик, которого посылают на каторгу в конце «Прекрасной трактирщицы»; или один из героев Ширли доктор Шаркино [617], с которым глупые слуги советуются о пропаже серебряных ложек и салфеток; или Альбумазар Томкиса; или, наконец, сам Сабтл Джонсона. [618]

В «Софонисбе» Марстона (изд. 1606) появляется Эрихто, заимствованная из Лукана. Монах из пьесы Чапмена «Bassy d'Ambois» (1607) облачается в магическое одеяние и после звучного песнопения на латыни вызывает духов Бегемота и Картофилакса в присутствии Басси и Тамиры.

Значительно более интересной представляется драма Ширли «Св. Патрик в Ирландии», поставленная в Дублине в сезоне 1639 – 1640 годов. Тема ее – обращение Ирландии в христианство св. Патриком и противостояние его друидам во главе с их руководителем Архимагом. Личность св. Патрика воссоздается тонко, персонажу приписаны спиритуальные добродетели, и образ его исполнен тихой красоты. Что касается друидов, то и они в своей колдовской мощи весьма впечатляют. Эту волнующую драму следует расценивать как одно из самых впечатляющих достижений театра Ширли. Нам демонстрируются многочисленные попытки отнять жизнь у св. Патрика: в чаше с вином, поднесенной ему, подмешан яд, святой пьет ее без всякого ущерба; Милко, высокопоставленный чиновник, чьим слугой некогда был св. Патрик, запирает его с друзьями в доме и затем поджигает его. Христиане неповрежденными выходят из пламени, которое пожирает самого поджигателя. В последней сцене, когда св. Патрик засыпает, Архимаг призывает великое множество страшных змеев, дабы они пожрали его, но апостол Ирландии пробуждается и изгоняет всех ядовитых гадов с острова, в то время как земля разверзается и поглощает колдуна живьем. Особенно впечатляет сцена появления св. Патрика на острове, когда король с двумя сыновьями, друидами и благородными людьми совещаются у врат храма и вдруг неожиданно видят торжественную процессию, продвигающуюся сквозь лес, зрят сияющие кресты, шелковые знамена, горящие свечи, чуют запах фимиама, а до ушей их долетают слова сладкозвучного гимна:

*Post maris saeui fremitus Iernae
(Nauitas coelo tremulas beante)
Uidimus gratum iubar enatantes
Littus inaurans.*

(Теперь, когда пересекли мы свирепые океанские волны и достигли берегов Ирландии, Небо благословило своих бедных, исполненных страха путников и направило нас на путь, с радостью видим сияющий солнечный луч, направляющий нас на этих берегах.)

Мы уже рассказывали достаточно подробно о «*Докторе Фаусте*» Марло, и, думается, теперь будет уместно назвать три или четыре пьесы елизаветинского периода, в которых дьявол (демоны) появляется в качестве действующего лица, пусть даже и не играя значительной роли для развития сюжета. Эти пьесы, как правило, или серьезны наполовину, или вовсе относятся к фарсам. Так, в прологе «*Веселого демона из Эдмонтона*» (издано в 1608 году) колдун Питер Фабелл дурит демона, пришедшего потребовать выполнения подписанного ранее договора, и эта сцена поставлена должным образом, однако скоро сюжет принимает тривиальный оборот. «*Рождение Мерлина, или Дитя находит своего отца*» (не печаталась до 1682 года) являет собой курьезное сочетание фарса и романтики, не лишенное некоторых достоинств и даже известной поэзии, несмотря на свою неуклюжесть. Произведение Деккера «*Если это плохо, то виноват Дьявол*» (издание 1612 года), которое восходит к старой повести «*История брата Раша*», изображает попытки трех демонов из меньших распространить правление своего господина на Неаполь. Пьеса весьма невысокого уровня, очень плоская сатира – вот как можно охарактеризовать произведение поэта, явно мало компетентного в таких экстравагантных темах [619].

Пьеса Бена Джонсона «*Дьявол – осел*» была поставлена в 1616 году, и ее можно считать чисто комической. Паг, демон из меньших, посещает землю и нанимается слугой к сквайру из Норфолка, Фабиану Фицдоттрелю. В дальнейшем он пытается перехитрить тех или иных персонажей, но неизменно терпит постыдное фиаско от простых смертных. Наконец он оказывается заключенным в Ньюгейте и от виселицы избавляется лишь благодаря вмешательству Порока и Беззакония, которые переносят его в иные места. Эту концовку можно сопоставить с завершением прекрасной комедии Вильсона «*Бельфегор, или Женитьба демона*» (поставленной в Дорсет Гарден летом 1690 года), когда Родриго с двумя приближенными демонами летит обратно в родной для них ад для того, чтобы избежать земных горестей.

В «*Договоре с Дьяволом*», пьесе Барнабы Барнса (1607) мы сталкиваемся, безусловно, с достаточно серьезной трагедией, которая если не полностью основана на сюжете «*Фауста*» Марло, то, во всяком случае, многое оттуда заимствовала. Это блестящая мелодрама, хотя и совершенно неисторическая. Ее можно назвать тофетом inferнальных кошмаров. Главной ее особенностью следует считать отвратительную карикатуру на Папу Александра VI [620] и, как и можно было ожидать, вся ложь и клеветы ренессансных сатириков и памфлетистов-протестантов оказались собраны вместе для того, чтобы составить портрет чудовища, вовлеченного во все мыслимые преступления и мерзкий разврат. Грязнейшие скандалы Бурхарда, Санудо, Джустиниани, Филиппо Нерли, Гвиччардини, Паоло Джовио, Санадзаро и неаполитанцев оказались воспроизведены здесь со скрупулезной точностью. Искусство черной магии, в частности, занимает весьма немаловажное место в этих страшных сценах. Папа Александр VI подписывает договор с демоном Астаротом и именно благодаря ему добивается всех своих успехов.

В четвертом акте присутствует длинная сцена колдовства, когда Папа облачается в магические одежды, берет свой посох и надевает пентакль, становится в центр круга и произносит странные слова, перемешивая текст латинского обряда экзорцизма, переходящего здесь в непонятный лепет. Появляются демоны, и папа лицезреет убийство герцога Гандийского Чезаре [621] и прочие зверства. Апофеозом действия становится банкет кардинала Адриано Корнето. Пока гости общаются, «заходит дьявол и подме-

няет папские бутылки». Отравленными оказались сами Борджа, и далее следует странная «*Scena Ultima*». Александр неистово ораторствует перед демонами, которые приходят, чтобы посмеяться и помучить его. Они показывают ему подписанный им договор; после этого входит демон и дует в рог, призывая таким образом несчастного в ад, тот выкрикивает бессмысленные угрозы, но его уволакивают прочь среди грома и молнии. Подобная пьеса потворствовала вкусам наиболее грубой части публики того времени, и «*Договор с дьяволом*» в целом можно считать отвратительным и достаточно жестоким бурлеском.

После тщательного анализа пьес XVII века, в которых ведовство выступает основной темой, я думаю, можно считать «*Эдмонтонскую ведьму*» матушку Соьер лучшей иллюстрацией к образам ведьм эпохи Елизаветы. Драма сама по себе неизбежно оказывает воздействие на зрителя, обладая необычайными литературными качествами, а глубокое понимание и жалость к основному персонажу резко выделяют пьесу среди других и поднимают ее на уровень подлинной трагедии. Следует также отметить, что здесь мы сталкиваемся с ведьмой, так сказать, в процессе формирования. Матушка Соьер действительно жертва предрассудков деревенских олухов. Первый раз она появляется на сцене как простая старуха, доведенная до отчаяния своими жестокими соседями; фермеры считают ее ведьмой, и в конце концов она действительно становится таковой. По заключении договора с демоном все ее действия исполнены зла и несут пагубу окружающим; с самого начала она хочет отомстить своим врагам и шепчет себе под нос: «И каким бы искусством завести мне фамилиара?» Но, тем не менее, ее вынуждают идти навстречу своей судьбе, и авторы, ничуть не усомнившись в ее связях с силами тьмы, в том, что она вела жизнь низкую и порочную, проявляют к ней относительную, но реальную симпатию. Мне кажется, что это проявление гуманности, жалость к бедной старухе, как бы отвратительна, мерзка и злобна она ни была, возвышает «*Эдмонтонскую ведьму*» до уровня величайшей пьесы Елизаветинской эпохи.

Без всякого удовольствия перейдем теперь к театру XVIII века. Ведьма деградирует; она становится персонажем комическим и бурлескным; теперь она годится только для рождественской пантомимы: назовем такие постановки, как «*Harlequin Mother Bunch*», «*Mother Goose*», «*Harlequin Dame Trot*», «*Ланкаширских ведьм, или Несчастья Арлекина*» Чарльза Дибдина [622], чья мишура, музыка и маскарадные переодевания привлекли внимание всех лондонских любителей дешевых развлечений в цирк зимой 1782 – 1783 годов.

Неким предвестием большого успеха яркой истории «*Ланкаширских ведьм*» пера Харисона Эйнсворта (эта работа наряду с мрачной пьесой «*Rookwood*», вероятно, лучшая работа этого талантливого писателя, ныне незаслуженно забытого) стало произведение плодovitого Эдварда Фицболла под тем же названием «*Ланкаширские ведьмы, повесть Пендлского леса*», «легендарная драма в трех актах», поставленная в театре Адельфи 3 февраля 1848 года. Видимо, работа над пьесой продвигалась достаточно быстро, поскольку лишь за месяц до этого, 3 декабря 1847 года, Эйнсворт в письме своему другу Кроссли из Манчестера сообщает, что принял выгодное предложение «*Sunday Times*», получив 1000 фунтов стерлингов и авторские права с тем, чтобы он закончил свое новое произведение «*Ланкаширские ведьмы*» и оно бы появилось в качестве сериала в газете. К тому времени он уже разработал план, о чем и сообщил, видимо, Фицболлу и даже позволил ему использовать некоторые сырые чер-

новики, так как хотя пьеса и роман имеют мало общего, можно даже сказать, ничего, главная героиня постановки Лесная Бесс, «возрастом 140 лет, бывшая аббатисса св. Магдалены, осужденная за свои преступления жить больше, чем принято у людей», – никто иная, как затворница Изольда де Гетон [623]. Четвертая сцена второго акта представляет руины аббатства Волли в полночь. Зритель слышит магические песнопения, и картина на сцене полностью меняется; разрушенные арки сливаются в совершенное строение; плющ исчезает с окон, и разноцветные стекла сверкают золотом; заброшенный алтарь блестит мириадами свечей. Хор монахинь восстает из могилы для танца с призрачными кавалерами. Среди монахинь Наттер, Демдаик и Шаттокс, «три страшные сестры, обреченные за свои грехи стать ведьмами». Но они не произносят ни слова и не играют никакой роли в дальнейшем развитии действия. В целом это сценическое действо смотрится очень неплохо. Видимо, многое здесь заимствовано от населенного духами монастыря «*Роберта Дьявола*» Мейербера, поставленного Королевской академией в Париже в ноябре 1831 года и затем данного в пиратской форме в Друри Лейн и Ковент Гарден всего через несколько недель. До оригинала этой постановке, однако, далеко. В мелодраме Фицболла О’Смит играет цыгана Даллана, это новый персонаж; мисс Фосет (миссис Бланд) – Лесная Бесс. Пьеса смотрится в театре достаточно трагично и в целом, как уже было сказано, производит впечатление, однако совершенно не дотягивает не только до уровня Миддлтона, но даже и Барнса.

Шелли сделал великолепный перевод, в котором столь проявился его гений, некоторых сцен из произведения Кальдерона «*El Magico Prodigioso*», на мой взгляд, являющегося прекраснейшей песней этого испанского соловья. С другой стороны, общепризнанна и, на мой взгляд, не лишена некоего особого пафоса трагедия Лонгфелло из жизни Новой Англии «*Джайлс Кори с Салемских ферм*» [624]. Честная искренность Коттона Мэтера, добродушный, но вспыльчивый характер самого Кори, несвоевременный скептицизм его жены, который многие воспринимают, скорее, как здравый смысл, истерия Мэри Уолкот, предательство Джона Глойда – все это Лонгфелло выписывает с необычайной искусностью, создавая несколькими скромными штрихами неповторимых и имеющих яркую индивидуальность персонажей.

Во французском театре мы имеем постановку начала XIV века «*Miracle de Nostre Dame de Robert le Dyable*» и в 1505 году «*Le mystere du Chevalier qui donna sa femme au Diable*», с десятью персонажами. Как и можно было ожидать, в длительный классический период развития французской литературы ведьмы не могли пробиться на сцену. Они воспринимались бы как дикая и даже чудовищная фантазия. Та к продолжалось до тех пор, пока 24 флореаля в год XIII (11 июня 1805) в Theatre francais не была поставлена пьеса, сюжет которой связан с магией, это были «*Les Templiers*» Райнара. Прошло несколько лет, и «*Le Vampire*», интригующая мелодрама Шарля Нодье и Кармуша, была поставлена 13 августа 1820 года, собрав весь любопытствующий Париж в Порт-Сен-Мартен. В 1821 году два автора рангом пониже, Фредерик Дюпуй-Мере и Виктор Дюкань, снискали успех своей пьесой «*La Sorciere ou l’Orphelin ecossais*».

Александр Дюма вместе с одним из своих «соратников» Огюстом Маке сотрудничали, если можно так выразиться, в написании грандиозной пятиактной драмы «*Урбан Грандье*» (1850). «*La Sorciere Canidie*», одноактная пьеса Аврелина Вивье, была поставлена в Бордо в 1888 году и не стоит особого разговора. «*La Reine de l’Esprit*»

(1891) Мориса Поттеше основана в известной мере на «*Comte de Gabalis*», а трехактная драма того же автора «*Chacun cherche son Tresor*», «*histoire des sorciers*», была поставлена в сопровождении хорошей музыки Люсьена Мишле (1899). Существует много вполне очевидных причин, по которым я лишь упомяну «*Les Noces de Sathan*» (1892), «*drama esoterique*» Жюля Буа и «*Les Basques ou la Sorciere d'Espelette*», лирическую драму в трех актах Локена и Мегре де Беллиньи, поставленную также в Бордо в 1892 году. Интерес, которые могут вызвать эти произведения, носит, так сказать, локальный характер. «*Les Mases*» (sorciers) Альфонса Тавана, легендарная драма в пяти актах в прозе и стихах, была поставлена в 1897 году и сопровождалась балетом, хором, механическими эффектами и широкой рекламой. «*Vers le Sabbat*» Сержа Бассе, «*evocation de sorcellerie en un acte*», поставленная в том же году, не представляет интереса. Также и проработанный в достаточной степени эпизод «*Le Sabbat et la Herse Infernale*», где Сатану играет господин Бенли, которого можно было видеть в Фоли Бержер («*Une Soir de Folie*», 1925 – 1926) стоит лишь мимолетного упоминания.

Ближе к нашим дням следует отметить «*La Sorciere*» Виктора Сарду, жестокую, но эффектную мелодраму. Она была поставлена в театре Сары Бернар 15 декабря 1903 года с де Максом в роли кардинала Хименеса и Сарой Бернар в роли мориски Зорайи и добилась заслуженного успеха. Действие трагедии происходит в Толедо, anno domini 1506; акт четвертый разворачивается в помещении инквизиции, акт пятый – на площади перед собором, где уже разложен костер, ждущий своих жертв. Благодаря гению великой актрисы эта сцена получилась поистине душераздирающей. Конечно, пьеса вместе с тем очень неустойчива, рассчитана на эффекты, совершенно не исторична, но при всем при этом в качестве театрального действия «*La Sorciere*» весьма притягательна, во всяком случае, для тех, кто не настроен на интеллектуальное действие.

Адаптация Джоном Маснсфилдом норвежской пьесы Вирс-Йенссена «*Ведьма*» [625], драмы в четырех актах, сильно отличается от всех вышеперечисленных пьес. Здесь мы имеем дело с психологическим исследованием, сравнимым с действием Деккера и Форда. Надолго запомнились зрителям игра мисс Джанет Эчарч в роли Мерет Бейер и мисс Лиллы Маккарти в роли Анны Педерсдоттер. В качестве иллюстрации ужасов ведовства в холодной Скандинавии, мрачного и непростительного фанатизма, прикрывающегося догмой лютеранства, в то время как тень неизбежной судьбы нависает над всеми персонажами, эту пьесу можно счесть едва ли не лучшей из тех, в которых колдуны и ведьмы были представлены в их деревенском окружении на английской сцене после эпохи мудрого короля Якова, ушедшей три сотни лет назад.

Послесловие

История ведовства – это захватывающий и документированный отчет о некоторых аспектах колдовства, включая волшебство, черную магию, некромантию, тайные практики и сатанизм. Настольная книга для богослова, психолога и историка, эта книга в полной мере отражает средневековый взгляд на ведьм. Автор в полной мере поддерживает и разделяет веру во власть сверхъестественного.

Монтегю Саммерс, католический священник, отнюдь не стыдится мероприятий Церкви, проведенных в XVII – XVIII веках и направленных на искоренение ведовства и ересей. В этой книге он дает читателю подробный и увлекательный отчет об этой борьбе.

Совершенно веря в опасность сатанизма, Монтегю Саммерс отлично провел время, описывая его чудовищные оргии со вкусом, который не может не почувствовать даже тот читатель, вера которого слаба.

Элмер Девис

Монтегю Саммерс

1880 – 1948

Монтегю Саммерс, английский католический священник, историк и знаток ведовства, литературы эпохи Возрождения и готического романа. Выпускник Оксфорда, Саммерс уже при жизни получил прозвание «загадочного писателя». Он бросил вызов традиционной исследовательской школе, трактовавшей охоту на ведьм как реакцию «темных» Средних веков на «прогрессивное» Возрождение, и не побоялся обратиться к запретной, а потому забытой теме драматургии эпохи Реставрации. Обращение к истории колдовства, демонологии и ведовских процессов произошло в 20-е годы. Многие, правда, говорили, что Саммерс сам одержим демонами и, создавая книги о борьбе с ними, пытается таким образом избавиться от них. Как бы то ни было, Монтегю Саммерс заставил массового читателя по-новому посмотреть на проблему нечистой силы и отойти от привычных рационалистических штампов, характерных, к сожалению, и для нашего времени.

Обладал огромными познаниями в изучаемых им предметах. Опубликовал большое количество произведений литературы Ренессанса и источников по истории демонологии и ведовских процессов в Западной Европе. Среди них – комментированные издания переводов: Николай Реми «Демонолатрия» (1930), Л. М. Синистрари «О демониалитете» (1927), Ф.-М. Гуаццо «Демономания» (1929), Г. Буге «Расследование ведьм» (1929), перевел и издал «Молот ведьм» Я. Шпренгера и Г. Крамера (1928). Первая книга «Антиной» и другие поэмы были опубликованы в 1907 году. Из литературы – «Мемуары» Афры Бен (1914) и 6-томное собрание ее сочинений (1915), составил авторитетную «Библиографию готического романа» (1941) и исследование этого популярного жанра «The Gothic Quest: A History of the Gothic Novel» (1938); «Библиографию драмы эпохи Реставрации» (1934). Основные исследования –

«История колдовства» и «География колдовства» (1927), «Вампиры в Европе» (1929), «Вампир. Его знакомые и родня» (1929), «Вампиры Европы» (1929), «Оборотень» (1934), «Вампиры Карпат» (1938), «Колдовство и черная магия» (1946).

На русский язык произведения М. Саммерса переводятся впервые.

Примечания

Для автора, который писал свою книгу в начале 20-х годов XX века. (*Прим. пер.*)

Paris. *Jacques du Puys*. 4-е изд., 1580. Предисловие, адресованное де Ту, подписано «De Laon, ce xx iour de Decembre, M.D.LXXIX». До 1604 г. эта книга выдержала 9 изданий. Наиболее полное было осуществлено в Париже в 1587 г. В добавление к тексту оно содержит 10 дополнительных страниц, касающихся дела колдуна Абея де ла Рю, казненного в 1582 г.

Первая папская булла, посвященная проблеме колдовства, была опубликована Александром IV 13 декабря 1258 г. Последний папский указ, относящийся к этому преступлению, принадлежит Урбану VIII и называется «*Inscrutabilis iudiciorum Dei altitudo*». 1 апреля 1631 г. Последний суд по обвинению в колдовстве был произведен в Лейчестере в 1717 г. над старой женщиной и ее сыном. В 1722 г. была произведена последняя казнь над шотландской ведьмой в Лоте. Английский и шотландский статуты о ведовстве были отменены в 1735 г. Ирландский статут продержался до 1821 г. В баварском местечке Кемптен казнь над сумасшедшей еретичкой по обвинению в колдовстве была совершена в 1775 г. В швейцарском кантоне Гларус девица Анна Гельди была повешена как ведьма 17 июня 1782 г. Две ведьмы также были повешены в Польше уже в 1793 г.

Roland Brevannes. *Les Messes Noires*, I tableau, scene vii.

Во время научной дискуссии о Шекспире я слышал, как один весьма высокообразованный литератор категорично отметал возможность того, что елизаветинцы могли верить в ведовство.

Картина выставялась в Лондоне в марте 1925 г.

Qu'elle, &sa mere montoeint sur une ramasse, & que sortans le con-teemont de la cheminee elles alloient par l'air en ceste facon au Sabbat. Boguet, *Discours*, p. 104.

Глэнвил, часть 2, с. 194.

Julius Wellhausen. Reste arabischen Heidenthums, S.159, Berlin, 1897.

См. книгу мисс Мюррей «*Культ ведьм*» (1921), Приложение V, с. 279 – 280.

Boguet, Discours, XVI, 4.

Бенджамин Торп. *Monumenta ecclesiastica*, II, р. 34. London, 1840. Впервые была опубликована Вассеншлибеном в 1851 г. Изд. Migne, PL. (Patrologiae cursus completus. Series latina), vol. XCIX.

Calendar of State Papers, Domestic, 1584.

Сэр Вальтер Скотт. *Демонология и ведовство*. Письмо V дает описание этого расследования. В свете последних изысканий его выводы можно несколько подправить.

Pitcairn, I, p. 162.

Осуждена и сожжена (лат.).

Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland, New Series, vol. X, Edinburgh.

Сэр Джеймс Мелвилл. *Memoirs*. Edinburgh. p. 395 – 396.

Гравюра на титульном листе. Страницы не пронумерованы.

Flying Ointments. Согласно книге мисс Мюррей о культе ведьм, с. 279, скандалы времен Людовика XIV о проведении черных месс были тесно связаны с делами об отравлениях. Лавузен был известным торговцем приворотными зельями. В литературе часто обсуждалась вероятность отравления короля, дофина, Кольбера и других ведущих деятелей эпохи.

Дион Кассий, XLIX, 43.

Ibid, LII, 36.

Светоний, *Август*, 31.

Тацит. *Анналы*, II, 32. *More prisco. Ut eum infelici arbori alligatum uirgis caedi, et postremo securi percuti iuberent.*

Ibid, XII, 32.

Светоний. *Вителлий*, 14.

Дион Кассий, LXVI, 10.

La magie et la Sorcellerie. Paris, 1912. I. p. 33.

Memoirs of Extraordinary Popular Delusions, II, p. 117.

Даты этот автор дает столь же неверные, как и имена. Джованни Баттиста Чибо был избран папой 29 августа 1484 года, рассматриваемая булла была выпущена в декабре того же года, а не в 1488 году.

Dictionary of Universal Biography, VIII, 1890.

Более подробно об этом написано в моей работе «*География ведовства*», где дается полный текст буллы.

См. Послания.

Гомилии, XLVI.

Феодосий II. *Новеллы*. Тит. 3. 438 год.

Uanissimus (то есть Priscillianus) et plus iusto inflation profanarum rerum scientia: quin et magicas artes ab adolescentia cum exercuisse creditum... (Сульпиций Север, II, 47)

Ли в «*Истории инквизиции в Средние века*» (1888) I, 215 заявляет, что репрессии были обоснованы Львом I и что последующие эдикты против ересей были следствием церковной позиции. Это совершенно не соответствует исторической действительности. Автор не постеснялся слова императора приписать Папе.

Из проповеди, опубликованной в 1896 году падре Мореном в *Revue benedictine*, с. XIII, р. 205.

Epistola Elipandi ad Alcuinu, // PL, vol. CXCVI, col. 872; Alcuin. *Opera Omnia* // PL, vol. C-CI, особенно *Liber Albini contra haeresim Felicis*; *Libri VII aduersus Felicem*; *Aduersus Elipandum Libri IV*. Florez. Espana sagrada. V, c. 562; Menendez i Pelayo. *Historia de los heterodoxes espanoles*, Madrid, 1880, I, p.274.

Мученичество св. Петра получило достойное отражение в иконографии. Произведение Тициана с этим сюжетом находилось в доминиканской церкви Сан-Джованни и Паоло в Венеции и было уничтожено во время пожара 16 августа 1867 года. Сохранились картины Лоренцо Лот-то и Беллини. Гробница св. Петра находится в Сан-Евстархио, в Милане. Канонизация имела место 25 марта 1253 года и была совершена Иннокентием IV.

Мурапори. *Antiquitates italicae medii aevi*, Milano, 1738 – 1742.

Габриэль Россетти. *Disquisitiones*, Т. 1, р. 27.

Gervasius Dorobernensis. *Chronicon*.

Vita S. Romanoe, n.10, Acta SS. *Die*, 3 Oct, c.138. *S.Grigorii VII*, Lib.1, Epistola 75, ad Philippum.

Labbe Ph. *Sacrosanta consilia*. Изд. в 18 томах. 1671. Т.X. col.84

Quarum verum rex uester, qui non rex sed tyrannus dicendus est, suadente diabolo, caput et causa est, qui omnem aetatem suam flagitiis et facinoribus polluit. Та м же, col. 72.

Sane... prouinciali ordinis praedicatorum in eodem regno dedimus in mandatis, ut aliquibus fratribus suis aptis ad hoc, inquisitionem contra illos commiteret in regno prefato... fraternitate tue... mandamus quaternis... per alios qui ad hoc idonei uidebuntur, festines... procedere in inquisitionis negotio et ad dominicum certamen accingi. Ripoll et Bremond, Bullarium ordinis S. Dominici I, c. 80 (8 т., Romae, 1737).

Fratres... qui ad praedicandum crucem uel inquirendum contra prauitatem haereticam... sunt deputati. Wadding. Annales Minorum. 2-е изд. 24 т., Romae, 1732, III, 144.

В своей книге «*Гностические ереси*».

Jules Bois. *Le Satanisme et la Magic*, p. 6.

Правда, св. Августин не обвиняет манихеев в подобных непотребствах, но известно, что они приоткрывали свои пороки с большой осторожностью, а св. Августин был лишь новообращенным, одним из слушателей, и не мог знать о всех мерзостях, там происходящих.

Extra ciuitatis educti muros in quodam tuguriolo copioso igne accenso...cremati sunt.
Gesta synodi Aurelianensis. Arnould. *L'Inquisition*. Paris, 1869. VI, p. 46.

Sed antequam ad conflictum ueniamus, de cibo illo, qui coelestis ab illis dicebatur, quali arte conficiebatur, nescientibus demonstrare curabo. Congregabantur si quidem certis noctibus in domo denominata, singuli lucernas tenentes in manibus, ad instar litaniae demonum nomina declamabant, donec subito Daemonum in similitudine cuiuslibet bestiolae inter eos uiderent descendere. Qui statim, ut uisibilis ille uidebatur uisio, omnibus extinctis luminaribus, quamprimum quisque poterat, mulierem, quae ad manum sibi ueniebat, ad abutendum arripiebat, sine peccati respectu, et utrum mater, aut soror, aut monacha haberetur, pro sanctitate et religione eius concubitus ab illis aestimabatur; ex quo spurcissimo concubitu infans generatus, octaua die in medio eorum copioso igne accenso probabatur per ignem more antiquorum Paganorum; et sic in igne cremabatur. Cuius cinis tanta ueneratione colligebatur atque custodiebatur, ut Christiana religiositas Corpus Christi custodire solet, aegris dandum de hoc saeculo exituris ad uiaticum. Inerat enim tanta uis diabolicae fraudis in ipso cinere ut quicumque de praefata haeresi imbutus fuisset et de eodem cinere quamuis sumendo parum praelibauisset, uix unquam postea de eadem haeresi gressum mentis ad uiam ueritatis dirigere ualeret. De qua re parum dixisse sufficiat, ut Christicolae caueant se ad hoc nefario opere, non ut studeant sectando imitari. Schmidt. *Histoire et doctrine des Cathares ou Albigeois*. Paris, 1849. I, p. 31.

G. R. Kinloch. *Reliquiae Antiquae Scoticae*. Edinburgh, 1848.

Adhemar de Chabannes (Ангулемский монах). *Chronicon. Recueil des historicus*, vol. X, p. 163.

Fabre Palaprat. *Recherches Historiques sur les Templiers*. Paris, 1835.

F. G. Buskitt. *The Religion of Manichees*. Cambridge University Press, 1925.

The Philosopher, июль – август 1924.

The Philosopher, январь – март 1925. *Альбигойцы*. С. 20 – 25. Может быть рекомендована вся статья, написанная с большой тщательностью.

Joanny Bricaud, автор ряда книг, таких как *Elements d'Astrologi; Un disciple de Cl. de Saint-Martin, Dutoit-Membrini; Premiers Elements d'Occultisme; La petite Eglise anticoncordataire, son histoire, son etat actuel; J.K. Huysmans et la Satanisme; Huysmans, Occultiste et Magicien.*

In Uerrem. IV, 43.

H. Th. Pyl. Die griechischen Rundbauten. 1861, S. 67.

Плутарх. *Тесей*, 36. *Кимон*, 8.

Основным авторитетом является здесь Павсаний. См.: Rohde. *Psyche* I. p. 161.

Clarendon Press, 1921.

The Witch-Cult in Western Europe, p. 16. Правда заключается в том, что члены Братства свободного духа, анархисты, исповедующие заблуждения адамитов, в XIII столетии действительно шли на костер с песнями радости. Но, вероятно, они находились под воздействием алкогольных напитков или наркотиков. J. L. Mosheim. *Ecclesiastical History*. London, 1819. III, p. 278. Адамиты объединялись в редкую по распущенности секту, именовавшую свою церковь раем и проводившую службы в состоянии полной обнаженности. Будучи гностиками, они настаивали на полной отстраненности от всех моральных законов. Жили они в общинах, где господствовал своеобразный коммунизм. Богемские адамиты существовали еще в 1849 году. В России *teleschi* ветвь секты, известной как *Divine Men* (хлысты?), совершала свои богослужения при полной наготе ее участников, которые следовали, таким образом, примеру Адама и Евы в раю. Эти собрания заканчивались, как правило, всеобщим развратом.

The Witch-Cult in Western Europe, p. 161.

Там же.

Additional Notices of Major Weir and his Sister; Sinclair. Satan's Invisible World. Перинт, 1875.

Anxiomania.

Criminal Trials, 1536 – 1784; Hugo Arnot, 1785.

...the cause and interest of Christ...

Ravillac Rediuius, George Hickes, 1678.

Iubemus namque, auctores quidem et principes, una cum abominandis scripturis eorum seueriori poenia subiici, ita ut flammeis ignibus exurantur. Бароний, 287, 4.

Scio multos [Proconsules] et ad bestias damnasse sacrilegos, nonnullos etiam uiuos exussisse. *Lex Romana Visigothorum nouella*, XLVIII, tit. XIII, c. 6 – 7.

Plures etiam per Italiam tunc huius pestiferi dogmatis sunt reperti, qui aut gladiis, aut incendiis perierunt.

Tanchelin, Tanchelinus, Tandomus, Tanchelmus. Истории этого революционного движения было посвящено немало исследований. Мы хотим перечислить лишь несколько публикаций. *Corpus documentorum Inquisitionis hereticae prauitatis neerlandicae*, ed. Paul Fredericq, T.1, p.16. Ghent, 1889; *Tanchelijn Janssen's* в *Annales de l'academie Royale d'arche-ologie de Belgique*, Т. XXIII, p. 448, 1867; Foppens. *Historia Episcopatus Antuerpiensis*, с. 8, 146. Брюссель, 1717. Dierxsens. *Antuerpia Christonascens et crescens*, Т. 1, p. 88, Antwerp., 1773; Poncelet. *Saint Norbert et Tanchelin d'Anvers* в *Bibliothèque norbertine*, Т. 2, p. 97, 1900; De Schapper. *Reponse a la question: Faites connaitre l'heresiarque Tanchelin et les erreurs qu'il repandit au commencement du XIII siecle* (ошибка, на самом деле век XII) в *Collationes Brugenses*, Т. XVII, p. 107, 1912; L. Vander Essen. *De Katterij van Tanchelm in de XII eeuw* в *Ons Geloof*, Т. II, p. 354, 1912; *Antwerpen en de H.Norbertus* в *Bode wan Onze Liere Vrouw van het H.Hert van Averbode*, 18. 19. p. 207 – 211, 217 – 220, 1914.

«И этот злобный и распутный негодяй повел себя столь открыто и так явно проявил себя врагом христианской веры и всех церковных обрядов, что отрицал достоинство епископов и священников и что следует относиться к ним с уважением; более того, он утверждал, что причащение Телом и Кровью Спасителя нашего Господа отнюдь не дает вечной жизни и не способствует спасению душ человеческих».

«Erat quidem ille sceleratissimus et christianae fidei et totius religionis inimicus in tantum ut obsequium episcoporum et sacerdotum nihil esse diceret, et sacrosancti corporis et sanguinis Domini J.C. perceptionem ad salutem perpetuam prodesse denegeret». *Vita Noberti archiepiscopi Magdeburgensis, Vita A // MGH. Scriptores. T. XII, p. 690, ed. G. A. Pertz. Hannover, Berlin.*

Immo uere ipse angelus Sathanae declamabat ecclesias Dei lupinaria esse reputanda. Nihil esse, quod sacerdotum officio in mensa dominica confi-ceretur; pollutiones, non sacramenta nominanda». *Lettres de chanoines d'Utrecht au nom de leur diocese a Frederic, archeveque de Colonge. Apud Fredericq*, T. 1, n. 11.

Talibus nequitiae successibus misero homini tanta sceleris accessit audacia, ut etiam se Deum diceret, asserens, quia, si Christus ideo Deus est, quia Spiritum Sanctum habuisset, se non inferius nec dissimilius Deum, quia plenitudinem Spiritus Sancti accepisset. Там же.

Вновь напоминаем, что книга писалась в начале 20-х годов. (Прим. пер.)

Qui tandem post multos errores et caedes, dum nauuigaret, a quodam presbytero percussus in cerebro occubuit. *Sigiberti continuatio*. Apud *Monument. Germ. Scriptores*. T. VI, p. 449. Также см.: Johannes Trithemius, *Annales Hirsaugiensis*, T. 1, p. 387, Saint-Gall, 1690; Du Plessis d'Argantre, *Collectio iudiciorum*, T. 1 p.11, Paris, 1728; Schmidt. *Histoire et doctrine des Cathares ou Albigeois*, T. 1,, p. 49, Paris, 1849.

Существует современная этим событиям *Vita Norberti*, причем есть две версии этого Жития: Vita А Р.Вилманса // MGH. Hag. SS. Т. XIII, р. 663 – 706, Hannover, 1853; Vita В Сурия, *De probatis Sanctorum historiiis*, Т. III, р. 517 – 547, Cologne, 1572. Другие авторитетные работы на эту тему: J. Van der Sterse. *Uita S. Norberti, Antwerp*. 1622; Du Pre. *La Vic du bienhereux saint Norbert*, Paris, 1627; Ch. Hugo. *La Vie de St. Norbert*, Luxembourg, 1704; G. Madelaine. *Histoire de St. Norbert*, Lille, 1886; B. Wazasek. *Der Hl. Norbert*, Vienne, 1914. Отличная и достаточно краткая работа – *The life of S. Norbert*, 1886, London, написанная моим добрым другом преподобным аббатом Geudens.

Память 17 февраля.

Ранее провозглашалась по воскресеньям.

Ibid, p. 16, 17.

Ibid, p. 191.

Полная информация на эту тему в великой работе Дидрона *Iconographie chretienne*, Paris, 1843.

Spalding Club Miscellany, I, p. 129, Aberdeen, 1841.

Во время черной мессы ведьмы с Нижних Пиренеев (1609) при вознесении гостии повторяли: «*Corbeau noir, corbeau noir*». De Lancre. *Tableau de l'Inconstance des mauvais Anges*, Paris, 1613.

Ibid, p. 255.

Ibid, p. 165. Далеко не очевидно, что слово *diable* – собственная вставка Бодена вместо имени древнего бога. По сути дела, это предположение было сделано лишь для поддержания собственных доводов и не может быть принято.

Ibid, p. 14, 15. Я здесь не пытаюсь заставить моего оппонента дать должный ответ за свои слова, так как вероятно, они были написаны неосознанно.

Золотая ветвь, Ч. 1, Т. 1, с. xx.

Ibid, p. 19.

Книга The Goddess of Ghosts, p. 137 – 158.

Кассиодор. Hist. Eccl. VII, 11. Говорит о *fetidissimus fons* (зловоннейшем источнике) ереси.

1535 – 1598. Его работы были собраны в четырех томах (Paris, 1620) с предисловием Генри Холланда *Vita Thomae Stapletoni*. Его портрет имеется, между прочим, в аббатстве Дуайе (Douai), Вулхэмптон.

Состоялся при Иннокентии III в 1215 году.

Diabolus enim et alii daemones a Deo quidem natura creati sunt boni, sed ipsi per se facti sunt mali.

Недаром Боссе отмечал, что писания доктора Суареса содержат всю схоластическую философию.

Поскольку он противоречил бы определенным (certa) церковным канонам или истинам, основанным на двух предпосылках, из которых одна основана на положениях веры (de fide), другая же самоочевидна.

Что в значительной степени объясняет многие глупости спиритизма. Именно через подобных духов приходят ответы к медиумам.

Иосиф Флавий. *Иудейские древности*, XIX, 8, 2.

Светоний. *Калигула*, XXII. Та м же можно прочитатъ все детали о культѣ Калигулы.

Эпиграммы, V, 8.1, также IX, 4.

id agens ne quis Romae deus nisi Heliogabalus coleretur... Nec Romanas tantum extinguere uoluit religiones, sed per orbem terrae unum studens ut Heliogabalus deus unus ubique coleretur. Элий Лампридий. *Антоний Гелиогабал*. 3:6.

Даже христианский (арианский) император Констанций II страдал от того, что его называли *Nostra Aeternitas* (Наша вечность).

Этот день отмечается 14 сентября, праздник Воздвижения Честного Креста Господня. Вскоре после возвращения Креста он был распилен на небольшие фрагменты, которые были распределены по всему христианскому миру.

Didymus. *De Trinitate*, III, 41.

Epiphanius. *Haer*, XLVIII, 11.

Annales de la Propagation de la Foi, 1834, VII, p. 84.

Ibbetson. *Outlines of Punjaub Ethnography*. Calcutta, 1883, p. 123.

...vous n'avez pas eu honte de vous agenouiller devant votre Belzebuth, que vous avez adore. J. B. Cannaert. *Olim proces des Sorcieres en Belgique*. Gand, 1847.

Je me remets de tout point en ton pouuoir et entre tes mains, ne recog-nois autre Dieu:
si bien que tu es mon Dieu.

On dit au Diable nous vous recognoissons pour nostre maistre, nostre Dieu, nostre Createur.

John Hutchinson. *History of the Province of Massachusetts Bay*, 1828, II, p. 31.

Satan luy commada de le prier soir et matin, auant qu'elle s'addonat a faire autre oeuvre.

Wonderful Discoverie of Elizabeth Sawyer, London, 1621.

F. G. Lee. *More Glimpses of the World Unseen*, 1878, p. 12.

Potest diabolus eludere sensus et facere ut appareat caput abcisum, De Religione, 1.2, c.16, n.13, t.13, c. 578.

Нус. *Voyage dans la Tartarie, le hibe et la Chine*, I.9, с. 308. Автор отмечает: «Ces ceremonies horribles se renouvellent assez souvent dans les grandes lamaseries de la Tartarie et du Thibet. Nous ne pensons nullement qu'on puisse mettre toujours sur le compte de la supercherie des faits de ce genre: car d'apres tout ce que non avons vu et entendu parmi les nations idolatres, nous sommes persuade que le demon y joue un grand role» (Эти ужасные церемонии нередко проводятся в больших ламствах Татарии и Тибета. Я вполне убежден, что не всегда можно списать подобные акции на ловкость рук и обыкновенные фокусы; после всего, что я видел и слышал, находясь среди язычников, следует признать большую концентрацию сил зла в этих местах).

Предпочитаю использовать это слово, а не более популярное «спиритуализм». Спиритизм ныне распространен в Италии, Франции и Германии. «Спиритуализм» – собственно название доктрины, отрицающей то, что содержание вселенной сводится к свойствам и процессам материи.

Более подробная информация дается в книге Godfrey Raupert'a «Modern Spiritism», L., 1904.

См. также *Spiritualism, DublinReview*, октябрь 1909, очерк монсе-ньора Бенсона, перепечатанный Обществом католической истины.

Prognosticare (делать прогноз, от «про-» и «гнозис». – Прим. пер.) – позднее слово. Означает «делать прогноз на основе неких знаков». По-английски to prophesy – предсказывать будущее, не основываясь на каких-либо знаках.

Камизарды подверглись справедливому осмеянию д'Юрфе в его комедии «*Современные пророки, или Новый ум для мужа*», поставленной в Друри Лэйн 5 мая 1709 года и в том же году опубликованной. Один из основных персонажей – Маррон, подлый французский камизар и священник, был создан Боуэном. Подразумевается здесь Эли Марион. В предисловии д'Юрфе говорит о «проклятом жульничестве этих сумасшедших энтузиастов», коих он бичует. Пьеса была сочинена в 1708 году, но постановка перенесена из-за смерти принца-консорта, 28 окт. того года. Свифт в «*Предсказаниях на год 1708*» пишет: «Июнь. Этот месяц будет отмечен на нашей родине полным разгромом этих смешных энтузиастов, обычно называемых *пророками*; поскольку придет время, когда исполнятся сроки свершения предсказанных ими пророчеств, они же обнаружат, что события происходят весьма отличные от тех, которые предполагались».

См. также: *Recit fidele Feshier* в *Lettres choisies*, Lyons, 1715, и *Histoire du fanatisme de notre temps Bruey*, Montpellier, 1713.

Après que Dieu a parlé de sa propre bouche des magiciens et sorciers, qui est l'incrudile qui on peut justement douter?

В XIV веке на барельефах средневековых церквей нередко изображались люди, склонившиеся перед дьяволом, поклоняющиеся ему и посвящающие ему свою жизнь в качестве слуг. Мартонн. *Piete au Moyen Age*. p.137.

George Ives. *A History of Penal Methods*, p. 75. Документированная глава 2 этого труда «Процессы ведьм» заслуживает тщательного прочтения.

Philip Schaff. *History of the Christian Church.*

Матвей Парижский. *Большая хроника*.

Цитата взята из «Истории рационализма в Европе» Леску, р. 1.

Ibid.

Преп. Питер Лоример.

Впервые опубликовано Исидором Лизе, 1875, р. 21, XIII. Лодовико Мария Синистрари из ордена миноритов родился в Амено, Новаре, 26 февраля 1622 года. Был консультантом верховного трибунала Святейшей канцелярии; генерал-викарием архиепископства Авиньонского; советником по богословию архиепископа Миланского. Известен как *omnium scienciarum uir* (муж, умудренный во всех науках). Умер 6 марта 1701 года.

L'Incredulite et Mescreance du Sortilege, Paris, 1622, p. 38.

Subscriptio autem saepissime peragitur proprio sanguine... Sic Augustae referebat Joseph Egmond Schultz, se anno 1671. d. 15 Maji sanguine proprio tinctum manuscriptum, in membrana, nomino picto, obuolutoque mucchio, in media nocte, cum hora undecima et duodecima agebatur, in com-pitum iecisse, atque pactum sic corroborasse... Sic de infausto illo Fausto *Widmannus* refert, proprio sanguine ex leuiter uulnerato pollice emisso illum se totum diaboli adscripsisse, Deoque repudium misisse. De Sagis, Christian Stridtheckh, Lipsiae, 1691, XXII.

См. Gotz. *De subscriptionibus sanguine humano firmatis*, Lubeck, 1724. Также Scheible, *Die Sage vom Faust*, Stuttgart, 1847. Насколько мне известно, авторы, специализирующиеся на ведовстве, об этом не писали.

Ne foedora quidem incruenta sunt: sauciant se, qui paciscuntur, exemplumque sanguinem, ubi permiscuere, degustant. Id putant mansurae fidei pignus certissimum.

...Uel quia Deus non permittit, uel propter alias rationes nobis occul-tas. *De Superstitione*, VIII, i. 13.

Tunc autem propria culpa diuinationis iam commissa est ab homine, eti-amsi effectus desideratus non fuerit subsecutus (Поскольку грех призывания демонов действительно совершен грешником и совершен добровольно, хотя ему и не удалось добиться желаемого эффекта), *ibid.*

Theologia moralis, 1.iii, n. 28. Monendi sunt se teneri. 1. Pactum expressum, si quod habent cum daemone, aut commercium abiurare et dis-solvere; 2. Libros suos, schedas, ligaturas, aliaque instrumenta artis combu-rere; 3. Comburare chirographum, si habeat, si iuro solus daemonid habeat, non necessario cogendus est ut reddat, quia pactum sufficienter soluitur per poenitentiam; 4. Damna illata resarcire.

Болландисты, 4 февраля.

Breuiarium Romanum, Paris Autumnalis, 26 сент. Lectio iii Matins. По мотивам этой истории написана знаменитая драма Кальдерона «*El Magico Prodigioso*».

Болландисты, 14 мая. *Breuiarium iuxta S. Ordinis Praedicatorum*. 14 мая. *In Nocturno, Lectiones ii, iii*. Touron. *Histoire des hommes illustres de l'ordre de Saint Domonique*, Paris, 1743.

Discoverie of Witchcraft, книга III.

Examination of Joane Williford, London, 1643.

John Davenport. *Witches of Huntingdon*, London, 1646.

Glanvill. *Sadducismus Triumphatus*.

Antoinette Bourignon. *La Vie exterieure*, Amsterdam, 1683.

Delrio. *Disquisitiones magicae*. L.v.sect. 4.t.2. Non eadem est forma signi; aliquando est simile leporis vestigio, aliquando bufonis pedi, aliquando araneae, uel catello, uel gliri.

Та м же. In uirorum enim corpore saepe uisitur sub palpebris, sub labi-is, sub axilliis, in humeris, in sede ima: feminis etiam, in mammis uel muliebribus locis.

...le Diable leur fait quelque marque comme avec une aleine de fer en quelque partie du corps.

Newes from Scotland, London, 1592. Roxburgh Club reprint, 1816.

the advocate for the instruction of the assyze producing the declaration of two witnesses, that being in the tolbuirth, saw Mr. John Aird, minister, put a pin in the pannell's shoulder up to the heid, and no bluid followed thereupon, nor she shrinking thereat; which was againe done in the justice-depute his own presence.

Abbreviate of the Justiciary Record.

Nous, medecins et chirurgiens soussingnes, suivant le commandement a nous fait par messire Anthoine de Thoron, sieur de Thoron, conseiller du roy en sa cour de parlement, avons visite messire L.Gaufridy au corps duquel avons remarque trois petites marques peu differentes en coloyer du reste du cuir. L'une en sa cuisse senestre sur le milieu et en la partie inferieure, en laquelle ayant enforce une aiguille environ deux travers de doigts n'a senti aucune douleur, ni de la place n'est sorti point de sang ni autre humidite.

Le seconde est en la region des lombes en la partie droite, un poulce pres de l'epine du dos et quatre doigts au-dessus les muscles de la fesse, en laque-lle nous avons enfonce l'aiguille trois travers de doigts, la laissons comme avons fait a la premiere plantee en cette partie quelque espace de temps, sans toute-fois que le dit Gaufridy ait senti aucune douleur et que sang ni humeur quel-conque en soit sorti.

Le troisieme est vers la reion du coeur. Laquelle, au commencement qu'on mit l'aiguille parut comme les autres sans sentiment; mais a mesure que l'on enfonceait fort avant, il dit sentir quelque douleur; ne sortant toutefois aucune humidite, et l'ayant visite le lendemain au matin, n'avons reconnu aux parties piquees ni tumeur, ni rougeur. A cause de quoi nous disons telles marques insensibles en rendant point d'humidite etant piquees, ne pouvoir arriver par aucune maladie du cuir precedante, et tel faisons notre rapport ce 10 mars, 1611. *Fontaine, Grassy*, medecins; *Merindol, Bontemps*, chirurgiens.

Интересно, что отысканию клейм дьявола на теле обвиняемого придавалось такое большое значение, что, когда этот медицинско-юридический отчет был зачитан в суде, отец Себастиан Микаэлис, ученый доминиканец, бывший советником в этом деле, невольно воскликнул, пораженный ужасом: «Боже праведный, будь мы в Авиньоне, этот человек завтра же был бы казнен!» Гоффриди признался: «J'advoque que les dites marques sont faites pour protestation qu'on sera toujours bon et fidele serviteur du diable toute la vie» (Признаюсь, что эти знаки были получены мною от дьявола и означают, что я буду верным его слугою всю мою жизнь).

Pitcairn. *Records of Justiciary*. В 1663 году Кинкэйд подвергся тюремному заключению сроком на 9 недель за то, что занимался прокалыванием без санкции судьи. Он был освобожден лишь по причине своего значительного возраста и при условии, что впредь не будет никого «протыкать».

Перед тем как приступить к прокалыванию, тело и голова обривались наголо. Это было обычной процедурой в ходе дознания в делах по обвинению в ведовстве. Мы сталкиваемся с этим практически во всех делах. Как правило, для проведения этой процедуры призывался цирюльник. См., например, дела Гофриди и Грандые, где даются все детали.

The Wardlow Manuscript, p. 446. Scottish History Society publication, Edinburgh.

The Witch Cult in Western Europe, p. 86.

Анжелика в пьесе *«Любовь за любовь»* (1695), высмеивая своего суеверного старого дядю Форсайта и няню, восклицает: «Смотри же, нянюшка; у меня есть свидетель, что под левой рукой у тебя есть большой сосок, происхождения далекого от природы; и у него такой же; и что ты кормишь им молодого демона, имеющего вид полосатого кота».

The most wonderful... storie of a... Witch named Alse Gooderidge, London, 1597.

Goodscole. *Wonderful Discovery of Elizabeth Sawyer*, London, 1621. Существует аллюзия в драме Форда и Деккера, IV: Сойер: Мой милый Том, иди сюда... Утешь меня: сейчас тебе я дам сосок. Собака: Гав-гав! Сейчас его я пососу.

W. B. Gerish. *The Devil's Delusions*, Bishops Stortford, 1914.

Prodigious and Tragical Histories, London, 1652.

W. B. Gerish. *Relation of Mary Hall of Gadsden*. 1912.

T. B. Howell. *State Trials*, London, 1816.

Cotton Mather. *Wonders of the Invisible World*.

Два местных миланских ордена, Apostolini св. Варнавы и братство св. Амброзия в Немю, были объединены бреве Сикста V 15 августа 1589 года. 11 января 1606 года Павел V одобрил новые установления. Братство ввиду своей немногочисленности было распущено Иннокентием X в 1650 году. Одежда братьев состояла из туники, широкого наплечника и капюшона каштанового цвета. Их делали из плотной ткани; на улице братья одевали широкий плащ того же цвета, что и их обычное одеяние.

E. Goldsmid. *Confessions of Witches under Torture*, Edinburgh, 1886.

renoncer et renier son Createur, la sainte Vierge, les Saints, le Baptisme, pere, mere, parens, le ciel, la terre et tout ce qui est au monde. *Tableau de l'Inconstance des mauvais Anges*, Paris, 1613.

Je, Lois Gaufridi, renonce a tous les biens tant spirituels que temporels qui me pourraient etre conferes de la part de Dieu, de la Vierge Marie, de tous les Saints et Saintes du Paradis, particulierement de mon patron Saint Jean-Baptiste, Saintes Pierre, Paul, et Francois, et me donne corps et ame a vous Lucifer ici present, avec tous les biens que je possederai jamais (excepts la valeur des sacrements pour le regard de ceux qui les recurent). Ainsi j'ai signe et atteste. *Confession faicte par messire Loys Gaufridi, prestre en l'eglise des Accoules de Marseille, prince des magiciens... a deux peres capucins du cou-vent d'Aix, la veille de Pasques le onzieme avril mil six cent onze. A Aix, par Jean Tholozan, MVCXI.*

Je renonce entierement de tout mon coeur, de toute ma force, et de toute ma puissance a Dieu le Pere, au Fils et au Saint-Esprit, a la tres Sainte Mere de Dieu, a tous les anges et specialement a mon bon ange, a la passion de Notre Seigneur Jesus Christ, a Son Sang, a tous les merites d'icelle, a ma part de Paradis, a toutes les inspirations que Dieu me pourrait donner a l'avenir, a toutes les prieres qu'on a faites et pourrait faire pour moi.

S. Pius V, Булла *Consueuerunt*, 17 сентября 1569 года. Блаж. Франсиско де Поссадас, *Vida di Santo Domingo*, Madrid, 1721.

В Англии в это время владение *Agnus Dei* расценивалось как уголовное преступление.

Spondent quod... ad conuentus nocturnos diligenter accedent.

Coven, coeven, covine, curving, covey. Впрочем, существуют и другие варианты этого слова.

R. Pitcairn. *Criminal Trials*, Edinburgh, 1833.

Examination of Certain Witches, Philobiblion Society, London, 1863 – 1864.

Thomas Potts. *Discovery of Witches*.

qu'elle a veu souuent baptiser des enfans au sabbat, qu'elle nous expli-qua estre des enfans des sorcieres et non autres, lesquelles ont accoutume faire plustost baptiser leurs enfans au sabbat qu'en l'eglise. Pierre de Lancre. *Tableau de l'Inconstance des mauvais Anges, Paris, 1613.*

qu'on baptise des enfans au Sabbat avec du Cresme, que des femmes apportent, et frottent la verge de quelque homme, et en font sortir de la semence qu'elles amassent, and la meslent avec le Cresme, puis mettant cela sur la teste de l'enfant en prononsant quelque paroles en Latin. *Arrest et procedure faicte par le Lieutenant Criminel d'Orleans contre Siluain Neuillon.*

Dit que sa mere le presenta (dit-on) en l'aage de trois ans au Sabbat, a un bouc, qu'on appelloit l'Aspic. Dit qu'il fut baptise au Sabbat, au Carrier d'Oliuet, avec quatorze ou quinze autres, et que Jeanne Geraut porta du Chresme qui estoit jaune dans vn pot, et ledit Neuillon ietta de la semence dans ledit pot, et vn nomme Semelle, et brouilloient cela avec vne petite cuilliere de bois, et puis leur en mirent a tous sur la teste.

J'advoue comme on baptise au Sabbath et comme chacun sorcier fait voeu particulierement se donnant au diable et faire baptiser tous ses enfants au Sabbath (si faire se peut). Comme aussi l'on impose des noms a chacun de ceux qui sont au Sabbath, differents de leur propre nom. J'advoue comme au bapteme on se sert de l'eau, du soufre et du cel: le soufre rend esclave le diable et le sel pour confirmer le bapteme au service du diable. J'advoue comme la form et l'intention est de baptiser au nom de Lucifer, de Belzebuth et autres diables faisant le signe de la croix en le commençant par le travers et puis le poursuivant par les pieds et finissant a la tete. *Confessions faicte par messire Loys Gaufridi, prestre en l'eglise des Accoules de Marseille, prince des magiciens, MVCXI.*

Приложение Энтони Хорнеха к труду Глэнвила «*Sadducismus Triumphatus*», London, 1681.

W. Wright, *Newes from Scotland*, London, 1592.

Praestant Daemoni... iuramentum super circulo in terram sculpto fort-assequia cum circulos sit Symbolum Divinitatis, et terra scabellum Dei sic certe uellet eos credere se esse Dominum coeli et terrae. Guazzo. *Compendium*. Я исправил текст, где было «uellet eos credere eum esset».

Даже такие проницательные исследователи, как мисс Мюррей.

Dressant quelque forme d'autel sur des colones infernales, et sur iceluy sans dire le *Confiteor*, ny l'*Allehuya*, tournant les feuillets d'un certain liure qu'il a en main, il commence a marmoter quelques mots de la Messe. De Lancre. *Tableau*, p. 401.

que le Sabbat se tenoir dans vne maison... Vit aussi vn grand homme noir a l'opposite de celui de la cheminee, qui regardoit dans vn livre, dont les feuillets estoient noirs et bleuds, et marmotait entre ses dents sans entendre ce qu'il dis-oit, leuoit vne hostie noire, puis vn calice de meschant estain tout crasseux.

On dit la Messe, et que c'est le Diable qui la dit, qu'il a vne Chasuble qui a vne croix: mais qu'elle n'a que trois barres: et tourne le dos a l'Autel quand il veut leuer l'Hostie et le Calice, qui sont noirs, et marmote dans vn liure, duquel le couuerture est toute velue comme d'une peau de loup, avec des feuillets blancs et rouge, d'autres noirs.

On lisait la messe dans le livre des blasphemes, qui servait de canon et qu'on employait aussi dans les processions. Il renfermait les plus horribles meledictions contre la sainte Trinite, le Saint Sacrement de l'autel, les autres sacrements et les ceremonies de l'Eglise, et il etait ecrit dans une langue qui m'etait inconnue. Gurre, *La Mystique Divine*, Charles Sainte-Foi, V, p. 230. Рецензия в *Die christliche Mystik* Борсиг и Краузе, Ганновер, 1893 – 1897.

W. Wright, *Newes from Scotland*, London, 1592.

T. B. Howell. *State Trials*, London, 1816, IV, p. 844, 846.

S. Caleb. *Les Messes Noires*, Paris.

Après ce que nous ont appris les livres et les ames, il ne nous est pas permis de douter, et notre devoir est de combattre, ne fut-ce que par une simple affirmation, les nombreux auteurs qui, effrontément ou témérairement, traitent ces horreurs de fables ou d'hallucinations. *La Mystique Divine*, второе изд. Paris, 1902, III, p. 269, 270.

Ces histoires, loin d'être fabuleuses, ont toute l'authenticité que peut leur donner une procédure instruite avec tout le zèle et la talent que pouvaient y apporter des magistrats éclairés et consciencieux, auxquels, à toutes les époques, les faits ne manquaient pas. Livre III, c. 8

De Ciuitate Dei, xv. 23.

Esse eorum (qui usialiter incubi uel succubi nominantur) et concupiscentiam eorum libidinosam, necnon et generationem ab eis esse famosam atque credibilem fecerunt testimonia uirorum et mulierem qui illusiones ipsorum, molestiasque et improbitates, necnon et uiolentias libidinis ipsorum, se passos fuisse testificati sunt et adhuc asserunt. *De Universitate*, Secunda pars, III, 25.

Si tamen ex coitu daemonum aliqui interdum nascuntur, hoc non est per semen ab eis
decisum, aut a corporibus assumptis; sed per semen alicuius hominis ad hoc acceptum,
utpote quod idem daemon qui est succubus ad uirum, fiat incubus ad mulierem. *Summa*.
Pars Prima. Quaestio 1, a 3, at 6.

Succumbunt uiris in specie mulieris, et ex eis semen pollutionis suscipi-unt, et quadam sagacitate ipsum in sua uirtute custodiunt, et postmodum, Deo permittente, fiunt incubi et in uasa mulierum transfundunt. *Sententiarum*, Liber II, d.viii, Pars Prima, a. 3, q. 1.

Docet S. Thomas... et consentiunt communiter reliqui theologi... Ratio huius sententiae est quia tota illa actio non excedit potestatem naturalem daemonis, usus autem talis potestatis est ualde conformis prauae uluntati daemonis, et iuste a Deo permitti potest propter aliquorum hominum peccata. Ergo non potest cum fundamento negari, et ideo non immerito dixit Augustinus, cum de illo usu multis experiētiis et testimoniis constet, non sine impudentia negari. *De Angelis*, l.iv.c.38, nn. 10, 11.

Начат в 1665 году фра Франсиско де Хесус-Мария.

Negant aliqui, credentes impossibile esse quod daemones actum car-nalem cum hominibus exercere ualent. Sed tenanda est ut omnino certa con-traria sententia. Theologia Moralis. Tr.xxi. c.11, p. 10, nn. 180, 181.

Idem daemon qui est succubus ad uirum potest fieri incubus ad mulierem. См. его знаменитый труд *Summa S. Thomas hodiernis Academicarum moribus accomdata*, 19 томов, Liege, 1746 – 1751.

De Seruorum Dei Beatificatione, Romae, MDCCXC, Cura Aloysii Salvioni. T.VII, p. 30 – 33.

Quae leguntur de Daemonibus incubis et succubis... Quamuis enim praedicti concubitus communiter admittantur, sed generatis a nonnullis excludetur... alii, tamen, tum concubitum, tum generationem fieri posse, et factam fuisse existimauerunt, modo quodam nouo et inusitate, et hominibus incognito. Санчо Авильский, епископ Мурсии, Хаена и Сигуэнцы, исповедник св. Терезы в комментарии на книгу «Исход» обсуждает следующий странный вопрос: *An Angeli de se generare possint?*

Quidam hos daemones incubos uel succubos dari negarunt; sed communiter id affirmant auctores.

Ad bestialitatem autem reuocatur peccatum eum daemone succubo, uel incubo; cui peccato superadditur malitia contra religionem; et praeterea etiam sodomiae, adulterii, uel incestus, si affectu uiri, uel mulieris, sodomitico, adul-terino uel incestuoso cum daemone coeat. Lib. III, Tract iv.c. 2. Dubium 3.

Слово *bestialitas* с богословской точки зрения следует толковать существенно шире, чем английское *bestiality* (скотоложество). В 1222 году некий декан после суда, произведенного архиепископом Лэнгтоном, был сожжен в Оксфорде по обвинению в скотоложестве. Он принял иудаизм для того, чтобы жениться на еврейке. Профессор Эванс отмечает: «Довольно странным кажется то, что христианские законники приняли еврейский закон о наказании смертью лиц, имевших сексуальные контакты с животными, а потом так его расширили, что под последними стали пониматься сами евреи. Юристы серьезно занимались вопросом, следует ли считать сожителство христианина с еврейкой или, наоборот, еврея с христианкой содомией. Дамхудер (Prah.reg.crim.) считал, что следует. Николай Боер приводит пример некоего Иоанна Аларда, или Жана Алара, который содержал в своем доме в Париже еврейку и имел от нее нескольких детей: он был обвинен по этому поводу в содомии и сожжен вместе со своей любовницей, „т. к. совокупление с еврейкой то же, как если бы мужчина задумал соединиться с собакой“. (*Dopl. Theat.* ii, с.157). Дамхудер относит турок и сарацин к той же категории. *The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals*, p. 152, London, 1906.

Посвятивший себя св. Карлу. Умер в 1631 году.

1566 – 1622. Его книга «*Synopsis Theologiae Moralis*» была издана посмертно, опубликована в 1626 году.

Bene ait Busembaum quod congressus cum daemone redicitur ad pec-catum bestialitatis. Hermann Busembaum. 1600 – 1668.

Theologia moralis decalogalis et sacramentalis. Venice, 1731.

Praeter autem crimen bestialitatis accedit scelus superstitionis. An autem, qui coit cum daemone apparente in forma conjugatae, monialis, aut con-sanguiniae, peccat semper affective peccato adulterii, sacrilegii, aut incestus? Uidetur uniuerse affirmare Busembaum cum aliis ut supra.

Paris, 1883.

Пособие, предназначенное только для священников.

Omnes theologi loquuntur de congressu cum daemone in forma uiri, mulieres, aut alicuius bestiae apparente, uel ut praesente per imaginationem repraesentato, dicuntque tale peccatum ad genus bestialitatis reuocandum esse, et specialem habere malitiam in confessione declarandam, scilicet superstitionem in pacto cum daemone consistentem. In hoc igitur scelere duae necessario reperiuntur malitiae, una contra castitatem, et altera contra uirtutem religionis. Si quis ad daemonem sub specie uiri apparentem affectu sodomitico accedat, tertia est species peccati, ut patet. Item si sub specie consanguineae aut mulieres conjugatae fingatur apparere, adest species incestus uel adulterii; si sub specie bestiae, adest bestialitas.

1722 – 1797. Умер монахом в Бансе, недалеко от Бамберга.

Quaeri potest utrum daemon per turpem concubitum possit uiolenter opprimere marem uel feminam cuius obsessio permissa sit ob finem perfection-is et contemplationis acquirendae. Ut autem uera a falsis separemus, sciendum est quod daemones (incubi et succubi, quidquid dicant increduli) uere dantur: immo hoc iuxta doctrinam Augustini (lib. 15, *de Ciuit. Dei*, cap. 23) sine ali-qua impudentia negari nequit:...Hoc idem asserit D.Thomas, aliique com-muniter. Hic uero, qui talia patiuntur, sunt peccatores qui uel daemones ad hos nefandos concubitus inuitant, uel daemonibus turpia haec facinora intentan-tibus ultro assentiuntur. Quod autem hi allique prauī homines possint per uiolentiam a daemone opprimi non dubitamus:...et ego ipse plures inueni qui quamuis de admissis sceleribus dolerent; et hoc nefarium diaboli commercium exsecrarentur, tamen illud pati cogebantur inuiti. D. Schram. *Theologia Mystica*, I, 233, Scholium 3, p. 408, Paris, 1848.

1532 – 1591. Провинциал Рейнского капитула ордена иезуитов.

Congressus hos daemonum cum utriusque sexus hominibus negare, ita temer-arium est, ut necessarium ait simul conuellas et sanctissimorum et grauissimorum hominum grauissimas sententias, et humanis sensibus bellum indicas, et te ignorare fatearis quanta sit illorum spirituum in haec corpora uis utque potestas. C.X. n. 3

Placuit enim affirmatio axiomatis adeo multis, ut uerendum sit ne perti-naciae et audaciae sit ab eis discedere; communis namque haec est sententia Patrum, theologorum et philosophorum doctiorum, et omnium fere saeculorum atque nationum experientia comprobata. Liber II, quaestio 15.

Asserere per incubos et succubos daemones homines interdum procreari in tantum est catholicum, quod eius oppositum asserere est nedum dictis Sanctorum, sed et traditioni sacrae Scripturae contrarium. Pars prima, quaestio 3

Causa autem quare daemones se incubos faciunt uel succubos esse uidetur, ut per luxuriae uitium hominis utramque naturam laedant, corporis uidelicet et animae, qua in laesione praecipue delectari uidentur. Нидер был весьма видной фигурой на Базельском соборе. (Биографии отцов-демо-нологов заинтересованный читатель найдет в «Энциклопедии колдовства и демонологии» Рассела Хоупа Роббинса. Москва, Локид, МИФ, 1996, так же, как и множество иных сведений о процессах ведьм. Вместе с тем концепции Роббинса сильно разнятся (несмотря на текстуальные совпадения, например, в предисловии) с излагаемыми Саммерсом и по меньшей мере не столь оригинальны. – Прим. пер.).

Daemon in forma succubi se transformat, et habet coitum cum uiro...; accedit ad mulierem in forma scilicet uiri... Ita firmant communiter Theologi.

Certissima experientia saepe cognitum est foeminas etiam inuitas a dae-monibus fuisse compressas. *De justa haereticorum punitione*, Lib. I c. xviii. Salamanca, 1547.

Haec est indubitata ueritas quam non solum experientia certissima com-probat, sed etiam antiquitas confirmat, quidquid quidam medici et iurisperiti opinentur. Conclusio quinta.

Affirmatiuam sententiam tam multi et graues tuentur auctores, ut sine pertinaciae nota ab illa discedi non posse uidatur.

Rapports de l'homme avec le demon.

Les hauts phenomenes de la magic.

Sane ad nostrum, non sine ingenti molestia, peruenit auditum quod... complures utriusque sexus personae, propriae salutis immemores et a fide catholica deuiantes, cum daemonibus incubis et succubis abuti.

Декан св. Павла (*Christian Mysticism*, 1899, с. 265) изысканно отделяется от предмета наших изысканий цитатой из Лукреция:

Hunc igitur terrorem animi, tenebrasque necessest

Non radii solis, neque lucida tela diei

Discutiant, sed naturae species ratioque. (I, 147 – 149)

Этот ужас души и тьму над нею

Разрушить ни солнца лучи, ни стрелы света дневного

Рассеять не могут, но лишь разуменье законов природы.

Survival, сборник авторов. Редактор сэр Джеймс Маршант. Лондон – Нью-Йорк.

Так, в пьесе Миддлтона «Ведьма», когда молодой красавец Альмахильд посещает жилище Гекаты, она восклицает:

Вот Альмахильд – струится кровь во мне живая,

Вот человек, с которым я возлечь желала,

Кого уже инкубом трижды призывала.

А в предыдущей сцене она произносит такие слова:

Какого пожелать молодого человека, чтобы он

Нас развлекал, как инкуб?

Ce commerce monstreux dura plusieurs mois; mais Dieu le delivra enfin par mon entremise et il fit penitence de ses peches.

Auoir este au Sabbat; ne scait comme elle y fut transportee... qu'au Sabbat le Diable cogneust charnellement toutes les femmes qui y estoient, et elle aussi la marqua en deux endroits... Que le Diable la cogneu vne autre-fois, et qu'il a le membre faict comme un cheual, en entrant est froid comme glace, iette la semence fort froide, et en sortant la brusse comme si c'estoit du feu. Qu'elle receut tout mescontentement que lors qu'il eut habite avec elle au Sabbat, vn autre homme qu'elle ne cognoist fit le semblable en presence de tous, que son mary s'apercut quand le Diable eut affaire avec elle, et que le Diable se vint coucher auprez d'elle fort froid, luy mit la main sur le bas du ven-tre, dont elle effrayee en ayant aduertty son mary, il luy dict ces mots, Taise-toy folle, tais-toy. Que son mary vit quand le Diable la cogneust au Sabbat, ensemble cet autre qui la cogneust apres.

L'accouplement du Demon avec la Sorciere et le Sorcier...1. Le Demon cognoit toutes les Sorcieres, et pourquoy. 2. Il se met aussi en femme pour les Sorciers, et pourquoy. 3. Autres raisons pour lesquelles le Demon cog-noit les Sorciers, et Sorcieres.

...qui Satan l'auoit cogueue charnellement... Et pource que les hommes ne cedent guieres aux femmes en lubricite.

Il y a encor deux autres raisons pour lesquelles le Diable s'accouple avec le Sorcier: La premiere, que l'offense est de tant plus grande: Car si Dieu a en si grande haine l'accouplement du fidelle avec l'infidele (Исход 34, Второзаконие 37), a combien plus forte raison detesterait celui de l'homme avec le Diable. La seconde raison est, que parcemoyen la semence naturelle de l'homme se pert, d'ou vient que l'amitie qui est entre l'homme et la femme, se conuertit le plus souuent en haine, qui est l'un des plus grands mal-heurs, qui pourroient arriuer au mariage.

В главе 13 Боре приходит к следующим выводам: l'accouplement de Satan avec le Sorcier est reel et non imaginaire... Les vns donc s'en moc-quet... mais les confessions des Sorciers qui j'ay eu en main, me font croire qu'il en est quelque chose! Dautant qu'ils ont tout recogneu, qu'ils auoient este couplez avec le Diable, et que la semence qu'il iettoit estoit fort froide... Iaquema Paget adioustoit, qu'elle auoit empoigne plusieurs fois avec la main le mebre du Demon, qui la cognoissoit, et que le membre estoit froid comme glace, log d'un bon doigt, et moindre en grosseur que celui d'un homme: Tieuene Paget, et Antoine Tornier adioustoient aussi, que le membre de leurs Demons estoit long, et gros comme l'un de leurs doigts.

Heuze. *Do the Dead Live?* 1923.

John Stearne. *Confirmation and Discovery of Witchcraft*.

Robert Pitcairn. *Criminal Trials*, Edinburgh, 1833, III, c. 603, 611, 617.

Там же.

Le Diable faict des mariages au Sabbat entre les Sorciers et Sorcieres, et leur joignant les mains, il leur dict hautement.

Esta es buena parati Esta parati lo toma.

Mais auant qu'ils couchent ensemble, il s'accouple avec elles, oste la vir-ginite des filles. Lancre. *Tableau de l'Inconstance*, p. 132.

Что особо подчеркивала мисс Мюррей в «Культе ведьм в Западной Европе». Глава о ритуалах. Но она не знала, что fascino был хорошо известен демонологам и использование его было запрещено *sub mortali* Церковью.

В связи с восстановлением потенции тем или иным божеством.

См. G. Belluci. *Amuletti Italiani antichi e contemporanei*; также *Amuletti Italiani contemporanei*, Perugia, 1898.

Auctore P.P. Parisiis, MDCCCXXVI.

Crudelissima anus. *Сатиры*Петрония, 138.

Titi Petronii Satiricon. Amstelodami, 1669. На титульном листе этой книги помимо прочих фигур можно разглядеть ведьму, летящую на помеле.

Priapeia, LXXXIV.

Подробно об этих мерзостях писал св. Августин. *De Ciuitate Dei*, VII, 26.

Priapi lignei in honorem Bacchi.

Fransis Hutchinson. *Historical Essay*, London, 1718.

Witches at Chelmsford, Philobiblion Society, VIII.

Fransis Hutchinson. *Historical Essay on Witchcraft*, London, 1718.

Elogia Doctorum Uirorum., p. 101.

Liber II, Cap. V, 11, 12.

Omnia autem honeste et secundum ordinem fiant. 1 Посл. Кор. 14, 40.

Мисс Мюррей, введенная в заблуждение многочисленными источниками, считает, что все собрания можно разделить на шабаши (Sabbat), всеобщие собрания всех приверженцев секты, и эсбаты (Esbat), «проводимые лишь для избранных, которые вырабатывали основы культа и куда допускались лишь немногие». *The Witch-Cult in Western Europe*, с. 97. Герр уже писал, что небольшие собрания ведьм именовались эсбатами. Но о том, что шабаши следует считать всеобщим собранием приверженцев культа, ранее не писалось.

Seven (англ).

On a voulu trouver l'étymologie du sabbat, réunion des sorciers, dans les sabazies; mais la forme ne le permet pas; d'ailleurs comment, au moyen âge aurait-on connu les sabazies? Saint-Croix, *Recherches sur les mystères du paganisme*; Maury, *Histoire des religions de la Grèce antique*.

Метаморфозы, VIII, 25.

Мисс Мюррей полагает, что слово «шабаш» происходит от s'esbat-tre, «резвиться», что «вполне соответствует веселью, царившему на этих встречах!».

Мисс Мюррей ошибочно утверждает (с. 109), что канун Майского дня (30 апреля) называется Roodmas. Roodmas приходится на 3 мая, и полное название этого праздника – Обретение честного креста Господня. В раннем английском календаре (702 – 706) Roodmas приходится даже на 7 мая. Это один из самых старых праздников. Он упоминается уже в Силовских чтениях и служебнике из Боббио.

Особенно на севере и северо-востоке. В Баварии, Бадене и Вюртемберге эта дата не была известна.

В «*Ритуале*» читаем: «Benedictio Rogi, que fit a Clero extra Ecclesiam in Uigilia Natiuitatis S. Joannis Baptistae» (Благословение огня может быть дано на канун дня Иоанна Предтечи, но за пределами церкви). Эта форма особенно одобрялась в Тарбской епархии.

Relacion de las personas que salieron al auto de la fe que los inquisidores apostolicos del reino de Navarra y su distrito, celebraron en la ciudad De Logrono, en 7 y 8 del mes de noviembre de 1610 anos, 1611.

Discours des Sorciers, XXII, 12. У Тертулиана Diabolus simia Dei.

Там же, XX, 2

Tableau, c. 65.

Les lieux des assamblees des Sorciers sont notables et signalez de quelques arbres, ou croix. *Fleau*, c. 181.

Anthony Horneck. Приложение к *Sadducismus Triumphatus* Глэнвиля, London, 1681.

Locus in diuersis regionibus est diuersus; plerumque autem comitia in syluestribus, montanis, uel subterraneis atque ab hominum conuersatione dis-sitis locis habentur. *Mela. Lib. III, cap. 44.* montem Atlantem nominat; de Vaulx Magus Stabuleti decollatus, fatebatur 1603, in Hollandia conragationem frequentissimam fuisse in Utraiectinae ditionis aliquo loco. Nobis ab hoc conuentu notus atq. Notatus mons Bructerorum, Meliboeus alias dictus in ducatu Brunswicensi, uulgo *der Blocksberg oder Heweberg*, Peucero, der Brockersberg, et Tilemanno Stellae, *der Vogelsberg*, perhibente *Ortelio in Thesauro Geographico*. О ро-рах Бруктери см. Тацит. *Германия*, 33. Вел-лий Патеркул. II, 105, i. *Bructera natio*. Та-цит. *История*, IV, 61.

...le lieu ou le trouue ordinairement s'appelle Lanne de bouc, et en Basque *Aqullarre de verros*, *prado del Cabron* et la des Sorciers le vont adorer trois nuits durant, celle du Lundy, du Mercredy, et du Vendredy. De Lancre. *Tableau*, c. 62.

Boguet. *Discours des Sorciers*, c. 124.

A Pleasant Treaties of Witches, London, 1673.

Псалом 90.

Conuentus, ut plurimum ineuntur uel noctis mediae silentio, quando uiget potestas tenebrarum; uel interdiu meridie, quo sunt qui referant illud Psalmistae notum de daemónio meridiano. Noctes frequentiores, quae feriam tertiam et sextam praecedunt. Delrio. *Disquisitiones Magicae*, Lib. II, xvi.

Discours, XIX, 1. «Маги собираются на шабаш в полночь».

Ее обвинительное заключение состоит из 53 пунктов.

*Practicks*Спорттисвуда.

Spalding Club. *Miscellany*, I.

Манускрипт, об этом повествующий, ныне во владении Майкла Стюарта Николсона, эсквайра.

Je me trouvais transporte au lieu ou le Sabatt se tenait, y demeurant quelquefois une, deux, trois, quatre heures pour le plus souvent suivant les affections.

Ferant uagantes Daemonas Laetas tenebras noctium Gallo canente exterritos Sparsim
timere et credere.

Nocturna lux uiantibus A nocte noctem segregens, Praeco diei iam sonat, Iubaque solis euocat. Hoc nauta uires colligit, Pontique mitescunt freta: Hoc, ipsa petra Ecclesiae, Canente, culpam diluit. Surgamus ergo strenue: Gallus iacentes excitat, Et somnolentos increpat, Gallus negantes arguit. Gallo canente, spes redit, Aegris salus refunditur, Mucro latronis conditur, Lapsis fides reuertitur.

Tableau, c. 154.

Так о Лондоне д-р Джонсон писал в поэме «Лондон» (1738):

Но если хочешь ночью там пройти, то к смерти будь готов

И перед тем, как выйти в ночь из дома, не забудь подписать завещание.

В 1500 году Паоло Капелло, посланник Венеции, писал: «Каждую ночь они находят в Риме 4-5 убитых, прелатов и других». Во времена Филиппа IV (1621 – 1665) улицы Мадрида, шумные и немощные, были освещены лишь в связи с праздничными иллюминациями.

1475 – 1546.

Quando uadunt ad loca propinqua uadunt pedestres mutuo se inuicem inuitantes. *De Strigibus*, II.

Les Sorciers neatmoins vont quelquefois de pied au Sabbat, ce qui leur aduient principalement, lors que le lieu ou ils font leur assemblée, n'est pas guieres eslonge de leur habitation. *Discours*, XVII.

Enquis en quel lieu se tint le Sabbat le dernier fois qu'il y fut. Respond que ce fut vers Billeron a un Carroy qui est sur le chemin. Tendant aux Aix, Parroisse de Sainte Soulange, Iustice de ceans. Enquis de quelle facon il y va. Respond qu'il y va de son pied. De Lancre. *Tableau*, c. 803 – 805.

Aussi vilain et abominable est au Sorcier d'y aller de son pied que d'y estre transporte de son consentement par le Diable. c. 632.

Синклер. *Satan's Invisible World Discovered*, Репринт 1875, VII.

Там же, с. 25.

Там же, с. 175 – 178.

Illud etiam non omittendum quod quaedam sceleratae mulieris retro post Satanam conuersae, daemonum illusoribus et phantasmatibus seductae credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana paganorum dea et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias et multa terrarum spatia intempestae noctis silencio pertransire eiusque iussionibus uelut dominae obedire, et certis noctibus ad eius seruitium euocari. Minge. *Patres Latini*, CXXXII, 352.

На эту тему писал проф. Кларк в статье «Мази для полетов». *The Witch-Cult in Western Europe*, с. 279 – 280.

Posset daemon eas transferre sine unguento, et facit aliquando; sed unguento manuult uti uariis de causis. Aliquando quia timidiore sunt sagae, ut audeant; uel quia teneriores sunt ad horribilem illum Satanae contactum in corpore assumpto feendum; horum enim unctione sensum obstupefacit et miseris persuadet uim unguento inesse maximam. Alias autem id facit ut sacro-sancta a Deo instituta sacramenta inimice adumbret, et per has quasi ceremonias suis orgiis reuerentiae et uenerationis aliquid conciliat. Delrio. *Disquisitiones magicae*, Lib. II, xvi.

Подобно тому, как мог левитировать Симон-маг в присутствии Нерона и его двора.

Анри Боге, верховный судья дистрикта Сент-Клод, умер в 1616 году. Первое издание (ныне очень редкое) его «*Discours des Sorciers*» вышло в Лионе в 1602 году, второе там же в 1608. Но есть также и парижский тираж 1603 года.

Scot. *Discoverie of Witchcraft*, 1584, Кн. III, с. 42.

De Lancre. *Tableau*, c. 211.

Thomas Wright. *Proceedings against Dame Alice Kyteler*, Camden Society, 1843.

Cotton Mather. *Wonders of the Invisible World*, 1693, Репринт 1862, с. 158.

J. Godfrey Raupert. *Modern Spiritism*, 1904, с. 34 – 35. Также см. W. Barrett. *On the Threshold of the Unseen*, с. 70.

Arthur Lillio. *Modern Mystics and Modern Magic*, 1894, c. 74 – 75.

Dawid Lewis. *Life of S. John of the Cross*, 1897, p. 73 – 74.

Об этом можно прочитать в собственном письме святого (написанном в 1777 году) епископу Фоджи. *Lettere di S.Alfonso Maria de' Liguori*, Рим, 1877, II, 456.

Philip Cogan. *Gemma Galgani*, 1923, p. 62. Детали – в ее обширной биографии, написанной отцом Хермано.

Vie du B. Paul de la Croix, I, L. 2, p. 3.

La Mystique Divine, V.viii.17, p. 193.

Джованни Франческо Понцинибио был адвокатом. Этот его труд был опубликован в Венеции в 1523 – 1524 гг. За ним вышел другой труд, «*Apologiae tres aduersum Joannem Franciscum Ponzinibium Iurisperitum*», Венеция, 1584.

Рим, 1584.

De modo quo localiter transferentur de loco ad locum... Probatur quod possint malefici corporaliter transferri.

An isti Sortilegi et Strigimagae siue Lamiae uere et corporaliter defer-antur a daemone uel solum in spiritu? *De Sortilegiis*, VII.

Sum modo istius secundae opinionis quod deferantur in corpore.

Doctrina multi eorum qui sequuntur sunt Lutherum et Melanctonem, tenuerent Sagas ad conuentus accedere animi duntaxat cogitatione, et diaboli-ca illusionem interesse, allegantes quod eorum corpora inuenta sunt saepe numero eodem loco iacentia, nec inde mora fuisse, ad hoc illud pertinens quod est in uita D. Germani, de mulierculis conuiuantes, ut uidebantur, et tamen dormierant dormientes. Huiusmodi mulierculas saepe numero decipi certum est, sed semper ita fieri non probatur... Altera, quam uerissimam esse duco, est, nonnunquam uere Sagas transferri a Daemone de loco ad locum, hirco, uel alteri animali fantastico ut plurimum eas simul asportanti corporaliter, et conu-entu nefario interesse, et haec sententia est multo communior Theologorum, imo et Iurisconsultorum Italiae, Hispaniae et Germaniae inter Catholicos; hoc idem tenent alii quam plurimi. Turrescremata super Grillandum (*De haereticis et sortilegiis*, Lugduni, 1536), Remigius (Nicolas Remy. *De la demonolatrie*), Petrus Damianus (*Epistolarum*, IV, 17), Silvester Abulensis (Сильвестр Авильский), Caietanus (Tommaso de Vio Gaetani, 1469 – 1534, Alphonsus a Castro (Alfonso de Castro. Минорит, (1495 – 1558), исповедник Карла V и Филиппа II испанских), Sixtus Senensis (Sisto da Siena. *Bibliotheca Sancta...* Liber V, Frankofurti, 1575), Crespetus (Per Crespet. Целести-нец. *Deux livres de la haine de Satan et des malins esprits contre l'homme*, Paris, 1590), Spineus (Bartholomeo Spina. *De lamiis. De strigibus*, Венеция, 1584. *Apologiae tres aduersus Joannem Franciscum Ponzinibium Jurisperitum*, Венеция, 1525), Джованни Франческо Понцинибио (Dedamiis, Венеция, 1584), contra Ponzinubium, Anasias (Giovanni Lorenzo Anania. *De natura daemonum. Libri iiii*. Венеция, 1581), et alii quam plurimi, quos breuitatis gratia omitto. *Per Fratrem Franciscum Mariam Guaccium Ord. S. Ambrosii ad Nemus Mediolani compilatum*, Милан, Ex Collegii Ambrosiani Typographia, 1626.

Ad quam congregationem seu ludum praefatae pestiferae personae uadunt corporaliter et uigilantes ac in propriis earum sensibus et quando uadunt ad loca propinqua uadunt pedestres mutuo se inuicem inuitantes. Si autem habent congregari in aliquo loco distant tunc deferentur a diabolo, et quo-modocunque uadant ad dictum locum siue pedibus suis siue adferantur a dia-bolo ueru est quod realiter et ueraciter et non phatastice, neque illusorii abne-gant fide catholicam, adorant diabolum, conculcant crucem, et plura nefandis-sima opprobria committunt contra sacratissimum Corpus Christi, ac alia plura spurcissima perpetrant cum ipso diabolo eis in specie humana apparenti, et se uiris succubum, mulieribus autem incubum exhibenti.

George Gandillon, la nuit d'un Ieudy Saint, demeura dans son lit, comme mort, pour l'espace de trois heures, et puis reuint a soy en sursaut. Il a depuis esté bruslé en ce lieu avec son pere et vne sienne soeur.

Chapitre xvi. Comme, et en quelle facon les Sorciers sont portez au Sabbat.

1. Ils y sont portez tantost sur un baston, ou ballet, tantost sur un mouton ou bouc, et tantost par un homme noir.

2. Quelquefois ils se frottet de graisse, et a d'autres non.

3. Il y en a, lesquels n'estans pas Sorciers, et s'estans frottez, ne delaissent pas d'estre transportez au Sabbat, et la raison.

4. L'onguent, et la graisse ne seruent de rien aux Sorciers, pour leur transport au Sabbat.

5. Les Sorciers sont quelquefois portez au Sabbat par un vent et tourbillon. Chapitre xvii. Les Sorciers vont quelques fois de pied au Sabbat. Chapitre xviii. Si les Sorciers vont en ame seulement au Sabbat.

1.3. L'affirmative, et exemples.

2. Indices, par lesquels on peut coniecturer, qu'une certaine femme estoit au Sabbat en ame seulement.

4. La negative.

5. Comme s'entend ce que l'on dit d'Erichto, et d'Apollonius lesquels resusciterent l'un un soldat, et l'autre une ieune fille.

6. Les Sorciers ne peuuent resusciter un mort, et exemples.

7. Non plus que les heretiques et exemples.

8. Opinion de l'Autheur sur le suiet de ce chapitre.

9. Satan endort le plus souuent les personnes, et exemples. Chapitre xix.

1. Les Sorciers vont enuiron la minuict au Sabbat.

2. La raison pourquoy le Sabbat si tient ordinairement de nuit.

3. Satan se plaît aux tenebres, et a la couleur noire, estant au contraire la blancheur agreable a Dieu.

4. Les Sorciers dansent doz contre doz au Sabbat, et se masquent pour la plus part.

5.8. Le coq venant a chanter, le Sabbat disparoit aussi tost, et la raison

6. La voix du coq funeste a Satan tout ainsi qu'au lyon, et au serpent.

7. Le Demon, selon quelques uns a crainte d'une espee nue. Chapitre xx. Du iour du Sabbat.

1. Le Sabbat se tient a un chacun iour de la semaine, mais principalement le Ieudy.

2. Il se tient encor aux festes les plus solempnelles de l'annee. Chapitre xxi. Du lieu du Sabbat.

1. Le lieu du Sabbat est signale, selon aucuns, de queluels arbres ou bien de quelques croix, de l'opinion de l'autheur sur ce suiet.

2. Chose remarquable d'un lieu pretendu pour le Sabbat.

3. Il faut de l'eau au lieu, ou se tient le Sabbat, et pourquoy.

4. Les Sorciers, a faute d'eau, urinent dans un trou, qu'ils font en terre. Chapitre xxii. De ce qui se fait au Sabbat.

1. Les Sorciers y adorent Satan, estat en forme d'homme noir, ou de bouc, et luy offrent des chandelles, et le baisent aux parties honteuses de derriere.

2. Ils y dansent, et de leurs danses.

3. Ils se desbordent en toutes sortes de lubricitez, et comme Satan se fait Incube et Succube.
4. Incestes, et paillardises execrables des Euchites et Gnostiques.
5. Les Sorciers banquettent au Sabbat, de leurs viandes, et breuuages, et de la facon qu'ils tiennent a benir la table, et a rendre graces.
6. Ils ne prennent cependant point de gout aux Viandes, et sortent ordinairement avec faim du repas.
7. Le repas paracheue, ils rendent conte de leurs actions a Satan.
8. Ils renoncent de nouveau a Dieu, au Chresme, et c. Et comme Satan les sollicite a mal faire.
9. ls y font la gresle.
10. Ils y celebrent messe, et de leurs chappes, et eau benite.
11. Satan se consume finalement en feu, et se reduit en cendre, de laquelle les Sorciers prennent tous, et a quel effet.
12. Satan Singe de Dieu en tout.

Vouloir donner une description du Sabbat, c'est vouloir decrire ce qui n'existe point, et n'a jamais subsiste que dans l'imagination creuse et seduite des Sorciers et Sorcieres: les peintures qu'on nous en fait, sont d'apres les reveries de ceux et de celles qui s'imaginent d'etre transportes a travers les airs au Sabbat en corps et en ame. *Traite sur les Apparitions des Esprits*, par le R.P. Dom Calmet, Abbe de Senones, Paris, 1751, I, p. 138.

См. гравюру на титульном листе пьесы Миддлтона и Роули «*The World tost at Tennis*», 1620.

De Lancre. *L'Incredulite*, c. 769.

Boguet. *Discours des Sorciers.*

De Lancre. *Tableau*, c. 217.

De Lancre. *L'Incredulite*, c. 800.

Gorres. *La Mystique Divine*, V.viii.19, p. 208.

Синклер. *Satan's Invisible World Discovered*, Репринт 1875, XVII.

La Mystique Divine, 1902, III, c. 381.

Tractatus, xxi, c. 11, p. 11, n. 179.

Disquisitionis Magicae, Кн. II, x.

Compendium Maleficarum, c. 78.

Solent ad conuentum delatae daemonum conuentus praesidem in solio consistentem forma terrificam, ut plurimum hirci uel canis, obuerso ad illum trgo accedentes, adorare... et deinde, homagii quod est indicium, osculari eum in podice (*Disquisitionis Magicae*, Кн. II, xvi). Гуаццо говорит: Ad signum homagii daemonem podice osculantur (*Compendium Maleficarum*, I, с. 13). Людвиг Элих утверждает: Deinde quod homagii est indicium (honor est auribus) ab iis ingerenda sunt oscula Daemonis podici (*Daemonomagia*, Quaeastis x).

Mystery of Witchcraft.

Следует помнить, что этим дьяволом был, возможно, Фрэнсис Стюарт, герцог Босвелла, внук Якова V, который, безусловно, был Великим Магистром ведьм и подготавливал этот шабаш.

Newes from Scotland, declaring the damnable life of Doctor Fian, London, 1592.

Dudum ad audientiam nostram peruenit, quod uenerabilis frater noster G. Conuentrensis et Lichefeldensis episcopus erat in regno Angliae et alibi publice defamatur quod diabolo homagium fecerat et eum fuerat osculatus in tergo eique locutus multoties.

Confessa ledit sire Guillaume... avoir fait hommage audit ennemy en l'espece et semblance d'ung mouton en le baisant par le fondement en signe de reverence et d'hommage. Jean Chartier, *Chronicle de Charles, VII*, Paris, 1858, III, с. 45. Шэдвелл ввел эту сцену в «Ланкаширских ведъм», II (сцена в погребѣ сэра Эдварда). В его записках читаем о «докторе Эдлине... сожженном за ведовство».

Reliqui Antiquae, I, 247.

Il a veu quelque fois en forme d'homme, tenant son cheval par le frein, etqu'ils le vont adorer tenans vue chandelle de poix noir en leurs mains, le baisent quelque fois au nombril, quelque fois au cul. De Lancre. *LIncredulite*, c. 25.

Tum candelis piceis oblati, vel vmbilico infantili, ad signum homagii eum in podice osculantur, Liber I, xiii.

Satan s Invisible Worls Discovered, III.

...qui apparait la, tantost en forme d'un grand homme noir, tantost en forme de bouc, et pour plus grand hommagem ils luy offrent des chandelles, qui rendent vne flamme de couleur bleue. *Discours des Sorciers*, p. 131.

Εἴφε λνρα καλὴ γενοιμην ελεφαντινη,
Και με κάλοι παῖδες φέροειν Διονύσιον ἐς χορον.

Sequuntur his choree quas in girum agitant semper tamen ad laevam progrediendo.
Compendium Maleficarum, I, xiii.

Les Sorciers, dansent et font leurs danses en rond doz contre doz.

Quelquefois, mais rarement, ils dansent deux a deux, et par fois l'un ca et l'autre la, et toujours en confusion.

On n'y dançoit que trois sortes de branales... La premiere c'est a la Bohemienne... La seconde c'est a sauts: ces deux sont en rond. Сэр Джон Дэвис в «*Оркестре, или Поэме о танцах*» так описывает семь движений:

*Вверх и вниз, вперед и вновь назад,
В сторону и в другую, затем повернуться.*

II, 1.

Satan s Invisible Worls Discovered, III.

Smalle Jewe's trumpe.

Newes from Scotland, declaring the damnable life of Doctor Fian, London, 1592.

Tota turba colluuesque pessima fescenninos in honorem daemonum cantat obscenissimos. Haec cantat *Harr, Harr*; illa Diabole, Diabole, salta huc, salta illuc; altera lude hic, lude illic; alia Sabaoth, Sabaoth, etc.; immo clamoribus, sibilis, ululatibus, propicinis furit ac debacchatur. *Daemonoma-gia*, Quaestio x.

Hi habent mensas appositas et instructas accumbunt et incipiunt conuiuari de cibis quos Daemon suppeditat uel iis quos singuli attulerere, *Compendium Maleficarum*, I, xiii.

Les liures disent que les sorciers mangent au Sabbat de ce que le Diable leur a appreste: mais bien souuet il ne s'y trouue que des viandes qu'ils ont porte eux mesmes. Parfois il y a plusieurs tables seruies de bons viures et d'autres fois de tres meschans. «Les Sorciers... banquettent et se fes-toient, – сообщает Боре, leur banquets estans composez de plusieurs sortes de viandes, selon les lieux et qualitez des personnes». *Tableau*, p. 197. *Discours des Sorciers*, p. 135.

Satan's Invisible Worls Discovered, XXIX.

Ils banquetent, dressant trois tables selon les trois diversites des gens susnommes. Ceux qui ont la charge du pain, ils portent le pain qu'ils font de ble derobe aux aires invisiblement en divers lieux. Ils boivent de la malvoisie, pour eschauffer la chair et la luxure, que les deutes portent, la derobant de caves ou elle se trouve. Ils y mangent ordinairement de la chair des petits enfants que les deutes cuisent a la Synagogue et parfois les y portent tout vifs, les drobant a leurs maisons quand ils trouvent la commodite. Pere Sebastien Michaelis. *Histoire admirable de la possession*, 1613.

On y boit aussi du vin, et le plus souvent de l'eau.

Conuiuant de cibis a se uel a daemone allatis, interdum delicantissimis, et interdum insipidis ex infantibus occisis aut cadaueribus exhumatis, praece-dente tamen benedictione mensae tali coetu digna. *Salamanticenses*, Tr.xxi. c. 11, P. 11, n. 179.

Uinum eorum praeterea instar atri atque insinceri sanguinis in sordido aliquo scipho epulonibus solitum propinari. Nullam fere copiam rerum illic deesse afferunt praeterqua panis et salis. Addit Dominica Isabella apponi etiam humanas carnes. *Compendium Maleficarum*, I, xiii.

De la Demonomanie, III, 5.

Il n'y a jamais sel en ces repas. *Discours des Sorciers.*

On se met a table, ou il n'a iamais veu de sel.

Шэдвелл также уделил внимание этой детали; *The Lancashire Witches*, II. Сцена шабаша.

Матушка Демдаjk:

Но вот готова и еда, к которой

Соль и близко не лежала никогда!

Pere Sebastien Michaelis. *Histoire admirable de la possession*, 1613.

Isti uero qui expressam professionem fecerunt, reddunt etiam expressum cultum adorationis daemoni per sollemnia sacrificia, quae ipsi faciunt diabolo, imitantes in omnibus diuinum cultum, cum paramentis, luminaribus, et aliis huiusmodi, ac precibus quibusdam et orationibus quibus instructi sunt, adeo ipsum adorant et collaudant continue, sicut nos uerum Creatorem adoramus. *De Sortilegiis*, Liber II, c. iii, n. 6.

The Wonders of the Invisible World, p. 81.

J. Hutchinson. *History of Massachusetts Bay*, II, p. 55 (1828).

Euchologion, Православной Церкви, Венеция, 1898, р. 63.

Baissac, *Les grands jours de la Sorcellerie*, 1890, p. 391.

Calmeil, *De la folie*, I, p. 344.

Pere Sebastien Michaelis. *Histoire admirable de la possession*, London, 1613.

Desmarest. *Histoire de Magdalaine Bavent*, Paris, 1652.

Подробности в труде Francois Ravaisson. *Archives de la Bastille*, Paris, 1873.

Пьеса была представлена в *Echo de Paris*, 1890 – 1891.

Tableau, p. 401. В описании церемоний шабаша я делал упор на сочинения Гуаццо; Bore, *Discours*, XXII, p. 10; De Lancre, p. 86, 122, 126, 129; Gorres. *Mystique*, V, pp. 224 – 227.

De Lancre. *Tableau*, IV, p. 4.

Corriere Nazionale di Torino, Maggio, 1895.

De Lancre. *Tableau*, p. 401.

Gorres. *Mystique*, V, pp. 230.

Roland Brevannes. *L'Orgie Satanique*, IV. Le Sabbat, p. 122.

Discours, p. 141.

S. Caleb. *Messes Noires*, p. 153.

Confession faicte par Messire Loys Gaufridi, A Aix, MVCXI.

A une Chasuble qui a vne croix; mais qu'elle n'a que trois barres.

Le Diable en mesme temps pisse dans vn trou a terre, et fait de l'eau beniste de son vrine, de laquelle celuy, qui dit la messe, arrouse tous les assistants avec vn asperges noir. Boguet, *Discours*, p. 141.

...lors que Tramesabot disoit la Messe, et qu'auant la commencer li iettoit de l'eau beniste qui estoit faicte de pissat, et faisoit la reverence de l'es-paule, et disoit *Asperges Diaboli*. De Lancre, *L'Incredulite*.

L'eau beniste est iaune comme du pissat d'asne, et qu'apres qu'on la iettee on dit la Messe.

Sebastien Michaelis. *Histoire admirable*. Мисс Мюррей на с. 149 своей книги утверждает, что речь идет о ритуале плодородия. Замечательная теория! Речь идет, конечно, о проклятии, лежащем на евреях. Мф. 27:25.

Que le Diable dit le Sermo au Sabbat, mais qu'on n'entend ce qu'il dit, parce qu'il parle come en grodant. Вероятно, на этом дьяволе была маска или же он специально изменил голос.

Dit qu'il a veu bailler au Sabbat du pain benist et de l'encens, mais il ne sentoit bon comme celui de l'Eglise.

Так, в ходе Орлеанского процесса Жентиль ле Клерк признался, что «tourne le dos a l'Autel quand il veut leuer l'Hostie et le Calice, qui sont noirs».

Silvain Nevillon (1614 – 1615). Dit aussi auoir veu des Sorciers et Sorcieres qui apportioient des Hosties au Sabbat, lesquelles elles auoient garde lors qu'on leur auoit baille a communier a l'Eglise.

Предположительно имеется в виду св. Цезарий Арелатский (470 – 543), который был известен борьбой по искоренению последних остатков языческих обрядов и суеверий. Он отлучал от церкви всех, кто консультировался с авгурами и носил языческие амулеты. Гностики, как известно, особенно любили всякие талисманы, амулеты и тому подобное.

J. F. Blade. *Quatorze superstitions populaires de la Gascogne*, p.16. Agen, 1883.

Decisions. Edinburgh, 1759.

Il laisse a penser si l'on n'exerce pas la toutes les especes de lubricites veu encor que les abominations, qui firent foundre et abismer Sodome et Gomorrhe, y font fort communes. Boguet. *Discours des Sorciers*, xxii, p. 137.

Sebastien Michaelis. *Histoire admirable*, 1613.

Finalement, ils paillardent ensemble. Le dimanche avec les diables suc-cubes ou incubes; le jeudi, commettent la sodomie; le samedi la bestialite; les autres jours a la voie naturelle.

Лувьерский процесс длился четыре года, 1643 – 1647.

Après la Messe on dance, puis on couche ensemble, hommes avec hommes, et avec des femmes. Puis on se met a table... Dit qu'il a cognu des hommes et s'est accouple avec eux; qu'il auoit vne couppe on gondolle par le moyen de laquelle toutes les femmes le suiuioint pour y boire.

Après la danse finie les diables se coucheret avecques elles, et eurent leur copagnie.

...grand nombre d'hommes et femmes furent bruslees en la ville d'Arras, accusees les vns par les autres, et confesserent qu'elles estoient la nuict transportees aux dances, et puis qu'ils se couploient avecques les diables, qu'ils adoroient en figure humaine.

...toutes generalement sans exception, confessoient que le diable auoit copulation charnelle avec elles, apres leur auoir fait renoncer Dieu et leur religion.

...c'est a scauoir que les diables, tat qu'elles auoient este Sorcieres, auoict eu copulation avec elles. Henry de Cologne confirmant ceste opinion dit, qu'il y a rien plus vulgaire en Alemaigne.

...quod sacrificia dabant daemonibus in animalibus uiuus, quae diuide-bant membratim et offerebant distribuendo in inferne quadruuiis cuidam dae-moni qui se facit appellari Artis Filium ex pauperioribus inferni. *Dame Alice Kyteler*, 1843, p. 1 – 2.

HighlandPapers, III, p. 18.

Энеида, VI, 243 – 251.

Гораций, *Sermonum*, I, viii.

Dictionnaire Infernal, ed. 1863, p. 590.

Salgues. *Des erreurs et des prejuges*, I, p. 423.

III, 44 – 45.

Alludit ad Haruspiciis officium, qui exta et viscera inspiciebat. Plinius inquit: *Ex ranae rubetae uisceribus; id est, lingua, ossiculo, licne, corde, mira fieri posse constat, sunt enim plurimis medicaminibus referta*. Forte intelligit rubetam uel bufonem, indicans se non esse ueneficum, nec rubetarum extis uti ad uenefica. См. также: Плиний. *Естественная история*, XXXII, 5.

Francois Ravaisson. *Archives de la Bastille*, VI, p. 295. Допросы участников этого скандала можно найти в IV и V томах этого труда.

L. Strackerjan. *Aberglaube und Sagen aus dem Herzogthum Oldenburg*, 1867, I, 70.

Königsberger Hartung'sche Zeitung, 1866, № 9.

V. Fossel. *Volksmedizin und medicinischer Aberglaube in Steiermark*, Graz, 1886.

U. Jahn. *Zauber mit Menschenblut und anderen Teilen des men-schlichen Körpers*, 1888.

A. Lowenstimm. *Aberglaube und Strafecht* (Die Volksmedizin), 1897.

V. Fossel. *Volksmedizin...*

Адриан Кембтер, писавший в 1745 году, насчитал 52 случая, но его список доведен лишь до 1650 года и может быть удвоен. Подобные случаи известны и в наше время. Ли в статье «*El santo nino de la Guardia*» не смог опровергнуть свидетельств об убийстве младенца евреями. На эту тему была опубликована серия из 44 статей в «*Osservatore Cattolico*», март и апрель 1892 года, № 8438 – 8473.

La Temps, Paris, 1 фев. и 23 мар. 1892.

Khartummim. Это же слово использовалось для описания волшебников, которых призвал фараон для толкования своего сна (Быт. 41:8). В Вульгате их именуют *coniectores*. В Исх. 8:11 читаем: *Uocavit autem Pharaon sapientes et maleficos*.

Следует заметить, что даже наиболее модернистски настроенные исследователи считают историю о Валааме одним из старейших документов, относящихся к Пятикнижию.

В своем комментарии на 9-ю главу пророка Осии св. Иероним говорит: «Ingressi sunt ad Beel-Phegor, idolum Moabitarum quem nos PRIA-PUM possumus appellare» (И пришли они к Ваал-Фегору, идолу Моавитскому, которого мы называем также ПРИА-ПОМ). А Руфин говорит в комментарии на то же место: «Beel-Phegor figuram Priapi dixerunt tenere» (Говорят, что Ваал-Фегор и форму имел ту же, что Приап. – Прим. пер.).

Balaam hariolus a Domino mittitur ut decipiat Balac filium Beor. *In Ezechielem*, IV, xiv. Migne. *Patres Latini*, XXV, col. 118 (Послан был предсказатель будущего Валаам, дабы обмануть Валака, сына Веорова).

Balaam fuisse prophetam non Dei, sed diaboli constat... Fuit ipse magus, et daemonis alloquium quaerebat, eumque consulere.

В русском переводе Ветхого Завета – «женщина-волшебница», в Вульгате – «женщина, имеющая духа-фамилиара». – Прим. пер.

Слово это обычно используется в словосочетании *yidde onim* (от *yada* – знать), видимо, по смыслу они идентичны. Но Смит в *Journ. Phil*, XIV, p. 127, проводит следующее различие: *Yidde 'oni* – дух-фамилиар, известный тому, кто его призывает; *'obh* – любой дух, который может быть пробужден с помощью заклинания и принужден отвечать на вопросы.

Divination, et la science des presages, Paris, 1875, p. 161.

History of the People of Israel, 3 vol, London, 1888 – 1891, I, p. 347.

Овидий. *Метаморфозы*, IV, 412 – 413 о летучих мышах: Conataeque loqui, minimam pro corpore uocem, Emittunt: peraguntque leues stridore querelas.

Перевод А. Радловой. (Прим. пер.)

Иосиф утверждает, что сам Самуил объяснил ведьме, что перед ней царь.

Migne. *Patres Graeci*, LXXXIX, col. 589.

Plerique putant Saulem signum accepisse de terra et de profundo infer-ni quando Samuelem per incantationes et artes magicas uisus est suscitasse. Migne. *Patres Latini*, XXIV, col. 106.

...inspirantur diabolico spiritu. Has autem dicunt Hebraei meleficis art-ibus eruditas per necromantias et pythicum spiritum qualis fuit illa quae uisa est suscitare animam Samuelis. Migne. Patres Latini, XXV, col. 114.

Migne. Patres Graeci, XLV, col. 107 – 114.

Δαίμονες γὰρ ἦσαν ὉΛ κατασηματίζουτεζ ἑαυρους εἰς τὸ τοῦ Σαμουήλ πρόσωπον.
Migne. Patres Graeci, XXX, col. 497.

Et credo quia [spiritus immundi] mendacio possunt; nec enim pythonico tunc spiritui minus liciut animam Samuelis effingere (De Anima, LVII). Migne. Patres Latini, II, col.749.

Αλλα γέγραπται, ότι ἐγντπ ^αουλ οτι ^λμουήλ ἐστι.

Επει ου δύναται ψευδέσθαι ή Γραφή. Τα δε ρήματα τής Γραφής εςTM. Καϑ ειδεν ή γυνή τον Σαμονήλ (In librum Regum, Homilia II). Migne. Patres Graeci, XII, col. 1013.

καὶ ὅτι μενουσιν αἱ ψυχαι, ἀπέδειξα ὅτι ἐκ τοῦ καὶ τὴν Σαμουήλ ψυχὴν κληθῆαι ὑπο-
τῆς ἐγγαδριμυθοῦ ὡς ἡξίωσιν ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ (In I. Regum, XXVIII). Migne. Patres Graeci, XII.

Samuel post mortem, secundum Scripturae Testimonium futura non tacuit. I. Regum, XXVIII, 17 (In Lucam, I, 33). Migne. Patres Latini, XV, col. 1547.

Imago Samuelis mortui Saul regi uera praenuntiauit. Migne. Patres Latini, XXXIV, col. 52. И De Cura, XL, col. 606.

Nam Samuel propheta defunctus uiuo Sauli etiam regi futura praedixit.

Словами Самуила (1 Цар. 15:23) «Ибо непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство». Ересь и непокорность (т.е. склонность к мятежу) в основе своей едины.

Schrader. Die Keilenscheiften und das alte Testament, Giessen, 1883.

...raconta ses raptés d'enfants, ses hideuses tactiques, ses stimulations infernales, ses meurtres impetueux, ses implacables viols; obsede par la vision des ses victimes, il decrivit leurs agonies ralenties ou hatees, leurs appels et leurs rales; il avoua s'etre vautre dans les elastiques tiedeurs des intestines; il confessa qu'il avait arrache des coeurs par des plaies elargies, ouvertes, telles que des fruits murs. La-Bas, J. K. Huysmans, p. xviii.

De Magia, XLVII.

Sven Nilsson, the Primitive Inhabitants of Scandinavia, 1868, p. 241.

Настоящее название *Κατὰ πᾶσιν ἀφ' ἑσέων ἐλεγχος*, «Опровержение всех ересей». Первая книга этого труда давно известна; книги с IV по X открыты сравнительно недавно, впервые опубликованы в Оксфорде в 1851 году Миллером под именем Оригена. Затем изданы Данкером и Шнейдвином как работа Ипполита, восемь лет спустя, в Геттингене в 1859 году. Первые главы четвертой книги и все второй и третьей книг до сих пор не найдены.

Слову «hariolus», переведенному на русский как прозорливец, соответствует в английском переводе prudent (предусмотрительный, осторожный). – Прим. пер.

Феокрыт. II. 121. Κρατὶ δ' ἔχον λεῦκαν Ἡρακλεος λερον ἔρνος. Вергилий. Эклога VIII, 61: Populus Alcidae gratissima. Энеида. VIII, 276: Hercules bicolor quem populus umbra...

Плиний (Естественная история, XV, 86) пишет, что кидались грецкими орехами, и из его текста следует, что они использовались как на днях рождения, так и на свадьбах. Но ранее, безусловно, использовались также и каштаны. Со временем значение ритуала было забыто, и орехи стали употребляться в различных играх.

Пьеса была поставлена в 1520 году и называлась тогда «*Messer Nicia*». Первое ее издание было отпечатано во Флоренции около 1524 года под заголовком «*Комедия о Каллимахе и Лукреции*», но в Прологе окончательно указывается имя *La Mandragorla*, которое вошло во все издания. Эта история позднее была использована Лафонтеном. Сама пьеса (которая до сих пор ставится в Италии, а в Москве еще недавно ставилась в Театре на Юго-Западе. – Прим. пер.) по крайней мере шесть раз переводилась на французский и пять раз на немецкий языки.

De Legibus Hebraeorum ritualibus earumque rationibus, 2 тома, Tubingae, 1732.

Не позже 200 года. Книга была хорошо известна Коммодиану, писавшему около 250 года.

Таково, разумеется, мнение Отцов и более поздних богословов (например, Альфреда Эдерсхейма, Делица, преп. Уолтера Скотта).

Его книга называется «*Acta pro ueritate Marturii corporis, et cultus publici B. Andreae Rinnensis*», Инсбрук, 1745. Блаж. Андрей, мальчик, был убит в Ринне (Тироль) 12 июля 1462 года. Систематическое исследование, безусловно, позволило бы удвоить количество убийств, описанных Кембтером, и известно еще 15 таких случаев для XVIII и 39 для XIX веков. В 1913 году Мендель Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве русского мальчика Андрюши Ющинского.

Вампирам Монтегю Саммерс посвятил отдельное исследование, которое также выходит в свет в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС». – Прим. пер

Левит 17:14.

E. de Rouge. *Etude sur une stele Egyptienne*, Paris, 1858. E. A. W. Budge. *Egyptian Magic*, VII.

Рех Хет, знающий о вещах.

Еврипид. *Вакханки*; Овидий. *Метаморфозы*, III, 513. Аполлодор, III, т. 2; Гигин. *Fabulae*, 184; Нонн. *Dionysiaca*, XIV, 46.

Софокл. *Аякс*. Пиндар. *Немея*, VII, 25; Овидий. *Метаморфозы*, XIII, 1-398.

Павсаний, III, xvi, 6.

Валерий Максим, I, 11, 5. Лациний – выступ на восточном берегу Бруттиума, в нескольких милях к югу от Кротона. Он образует западную оконечность Тарентийского залива. Остатки храма Юноны Лацинии существуют до сих пор и дали современное имя мысу *Capo delle Colonne* или *Capo di Nao* (vaog).

Перевод Н. Гнедича.

Ксенофон. *Memorabilia*, II, i.5; Демосфен, XCIII, 24; Динарх, CI, 41; Плутарх.
Лукулл, IV

Еврипид. *Орест*, I, 854, I, 79.

Вергилий. *Энеида*, IV, 471-3.

Agamemnonius scaenis agitatus Orestes Armata facibus matrem et serpentibus atris
Cum fugit, ultricesque sedent in limine Dirae. (Орест бежит от тела убитой царицы, а на пороге его уже поджидают у ворот сестры-эринии, мстительницы.)

Плавт. *Амфитрион*, II, 2, 145. Nam haec quidem edepol lauarum ple-nast.

Quid esset illi morbi, dixeras? Narra, senex. Num laruatus, aut cerritus? Fac sciam.

Два Менехма, V, 1, 2. Апулей говорит о *laruans*, сумасшедшем. Hunc [pulcherrimam Mercurii imaginem] denique qui laruam putat, ipse est laruans. Слово *Cerritus* достаточно редкое. Оно происходит от *cerebritus* и не связано с *Cerres*, как полагали ранее. Также Гораций. *Sermonum*, II, iii, 278.

Мифологическая библиотека, III, v, 1.

C. 471.

56, Nauck.

490

185 – 135 гг. до Р. Х.

Профессор Лейба в «*Психологии религиозного мистицизма*», London, 1925, с. 11. сообщает весьма интересные вещи о культе Диониса.

Пифагор прописывал музыку при нарушениях психики, Евнапий в «*Жизни фило-софов*», 67, и Целий Аврелиан в своих примечаниях трактата «*De Morbis Chronicis*», VI, показывают, что это средство было одним из самых распространенных. Ориген, «*Против Цельса*», III, и Марциан Капелла в «*De Nuptiis Philologiae et Mercurii*», IX, 925, говорят о том же.

1 Цар. xvi, 14. «Exagitabat eum spiritus nequam a Domino».

Иудейские древности. VI, viii, 2; ii, 2.

Рибе в труде «*La Mystique Divine*», II, ix, 4, действительно говорит о «l'obsession interieure» (не говоря уже о толковании этих терминов в русских словарях. – Прим. пер.), но и он разделяет эти понятия, далее у него сказано: «L'obsession purement interieure ne differe des tentations ordi-naires que par la vehemence et la duree».

Multae sunt tentationes eius, et die noctuque uariae daemonum insidi-ae... Quoties illi nudae mulieres cubanti, quoties esurienti largissimae apparuere dapes? *Uita S. Hilarionis*, VII, Migne, том XXIII, col. 32.

Sustinebat miser diabolus uel mulieris formam noctu induere, feminaeque gestus imitari, Antonium ut deciperet. S. Athanasius. *Uita S. Antonii*, V, Migne, tom XXVI, col. 847.

Память (duplex maius apud Minores) 22 февраля.

Возможно, уместным будет отметить, что до своего обращения св. Маргарита вела весьма скандальную жизнь, о чем не преминули упомянуть многие ее биографы.

Sectando per cellam orantis et flentis, cantauit diabolus turpissimas can-tationes, et Christi famulam lacrymantem et se Domino commendantem pro-caciter inuocabat ad cantum...; tentantem precibus et lacrymis repulit ac eiecit. Болландисты. 22 февраля. Т. VI.

Ceterum consilium est semper de talibus inuasionibus suspicionem habere, non enim negandum maiorem earum partem esse aut fictiones, aut imaginationes, aut infirmitates, praesertim in mulieribus. *Praxis confessoriorum*, n. 120.

Saepissime, que putantur daemonis obsessiones, non sunt nisi morbi naturales, aut Naturales imaginationes, uel etiam inchoata aut perfecta amentia. Quare caute omnino procedendum, usquedum per specialissima signa de obsessione constet. *Theologia mystica*, I, n. 228.

Biblisches Realwörterbuch, Leipzig, 1833.

Этот прорицательный дух больше не упоминается в Новом Завете, в Ветхом Завете. Это выражение относится к лгунам пророкам или практикующим магические искусства, запрещенные законом Моисея. Так, нечто подобное можно прочесть про Аэндорскую волшебницу (1 Цар. 28.8) и у Иезекииля (13.6).

Ordinandi, filii charissimi, in officium Exorcistarum, debitis noscere quid suscipitis. Exorcistam etenim oportet abiicere daemones; et dicere populo, ut, qui non communicat, det locum; et aquam in ministerio fundere. Accipitis itaque potestatem imponendi manum super energumenos, et per impositionem manu-um uestrarum, gratia spiritus sancti, et uerbis exorcismi pelluntur spiritus immundi a corporibus obsessis. Studete igitur, ut, sicut a corporibus aliorum daemones expellitis, ita a mentibus, et corporibus uestris omnem immunditiam, et nequitiam eiiciatis; ne illis succumbatis, quos ab aliis, uestro ministerio, effu-gatis. Discite per officium uestrum uitiis imperare; ne in moribus uestris aliquid sui iuris inimicus ualeat uindicare. Tunc etenim recte in aliis daemonibus imper-abitis, cum prius in uobis eorum multimodam nequitiam superatis. Quod nobis Dominus agere concedat per Spiritum suum sanctum.

Accipite, et commendate memoriae, et habete potestatem imponendi manus super energumenos, siue baptizatos, siue catechumenos.

Deum Patrem omnipotentem, fratres charissimi, supplices deprecamur, ut hos famulos suos bene † dicere dignetur in officium Exorcistarum; ut sint spirituales imperatores, ad abiiciendos daemones de corporibus obsessis, cum omni nequitia eorum multiformi. Per unigenitum Filium suum Dominum nostrum Iesum Christum, qui cum eo uiuit et regnat in unitate Spiritus sancti Deus, per omnia saecula saeculorum. R. Amen.

Domine Sancti, Pater omnipotens, aeterne Deus, bene † dicere dignare hos famulos tuos in officium Exorcistarum; ut per impositionem manuum, et oris officium, potestatem, et imperium habeant spiritus immundos coercendi: ut probabiles sint medici Ecclesiae tuae, gratia curationum uirtuteque coelesti confirmati. Per Dominum nostrum Iesum Christum Filium tuum, qui tecum uiuit, et regnat in unitate Spiritus sancti Deus, per omnia saecula saeculorum. R. Amen. *Post haec, suggerente Archidiacono, redeunt ad loca sua.*

Сульпиций Север (420 – 425) повествует в своих «Диалогах» (III, 6), что св. Мартин Турский мог изгонять демонов одной лишь молитвой без наложения рук или использования формулы, рекомендованной клиру. Об этом можно прочитать и в ряде Житий Святых.

Перевод сделан с «*Римского ритуала*». Существует несколько его форм, некоторые авторизованные, большинство нет. Одна из наиболее известных содержится в греческом «*Евлогионе*». Она начинается с Трисагиона, затем идут псалмы, *Господи, услышь молитву мою* (142), *Господь, пастырь мой* (22), *Господь, свет мой* (26), *Да восстанет Бог* (67), *Помилуй мя, Боже* (56), *Господи! Не в ярости твоей* (6), *Господи! Услышь молитву мою* (101). Затем следует Утешительный канон с длинным гимном Господу Нашему, Деве Марии и Всем Святым. Далее священник совершает помазание пациента, говорит над ним молитву, и на этот ритуал заканчивается.

Далее при переводе «Ритуала» используется местами статья «Экзорцизм» из «*Энциклопедии колдовства и демонологии*» Рассела Роббинса.

Текст приводится также в «*Horae Diurnae*», Rome, 1903.

Ab insidiis diaboli, libera nos, Domine; Ut Ecclesiam tuam secure tibi facias libertate
seruire, te rogamus, audi nos; Ut inimicos sanctae Ecclesiae humiliare digneris, te rogamus,
audi nos. *Et aspergatur locus aqua benedicta.*

Святая вода – самый распространенный из атрибутов католических церемоний, состоит из освященной соли и освященной воды.

Восточного происхождения. Надо помнить, что Крещение Христа в водах Иорданских вспоминается на Богоявление. В современном Служебном Бrevиарии под первым Ноктурном первая молитва дня на Октаву и воскресенье Октавы имеет отношение к Крещению так же, как и вторая. Антифон на *Benedictus* и антифон *Magnificat* на второй вечере также упоминают об этой мистерии. В Риме ритуал освящения вод латинского образца проводится кардиналом в Сант-Андреа делла Валле 5 января, в 3.30 дня; в церкви Стигматов святого Франциска в 9.30 утра на сам праздник. На канун православный обряд проводится в греческой церкви св. Афанасия, начало в 3.30.

См. книгу Вильсона «*Западная Африка*», статью Ваффелаэрта «*Possession diabolique в Dictionnaire apologetique de la foi catholique*», Paris, 1889. Мнение цистерцианца Дом Роберта де ла Траппа, признающего реальность случаев одержимости, описанных в Новом Завете, но считающего все остальные производными от болезней или обмана, достойно сурового осуждения, как опрометчивое и даже не соответствующее канонам. *Essai sur la theologie morale*, IV, с. 356.

Св. Юстин Мученик. *Апология*, VI, *Диалоги*, XXX, LXXXV; Минуций Феликс. *Октавий*, XXVII. Ориген. *Против Цельса*, I, 25; VII, 4, 67; Тертуллиан. *Апология*, XXII, XXIII.

Павлин. *Uita Ambrosii*, 28, 43.

Св. Григорий Нисский. «*О жизни Ефрема*».

Комментарий на этот пассаж Сервация Галла (1627 – 1709), голландского проповедника из Хаарлема, в издании Лактаниция 1660 года – самый абсурдный из всех мне известных.

Опубликована между 303 и 313 годами. De Labriolle. «*Histoire de la Litterature Latine Chretienne*», с. 272.

На эту тему существует отличная монография: Дом Бернар-Мари Марше. «*La Realite des Apparitions Demonique*», Париж, 1899.

Вообще-то св. Мавр единожды лицезрел сии видения вместе со св. Бенедиктом, и однажды св. Бенедикт позволил видеть нечто подобное еще одному монаху.

Одна из интереснейших фресок Содомы в Монте Орвьето (Сиена) изображает св. Бенедикта, производящего экзорцизм.

Этот текст был переведен на английский братом Бенедиктом Мак-Лафлином из Амплфорта таким образом: Святый Крест будет Светом Моим, Заставит бежать лукавого, Быстро беги, Сатана, Не нашептывай мне на ухо, Нет у тебя ничего, кроме Зла, Так оставь Его себе. Аминь.

Все английские бенедиктинцы имеют особую прерогативу использовать сию медаль (дарована 23 февраля 1915 года), это право было также даровано многим другим гражданским и церковным лицам.

Omnis virtus aduersarii, omnis exercitus diaboli, et omnis incursus, omnis phantasma Satanae, eradicare et effugare ab his numismatibus...

Domine Iesu Christe... per hanc tuam sanctissimam passionem humiliter exoro; ut omnes diabolicas insidias et fraudes expellas ab eo, qui nomen sanctum tuum, his litteris ac characteribus a te designatis, deuote inuocauerit, et eum ad salutis portum perducere digneris. Qui uiuis et regnas...

В «Римском ритуале» содержится *Benedictio Infirmorum cum Ligno SS. Crucis, D.N.J.C. seu Signum S. Mauri Abbatis*. Больные благословлялись Святым Крестом и молитвенной формулой св. Бенедикта и св. Мавра.

Житие св. Мавра написано его другом, монахом Фаустом из Монте-Кассино. Пер Делае в своей работе, имевшей несчастливую судьбу и весьма безрассудной, «*Legendes Hagiographiques*» (перевод 1907, Лондон) подвергает это *Житие* нападкам и в целом малоуважительно относится к св. Мавру.

Блаженный Виктор III. *Диалоги*, I, 2.

Abbe Lebeuf. «*Histoire du diocese de Paris*», V, 129 и далее.

Его портреты сохранились в Риме и Вальядолиде.

Считавший, что ведьмы действуют очень активно. Одну из них он послал на виселицу, другую в тюрьму.

Работа самого Даррела, хотя в одном из каталогов она почему то приписывается Джеймсу Бэмфорду.

Даррел в книге *«Опровержение греховных, позорных, лживых и достойных осмеяния выпадов Самуэля Харснета»* (1600) пишет: «Нет сомнений в том, что за инициалами С. Х. скрывается Самуэль Харснет, капеллан лондонского епископа, но неясно, один ли он или они вместе несут ответственность за эту противоречивую книгу. Некоторые думают, что книгу написал сам епископ, другие считают, что это их совместная работа».

10 января 1629 года он был введен в Тайный совет.

Оттуда Шекспир позаимствовал имена для злых духов, которых упоминает Эдгар в «*Короле Лире*».

Не думаю, что многие или хотя бы некоторые англиканские епископы в наше время санкционируют экзорцизм. Разумеется, эти рационалистично настроенные модернисты, духовные лидеры английской нации давно избавились от подобных вредных суеверий. Не представляю, как они объясняют слова Господа и деяния Его, но, вероятно, по их просвещенному мнению, Христос – *sit uenia uerbis* – здесь, как и в ряде других случаев, просто заблуждался.

Следует отметить, что учения таких протестантских лидеров, как Гаспар фон Швенкфельд (1489(90) – 1561), свидетельствуют о личном пиетизме и высокой духовности. Критическое издание его работ вышло под редакцией Хартранфта, Шлюттера и Джонсона: «*Corpus Schwenckfeldianorum*», I, Leipzig, 1907.

«*Correspondence*» Паркера, Cambridge, 1856, с. 465 – 466.

Изрыгая булавки и соломинки, они заставили многих поверить, что на них навели порчу, но скоро их трюки были раскрыты, и их присудили к публичному покаянию у Св. Павла. Известен памфлет *«Раскрытие одержимости демонами двух девушек, оказавшейся поддельной, в лондонском Сити»* [1574], где описываются обстоятельства этого дела. См. также Холинshed. *«Хроники»*, Лондон, 1808, IV, 325, и *«Анналы»* Слоу, Лондон, 1631, с. 678. Из того, что они вводили публику в заблуждение, еще не следует, что они не были больны.

«Сообщение о печальном случае с Мэри Гловер... В защиту истины против D.J. и его скандальных опровержений». Рукопись хранится в Британском музее. Синклер в труде «Раскрытие невидимого мира сатанинского», Эдинбург, 1685, цитирует дело Мэри Гловер по труду Льюиса Хьюза «*Certain Grievances*» (1641 – 1642); также и Бартон в книге «Царство тьмы», и Хатчинсон в «Историческом эссе о ведовстве» неправильно датируют это дело 1642 годом.

В 1720 году вышло расширенное издание.

Книга называется «*Мир иной*», Лондон, 1875, I, с. 59 – 69. Инцидент описывается Фортескью Хитчинсом в «Истории Корнуолла», Хелстон, 1824, II, с. 548 – 551; и также подробнее преп. Хокером в труде «*Свидетельства о людях бывшего в отдаленном Корнуолле*», Лондон, 1870.

Шестью милями севернее св. Колумбины и тремя милями южнее Пэдстоу.

Полный и документированный отчет об этих странных происшествиях сохранился в книге *«Люцифер, или Подлинная история знаменитого случая демонической одержимости в Эльзасе»*, Лондон, 1922, одобренной епископом Брентвудским. Составлена на основании подлинных документов аббатом Полом Суттером.

Jesus... comminatus est spiritui immundo, dicens illi: Surde et mute spiritus, Ego praecipio tibi, exi ab eo: et amplius ne introcas in eum. Матк 9.25.

1726 – 1755. Этот великий святой почитался тогда как преподобный. Впоследствии он был провозглашен блаженным при Льве XIII в 1893 году 29 января и канонизирован Пием 11 декабря 1903 года. Память отмечается 16 октября.

Петер Пауль Штумпф стал епископом Страсбурга после Расса (1887 – 1890).

Une Possedee Contemporaine (1834 – 1914). *Helene Poirier de Coullons* (Loiret). Paris, 1924. Обширное исследование, подробно документированное, на 517 страницах, издано ле Шанон Шамполом из Орлеанского диоцеза.

A partir de cette époque, la vie d'Helene s'écoulera au milieu de souffrances physiques et morales si grandes, que dans sa bouche les plaintes de Job ne seraient point déplacées.

Мид в связи с этим отмечает, что в секте «шэйкеров» подобные явления отмечались много ранее, вероятно, под влиянием духов, пришедших от североамериканских демонов.

Ses souffrances physiques et morales, commencees le 25 mars, 1850, se poursuivirent jusqu'a sa mort, 8 janvier, 1914, soit pendant soixante-quatre ans. Toutefois les vexations diaboliques cesserent vers la fin de 1897. Cos vexations durerent donc pres de quarante-sept annees, dont six de possession.

Du 25 mars, 1850, au courant de mars, 1868, Helene fut seulement obsedee. Cette obsession dura donc 18 annees. Au bout de ce temps et pendant 13 mois elle fut obsedee et possedee tout ensemble.

De l'obsession et de la possession elle fut completement delivree par les exorcismes officiels, a Orleans, le 19 avril, 1869.

Suiverent quatre mois de tranquillite, jusqu'au recommencement volontaire et genereux de ses peines.

A la fin d'aout, 1869, elle accepta de la main de Notre Seigneur les tourments d'une nouvelle obsession et possession afin d'obtenir la conversion du celebre general Ducrot. La conversion obtenue, elle fut delivree a Lourdes le 3 septembre, 1875, par les prieres des 15.000 pelerins qui s'y trouvaient reunis. Obsession et possession renouvelees avaient dure cinq ans.

Plus jamais, pendant les quarante ans qu'elle avait encore a vivre, elle ne fut possedee; mais elle continua a etre obsedee tantot plus, tantot moins. Les souffrances de toutes sortes, qu'elle endura alors, eurent pour but d'obtenir le salut et le triophe du clerge.

Quant aux raisons et au but des premieres persecutions diaboliques qu'elle subit pendant dix-neuf ans et dont elle fut delivree par les exorcismes officiels, ils sont restes inconnus. *Une Possedee Contemporaine* (1834 – 1914), c. 171 – 172

Часть сутаны этого, безусловно, святого понтифика была доставлена Елене и во время одного из ее приступов и помещена ей на лоб. При этом она воскликнула: «Папа – святой, воистину великий святой!»

Pour y etre admis, il faut apporter une ou plusieurs hosties consacrees, les remettre au demon qui, sous forme corporelle ou visible, preside l'assam-blee. Il faut les profaner d'une maniere horrible, adorer le demon lui-meme et commettre avec lui et les autres societaires les actes d'impudicite les plus revoltants. Trois villes: Paris, Rome, et Tours sont les sieges de cette societe infernale.

La seconde possession fut plus terrible que la première. 1. Par la durée; la première fut de treize mois, la seconde de cinq ans. 2. La première fut adoucie par de nombreuses consolations surnaturelles; la seconde très peu. 3. Les dévices abonderent dans la première; dans la seconde les avanies morales l'emportèrent de beaucoup sur les avanies physiques. *Une Possédée Contemporaine* (1834 – 1914), c. 405.

Имеется в виду Первая мировая война (прим. пер.)

Henry Hugunin. *Spirit Possession*.

Издано в 1920 году Хантли Картером.

Его книга *«От нерелигии к религии»* открывается следующими словами: «Мне кажется, что распространение спиритуализма может быть следствием возрастания известных нам физических фактов». Подобную фразу мог написать лишь человек, совершенно некомпетентный в мистической теологии и в области истории христианства.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, c. 258.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, c. 269.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, c. 270 – 271.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, c. 245.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, c. 206.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, c. 206 – 207.

Spiritualism. Its Present-Day Meaning, с. 205. Эти слова принадлежат отцу Бернару Вайану.

«Семнадцать основных фактов о спиритуализме», «*Light*», 21 февраля 1925. Здесь мы находим подтверждение тому, о чем говорилось выше: «Современные спиритуалисты не более чем пережиток феноменов, отлично известных в давние времена». Действительно, сходные феномены имели место, например, в доме Самуэля Велли, в Эпворте, Линкольншир, в 1716 году и привлекли всеобщее внимание. Стуки в доме Парсонсов, Кок Лэйн, были признаны фальшивкой, но, насколько мне известно, тот случай не подвергался серьезному изучению.

Она приняла участие в сеансе 1860 года, но, по-видимому, это был единственный случай.

«*WashingtonDaily Star*», 7 марта 1893, см. также книгу «*The Medium and the Daybreak*», 7 апреля 1893 года.

В образовательных примерах некоторых учителей спиритизма история сестер Фокс живописуется в самых ярких тонах, однако до определенного момента ничего почти не говорится об их последующем падении.

Он умер в Бедфорде 5 сентября 1892 года. Он контролировал дух императора, который утверждал, что ранее принадлежал пророку Малахии. Его насыщенная подробностями биография в книге Артура Лилли «*Современные мистики и современная магия*», Лондон, 1894.

О миссис Бассетт см. «*The Medium*», 11 апреля и 18 апреля, 1873, с. 174, 182. О мисс Шоуэрс см. «*The Medium*» 8 мая и 22 мая, с. 294, 326.

«*The Medium and the Daybreak*», 15 ноября 1878, с. 730.

L'Eclair, 6 апреля 1909.

Др. Грассе. «*L'Occultisme*», с. 56, 424.

Proces des Spirites, Paris, 1875.

«*La Revue Spirite*» и «*L'Echo du Mentalisme*», ноябрь 1908.

Который считает, что спиритические практики дозволены Священным Писанием и что многие пророки, да что там, сам Господь, принадлежали к числу медиумов, чем и следует объяснять их способности.

«*Light*», Суббота, 21 февраля, 1925, с. 89.

Организованного в 1882 году для научного исследования «малоизученных феноменов».

См., например, репортаж от 11 мая 1922 года, опубликованный в издании «*The Magic Circle*».

«*The Goligher Circle*», май – август 1921. Эксперименты Фурнье д'Альбэ. Лондон, 1922.

Лофтус Хейр. «*The Classification of Psychic Phenomena*». См. «The Occult Review», июль 1924, с. 38.

Видимо, настоящее ее имя Марта Боро. Профессор Рише подтверждает, что в 1905 году при его экспериментах с нею в Вилла Кармен удалось добиться материализации.

Которая, как уже отмечалось, специализируется на автоматическом письме и Ouija-Board.

Он написал, в частности, работу под названием «*Новое Откровение*» и сделал компиляцию «*The Spiritualists' Reader*» (Коллекция посланий от духов, почерпнутая из многих источников и специально подготовленная для Кратких чтений).

Во всех документах подчеркивалось различие между научными экспериментами и суеверными злоупотреблениями.

Флоралия, самый буйный из римских праздников, начинался на четвертый день до майских календ, и в ходе этих праздников зрители требовали, чтобы мимы играли обнаженными, «agebantur [Floralia] a meretri-cibus ueste exutis omni cum uerborum licentia, motuumque obscaenitate», говорится в комментарии на Марциала I, 1; «Lasciui Floralia laeta theatri», как именует их Авсоний, «*De Feriis Romanis*», 25; Лактанций. «*De Institutionibus Diuinis*», I, 20, пишет: «Celebrantur ergo illi ludi cum omni lasciui-a, conuenientes memoriae meretricis. Nam praeter uerborum licenti-am, quibus obscaenitas omnis effunditur; exuuntur etiam uestibus populo flagi-tante meretrices; quae tunc mimorum funguntur officio; et in conspectu populi usque ad satietatem impudicorum luminum cum pudendis motibus detinen-tur». И св. Августин и Арнобий порицали непристойность этих танцев. В Сене во время праздника дураков, когда не существовало запретов, мужчины участвовали в процессиях обнаженными. Вартон в «*Истории английской поэзии*», 4 тома, 1871, II, 223, полагает, что в мистерийных пьесах «Адам и Ева изображались на сцене обнаженными и обсуждающими свою обнаженность; что было вполне уместным введением для следующей сцены, когда они выступали уже в фиговых листьях». В указаниях к постановке честерских пьес мы читаем: «Statim nudi sunt... Tunc Adam et Eua cooperiant genitalia sua cum foliis». Чэмберс в книге «*The Mediaeval Stage*» (Средневековая сцена), II, 143, сомневается в том, что актеры действительно выступали обнаженными, и предполагает, что они были одеты в облегающие костюмы из белой кожи. Мне кажется, однако, что прав Вартон.

Фалес был весьма древним божеством, весьма схожим с Приапом и тесно связанным с вакхическими мистериями. Рефрен заимствован из «Ахарнянок», 263 – 265.

См. серии портретов персонажей, выполненных Калло. «*I Balli di Sfessanio*».

Его не следует путать с печатником Фустом, что одно время часто делалось.

В пьесе Марло Фауст приветствует «немца Вальда и Корнелия». Кто такой Вальд (Valdes), не было до сих пор объяснено. Предположение доктора Хевлока Эллиса, что подразумевается Парацельс, кажется безусловно верным.

На английском языке напечатано в «*Голландской библиотеке*», 1924.

Международное театральное общество дало спектакль по подписке «*Мария из Ниммегена*» в театре Маскелин в воскресенье, 22 февраля 1925 года. Но эта пьеса, изображающая сцены из жизни бюргеров, наполненные народом улицы, рыночную площадь, подразумевает большую сцену и достаточное финансирование, чего в данном случае не было

Значение слова «fairies» раскрывается в трактате Д.Р.Р. Толкина «*О волшебных сказках*». Прим. пер.

Которую Апулей в «*Метаморфозах*», I, именует *saga et diuina*.

«*Макбет*» подвергался переделкам с самого начала своей театральной жизни. После того как Реставрация дала возможность возродить пьесу, сценам с ведьмами немедля стало придаваться важное значение. 7 ноября 1667 года Пепис писал, что остался очень доволен «дивертисментом, хотя здесь имеешь дело с глубокой трагедией».

«*Эдмонтонская ведьма*» была эксгумирована под моим руководством для двух представлений Лирического театра в Хаммерсмите, 24 и 26 апреля 1921 года. Сивилла Торндайк играла ведьму, Рассел Торндайк – фамилиара, Ян Свинли Фрэнка – Торни, Эдит Эванс – Энн Ратклифф и Фрэнк Кокрейн – Кадди Бэнкса.

Согласно «*Stationer's Register*», 28 октября 1634 года состоялась премьера.

В ходе знаменитого процесса над ведьмами, проходившего в Шотландии в 1661 году, Джонет Ватсон из Далкейта призналась, что «диавол являлся ей в обличии прелестного паренька в зеленых одеждах».

Книга III, «*De Magis et Maleficis Finnorum*».

В полемической поэме «МакФлекно». Подзаголовок – «Сатира на подлинного протестантского поэта». – Прим.пер.

Тейга сыграл Энтони Ли, самый знаменитый комедиант той эпохи и близкий друг Шедвелла.

Интересно, что Халливелл в «*Поэзии о ведовстве*», репринте пьес Хейвуда и Шедвелла (отпечатано 80 копий), 1853, не стал выделять курсивом часть пьесы, а дал везде одинаковый шрифт, существенно понизив качество своего издания.

Лицензия на постановку выдана 2 ноября 1672 года, опубликована в 1673 году.

Впоследствии речитатив Исмерона «*Дважды 10 сотен божеств*» был использован Перселлом.

Пера Драйдена. Он написал первую сцену первого акта, целиком четвертый акт, больше половины пятого акта, остальное, соответственно, написал Ли.

Полный анализ и критика этой пьесы дается в моей статье о Зороастре в «*Modern Language Review*», XII, Jan. 1917.

Младший брат Пьера Корнеля.

Главную роль дамы Добсон сыграла миссис Кори, одна из ведущих комических актрис, которую столь уважал за ее чувство юмора Самуэль Пепис.

Миссис Бен обязана произведению Ширли *«Дама удовольствий»*, поставленному сэром Генри Хербертом 15 октября 1635 года, издание вышло в 1637 году. Следует признать, что она обыграла сюжетные ходы с большим остроумием, чем ее предшественник, чьи стихи сладкозвучны, но, видимо, слишком серьезны для употребления в конкретной сценической ситуации.

George Sinclar. *Satan' Invisible World Discovered*, 1685, репринт 1871.

«*Девичья месть*», поставлено в 1626, издано в 1639 году.

И еще вспомним Мопуса в «*Обманах*» Вильсона (постановка в 1662 году), Старгейза в «*Городской мадам*», Руси, Норбретта и их помощников в «*Ролло*», Яккелино в «*Некроманте*» Ариосто.

Сэр Адольф Вард в «*English Dramatic Literature*», 1899, II, 465, утверждает, что Лангбейн ошибочно посчитал источником этой пьесы «знаменитую новеллу Макиавелли о женитьбе Белфегора». Но вряд ли это умозаключение справедливо. Лангбейн писал: «Начало пьесы как будто бы имитирует новеллу Макиавелли о Бельфегоре: то место, где Плутон созывает демонов на совет».

Про Папу см. книги: «*Le Pape Alexandre VI et les Borgia*» Пьера Ольвье, Paris, 1870; «*Papa Alessandro VI secondo documenti e carteggi del tempo*» Леонетти, 3 тома, Bologna, 1880; «*Хроники дома Борджа*» Фредерика, барона Корво, 1901. Особенно большое значение и ценность принадлежат труду монсеньора де Ру «*Материалы для истории Папы Александра VI*» в 5 томах, Брюгге, 1924. (Также из работ, переведенных на русский язык, выделяется книга Ивана Клулы «*Борджиа*», Ростов-на-Дону, 1997. – Прим. пер.)

Кто убил герцога Гандийского, так и не было установлено.

Из этих пьес были напечатаны только песни, 1783.

Фосбрук пишет в книге «*British Monachism*», что в правление Генриха VI некая Изольда де Гетон обратилась к нему с просьбой, чтобы приняли ее затворницей в аббатство Волли. Но впоследствии она отказалась от затворничества и нарушила свои обеты, так что король аннулировал разрешение, выданное ей на пребывание в монастыре.

Описанные в ней события исторически верны. См. книгу Коттона Мэтера «*Чудеса незримого мира*». Кори, отказавшийся просить о помиловании, был послан на смерть.

Первое представление состоялось 10 октября 1910 года в Royalty, Глазго. Премьера в Лондоне, при дворе, 31 января 1911 года. Возобновлена также при дворе 29 октября 1913 года и шла около месяца, после чего была включена в последующий репертуар.